

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРОКСИЕ ЗОРН

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2017

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2017 — 2(47)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Он лихо носил корону короля поэтов (Литературный фон творчества Игоря Северянина)..... 3
К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА (ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОТАРЕВА, 1887—1941)

Игорь Северянин. Стихотворения..... 14
К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление..... 27
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве (поэма)..... 64

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес. Бородатые боги (киноповесть)..... 79
Яков Шафран. Россия (венки сонетов)..... 107

Игорь Карлов. Дважды Краснознаменная повесть имени Генерального секретаря ЦК КПСС,
президента СССР Горбачева М. С. (повесть)..... 114

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Виктор Еремин. Событие..... 149

Виталий Кузнецов. «Поцелуй» медведицы. Собачья смерть..... 151

Николай Макаров. Сказки о паровозике..... 157

Ольга Артемова, Наталья Артемова. Герои, которых мы знали..... 161

Олеся Янгол, Виталий Ковалев. Голубая лавочка с видом на закат
(Третья книга саги «Побережье наших грез»)..... 172

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин. Осенние плачи (цикл стихов)..... 179

Игорь Лукьянов. Новые стихотворения..... 190

Виктор Злобин. Мысли сего дня..... 196

Валерий Виноградов. Вечер..... 200

Владимир Сорочкин. Стихотворения..... 203

Сергей Редков. «До горизонта поле морем белым...»..... 207

Владимир Попович. Ночной романс..... 210

Быхтжан Канапьянов. Негатив доцифровой эпохи..... 212

Андрей Сутоцкий. Мир затонувших кораблей..... 216

Валерий Акимов. Нарзан..... 220

Николай Почтовалов. Високосный год..... 224

Геннадий Гоманчук. «Нет вкусней воды...»..... 227

Елизавета Баранова (Весина). Дворцовый век.....	229
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Евгений Новичихин. Гражданские струны Игоря Лукьянова.....	237
Вадимир Трусов. «По своему дышать...» (о новых именах в поэзии Русского Севера).....	239
Борис Рябухин. Явление тринитаризма.....	250
Валентина Гончарова. Евгений и Евгения.....	253
Геннадий Маркин. Если ты только для себя, то зачем ты? (Интервью с Эдуардом Георгиевским).....	259
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
(Материалы авторов и об авторах: Леонид Иванов, Николай Макаров, Яков Шафран, Людмила Авдеева, Валерий Савостьянов, Рагим Мусаев, Сергей Сенин, Владимир Сапожников, Олег Пантюхин и другие).....	263

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
 Правления Союза писателей России
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) —
 зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
 Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тулская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
 См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
 «Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адрес страницы журнала «Приокские зори» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

© «Приокские зори», 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ОН ЛИХО НОСИЛ КОРОНУ КОРОЛЯ ПОЭТОВ

(Литературный фон творчества Игоря Северянина)

*Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!*

Игорь Северянин «Бывают дни...»;
ночь под 1930 год

♦ Советская средняя школа являла собой уникальную комплексную систему образования и воспитания. В последней ипостаси прежде всего морально-нравственного, а уж потом шли заповеди «Морального кодекса строителя коммунизма», в чем не было ничего плохого — даже нынешние СМИ, в чем угодно ищущие соринку «совка», даже (это не юмор!) в постановке «Аиды» на советской оперной сцене, в этой части помалкивают по двум веским причинам: во-первых, общепризнанно, что «Моральный кодекс» суть другими словами, в современной терминологии, изложенные Христовы заповеди блаженств Нового Завета, а сейчас наши власти крепко задружились с православной церковью; во-вторых, уже во всемирном масштабе затверждено, что советская школа на то время стояла на порядок выше Запада — Востока (это по Гёте: «Западно — Восточный диван»...); даже американский президент <имя рек> это на заседании Конгресса признавал; а как им, нашим родимым СМИ, даже сейчас, во время противостояния России со всем западным миром, ослушаться *Самого* дяди Сэма и всея возлюбленной ими «цитадели демократии»? А вообще-то говоря, советскую школу довел до мыслимого совершенства Иосиф Виссарионович, объединив в ней старые классическую гимназию и реальное училище.

...Ну-у, преамбула это, что называется, к слову. А слово-то, кстати, библейски бывшее *вначале*, в том, что литературу в советской школе преподавали блестяще и емко, давая полезный для образования и воспитания уклон в классику: русскую, советскую и зарубежную — прежде всего европейскую. В отечественной литературе поэзия занимала достойное ей место. До сих пор в памяти «записан» почти весь «Евгений Онегин» — и даже от уроков немецкого языка «Лорелея» Гейне, понятно дело, на языке первоисточника...

Но вот с чем нам не повезло, так это с русскими поэтами Серебряного века! Все они *in summa* были печально знаменитой «комиссией Луначарского — Крупской» занесены в проскрипционные списки, изъяты из школьных программ и библиотек. Даже в крупных, ранга областных, их книги были переведены в книгохранилища, а «библиотечные карточки» на эти издания изъяты из общедоступных каталогов: алфавитных и тематических... И только с конца 50-х — начала 60-х годов, когда о списках наркома просвещения и жены и друга Ильича подзабыли, «серебряновековцев» стали скромно издавать, но преимущественно в составе знаменитой «Библиотеки поэта»

(большая и малая серии). И даже здесь для них полагалась самая нижняя «тиражная планка», то есть 10...15 тысяч экземпляров. Это сегодня такой тираж полагается умопомрачительным, но для сплошь читающей Советской страны — капли в море. Главное, купить их в магазине было невозможно: книжные коллекционеры и профи-перекупщики к прилавкам не подпускали, а в библиотеках мигом образовались годичные записи-очереди. Понятно дело, что архиепатажный Игорь Северянин был недосыгаем... в смысле возможности чтения его стихов. А «в голосе» его слышать стало возможным, когда фирма «Мелодия» выпустила первые грампластинки вернувшегося в СССР Вертинского: его поэзо-романсы на стихи Северянина: «Это было у моря, где лазурная пена...»

В определенном смысле мне повезло по части стихов нашего выдающегося «эго-и просто футуриста», носившего титул «короля поэтов» и прекрасного классика русской поэзии — после 1918-го года, когда он, его же словами говоря, повернулся к онегинской стопе. Начало знакомства с поэзией «серебряновековцев», Северянина в том числе, дала наша учительница литературы (таких сейчас нет!), имевшая в свои неполные сорок лет редкостное тогда звание Заслуженного учителя РСФСР, создательница замечательного школьного* драмтеатра, которая читала — наизусть — на уроках стихи Анненского, Бальмонта и, конечно, Северянина, даже не оговариваясь насчет «эго» и пр. «Вырастите, сами все оцените», — напутствовала она нас.

Второе знакомство, уже при чтении книг Северянина, произошло, когда в последние два года учебы в школе я по вечерам работал электриком в Доме офицеров флота (ДОФ) Полярного — «зарабатывал» двухгодичный трудовой стаж, дававший серьезные льготы при поступлении в вузы; не потому, что плохо учился, скорее наоборот, но на год нашего выпуска завершался первый эксперимент (сейчас начался второй, но уже по «американскому» образцу...), хрущевский, с 11-летним обучением. И в этот год мы, одиннадцатиклассники, и большие числом десятиклассники одновременно сдавали экзамены (ЕГЭ тогда даже постояльцам Кащенко после укола «серой» не снились) на аттестат зрелости. Соответственно, и конкурсы в вузы ожидалась двойными. Было о чем позаботиться «на всякий случай».

Гарнизонная, до 1960-го года флотская, библиотека Полярнинского ДЭКАФ'а**, как по старой памяти — Дом командиров флота — называли в городе тогдашний ДОФ, располагала солидным фондом как современных, так и староизданных книг — см. год основания Полярного, ранее — Александровска в честь императора Александра III. Мне, как незаменимому (адмиралов и каперангов в стенах ДЭКАФ'а много наблюдалось, но электрик в смену — один) сотруднику в/ч <такой-то>, ибо Дом офицеров по табели о рангах числился войсковой частью, вход в библиотеку являлся «беспешным». Так впервые в жизни довелось читать стихи Северянина по прижизненному изданию его поэз в выцветших от времени тоненьких брошюрах... «Она вошла в моторный лимузин, эскиза страсть в корректном кавалере...» — Все тогда прочитанное накрепко осело в памяти. Да его эпатажные, ранние стихи не запомнить невозможно.

...Третье «явление» Северянина пришло после переезда из арктического Заполярья в кондово-русскую Тулу. Во-первых, тамошняя «Буккнига» тех лет давала воз-

* Полярная средняя школа № 1 им. М. А. Погодина — уникальное явление для «владений» Краснознаменного Северного флота СССР, созданная в начале 1930-х годов, когда собственно и образовался Северный флот с главной базой в Полярном (основан в 1899 г.). Мы, ученики, не голословно называли ее «гимназией». Первый послевоенный директор школы Букин — автор слов гимна Северного флота «Прощайте, скалистые горы...»

** См. книгу: Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 299 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

возможность даже на студенческую стипендию и далее на зарплату молодого специалиста приобретать «за рупь — пятьдесят» до- и послереволюционные поэтические сборники с неперменным участием Северянина; во-вторых, вошедши в тульский «интеллигентский клуб», получил записи упомянутых выше «библиографических карточек», по которым получил возможность в читальном зале областной библиотеки читать книги Северянина из книгохранилища. Кстати, не я один: в этом самом зале разные люди — от студентов и преподавателей вузов до рабочих парней «от станка» и работниц швейной фабрики переписывали его стихи в толстенькие тетрадки... Было же время увлеченно читающей страны!

Уже совершенно неудивительно, когда сочинял свой первый роман «В канцелярии», вышедший на исходе нашей славной советской страны в Приокском книжном издательстве*, вспомнил о Северянине вот по какому случаю. Один из персонажей романа — учрежденческий поэт — по сюжету должен был разнообразить действие чтением своих «доморощенных» стихов. Сам я, то есть автор романа, стихов никогда не писал и — доселе — не помышляю об этом, поскольку хорошо еще в юношеские годы накрепко запомнил слова своего отца, моряка-североморца и стихийного философа, участника войны в Арктике, явно где-то им прочитанные: поэтами не становятся, ими — рождаются. Как же быть с самостоятельным учрежденческим поэтом? А-а, не боги горшки обжигают — и «выдал» на страницы книги несколько стихотворений «за того парня». Конечно, стихами они считаться не могут — это обрамленная в <приблизительную> рифму проза. Опять же не обошел Северянина, написав сонет.

*Кумир мой добрый — Игорь Северянин.
Его поэзы в памяти лежат.
Они скандалят, дразнят и... грустят.
Он — музы господин и полонянин.*

*Искусство покориw шестью томами
Напeтых небом, улицей поeз,
Из благ земных не сделал он протез,—
Бродя в стране поэзии ночами.*

*Здоровый русский дух в век катаклизмов
Под лозунгом эго- и футуристов
Он выплеснул, иронии дитя!*

*Ненужной стала маска Шантеклера.
«Стареющий поeт» с особым флером
Он написал, совсем уж не шутя.*

...Поскольку в рукописи того романа я, что называется, разохотился сочинять стихи «за того парня», даже венок сонетов «Вечноуходящему» вставил, то добрый мой редактор издательства <за седьмой рюмкой> порекомендовал ограничиться этим «венком» и еще парой сонетов: «Остальные не пропадут — в другой роман вставишь!» И, действительно, они по сюжету и тональности вписались в другой роман**, где главная героиня книги Лера читает прижизненное издание книги Северянина с

* Второе издание под названием «Видение на Патмосе» см. на сайте www.pz.tula.ru.

** Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также на сайте www.pz.tula.ru.

автографом, данным ее бабуле «Юной Виктории: победи жизнь!», что в тринадцать лет мимоходом, но разговаривала с королем поэтов на его выступлении в Политехническом музее. Рекомендую еще восьмикласснице Лере почаще перечитывать поэзы Северянина — Лотарева, как была подписана та книжка, бабушка, правда, оговаривалась: «Читай не вразброд, листая, а последовательно по годам. Тогда проследишь весь путь становления из великолепного стихотворного хулигана выдающегося русского поэта». И, чуть помедлив, добавляла: «К сожалению, не ставшего поэтом советским. А жаль».

К чему, собственно говоря, этот предшествующий «личный» монолог? — А к тому, что, во-первых, историческое время довольно сжато, не грех поделиться с читателем; во-вторых, мы ненавязчиво, опосредованно уже очертили особенности восприятия самобытной, очень своеобразной поэтической музыки Северянина как его современниками, так и людьми сегодняшними, что шагнули в зрелом творческом возрасте от реалий советского времени к нынешнему нашему бытию... будь не к ночи оно помянуто. Но — ближе к теме!

♦ Выдающийся советский ученый-историк, фактический создатель науки этногенеза, наконец, сын двух таких значимых поэтов Серебряного века, как Николай Гумилев и Анна Ахматова, а потому и сам (генетически) не лишенный поэтического дара, Лев Николаевич Гумилев писал (1942 г.):

*Вверху луна бежит неудержимо,
Внизу бежит подземная вода.
Уходят вдаль года, года проходят мимо,
И часто мнится — навсегда.*

Также большую часть XX века мнилось, что Серебряный век навсегда остался где-то в давних прошлых годах. Нет, конечно, никогда не забывались поэты того времени, что создали новую славу русской поэзии на рубеже веков и чуть далее — в годы десятилетия и двадцатые. Но про сам феномен Серебряного века, как великого явления Новейшей русской культуры, стыдливо умалчивали во всяком официозе, порой даже и литературном.

Льва Гумилева вспомнили вовсе не «к слову»: в его концепции этногенеза ключевая роль отводится *пассионарности*; по-русски, значит, — пламенности, в смысле внезапного распространения, взрыва активности действия... как пламенеют душой. Опять же из советской школы помним бессменного руководителя испанской компартии 30—60-х гг. (в московском изгнании) Долорес Ибаррури с прибавкой к имени — Пассионария.

Пассионарные взрывы (активности, расцвета, достижения тех или иных вершин отдельного человека или этноса) пронизывают всю дальнюю и нынешнюю историю: от великого переселения народов в Евразии первого тысячелетия н.э. и натиска монголо-татарской орды на Европу и Среднюю Азию до нынешней глобализации империализма, сомнительную честь присутствия в каковом процессе мы имеем место быть...

Пассионарность сродни электрическому разряду в физических явлениях: сначала достаточно долгий процесс зарядки, например, статического электричества в грозовых облаках, затем мгновенный разряд («... Громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила», — как это поэтично определил наш классик), а потом — долгое затишье, что Лев Гумилев назвал периодом стагнации, увядание пассионарности.

Дробясь во временных процессах социальной эволюции человечества, пассионарность охватывает этнос, то есть народ, нацию, государство, во всех субъектах его

жизнедеятельности: от войн и революционных потрясений до морально-этических мотиваций, культуры, изящных искусств и литературы, что и есть предмет нашего внимания. Но как раз последние, в том числе литература, в названном временном дроблении либо отстают, либо опережают пик собственно социумной пассионарности: опять же войны, революции, «*Drang nach Osten*» (это у тевтонов) и «*Drang nach Westen*» (у Чингизхана)... «*Drang nach Rußland*» — это сейчас у НАТО и «лично Пентагона». Такое отставание-опережение, как реакция рефлектирующей образно-художественной (суммирующей) мысли социума на это самое пассионарное движение орд, армий, геополитических сдвигов, знамен всех расцветов и лозунгов — от алых знамен исламских халифатов с VII века до красных знамен XX века и так далее — также диалектически социально обусловлено. Опять же продолжим пример для каждого человека «понятный на себе»: гроза — это резкая смена атмосферного давления, на что даже сверхнакаченные анаболиками и прочими допингами современные \$, € и £ — «спортсмены-профи» реагируют. Даже матерые чиновники, в сорокоградусную жару шеголяющие в «дресс-кодовых» пиджачных тройках, и те порой смахнут со лба росинку пота... Но вот рядовой человек, коего в советские времена именовали «наш непростой советский человек», а нынешние СМИ, как плевром сквозь гнилые зубы, обозначают «обывателем», ощущает эту перемену в атмосфере повышением или снижением «*SIS/DIA/PULSE*» либо до грозы, либо во время «громокопящего кубка», а может и опосля...

Резюме: в пассионарном движении любого этноса литературная пассионарность обычно не совпадает по времени с периодом «взрыва знамен» и прочих «*liberte, egalite, fraterne*»...

В европейской истории знаем мощную пассионарность всего искусства и литературы эпохи Возрождения: она надолго растянулась по времени, но ее обусловила неизбежно грядущая смена общественно-экономических формаций (по диалектике Гегеля с последующими Марксом — Энгельсом): от почти тысячелетнего западноевропейского феодализма Средних веков Европа готовилась к прыжку в капитализм. Здесь итальянская, а вскоре и испанская, затем английская и германская литературы, предчувствуя этот скачок-прыжок, опередили его в духовной мысли, дав человечеству величайший «набор» своих гениев и провидцев.

В первой половине XIX века, уже века торжествующего на Западе капитализма, в унисон ему расцвела классическая литература Англии и Германии; чуть позже тот же пассионарный взрыв этой музыки видим по ту сторону океана.

...А вот кратковременный феномен конца XIX — начала XX вв. скандинавской литературы, прежде всего в малочисленной по населению, кормящейся только ловлей селедки (тогда нефтяных платформ в Норвежском море не было), Норвегии, давшей миру Бьёрнстерне Бьёрнсона и «нобелиста» Кнута Гамсуна*, сложно объяснить: тысяча с лишком лет прошло с тем пор, когда пассионарные скандинавские викинги, объевшись сушеным мухомором**, грабили всю Европу, основывая свои государства на Сицилии и в других местах Европы. И прошедшие тысячу лет норвежцы тихо и мирно ловили селедку, поставляли в Европу тресковую ворвань*** и имели добрых, невоинственных королей, к именам которых приписывались все новые и новые римские цифры...

* На самое начало XX века в Норвегии на 300 жителей приходился один писатель — не «самопальный», как у нас сейчас, но оставивший свой определенный след в литературе...

** Как в Великую Отечественную войну советским бойцам давали «сто граммов» перед атакой, а немецким солдатам таблетку первертина — психотропного средства, подавляющего страх, так и «безумно храбрые» викинги перед сражением жевали сушеный мухомор — «колеса» по-нынешнему.

*** Ворвань — вяленая на солнце треска, посыпанная крупной солью (сам такую на Севере делал!). — Хранится почти год, не теряя витаминов и вкусовых качеств. Ошибочно ворвань иногда называют промысловый жир морских животных.

А великолепная латиноамериканская литература XX века с ее знаменными именами Пабло Неруды, Борхеса и Габриэля Гарсиа Маркеса с нобелевским романом «Сто лет одиночества»? — Куда ее по части пассионарности отнести? — Правильно, к ожесточению борьбы со «старшим братом», который, уже не довольствуясь Панамским каналом, «банановыми республиками» и отторгнутыми у Мексики нефтеносными штатами (официальное название этой страны: Мексиканские Соединенные штаты...), пожелали иметь чилийскую селитру и медь, аргентинское серебро и мясо, венесуэльскую нефть, кубинские сигары и проститутку и так далее.

...Сложнее в (формальных) определениях с литературой русской. Она расцвела только в XIX веке, когда пассионарный наш натиск по части территорий и воинских успехов уже «вчера» был завершен: империя раскинулась от Варшавы и Гельсингфорса (нынешних Хельсинки) до Аляски и Северной Калифорнии в Новом Свете, считанные годы оставались до покорения Кавказа Ермоловым — вспомним Лермонтова:

*...И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток...*

А «на подходе» был уже Михаил Дмитриевич Скобелев, присоединившийся к России всю Среднюю Азию... заодно и сведший владения Оттоманской империи в Европе до одного города Константинополя — Стамбула. И тот был готов «взять наутро», если бы не фронда Европы, пригрозившей Александру Второму-Освободителю (двойному!) «новым Крымом»... Господи, сколько же «крымов» еще впредь России уготовано?

Таким образом, Золотой век великой русской литературы, то есть почти весь XIX век, был, с одной стороны, запоздалым в части предыдущей этно-государственной пассионарности, а с другой — предшествующим явлению миру новой России — скоропрошедшей капиталистической, а затем социалистической. Писатели, особенно (настоящие) поэты, как и женщины, предчувствующие в короткий, восхитительный момент зачатия кого и в каком качестве они подарят миру, все знают и чувствуют наперед.

Соответственно, расцвет русской поэзии суть прерогатива XIX—XX веков. Сначала — Золотой век: от Пушкина и Лермонтова до Тютчева и Фета, а ему на смену и явился Серебряный век. Символичны и сами устоявшиеся наименования этих «великих творческих эпох» (берем в кавычках, ибо это название цикла книг Ромена Роллана): золото — металл, сочетающий в себе основательность великолепия, но по своим физико-химическим свойствам — пластичный, а пластика есть основа изящных искусств; серебро, напротив, при всем своем «лунном» завораживающем цвете и благородной изысканности есть металл звончатый.

Нет, конечно, далеко не все «серебровековцы» поражали и восхищали своих читателей, а особенно — слушателей в Политехническом музее и других залах ристалищ звонкоголосой музыки «столиц и университетских центров» — своей эпатажностью и «ананасами в шампанском»! Даже наоборот. Самый выдающийся поэт Серебряного века, надеюсь, что здесь я не одинок во мнении, Иван Бунин — классический,

академический поэт, своей русскостью образов и троп лирической поэзии ничем не уступающий великим поэтам Золотого века. Тоже академист, но уже поэт-стилист Валерий Брюсов и также выдающийся стилист Николай Гумилев... а стилизатор Михаил Кузмин, а акмеисты со своим главой — Анной Ахматовой? И директор Царко-сельского лицея Иннокентий Анненский со своими «тремя голубями Царского села» (в их числе и Ахматова с Гумилевым)? — Ведь все они бесконечно далеки от «ананасов»... хотя бы Гумилев-путешественник написал «Озеро Чад».

Но были и поэты-эпатажники: Давид Бурлюк и «ничевоки», имажинисты Александр Кусиков и Вадим Шершеневич* с его «Песней Песней»:

*Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*

.....
*Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит.*

(И так далее, 19 июля 1919 г.)

Но ведь символистом себя называл Александр Блок, а имажинистом Сергей Есенин!

...В том-то все и дело, что эпатажный слой поэзии Серебряного века относится к междуреволюционному (1905—1917) и послереволюционному (1917—1925) периодам. Поэтому последний порой выделяют в литературоведении в сугубо отдельные периоды, называемые «ранним послереволюционным» или «ранним советским». Своеобразие этого слоя поэзии Серебряного века обусловлено как судьбоносными для России и всего мира событиями, так во многом и смещением акцентов в русской поэзии, впрочем, начавшимся еще в ранние 1900-е годы, а именно: заканчивался *собственно* величественный, освежающий, но и несколько ностальгический (особенно — Иван Бунин) Серебряный век поэтического творчества с его обилием имен, что называется, первого ряда.

♦ Вот в такой период окончания «классики» Серебряного века и вошел в русскую поэзию Игорь Северянин, когда революционные потрясения 1905-го года вызвали смятение в творческой среде, а в поэзии расцвели эпатажность и эклектизм, правда, скорее в позитивном значении этих слов. Появились поэты под знаменами самых экзотических «измов» (см. выше). Но ведь это было не скопище многочисленных «дадаистов», имена которых давно забыты! Это *Имена* с большой буквы, а не те, про которых зло сказал Маяковский «Кудреватые митрейки». Справедливости ради: столь обиженный пролетарским трибуном-«главарем» Леонид Кудреватых стал добротным русским и советским поэтом, писал хорошие стихи, дожил чуть ли не до 90-х годов, написал замечательные мемуары — воспоминания о том интересном времени, где с большим уважением говорит о своем обидчике... Вот так-то!

...И не один Кудреватых отказался от модных «измов», перегорел ими и стал просто хорошим поэтом в силу данных природой (напомним: поэтами рождаются, а не становятся!) способностей. Очень скоро отказались от постулатов символизма

* Их совместная книга под названием «Коробейники счастья» была опубликована полностью в № 4, 2007 «Приокских зорь» в рубрике «Литературная учеба».

Блок и Брюсов, а какие-то такие имажинисты и акмеисты выдающиеся русские поэты Есенин и Ахматова? И Игорь Северянин сразу после окончания революционных бурь, оказавшись в «лимитрофной» Эстонии, отказался от своего футуризма — да еще с приставкой «эго»! — Это как нынешние торгово-спекулятивные «маркеты» с приставками от математики: «супер», «мега», «гипер»...

Кстати, с футуризмом в русской поэзии описываемого ее периода несколько сложнее: это была чистая переимчивость «с европейского»; известно, что русский человек часто прельщается «славными бубнами за горами», порой доходя до «смеси французского с нижегородским»... Так и футуризм нанесло на Россию со стороны Италии от родоначальников этого стиля поэтов Маринетти и Д'Аннуцио; помните у Маяковского: «Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио» (в Первую мировую войну последний командовал ротой и отбил у австрийков этот славный итальянский город...).

Кстати, мэтр футуризма в русской поэзии Владимир Владимирович («*Мы — иллюминаторы новых городов*») оказался единственным, кто последовательно отстаивал свое право отказа от силлабо-тонического стиха и перехода в доминирующую ритмику, где рифма суть логически-смысловой вывод из стихотворной строки. Что ж, имел право, потому и стал Владимиром Маяковским... Резюме: если бог даровал поэтический талант, то он и проявится, а всякая групповщина «измов» — это всего лишь детская болезнь, помноженная на специфику эпохи.

В целом в данном отношении и ранний послереволюционный период советской уже поэзии нес в себе черты символизма, модернизма, даже декаданса 1900—1910-х годов. Также шумел в зале Политехнического Давид Бурлюк, демонстрировал приверженность символизму Андрей Белый... и Саша Черный, так рано покинувший этот мир, торил свою тропу. Оставались и истовые акмеисты и имажинисты. Многих из них каноническое литературоведение относит к поэтам «второго ряда». А вот о «постэгофутуристическом» Игоре Северянине, перешедшем в 20—30-е годы к классической русской стихотворной форме, как-то все забыто... *Таким был литературный фон, в ареале которого вступил в поэзию и творил Игорь Северянин.*

Игорь Васильевич Лотарев (1887—1941), известный всем как Игорь Северянин, что неверно, ибо его настоящий псевдоним есть *Игорь-Северянин*, где «Северянин» вовсе не псевдоним-фамилия, а (географическое) определение к имени «Игорь», появился на свет в Петербурге. Отец его служил военным инженером, штабс-капитаном 1-го железнодорожного батальона, по-нынешнему говоря, служил в железнодорожных войсках. По всей видимости, такой разъездной по всей стране род занятий отца и стал причиной развода родителей в девятилетнем возрасте будущего поэта — и даже коронованного «королем поэтов». Столь же явно поэтические гены он унаследовал по линии матери — из дворянского рода Шеншиных, то есть Игорь Северянин находился в не столь уж далеком родстве с Афанасием Афанасьевичем Фетом (Шеншиным). Сначала он живет с отцом в Череповце, где и окончил четыре класса реального училища. К этому времени Василия Петровича Лотарева переводят по службе в Манчжурию, куда дотянулась до русских военно-морских баз на Дальнем Востоке Порт-Артура и Дальнего (Даляня) железнодорожная ветка Транссиба. Вслед за отцом семнадцатилетний Игорь Лотарев, еще не Северянин, также едет в 1904 году в Манчжурию, откуда возвращается в Петербург в самый канун Русско-японской войны, где с этого времени (отец умер в тот же год) живет с матерью в Гатчине, общаясь со столичной художественной элитой, с которой водила дружбу его мать — по своему дворянскому происхождению и памяти родства с А. А. Фетом.

Первые опубликованные стихотворения Игоря Лотарева (под «не прижившимися» к нему псевдонимами...) относятся все к тому же 1904-у году и тематически посвящены событиям Русско-японской войны: «Гибель «Рюрика», «К предстоящему

выходу Порт-Артурской эскадры» и пр. Крестными отцом и матерью в мир большой поэзии Игорь — уже — Северянин называл известного поэта старшего поколения Константина Фофанова и Мирру Лохвицкую: в этих именах объединились классика и модернизм Серебряного века.

...Не помню названия той тоненькой книжки прижизненного издания поэз Северянина, что читал в юные годы, обнаружив ее на полках библиотеки ДОФ'а Полярного, но всего их числом в три с половиной десятка, за свой счет и тиражом в сто экземпляров (это как у современных... ну-у, назовем их по традиции поэтами) издал Северянин, начиная от времени благословения его в страну поэзии Константином Фофановым. Но подлинная, отчасти скандальная, слава пришла к нему с начала 1910-х годов, когда Северянин с сыном Константином Фофановым и тоже «шумевшим» тогда поэтом Грааль-Арельским (понятно, псевдоним) декларировал новое литературное направление *эгофутуризма*. Лев Толстой, как сообщает современная русская «Википедия», так отозвался на «Хабанеру II» (это где «Вонзите штопор в упругость пробки,— И взоры женщин не будут робки!...»): «Чем занимаются, чем занимаются... И это — литература? Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки...» Но молодая Россия в межреволюционный период рукоплескала новой звезде на поэтическом небосклоне. А уж и классик Серебряного века Федор Сологуб (помните его «Нюрнбергского палача», а из прозы «Мелкого беса»?) взял Северянина под «свое крыло», написав восторженное предисловие к его первой большой поэтической книге «Громокипящий кубок» (1913).

Начинаются совместные выступления и турне, говоря современным языком, Маяковского и Северянина по всей Европейской России. А в начале 1918-го года в Большом зале Политехнического музея из вышедших в финал Северянина и Маяковского первый был выбран королем поэтов, а Владимир Владимирович всего лишь вице-королем; разгневанный поражением, Маяковский не принял «вице-венок»... Даже Константин Бальмонт поопасался соперничать с Северяниным и не приехал на поэтическое состязание.

Но времена изменились, с этого же года Северянин оказался в Эстонии и до своей кончины в 1941-м году в России уже не бывал. В первые годы жизни вне России Северянин гастролирует по всей Европе, включая Париж, пишет все новые и новые стихи, к окончанию жизни становясь классическим русским поэтом — без эго- и просто футуристов.

♦ С «Громокипящим кубком», имевшим семь изданий за два года, завершилась «самиздатовская» (см. выше) пора поэтического становления Северянина. Пришла всероссийская слава. И классики позднего Серебряного века, хотя и с оговорками («салонный эротизм», «чуждый жизни эстетизм», «приторное жеманство»...) в общем-то единодушно отмечали рождение новой поэтической звезды: уже упомянутый выше Федор Сологуб с его восторженным предисловием к «Кубку»; и Брюсов то хвалил молодого поэта, то окидывал его «холодным взглядом»; Александр Блок, достаточно сдержанный в оценках поэтов молодой поросли на закате (классического) Серебряного века, после появления «Кубка» отозвался о Северянине в том смысле, что автор поэз временами ему очень даже нравится, и вообще — «это настоящий, свежий, *детский* (выд. нами. — А. Я.) талант».

После «Громокипящего кубка», в самом символическом названии которого Северянин объявил себе продолжателем творческой линии русской поэзии тютчевско-фетовского периода, поэт стал непререкаемым кумиром в среде, для которой, собственно, и пишутся стихи: читающей России. Особенно в женской ее части:

*Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женицин и хризантем...*

(«Хабанера III», 1911)

«Детский талант» в определении Блока — это вовсе не снисходительное уничижение, но констатация того неопровержимого факта, что Северянин стремительно вошел в олимпийцы русской поэзии как «иронии дитя» (см. выше), став знаменитостью — «повсеградно озкранен» и «повсесердно утвержден», — еще не утратив распахнутую всему миру изначально творческую душу ребенка, еще не обременивши себя осторожной человеческой мудростью и знанием, многость которых несет многие печали... Отсюда и пресловутый гедонизм, в чем то зло, то по-отечески наставительно упрекали поэта его более умудренные, или в равные с ним годы жизни уже утратившие качество поэтической детскости, коллеги по литературному цеху. Да и не такое это уж и ругательное определение: гедонизм (от греч. *ἡδονή* — удовольствие) есть учение, полагающее содержанием и смыслом жизни чувственные радости. То есть это обычное состояние ребенка или уже повзрослевшего человека, сохранившего детскость (повторимся) души, детского восприятия мира. А настоящий поэт именно в таком качестве этот мир видит, воспринимает, главное — отображает в своих творениях. Другое наименование гедонизма — эпикурейство прямо указывает на то, что вся мировая литература зиждется на двух, вроде как противостоящих (это действие диалектического закона единства и борьбы противоположностей), началах всех искусств: воспевание человеческой радости от изумления бескрайностью мира и осознание трагичности личного бытия. Для европейской литературы здесь предшественники из античных времен: гедонистическая поэзия Греции и Рима, а в (диалектический) «противовес» ей — оракулы и хоры древнегреческой трагедии.

...Как говорится, ничто не ново под луной. Сама русская поэзия начиналась с отчетливо выраженной гедонистической линии: от Державина до Языкова; понятно, не миновала она и юного, даже молодого Александра Сергеевича.

Выше уже достаточно было сказано о литературном фоне творчества Северянина, в том числе и о восприимчивости Серебряным веком поэзии литературных традиций века Золотого, и все это было увязано с последствием уже прошедшего и с предчувствием наступающего нового пассионарных периодов в ареале русского этноса. Все вроде как укладывается в очерченные рамки феномена Северянина. Да еще «большим плюсом» здесь детскость взрослого поэта... Заметим, что обычно при литературоведческой оценке творчества как Северянина, так и многочисленных представителей поэтических «измов» начала XX века, часто склоняются <Ф.И.О. не называем, но их было и есть много> к утверждению, что все эти «измы», а Северянин, равно как Бальмонт, Маяковский, Кузмин, в особенности, суть «реабилитирующая реакция» на самодовлеющую реалистичность и даже рационалистичность русской литературы, поэзии в том числе, второй половины XIX века, то есть с доминантой разнотинно-демократической. Вроде как похоже на истину, но... как-то все притянута — к той же «рационалистичности».

Мы не выходим в настоящей «Колонке» за рамки заданной (самому себе) темы о литературном фоне. Тем более, что о стихах Северянина уже «плещется» целое море исследований. И главное: такого цельного в своем творческом самовыражении поэта подвергать скрупулезному литературоведческому разбору — с цитированием его блистательных поэм, с примериванием на них отработанных этим самым литературоведением клише-штампов — есть задача неблагоприятная. Северянина надо просто

читать; у кого «руки не доходят» до его книг, тот может, перелистнув страницу этого номера журнала, прочитать *minimū minimorū* из его обширного, впечатляющего поэтического наследия.

И напоследок задайте себе вопрос: какой Северянин — эгофутурист времени первой половины своего творческого пути, или классический русский поэт 20—30-х годов в (невольной, чисто случайной) эмиграции, в наибольшей мере по духу, стилю, содержанию своих произведений соответствовал своей эпохе? — Подсказка очевидна: королем поэтов он по праву был в первый «июльский полдень»:

*Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффер...*

(«Июльский полдень. Синематограф», 1910)

...И уж точно ясно: современной торгово-воровской, умоущербной эпохе «первого натиска» глобализма и тот, и другой Игорь Северянин глубоко чужд. И сам бы он на нее вполне нефигурально плюнул.

**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА**
(ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОТАРЕВА, 1887 — 1941)

СТИХОТВОРЕНИЯ

ХАБАНЕРА II

Синьоре За

Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.
Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям - пойдя, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли,—
И будет счастье в удобном смысле!..

* * *

Я хочу умереть молодой...
Мирра Лохвицкая

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем — островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог,

Игорь Северин

Спит и видит сквозь землю — насквозь,—
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось,—
И она умерла молодой».

Этот, грезой молящийся,— кто?
Он певал ли с почившей дуэт?
Сколько весен душой прожито?
Он поэт! Он поэт! Он поэт!
Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Мирра в старости зрила врага —
И она умерла молодой.

РУССКАЯ

Кружевует, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса.
Что за воздух! Что за свет! Что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «Ха-ха-ха!»
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березках девку повстречать,
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Поэма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзовая,
Где ажурная пена и соната пажа.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Синематограф

Элегантная коляска, в электрическом биении,
Эластично шелестела по шоссе к песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темном упоении,
В Ало-встречном устремлении — это пчелки к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправия,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался ветерок;
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки «нравственных пропаж»...
И с испугом отряхываясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффер...

МОИ ПОХОРОНЫ

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоневых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади,—
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины —
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердие...
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

КЕНЗЕЛЬ

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуниной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,

А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучие, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники! и найдется ли пара Вам?

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландовете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ!

Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? Не дорого можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень — сладострастия эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-Богу, похвалишь, дружок!

ЭПИЛОГ

(Я, гений Игорь Северянин...)

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкрашен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязета к Порт-Артуру
Чертупорную провел.
Я покорию литературу!
Взорлил, гремевший, на престол!

Я — год назад — сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — месть.

«Я одинок в своей задаче!» —
Прозрленно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла в своем единстве,
Самодержавна и горда,—
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза,—
Зане болезнен беглых взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить все,— божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змию!
Змея, обвей орла в ответ!

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным наудачу
Завоевателя порыв.

Но, даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.

Я изнемог от лстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накоплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий — говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

УВЕРТЮРА **(Ананасы в шампанском!..)**

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесен неправо,—
Не по таланту своему,—

А потому, что явный вызов
Условностям — в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничаящих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»!

Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы —
Двусмысленны по существу.

Пушай критический каноник
Меня не тянет в свой закон,—
Ведь я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.

ПОЭЗА О СТАРЫХ РАЗМЕРАХ

О вы, размеры старые,
Захвачанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовьте клише!
Звучащие гитарою,
И с рифмами убогими —
Прекраснее, чем новые,
Простой моей душе.
Вы были при Державине,
Вы были при Некрасове,
Вы были при Никитине,
Вы были при Толстом!
О вы — подобны лавине!
И как вас ни выбрасывай,
Что новое ни вытяни —
Вы проситесь в мой том.
Приветствую вас, верные,
Испытанно-надежные,
Округло-музыкальные,
Любимые мои!
О вы — друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи!

ПОЭЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает вето
К признанию и срамное клеймо.

Правительство, зовущее в строй армий
Художника, под пушку и ружье,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя свое.

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, попавшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий ямб цезурой,
Я хлестко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На притеснение гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтать ему о днях иных..

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конквистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова стояла у стола,

Томима постоянно печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

МОЯ РОССИЯ

*И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...*

Ал. Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые,—
Ах, им ли радость не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постигшие ее до дна!

Ее разбойники святые,
Ее полеты голубые
И наше солнце и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи ее ночные,
И ночи пламенно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено-степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Он жил в Утопии. Меж тем в Москве
И в целом мире, склонные к причуде,
Забыв об этом, ждали, что все люди
Должны пребыть в таком же волшебстве.

И силились, с сумбуром в голове,
Под грохоты убийственных орудий,
К нему взнести умы свои и груди,
Бескрылые в толстовской синеве...

Солдат, священник, вождь, рабочий, пьяный
Скитались перед Ясною Поляной,
Измученные в блуде и во зле.

К ним выходило старческое тело,
Утешить и помочь им всем хотело
И — не могло: дух не был на земле...

ПУШКИН

Есть имена как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!

Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!
Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи,
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

ДОСТОЕВСКИЙ

Его улыбка — где он взял ее? —
Согрела всех мучительно-влюбленных,
Униженных, больных и оскорбленных,
Кошмарное земное бытие.

Угармонированное свое
В падучей сердце — радость обреченных,
Истерзанных и духом иступленных —
В целебное он превратил питье.

Все мукой опрокинутые лица,
Все руки, принужденные сложиться
В крест на груди, все чтущие закон,

Единый для живущих, — Состраданье,
Все, чрез кого познали оправданье,
И человек — почти обожествлен.

ФЕТ

Эпоха робкого дыханья... Где
Твое очарованье? Где твой шепот?
Практичность производит в легких опыт,
Чтоб вздох стал наглым, современным-де...

И вот взамен дыханья — храп везде.
Взамен стихов — косноязычный лопот.
Всех соловьев практичная Европа
Дожаривает на сковороде...

Теперь — природы праздный соглядатай —
О чем бы написал под жуткой датой
Росистым, перламутровым стихом?

В век, деловой красой безобразный,
Он был бы не у дел, помещик праздный,
Свиставший тунеядным соловьем...

ФОФАНОВ

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба.

Подслушала убогая изба
Немало тем, увянувших до срока.
Он обезврежен был по воле рока,
Его направившего в погреба.

Когда весною — в божьи именины,—
Вдыхая запахи оверной тины,
Опустошенный, влекся в Приорат,

Он, суеверно в сумерки влюбленный,
Вином и вдохновеньем распаленный,
Вливал в стихи свой скорбный виноград.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над всею первенствующей планетой...
Он — в каждой песне им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ

В деревушке у моря, где фокстрота не танцуют,
Где политику гонят из домов своих метлой,
Где целуют не часто, но зато когда целуют,
В поцелуях бывают всей нетронутой душой;

В деревушке у моря, где избушка небольшая
Столько чувства вмещает, где — прекрасному сродни —
В город с тайной опаской и презреньем наезжая
По делам неотложным, проклинаешь эти дни;

В деревушке у моря, где на выписку журнала
Отдают сбереженья грамотные рыбаки
И которая гневно кабаки свои изгнала,
Потому что с природой не соседят кабаки;

В деревушке у моря, утопающей весною
В незабвенной сирени, аромат чей несравним, —
Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною,
Я живу, радый морю, гордый выбором своим!

БЫВАЮТ ДНИ

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

Все, все в ней противоречиво,
Двулико, двоедушно в ней,
И дева, верящая в диво
Надземное, — всего земней.

Как снег-миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка — и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И вороны, — и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж.
И ругань-мать, и ласка-мать...
А вы-то тшчитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

Стареющий поэт... Два слова — два понятия.
Есть в первом от зимы. Второе — все весна.
И если иногда нерадостны объятья,
Весна — всегда весна, как ни была б грустна.

Стареющий поэт... О, скорбь сопоставленья!
Как жить, как чувствовать и, наконец, как петь,
Когда душа больна избытком вдохновенья
И строфы, как плоды, еще готовы спеть?

Стареющий поэт... Увлажнены ресницы,
Смущенье в голосе и притушенный вздох.
Все чаще женщина невстреченная снится,
И в каждой встреченной мерещится подвох...

Стареющий поэт... Наивный, нежный, кроткий
И вечно юный, независимо от лет.
Не ближе ли он всех стареющей кокотке,
Любовь возведший в культ стареющий поэт?

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА: РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ*

ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ О ЦЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ВООБЩЕ

И слава бывшему богу, как ерничают наши агитпроповцы, что мне не суждено увидеть достижение нашей цели. Но как притягательно в редкие часы ничегонеделанья этакая вольнолюбиво поразмышлять о высших целях человечества. В чем они? Понятно, не в накопительстве, не в проклятой частной собственности. Ах, какая же зараза! Но биология дело серьезное. Мы тридцать пять лет прилагали и сейчас прилагаем невероятные усилия для искоренения частнособственничества. Да, мы заставили этот инстинкт уйти в глубокое подполье человеческого мышления. А чтобы загнать его туда пришлось ввести государственную собственность на все. Без какого-либо исключения. Оставив только ничтожное число единоличных крестьян и мелких ремесленников. Почему оставили? Во-первых, есть люди, где-то один-два на сотню населения, у которых аллергия на коллективный труд. Наказывать их вроде не за что, а переубедить нельзя. Пускай их! Во-вторых, в нашей огромной, неравномерно населенной стране есть места, где и колхоз не из кого организовать, и «холодный» сапожник один на два десятка верст. Единоличники поневоле, так сказать. Да, еще некоторым зубным врачам дозволено по патенту сверлить-работать. Но это мировая привилегия зубодеров.

Но вот загнать-то загнали в подполье, в подсознание, как говорил давным-давно академик Бехтерев, но как закрепить? Для этого и ста лет явно недостаточно. А без закрепления будет постоянно довлеть угроза контрреволюции.

Несомненно, одна из целей цивилизации и вообще развития, эволюции человека и есть избавление, полное уничтожение в себе частнособственничества. То есть, на самой вершине своего совершенствования человек вернется в каком-то смысле в свое детство. Это как старики впадают в детство. А человечество-то начинало свой путь с

* Продолжение, начало в № 1, 2017 «ПЗ». С полным текстом романа читатели могут ознакомиться на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

сугубо, хотя и родового, племенного, но коллективизма и общинной собственности. Даже при феодализме это в определенной степени соблюдалось, ибо князья, графы, бароны и прочие поместные властители владели замками и землями с пахарями, городами с ремесленниками и купцами, но это была не частная собственность на все, но предтеча собственности государственной. То есть, человек докапиталистический, как и наш социалистический, тем более будущий, коммунистический, твердо стоял на ногах и думал головой, на то ему природой и даденной. Но человек капиталистический, особенно в высшей его империалистической стадии, есть полный идиот, у которого все естественное наглухо перебито одной лишь жадной накопительства любым путем. Этот их *business* не щадит никого: если надо — сестру в публичный дом продаст, отца в тюрьму посадит, мать в богадельню сдаст, друзей предаст, тем более перед убийством не остановится человек капиталистический. Значит, он стоит на голове, а думает желудком ненасытным. Сам я придумал или читал-слышал? А-а, неважно.

Вот почему у нас *ни-ка-кой* частной собственности быть не может. Ведь уже после *НЭПа* правая оппозиция, профсоюзники, Томский со своей компанией, даже всегда державший нос по ветру власти Бухарин, что-то вякали насчет пользы ограниченной частной инициативы, строго контролируемой собственности. Дескать, надо дать послабление в мелочной торговле, ширпотребовском ремесленничестве... Да-да, дай только поблажку: коготок увяз — всей птичке пропасть.

Но все же, говоря высоким философским штилем: какова цель цивилизации и самооправдания существования человека? Философия, философия... Она тоже такая разная. В революционно-подпольной молодости все мы были поглощены, целиком охвачены марксизмом с его немецкими корнями и — в определенном смысле — ветхозаветным, иудейским фатализмом. Последнее не только и не столько от раввинского происхождения и воспитания Маркса. Просто к середине прошлого века классическая германская философия, которая по провидческим словам классика вместе с Людвигом Фейербахом подошла к своему концу, исчерпала свой доселе могучий потенциал. Как это ни покажется странным, но эта классическая философия мощно возрастала в Гейдельберге, в Кенигсберге, вообще в «Германии туманной», когда имела определенную свободу выбора. А как только Гегель все расставил по полочкам, все свел к железной логике диалектики, все расписал в своих многотомных философских энциклопедиях логики, религии, права и так далее, то свободы выбора-то и не стало. Приток свежих умов упал. Это как у нас в первые послереволюционные годы: поначалу — вольница, все в восторге в революцию идут: братишки в бушлатах, перепоясанные пулеметными лентами, мастеровые в чуйках и с винтовками, пехота, только что было дезертировавшая с позиций, бывшие местечковые обитатели из-под Пинска, Рошелей, Лохвиц, Витебска, из Одессы и Кишинева в кожанках, при маузерах. Затем централизованное укрепление законопорядка, дисциплины — и каждый уже при своем деле: субординация, четкие команды и их исполнение. Новая власть пришла и укрепилась надолго. Вольница закончилась.

Вот Гегель повязал германскую философию логикой — и иссякла классическая философия. Но опять же природа не терпит пустоты, а по-русски: свято место пусто не бывает. Поэтому взятый германскими умами мыслительный разгон растекся ручьями и ручейками: от европеизированной каббалы до нищезанятия. Из этой невообразимой мешанины немецкой классики и хаоса волюнтаристских надстроек вышел в первой четверти двадцатого века и наш пролетарский марксизм-ленинизм, и германский нацизм, да и итальянский фашизм.— Все те философские практики, которые история и избрала для проверки жизнеспособности той или иной вариации социализма.

А старейшие философские традиции Франции и Англии уже к последней четверти предыдущего века выродились в идеологическую служанку — и проститутку по

совместительству — буржуазного строя, а в Англии и Северной Европе — в самого зловещего, потребительско-накопительского протестантского, особенно кальвинистского, капитализма.

Самая молодая, невезучая и доселе невостребованная третья отрасль европейской философии, конечно, русская. Точнее — русский космизм: от Розанова, Федорова, Флоренского до активных участников создания нашей советской науки — Константина Эдуардовича Циолковского из патриархальной купеческой Калуги и академика Вернадского.

...Конечно, масса всяких восточных философий, черт ногу в них ломает. Тогда уж и всякую эзотерику следует воспринимать и космогонические фантазии Жоры Гурджиева... его «Беседы Вельзевула со своим внуком» до трети страниц так и не смог дочитать. Пусть их восточные люди и исповедуют, эти восточные философии. Вот Мао Цзедун заменил конфуцианство марксизмом, но когда-нибудь наряду с Марксом и Лениным уживется в Китае и воскресший Конфуций. Как в Японии 20-х—40-х годов древний синтоизм не мешал спускать на воду авианосцы и бомбить Пирл Харбор. Словом — кесарю кесарево, а нам бы в своей европейской корзине разобраться.

Как же наши-то, европейские философы трактуют цель и оправдание создания природой человека?

Германская диалектика с историческим материализмом Фейербаха и опирающийся на них наш марксизм-ленинизм отвечают на этот сакраментальный вопрос просто: совершенствование человека во времени бесконечно, финальной цели не имеется, а само совершенствование — движение регулируется тремя правилами диалектики Гегеля. И все. Наш упрощенный во всех отношениях марксизм, что называется для широких и неискушенных в умственных упражнениях масс, за цель декларирует построение коммунизма по раннему, несколько фантазирующему Марксу: деньги переплавим на золотые унитазы,* от каждого по способности, каждому по потребности,** никаких классов кроме школьных, полная гармония интеллектуального и физического труда... словом, и волжак рядом с овечкой. Этого пока нам достаточно. А мне? Поздно на старости лет начинать философствовать. Да еще если пока не собираюсь уходить с хозяйства на территории 1/6 части суши и вообще трети мира с соцлагерем.

Поручить нашим ученым умам в академических ермолках? Лаврентий возьмет под козырек, засекретит, соберет их на полном гособеспечении в спецкафедргородке и — так они такого наворотят, по привычке оглядываясь на «Краткий курс», что чертям в аду и ангелам в раю станет тошно. Разучились на академпайках и руководящих указаниях от ЦК думать.

В оплоте классической философии, в разделенной Германии не до умствований. В нашей неметчине народ бодро строит социализм. Благо это им-то несложно, уже один при фюрере построили, навыки имеются, только и пришлось антураж слегка сменить: фольварки в кооперативы сельскохозяйственные переименовать, полицию в фольксполицию, заводы-бетрибы в фольксбетрибы, «Майн кампф» заменить на «Капитал» и полные собрания сочинений Ильича и мои. Впрочем, мои еще не все напечатаны, политиздат только до двенадцатого тома дошел.

* Невольная параллель: все же наши «олигархеры» в период накопления первых миллиардов, бандитские авторитеты и крупно хапающие высокие чиновники вспомнили-таки студенческие лекции и семинары по научному коммунизму и завели себе золотые и серебряные унитазы.— Прим. авт.

** Заметим, что ограниченный эксперимент по реализации этого силлогизма Маркса — единственный в мире и истории — был проведен в 60-х—70-х годах в Баренцбурге на Шпицбергене, на территории поселка советской угольной концессии «Арктикуголь». Автор достаточно беседовал об этом эксперименте с бывшими шахтерами-концессионерами.— Прим. авт.

А западные немцы настолько запуганы оккупантами, особенно французскими — за их позор во Второй мировой, только-только по репарациям расплатились, а теперь Израилю, созданному мною — как же я обмишурился? И на старуху бывает проруха — пожизненную контрибуцию выплачивают, так что им еще долго не до философствований будет.

О протестантской философии накопительства ничего сейчас, даже по прошествии почти ста лет с момента ее буржуазного переоформления, нового сказать нельзя: служанка, проститутка и наемный адвокат. Этой псевдофилософии доллара и фунта стерлингов некогда и незачем размышлять о цели цивилизации и предназначении человека. Главная задача этих *«философов»* — обоснование безудержного накопительства. Тьфу! Противно о них и думать.

Проще антибуржуазным, маловлиятельным западноевропейским течениям. Те же экзистенциалисты: уже под сто лет от Кьеркегора, которого в семинаристские еще годы читал, и доморощенного Льва Шестова до нынешних Хайдеггера с сотоварищи — им все яснее ясно: путь человека в никуда. И нечего голову ломать. Сейчас же во Франции их молодая поросль появилась, литературная: Сартр, Камю, их единомышленники. Что ж, в литературной, беллетристической форме легче головы людям дурить.

Не особо размышляют о предназначении человека в чем-то схожие с экзистенциалистами и левые нынешние европейские марксисты: Георг Лукач и Маркузе. Все то же у них от смысла слова «экзистенца» — существую и достаточно этого. Только с добавкой: существую и борюсь. Но борьба без цели — это главный лозунг Троцкого. И получается, что дело Иудушки живо не только в старых его кадрах в Европе, Америке и тайных у нас, но его по сути пропагандируют и левые марксисты? Нд-а-а, пора бы товарищу Торезу активизировать своих идеологов. И Тольятти следует со своими коммунистами-анархистами поработать. С ума сойти с таким хозяйством. Это я о себе.

Куда ни кинь взгляд в историю — нынешнюю, прошлую и даже будущую, — всюду натыкаешься на сплетенные Иудушкой паучьи сети. Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский пароход». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попутчиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том пароходе. Ведь если двое лишь из оставшихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения, — Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожного разглагольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы Берлин, Гамбург и Киль.

А провидческий гений Владимира Ивановича в части созданной им теории биосферы и ноосферы — то есть будущего человечества — еще не пришло время оценить. Не говоря уже о созданной им практической науке биогеохимии. Ха-ха, молодец такой был Вернадский, в чем-то на Павлова похожий. Этот демонстративно крестился в советских присутственных местах и на пиджак вешал попеременно советские и царские ордена, а Владимир Иванович как до революции, так и после нее работал себе и работал, совершенно искренне особо не замечая какой строй за окном его лаборатории и кабинета. Ни разу в своих книгах не то что осанну советской власти не воспел, а слова «материализм» не употребил! Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей.

Как же он замечательно в научной прессе припечатал этого идиота, академика Деборина, попробовавшего залаять на него! И кто же Деборину команду дал? Для того мы и держим таких идиотов от общественных наук, чтобы они лаяли на настоящих врагов, а не на полезных, хотя бы и независимых людей.

И не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Презент, Деборин, Берг... Пофински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вильгельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкормышей и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патриотическую альтернативу марксизму. Не враждующую, а как это у западников говорят? — Да, конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм — самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.

Все, все наперед тогда знал Троцкий, в уме ему не откажешь. Умный враг — семижды враг. Вот и обрезал нашу науку по самым вершкам и корешкам. Как же он ненавидел наш народ! Нет, надо со временем как-то увековечить Рамона Меркадера. В том числе и за долгую мексиканскую тюрьму.

Вот кто задумывался, нет, постоянно думал о цели цивилизации, о предназначении человечества, так именно наши космисты. Особенно Николай Федорович Федоров. Надо же? — Скрамнейший служитель в Румянцевской библиотеке... Таковыми они и были: и Федоров, и Циолковский, и другие. Как вчера было: доставили по его распоряжению из управления *КВЖД* только что изданную в Харбине «Философию общего дела». Отложил на пару дней все дела и читал.

...А лет через пять попался в руки сборник работ Вернадского о биосфере и ее будущем. Но домysлить тогда не позволило наступившее тревожное время, потом война... словом, не до выяснения цели эволюции было, выжить бы стране.

Цель же человечества Федоров и Вернадский определяют вполне ясно, научно и основательно, хотя и каждый по-своему. Федоров литературно, Вернадский сугубо научно, хотя и замечательным русским языком, без псевдонаучных выкрутас, без наукообразия того же Деборина и Презента.

Во многом эта цель гармонирует и с марксистской идеологией. Только в марксизме — коммунизм, а у космистов — общее дело. Впрочем, это одно и то же. Главное — в достижении цели она не оправдывает средства ее достижения. Потому и общее дело, потому коммунизм. И нет разделения на прошлое, нынешнее и будущее. Даже самое далекое — не то что по векам и тысячелетиям, но и по миллионам лет. Будущее это каким-то образом смыкается с прошлым; жизнь на Земле не имеет начала и конца в обыденном понимании. Но это в случае, если человек выйдет в космос. Даже не в прямом смысле, хотя это и не исключается, но осознает себя частью общего для всех жизней во Вселенной космоса. Как это Циолковский называл? — Да, животный космос.

Для буржуазной же науки, даже для лучших ее представителей, скорее свойственны финализм, то есть, окончание рода человеческого на Земле, завершение, так сказать, его биологической и социальной миссии. Здесь вариантов столько, сколько думающих о финале голов. От космической катастрофы вроде стократ увеличенного тунгусского метеорита до всемирной бойни *N*-ской мировой войны до последнего бойца. Это как Гитлер в апреле-мае сорок пятого требовал: до последнего мальчишки-фаустпатронника из гитлерюгенда.

Наиболее умные из них все больше склоняются к вырождению человечества снова в обезьян. «Голыми мы в этот мир пришли, голыми и уйдем», — библейское. А медики напирают на пандемию абсолютно смертоносного вируса. Кстати, селекционированного самим же человеком. А ну их, эти страсти, не к ночи будь вспомянуты! Да еще и сам с простудой, быть может, вирусной...

А завидую я все-таки, хотя и втихомолку, всем этим мечтателям а академических шапочках-ермолках, что за пожизненное повышенное жалованье, квартиры в «высоках» и ордена к юбилеям в свое удовольствие размышляют о светлом будущем. Наши-то все больше напирают на правоту марксизма-ленинизма-сталинизма... бог с ними, пусть мое имя используют; да хоть имя Ворошилова, веселого Булганина — главное чтобы без упоминания Троцкого было.

Вот уйду на пенсию и определюсь академиком по разделу мечтаний-размышлений о будущем человечества!

РУССКАЯ, СОВЕТСКАЯ НАУКА. КОСМОС И БЕСКОНЕЧНОСТЬ МИРА

Мечтать не вредно, как говорят в Одессе. Особенно на всем готовом. Может, это и есть одна из земных, материальных, так сказать, причин того, что в средневековой Европе большинство ученых-мечтателей по совместительству являлись монахами, священниками? Даже епископами, как Николай Коперник. А что не мечтать? — Амуничка казенная, харч тоже, даже не всегда постный, есть и дни разговения. И для организма польза.

Астрономия и космогония — самые мечтательные из наук. В Курейке, в седьмой своей ссылке, нашел у сожителя — Якова Свердлова тонкую книжку, брошюру, кажется, из серии «Жизнь замечательных людей»*, о Блезе Паскале. Сугубый практик по жизни, Яков Мовшезович сам удивлялся: как и где она попала в его дорожнокаторжный сундучок? Но разъяснила хозяйка их избы Перепрыгина: дескать это не нынешний ее постоялец Яков книжку привез с собой, а лежала она у нее в доме от давнишних «постояльцев» — еще после японской войны и бунтов на материке: Слава-эсдэк и Ваня-эсер**, что часто ругались «за политику»...

В брошюре — комментированная автором биография Паскаля и некоторые его изречения-афоризмы. Особо запомнилось: «Меня страшит бесконечность и тишина бездонного космоса».

Сразу живо вспомнилось далекое, а с другой стороны — по медленности и тягучести ссыльного времени, — вроде и не очень время юности, когда после исключения из семинарии работал подсобником вычислителя-наблюдателя в Тифлисской физической обсерватории. Год с небольшим работал, пока по мою душу охранка с обыском в обсерваторию не нагрянула. Так началась моя подпольная жизнь...

* Обычно создание серии «ЖЗЛ» приписывают Горькому. Но Алексей Максимович только ее возобновил (как и «Литературную газету»). Серия же издавалась еще до революции, издателями — если не ошибаюсь — братьями Сабашниковыми в виде тоненьких брошюр карманного формата. Стоили они гривенник-пятиалтынник и были рассчитаны на гимназистов старших классов и особенно на учащихся реальных училищ; посвящались великим ученым. — Прим. авт.

** Действительные обстоятельства и реальное историческое лицо: Баланюк Иван Евдокимович, дед моей жены. С 1906 года активно участвовал в эсеровском движении, был выслан в Вологодскую губернию, затем в Курейку. Отбыв срок, в 1913 году окончил в Москве Константиновский межевой институт. Работал землеустроителем-геодезистом, после Октябрьской революции — начальником милиции в станице Павловской (Краснодар), нотариусом, старшим землеустроителем краевого земельного управления Азово-Черноморского края (1929—1938 гг.). В ежовщину арестован по ложному доносу и расстрелян 07.03.1938 г. в Краснодаре (См.: Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917—1987 гг. Т. 3. — Тула: Гриф и К, 2006. — С. 124). В вологодской ссылке Иван Евдокимович проживал в одной избе со ссыльным же Скрябиным, то есть Вячеславом Михайловичем Молотовым... Истинно мир тесен. — Прим. авт.

Часто приезжавшие из Москвы, Харькова и Новороссийского университета приват-доценты и профессора, особенно летом, с интересом на меня посматривали, узнав что Сосепо — несостоявшийся поп, изгнанный из семинарии по политическим своим увлечениям. А один из харьковских доцентов даже подарил ему втихую пару книжек, кажется Кропоткина и что-то народовольческое.

Как-то прочитал ему пару своих, пятилетней давности, еще семинарских стихов. Особенно доценту Карпухину понравилась строфа:

*Ты, как всегда, в серебряном сиянье
Без усталости над сумрачной землей
Плыви, пронзая тучи мирозданья
И разгони туман и мрак густой.*

«Мечтатель ты, Иосиф. И поэтом будешь значимым. Космическое у тебя мышление. Это замечательно. Работай и дальше в обсерватории: наука, поэзия... и революция, конечно,— все это хорошо совместимо. Главное — чаще смотри на звезды, сопоставляй преходящее, часто суетное земное и вечное небесное».

...Когда в тридцать восьмом Лаврентий разгребал навороченное пьяницей и извращенцем (а ведь из слесарей, из самых пролетариев!) Ежовым, то работал рьяно. Понятно, что и себя старался показать на новом месте, но мой приказ в первую очередь вернуть из лагерей и тюрем ученых, конструкторов, инженеров и армейских командиров исполнял скоро и толково. По два-три раза на день приходил со списками на освобождение и возвращение по прежним местам работы и службы.

В одном из списков по научной части остановил карандаш напротив фамилии Карпухин: те же инициалы, из Харькова.— И утвердил, далее не читая, весь список, хотя Берия и лопотал что-то о сомнительных, но умолк на мои слова: «На добро добром отвечают». Без пояснения.

Но уже скоро мне пришлось любоваться звездами только во время ссылок, а когда они закончились, то и вовсе времени на них не осталось. Не космос и *бесконечность* мироздания, а наука, дающая практический выход, без которой стране не устоять в этом, уже *конечном*, злобном и агрессивном мире — вот что меня занимает уже тридцать с лишком лет. Словом: практика есть критерий истины. Истины выживания, истины построения социализма. Пусть даже в отдельно взятой стране. Не по Марксу. Впрочем, уже и не в одной. Хотя бы даже, исключая Китай и Корею с Вьетнамом, остальной наш соцлагерь — европейский — и держится нашей волей и штыками. В чехлах, правда. И дай бог их оттуда не вынимать. Это как опытная мать тщательно пеленает свое дитя, пока не подрастет немного и научится своими ручками-ножонками владеть. Чтобы себя же случайно не поранить.

От прежнего режима мы получили добротную науку, и за предельно короткий срок лапотная Россия семимильными шагами догоняла невообразимо далеко вырвавшуюся вперед Европу и Америку. Чего стоят открытия Менделеева, Попова, Дюливо-Добровольского, Умова, математиков Бугаева, Лузина, Цингера и Некрасова. Тогда же взяли научный разгон Вернадский и старший из братьев Вавиловых — жалко не уберегли в военное лихолетье. Сам не досмотрел. Благодарить мы здесь должны императоров Александров — Второго и особенно Третьего. Серьезно они помогли, не зная об этом, будущей советской стране! Создали сеть университетов, научных центров. Мы вот, исходя из идеологических установок, все пишем про промышленную отсталость царской России. Но так ли это на самом деле? Когда немцы в пятнадцатом году применили под Верденом газы, то русская химическая промышленность за год с небольшим построила или перепрофилировала около ста заводов, где нала-

дили серийное производство боевых отравляющих газов и выдали «на гора» несколько миллионов противогазов! А в Туле за такой же срок соорудили огромный завод, который уже в шестнадцатом году покрыл потребность фронта в пулеметах-«максимах».

Это как развеселившийся раз в застолье Клим предложил тост за Николая Второго, создавшего революционную ситуацию в стране.*

Но все же нам в науке и технике пришлось начинать почти с нуля. Особенно в технике, в индустрии. Уже не семимильными, но семижды семимильными шагами начали мы подготовку кадров инженеров и ученых — одновременно с разворачиванием индустриализации СССР.

Были, конечно, и досадные потери: сразу после революции, в безвременье Гражданской, в базарно-мелочные годы НЭПа не сумели закрепить, оставить в стране многие светлые умы. Те же Сикорский и Звoryкин создавали в Америке вертолет и телевизор. Много глупостей и внутри страны допустили из-за малой грамотности руководителей-выдвиженцев. Из грязи в князи. Отсюда и недалёковидность, и честолюбие, и просто человеческая глупость.

Недавно вот читал доклад, подготовленный Минсвязи по развитию радиовещания и массового телевидения. По последнему запросил уточняющую справку от Псурцева с изложением истории вопроса. Любопытную справку принесли. Оказывается, одновременно со Звoryкиным в СССР инженер Катаев** создал практическое телевидение: сначала электромеханическое, затем электронно-лучевое. И только война и послевоенные напряжённые годы восстановления страны позволили США вырваться в этой области вперед. Впрочем, не намного и не надолго.

Но и Катаева на первых порах никто у нас слушать не хотел: пустяки, мол, детская забава. Заинтересовался я тогда первым советским телевизором — электромеханическим. Велел Поскребышеву позвонить в Минсвязи. Но там руками развели: дескать, Катаев сделал только один, опытный работающий экземпляр. А где он? — Никаких письменных свидетельств не сохранилось.

А через полгода после того проводил у себя в Кремле коллегия оборонщиков по новой технике. В завершении ее рассказал для нравоучения об истории с первым нашим телевизором. Присутствовавший свадебным генералом Ворошилов, как бывший наркомвоенмор — вот святая кавалерийская простота! — воскликнул:

— Так я его у Катаева в начале тридцатых забрал. Для испытаний.

— И как испытывал?

— А отвез на дачу и из комнаты по нему смотрел: кто входит во двор.

— Так его в музей связи надо сдать.

— Да там что-то в нем сломалось, велел адъютанту в сарай отнести.

— Ну и?..

— А потом сарай перестраивали, все барахло прежнее выбросили.

...Вот и работай с такими новаторами в использовании достижении науки!

От прежнего же режима достались нам крупные ученые в фундаментальных знаниях. К тому же преданные советской власти. Или принявшие ее искренне, без барской снисходительности, спеси и фордыбаченья, без показной независимости того же Ивана Петровича. Хотя Павлов — свет науки, его ум и дела на-амного перевешивают и царские ордена на сюртуке, и чуть ли не молебны с хоругвями перед физиологическими съездами.

* В новейшие времена более известным стал римейк-анекдот: Хрущев предложил сделать Николая II Героем Советского Союза за то же деяние... — Прим. авт.

** Семен Исидорович Катаев прожил долгую жизнь в науке и технике. До солидных лет (ум. в 1991 г.) активно работал в области телерадиотехники. — Прим. авт.

А были, да и посейчас трудятся, крупные ученые, что сами активно революцию делали, в Гражданскую на позициях, на партработе. Вот под Царицыным в восемнадцатом встретился с Штернбергом. Он кумом меня в шутку назвал, узнав об обсерваторской моей короткой работе. Сам-то уже известным астрономом был и геофизиком. Не только в России, но и в Европе его знали. Как сам рассказывал: прославился он в их научном мире своими исследованиями по движению земных полюсов: географических и магнитных. С конца прошлого века, между тем, в нашей партии, а в семнадцатом руководил в Москве военно-техническим комитетом, в Гражданскую — не последний человек в политбюро Красной Армии.

Жаль, рано умер Павел Карлович, в конце войны простудился: воспаление легких. В память о верном товарище и большом ученом поддержал присвоение его имени Астрономическому институту Московского университета. Сколько таких светлых людей у нас было. И сейчас есть.

Конечно, наш агитпроп не устает подчеркивать: советская наука — наше создание, а царская? — Да так себе: три-четыре громких в Европе имени. Но так надо. Пока надо было. Теперь другое время пришло, пора собирать по-библейски камни. Наконец-то после войны восстановили в правах слово «русский», начали и уже не первый год восстанавливаем имена и дела великих и выдающихся русских ученых. Хватит их делить на наших и не наших, советских и царских. Власть и политическая система меняются, а страна, ее народ теми же остаются. Только последний глупец или парткарьерист не понимает или не желает понимать этого.

Однако и о достижениях советского периода в науке, в индустрии мы должны говорить с гордостью, даже несколько хитрить: дескать, царевы министры ушами хлопали, а мы вот, молодцы такие, в считанные годы лампочку Ильича, почитай, в медвежье углы продвинули, *БАМ* почти построили, да война помешала.* Транссиб опять же в Среднюю Азию ударно построили, на Кольском полуострове крупнейшее в мире месторождение апатитово-нефелиновых руд разработали. Да мало ли чего еще?

Старшие же поколения и историки науки и техники знают, а народ пока рано еще оповещать, что вовсе мы не на голом месте страну индустриализировали. План *ГОЭЛРО*, включая все разведочные работы, сложнейшие расчеты и проекты десятков электростанций, не *комиссия* Глеба Кржижановского в считанные месяцы работала, а много лет в 1910-х годах назначенная царским правительством *комиссия* дотошно разработала. Кстати, с активным участием Кржижановского. И Красина тоже.

Как и проект и изыскания по *БАМ*у и Транссибу тоже после Японской войны были выполнены. Но как и нам Отечественная, так и царю Империалистическая помешали все пораньше сделать. И Ферсман еще до революции апатиты открыл.

Конечно, проекты одно дело, а их реализация совсем другое. Но ведь умно и дотошно разработанный проект — это половина дела. Так негоже нам от всего бывшего до нас отрекаться, используя его на всю катушку.

Но вот чисто советские достижения — так это машиностроение, танковая техника и вообще вооружение, большая химия, а особая гордость наша — авиация. Про атомную бомбу и не говорю. Военный флот еще требует много внимания и затрат, но и он скоро уже станет океанским: с линкорами и авианосцами. Зато давно действует Главсевморпуть, руководимый человеком-легендой Иваном Папаниным. «Самый

* В годы войны и даже до ее начала уложенные уже рельсы *БАМ*'а были сняты и перевезены для устройства рокадных дорог на линиях фронтов, в том числе вдоль Волги к Сталинграду и у границ Персии-Ирана.— Прим. авт.

северный еврей планеты!» — Таким заголовком пестрели западные газеты после дрейфа *СИ-1* в Ледовитом океане.

...А все эти достижения стали возможными при сочетании опыта выдающихся старых русских ученых и инженеров, хотя бы и немногочисленных по сравнению с Европой и Америкой, и энергии молодой, уже советской поросли. Совершенно верно, разумно и вовремя мы, еще не оправившись от разрухи Гражданской, взялись за всеобщую грамотность, за рабфаки, а главное — за десять лет, даже меньше, удесятирили число институтов. Главное — впервые в мире опробовали — и убедились в своей правоте — совершенно новую, нашу советскую систему высшего образования: вместо классических университетов специализированные институты: политехнические, отраслевые технические, физические, медицинские, педагогические, институты культуры. Только такой крутой поворот и позволил нам в кратчайшие сроки насытить страну специалистами для скорейшей индустриализации, подготовки к круговой обороне, качественного скачка в сельском хозяйстве, в культурном развитии.

...Ишь расхвалился, расхвастался! Знать, действительно страна расправила крылья.

*Когда, величьем Родины взволнован,
Ты трепетал от ликования весь,
Твои звучали песни так, что словно
Их пели людям ангелы с небес.*

Распелся, товарищ Сталин. А оттого распелся, что сейчас, в середине века, СССР в самом прямом и полном смысле ни от кого не зависит, а для полного равенства с миром капитала чего не хватает? И много, и не очень-то по сравнению с совершенным: не хватает по количеству атомных бомб, авианосцев и линкоров, первой водородной бомбы в мире и межконтинентальных ракет. Но все это уже активно проектируется, делается. Курчатов и Королев под опекой Лаврентия, который хоть черта изпод земли приволочет, если только понадобится, Келдыш, Яковлев и Туполев работают без отпусков. Скоро и первый спутник в космос выйдет, а спецы Королева и Челомея уже кабину под космического летчика на ватмане вырисовывают! Уже реальны первые атомные электростанции, ледоколы и подводные лодки.

Скоро совсем и людей от пуза накормим: в *ВАСХНИЛ*е не только ломают словесные копыта лысенковцы с вейсманистами-морганистами. Хватит нам с деревенского мужика три шкуры драть. И так на нем выехали в тридцатые годы и в войну тоже. Селекция, разумная кооперация, ирригация и мелиорация, выверенный севооборот — все уже пошло на село. Но, конечно, страна наша выстояла только благодаря индустриализации, первым пятилеткам. Не отрицаю — сталинским пятилеткам, не скромничаю...

Нет, чего-то утаиваешь, хитришь, товарищ Сталин! Не только энтузиазм освобожденного народа, мудрость партии и твоя, не такая уж пустая, голова сделали индустриализацию. Помогли нежданные-негаданные внешние обстоятельства и нечеловеческое напряжение всей страны. Проститутка-история первое как бы забудет, а за второе приклеит мне ярлык тирана и кровопийцы.

Это уже не мечтательная наука, это суровая практика.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Да, в великом переломе две составляющие: внутренняя и внешняя — по отношению к СССР. Хорошо бы, конечно, если только вторая была. Увы, пришлось все соки

из страны, прежде всего из крестьянства, вытянуть. Но без этого пришла бы гибель всей стране, всей нашей великой идее социального государства. А разве иначе бывает, бывало в истории становления нового строя? Это как подросший, женившийся мужик в деревне, что наследует отцово хозяйство, если он не младший сын. Нужно отделяться, рубить себе избу, не один год маяться в отхожем промысле, собирая на коня, корову, другое обустройство. Опять же целину распахать на неуродном месте, опять же по два раза в год телегу за телегой навоз возить. И много чего другого. Кажется мужичку: все, силы иссякли, сердце вот-вот остановится, рухну не дойдя до порога. Но вот осилил же, устроил хозяйство, унавоженный суглинок сам-шестнадцать урожай дает, дети подрастают, а поп Исидор каждый год за серебряную полтину очередного младенца в купель окунает. Расправил мужик плечи, а ведь молод еще — и работает уже легко, и в жизни смысл появился.

*Тогда с души прогонит тучи
И мрак, который в ней царит,
Надежда силою могучей
И к жизни сердце возродит.*

Так у людей бывает. Всегда: мужик ли ты хлебопашец, поэт, ученый... даже чиновник-выжига, взяточный судейский, даже вор. К добру ли, к злу человек себя готовит, но обязательно проходит тяжелый путь становления. Хм-м, что-то ты, товарищ Сталин, добро и зло в категориях уравниваешь? Или вспомнил знаменитую диссертацию Чернышевского? Скорее всего, недавно просмотренную книжку по современной буржуазной этике, что в Академии наук по отобранному мною списку издали для служебного пользования. Да, в этой их этике, как и у Чернышевского, и добро, и зло одинаково имеют градации от посредственного до в высшей степени превосходного.

...Тяжело крестьянам пришлось в годы перелома, но разве остальным в стране легче было? А тут еще подряд два засушливых года в Поволжье и на Украине.

Сколько мы тогда продебатировали в Совнарком и в ЦК: как облегчить эту нагрузку на крестьян, без хлеба которых никакую индустриализацию не вытянуть, начав не закончить. Много было как умных, так и глупых предложений высказано. Сам перечитал труды Чаянова, Несмеянова, земских авторитетов в области землеустройства, севооборота, сельхозкооперации. Не раз и не два устраивал встречи с ведущими учеными ВАСХНИЛ и «Большой академии». Правильную установку с самого начала — не хвастаюсь — отстоял; надо исходить из решения двуединой задачи (хотя по народной мудрости за двумя зайцами не угонишься): сделать сельское хозяйство товарным и высвободить для строек пятилетки индустриализации миллионы бывших крестьянских рабочих рук.

Отрицательный результат — тоже результат. Так говорят люди науки. Такой полезный нам отрицательный результат, за исключением минимально-достаточного заселения Алтая и Приморья, дала столыпинская реформа: и русский мужик не тот, и климат другой, нежели в Европе и Америке, поэтому единоличное сельское хозяйство даже при мощной господдержке (а где ее было тогда взять?) у нас не выйдет на товарный уровень. Это ведь Столыпину многократно говорили земские кооператоры. И в царском правительстве тоже разумные люди нашлись, отговаривали царя. Но перевесила необходимость заселения востока страны. Здесь Николай вспомнил завещание своего умного отца, так решительно начавшего русскую экспансию на Тихом океане. В кои-то века достался России умный царь, заявивший: в Европе нам делать нечего, надо поворачивать в восточную сторону. Правда, Николашка и загубил все достижения Александра Третьего...

Итак, только общинная кооперация с агрономией и механизацией, гарантированной государством.

Но и здесь мнения разделились: взять за образец земскую кооперацию, сочетающую индивидуальное, личное с определенной плановостью, регулируемой в рамках Госплана? Или пойти путем полной коллективизации-обобществления? — Поставленной изначально задаче отвечал только этот путь. Как по каждой его отдельной составляющей, так и по их совокупности. Заодно решалась и некая сверхзадача: социальная гармония двух основных советских классов, рабочих и крестьян. Тем самым оба класса становились пролетарскими: индустриальным и сельскохозяйственным.

Вместе с тем переход к полной коллективизации-обобществлению, в отличие от земской кооперации с элементами планирования, был очень ответственным для исполнителей и психологически сложным для крестьян. Но в итоге общинный тысячелетний дух русского народа победил все сомнения и прямое противодействие кулачества. Теперь дело было за тракторами, заводы для производства которых строили высвободившиеся, излишние в коллективизированном сельском хозяйстве, крестьяне.

...Нелегко, не легче коллективизации, даже намного труднее, далась нам индустриализация. Может, она и заглохла бы еще до конца пятилетки, но неожиданная помощь пришла оттуда, откуда мы ее не то что не ждали, но и во сне помыслить не могли. Кстати, наш агитпроп по сию пору об этом наглухо молчит. Так надо, так патристично. И мне бог велел рта на этот счет не раскрывать до поры до времени.

Придет это время — то ли мы с довольной усмешкой, а может, временно пришедшие к власти троцкисты — со злобой и паскудными ухмылками будут говорить одинаковое: империалисты помогли нам создать советскую индустрию!

Здесь надо отдать должное, как ни странно звучит от меня это признание, Троцкому с Ильичем. Когда Конгресс *CACIII* принял рекомендации своим промышленникам (сам закон приняли позже) о выводе с территории Штатов вредных химических производств, в первую очередь азотно-туковых, то владелец концерна *«Петролеум оксидентум»* Арманд Хаммер живо вспомнил еще нью-йоркское знакомство с проворным Левоу Троцким, который теперь в советской России при живом Ленине играл первую скрипку. Списался или созвонился с ним по трансатлантическому кабелю и предложил серьезную сделку.* Сделка сделкой, но Ильич сразу понял пользу проекта для разрушенной Гражданской войной страны.

Дальше началась торговля Хаммера с Ильичем под дирижерством Иудушки. А «ценитель русской культуры» зачастил из-за океана в Москву. Азотно-туковое производство — это взрывчатка, удобрения и много чего другого вплоть до моющих

* О подоплеке этой грандиозной сделки догадывались, а специалисты просто знали еще в советское время. Я в достоверности истории этого проекта убедился случайно. Мой знакомый работал в химическом НИИ в Туле. По профилю своих занятий как-то он ездил в командировку на один из химкомбинатов «Азот» (их в СССР по проекту Хаммера к 80-м годам было запущено около полутора десятков). По сути командировочного задания у него возникла нужда ознакомиться с первичной документацией по одному из техпроцессов — «кальками», как говорят в промышленности. Из службы техдокументации ему принесли не обычную, принятую у нас размахренную папку чертежей в обложке из тонкого порыжелого картона, а аккуратный том размером метр-на-полметра в кожаном переплете с непотускневшим от времени золотым тиснением: названием концерна Хаммера. Очевидному нельзя не верить. В новые времена американцы уже не удовлетворились разделом продукции, а прибрали эти «Азоты» в России и в бывших союзных республиках в полное уже владение. В Тульской области были построены и сейчас работают два таких комбината: Новомосковский «Азот» — построен в 30-е годы и Щекинский «Азот» — в 70-е годы. Крупнейший Новомосковский комбинат теперь полная собственность «Проктер энд гэмбл» — мирового монополиста производства стиральных средств. Истинно сказано: услуга дьявола, в данном случае Троцкого, рано или поздно окажется вредом или кабалой. — Прим. авт.

бытовых средств. А в начале этой цепочки стоит вредное для всего окружающего производство азотных химикалий в огромном объеме. Это тяжелый химический синтез. А тонкая химия, получение готового продукта — уже вне территории СССР.

У Хаммера — готовые проекты комбинатов, строительные и начально-эксплуатационные инженерно-технические кадры и — главное — оборудование. У нас — ни того, ни другого, ни третьего, и денег ни копейки-цента. Договор о разделе продукции едва не на вечные времена — это половина оплаты. Еще четверть — хаммеровский кредит. А оставшееся — будьте так добры! Капиталист слезам и обещаниям не верит.

«Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа!» — Присказка еще семинарская. Но заводы Хаммера ведь только начало; стократ больше средств потребуется на полную индустриализацию. А бедной стране не жить. Никогда я не осуждал даже в мыслях Ильича, все его окружение, даже Троцкого в той ситуации, за единственно возможное принятое решение: обобрать церковь, музеи, реквизициями и «торгсинами» взять все ценности у населения. Некоторое утешение, что церковь сама себя высекла, став со времен патриарха Никона лакеем самодержавия, музеи со временем заполним произведениями нового, советского искусства, а ценности имеются среди населения лишь у представителей бывших эксплуататорских классов. Не до дипломатических церемоний и интеллигентского сюсюканья. И не хочу себя перед потомками оправдывать, что решение было принято без моего решающего участия. И кто я тогда был-то? — Второстепенный нарком по национальностям, а тогдашняя должность генсека она и была бумажно-секретарской.

Реквизиции, реквизиции... Но разве на погорелом месте, собираясь ставить новую избу, хозяйка не продаст свои скромные драгоценности: обручальное колечко, монисто, что муж к свадьбе подарил, да перешедшие ей от матери серебряные сережки с простенькими лазоревыми камушками? И никогда потом мужа не попрекнет этим, а тот постарается и колечко новое, и сережки ей купить. Так-то и здесь.

...Никому стороннему, почти всему руководству партии и правительства ни тогда, ни сейчас, а может, и в долгом будущем и в голову не придет: почему, начав с Хаммера вовлекать капиталистов в нашу индустриализацию, мы это дело вроде как замедлили до конца двадцатых годов? Но ведь не вроде, а действительно замедлили. И это, не выпячивая свою роль, уже *при мне* было. Все-таки тогдашняя старая большевистская гвардия еще в почетных царьков не превратилась; еще троцкисты не подставили под расстрельщиков Ежова наших выдающихся марксистов-экономистов. А те сумели убедить руководство страны, что из анализа тенденций в деятельности капиталистического мира в Европе, но особенно в Америке, опирающегося как на законы Маркса, так и выкладки современных авторитетных западных экономистов, следует: гениально предугаданный Марксом, первый в истории, мировой кризис империализма вот-вот грянет. И опять же по Марксу: кризис перепроизводства, как внешняя сторона медали, будет следствием более глубокой причины — финансово-спекулятивной, перекашивания всемирной капиталистической системы из-за обострения неравномерности ее развития. А причина последней — выход из этой системы 1/6 части мира, СССР и неопределенность результатов мировой бойни.

Дело-то нехитрое ждать удобного момента. Любой разумный хозяин это тугο знает: собираешься избу рубить — перекантуйся с семейством в холодной времянке со слабо греющей буржуйкой, но дождись когда цены на лес, кровельную щепу-драпку, гвозди и другую строительную халду-бурду сойдутся до доступных.

Так и получилось к первой пятилетке. В Америке депрессия, Европа в унынии, а три страны, пользуясь невероятно удачным моментом, спешно становятся на ноги. Это все кажется случайным совпадением, но нет, это сама история ставит опыт на СССР, Германии и Италии в выборе пути к социальному устроению общества.

Но у немцев и итальяшек своя свадьба, пока нас не касающаяся (ох, как еще коснется скоро!), а мы всю кризис капитализма использовали. Все к нам из Америки за терпимые деньги потекло: безработные в *САШИ* высококлассные инженеры парходами в Ленинград и Одессу прибывают, а за ними население целых поселков при крупнейших стройках пятилетки — техники и рабочие с многолетним стажем работы в ведущих корпорациях Америки.

Банкротящиеся фирмы мировой известности идут на любые уступки, соглашаются на недопустимо низкие проценты при неприлично долгих сроках погашения кредитов. А в итоге самолетами с посадками в Париже в Москву в Генплан доставляют тонны технической документации. В портах того же Ленинграда, Одессы, а также Мурманска, Архангельска и Владивостока разгружаются сотни тысяч тонн металлоконструкций.

А в это время на местах будущих новостроек тоже сотни тысяч пока еще неквалифицированных рабочих, недавних крестьян, как муравьи с лопатами и тачками, сравнивают холмы, роют под фундаменты котлованы площадью с городские кварталы, строят бетонные заводы огромной производительности.

Сталинградский тракторный, Магнитку, Днепрострой строят американцы. С американским же оборудованием. Но и мы не лыком шиты, не в колонии живем: возрожденные царские еще заводы, тот же Ленинградский металлический и десятки, сотни других реконструируются, начинают выпуск своих уже гидротурбин для *ГЭС*, турбин для *ГРЭС*, доменного оборудования, сталепрокатных станов, кузнечно-прессового оборудования и всевозможных станков для машиностроительных заводов, выпускающих тракторы, автомобили, танки, дальнобойные орудия, самолеты, крейсера и подводные лодки.

Все продумано, все в Генплане просчитано: первая пятилетка — первая волна, у капиталистов учимся, их технику используем; вторая пятилетка — уже запущены в ход «заводы заводов», основа нашей будущей индустриальной самодостаточности. Так от «американского» Бобрикстроя, будущего Сталиногорска*, Сталинградского тракторного, турбин Днепрогэса мы скорыми шагами перешли к уже собственной индустрии.

...Особо благодарить империалистов, *США* и Антанту не будем; мы стократ «переплачивали» их в Отечественную войну; потом за ними должок был за интервенцию Гражданской и содержание на коште белой контрреволюции, за экономическую блокаду двадцатых, и еще один сейчас впрок должок набрали за «холодную войну». Квиты, господа империалисты. Нам же оправдываться не в чем. Маркс и Ленин так нас учили: использовать для построения социализма любую трудность, промашку капитализма, даже порой идя им на уступки, если таковые в настоящем и будущем не угрожают нам чрезмерными сложностями и возможностью военной или ползучей реставрации частнособственности.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я далек от мысли, что индустриализация и коллективизация есть лишь заслуга руководства *ВКП(б)* и Совнаркома. Тем более исключительно моя. Это был подвиг всего нашего народа, в котором еще живо горело воодушевление революционных и военных лет. Нет, конечно, революционное наследие и сейчас действует, и еще долго будет действовать. Но я имею в виду именно воодушевление. А по человеческой

* Ныне город Новомосковск Тульской области; см. примечание выше: нынешняя вотчина американской «Проктэр энд Гэмбл». — Прим. авт.

природе воодушевление не может длиться вечно. Рано или поздно оно, не меняя своей сути и побуждающей идеи, переходит в более спокойную форму. Что, в свою очередь, означает: идея настолько закрепилась, что стала привычной. А о привычном уже не задумываются, руководствуясь им в обыденной жизни.

Народ народом, но теоретики князь Кропоткин и Прудон, сугубый практик Нестор Махно, что называется, от первого лица показали: анархия не мать порядка, но надуманная химера. Личность в истории закономерна. Я уж от первого лица могу это засвидетельствовать.

Почему-то у историков, да и в разговорах на коммунальных кухнях, если там все бабы не переругались, и никакие разговоры не ведутся, принято сравнивать выдающихся личностей, даже разнесенных во временных эпохах. Ладно, бабы и слабопомышленные мужики в линялых майках в коммунальных квартирах, но историки-то? Ученые мужи в академических званиях и с окладами?

Когда в различных собраниях достаточно узкого круга руководства возникал этот вопрос о сравнении «степени великости», я всегда говорил о глупости, неправомерности такой постановки вопроса. Поскольку же никак не удавалось найти емкое, как физическая или математическая формула, краткое обоснование этой глупости, то я просто переводил разговор на другую тему. Если разговор шел за столом по какому-нибудь поводу, то ограничивался шуткой: мол, славны бубны за горами, но у нас в дуду дудят.

Незадолго до начала войны в приватной беседе со Ждановым после обсуждения дел серьезных тоже возник вопрос о сравнении исторических личностей. Андрей, хорошо разбиравшийся в искусстве, в музыке тоже, привел удачное сравнение, суть которого в следующем.

Жданов, по его словам, недавно на отдыхе в Крыму крутил ручку приемника и «поймал» запись второго концерта для скрипки с оркестром ре-минор Генриха Венявского. По всей видимости настроился он на Би-Би-Си, а понимая наполовину разговорный английский, Андрей Александрович из предваряющих пояснений диктора понял, что это запись тридцать пятого года Лондонского симфонического оркестра, а солист — тогдашняя знаменитость Яша Хейфиц.

По словам же Жданова, общавшегося по делам службы с ленинградскими и московскими музыкантами и композиторами, в том числе с Прокофьевым и Шостаковичем, излюбленная тема спора у них — кто лучший скрипач: Паганини или Хейфиц? То есть, кто из них «второй Паганини» или первый, в смысле второй, Яша Хейфиц? Но как их можно сравнить? — Хейфиц — вот он со своей чарующей скрипкой: в лучших концертных залах Европы и Америки, на граммофонных пластинках, на радио. А о Паганини только письменные свидетельства его современников, заромантизированные истории его жизни у Стендаля и нашего Виноградова.

На первый взгляд может показаться: да, отзвучавшую музыку никак нельзя сравнить с живой, сегодняшней. Более повезло представителям других художеств — от скульптуры и архитектуры до литературы. Если, конечно, сохранились памятники этих художеств.

Вроде бы есть основание для сравнения личностей в политике, военном искусстве. Но так ли это? Ибо мы судим о прошедшем по результатам, действие которых ощущаем и сейчас. Самое существенное — великие государственники, политики и полководцы если и оставили после себя письменные откровения, то посвятили их второстепенным — для нас, понятно — сторонам своей деятельности. Наполеон в своих мемуарах, что сочинял на Св. Елене, написал некое подобие комментированной тактики встречного боя... А наш великий Александр Васильевич? — Оставил после себя десятистраничную «Науку побеждать», в которой все подчинено одному

лейтмотиву: «Пуля дура, штык молодец!» И еще пару сотен писем, что издала наша «Академия».* А там в основном переписка со своим родственником, карикатурным литератором графом Хвостовым о домашних делах, прошения Румянцеву и Потемкину о пенсии для семей погибших при штурме Измаила младших офицеров и записки интендантам о нехватке гречки для солдатского котла и скорейшей доставке «трех бочек аглицкого темного пива»...

А жизнеописания великих людей у историков — от античности до наших времен? Те же «Жизнь двенадцати цезарей» Светония? Совершенно верно и горько написал его римский коллега Тацит... еще с семинарских лет в памяти отпечаталось: *«Если историк льстит, чтобы преуспеть, то лезть его противна каждому, к наветам же и клевете все прислушиваются охотно; оно и понятно: льстец мерзок и подобен рабу, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде».*

Итак, вроде остались сочинения самих великих в истории, тома их жизне- и подвигоописаний историков, но... при их чтении не возникает ощущения соприсутствия с этими великими, с их мыслями и устремлениями. Получается взгляд со стороны в глубь веков. Пусть даже немногих десятилетий — все одно, нет достаточной базы для взаимного сравнения.

Пожалуй, единственное исключение — Макиавелли, его великолепный «Государь», одна из полутора десятков моих настольных книг. Кстати, когда придет время плевать на мою могилу и мои дела, припомнят мне востроглазые шелкоперы этот изящно изданный «Академией» томик Макиавелли. И, разумеется, изданный перед войной «для служебного пользования» «*Mein Kampf*», который я заставил проштудировать все наше партийное руководство и наркомов. Даже лихих кавалеристов Буденного с Ворошиловым.

Эти г...нюки — имею в виду, конечно, шелкоперов — с каждого свободного клочка газетной бумаги будут кричать: смотрите, потомственные жертвы сталинизма, у кого брал уроки иезуитства в политике и кровавой жестокости бывший «отец народов»? — У прожженного нравственного изувера Макиавелли и всемирного убийцы Гитлера!

Что ж, они всегда на срочной службе, труженики второй древнейшей... И вообще — глупейшее занятие сравнивать по чинам и количествам выигранных сражений — в кабинетах и на поле боя — личностей истории. Опять же говорю от первого лица. Поэтому мы и используем для агитпропа и политпросвета определение отцов марксизма: личность, вне всякого сомнения, есть непрменный атрибут движения истории, но не фатально и индивидуально predetermined личность, наделенная от бога или дьявола (это о Троцком в первую очередь) некими сверхкачествами (а это из фантазий Гитлера), а недюжинная личность, проявившая себя в нужном качестве в нужное время и в нужном месте. Под местом понимаются исторические, политические, экономические и прочие обстоятельства.

Правда, при этом не уточняется: как эта личность себя поставила в нужное время и место? Если речь не идет, конечно, о явных ставленниках, марионетках и прочей шушере. Да этого народным массам и знать не надо. Они смотрят со стороны и снизу вверх, а запахи кухни, тем более политической, им не следует ощущать. Для их же пользы и непоколебимой уверенности в своем Вожде.

Для себя же отмечу два, нет... три существенных момента для формирования и

* Издательство «Academia» (Москва — Ленинград) а 20-х—30-х гг. специализировалось на изданиях памятников истории и литературы. Книги этого издательства отличались хорошей полиграфической базой и изяществом оформления: толстые томики уменьшенного, «карманного» формата, веленевая бумага, переплеты с тиснением — матерчатые, даже холстинковые с цветной раскраской-тиснением. Эти книги высоко ценятся у современных коллекционеров.— Прим. авт.

утверждения личности в истории. Во-первых, реализация таким самовыдвиженцем раз и навсегда поставленной сверхзадачи. Во-вторых, опять же самоосознание своих способностей — ума и человеческих качеств — решения этой сверхзадачи. Наконец, и в-третьих, правильное избрание стратегии, оперативного искусства и повседневной тактики борьбы за власть. Ибо только реальная власть позволяет свершиться исторической личности.

Еще одно существенное неудобство в жизни такой личности: он должен иметь даже не два, а три лица. Одно для «ширпотреба», для масс, ведомых этой личностью. Второе для ближнего окружения и при жизни этой личности. Наконец, третье — самопотаенное, а значит, и самое реальное.

Итак, для масс и ближней истории, пока и тебя не оболгали завистливые преемники власти, вырабатывается каноническая биография. Собственно, это даже не биография, а утвержденный коллегиально документ истории. Вот и моя официальная биография обсуждалась на том историческом пленуме «вблизи» XVIII съезда ВКП(б), где было принято решение о героизации и идеализации имени «Сталин», которое с того времени стало уже не просто моей второй фамилией — после Джугашвили,— но отделилось от меня и стало символом. И к съезду, к его 60-летию такая биография была издана.*

Как и имя «Сталин», так и эта официальная биография, собственно говоря, отделилась от меня, стала символом, объединяющим народ.

Эта официальная биография, естественно, должна поддерживаться постоянными «вливаниями», публикациями различного уровня: от передовиц в «Правде» и «Известиях» до академических трудов. Но — все в русле канонизации. Здесь пример подал в тридцатых годах Лаврентий. Кто ему написал этот доклад размером со средней толщины книгу — неважно. И также не имеет значения, что в это время, в середине тридцатых, он явно выслуживался: крылья у него подросли, пора настала из захолустного Тифлиса перебираться в Москву. Но книга получилась убедительной... как убедительным является хорошо закрученный роман.

Итак, требуется второе лицо личности в истории: для ныне живущего ближнего окружения. Это лицо даже сложнее держать, как говорят китайцы. Тот же Лаврентий, кавалеристы Ворошилов с Буденным, почти весь состав ЦК партии и совнаркома. Это сейчас. Но тридцать лет назад, когда я еще только шел к власти хозяина в стране, и в первые десять лет реальной власти окружение было другое: Троцкий, Киров, Фрунзе, Каменев с Зиновьевым, молодой еще Жданов, Орджоникидзе, Дзержинский и Менжинский, в среде военных чинов — Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир...

Перед ними еще можно было держать естественное свое лицо — ведь соратники, связанные накрепко друг с другом; неважно, что многие из них стали врагами — не моими, а советской власти в первую очередь. И они меня звали Кобой. Зачем же что-то корчить из себя перед ними? Это как в дворовой стайке пацанов один начнет важничать. И что с ним сделают? — Правильно, воспитательно морду набьют либо отвернутся насовсем. Но для нынешнего окружения, хотя в нем и остались из старой гвардии, лицо-то приходится именно держать, дистанцироваться не только внешне, на людях, но и в неформальном общении. Этого требует взятая мною на себя нелегкая роль исторической личности.

Это такая же игра, как игра политическая, дипломатическая и всякая иная. Наконец, реальное, самопотаенное лицо. Увы, здесь историческая личность беднее последнего нищего, который и вовсе не прячет своего лица перед всем миром людей. А для играющего роль исторической личности это табу. Даже наедине с самим собой, в

* Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Сост. Ин-том Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). — Ростов-на-Дону: Ростовск. обл. кн-во, 1940. — 127 с. (Одно из изданий). — Прим. авт.

своем кабинете: вдруг преданный Поскребышев без доклада — он имеет на то разрешение — войдет, или кто даже с докладом, но я-то не успею надеть на лицо маску вершителя судеб трети мира, а?

Это не самоирония, не смех, а действительность. Только в самых что ни на есть потаенных мыслях, как сейчас, когда даже Старостин, Туков или Матрена Бутусова не посмеют, проходя коридором, даже взглянуть, не поворачивая головы, боковым зрением в сторону приотворенной двери в его комнату. Нет, не маскировка, не игра в прятки с самим собой. Просто ты уже не принадлежишь самому себе, и твое, вроде, лицо и не твое, а ты сам всего лишь его носитель. Такой живой памятник получается!

К черту эти шарады с лицами! И нечего петлять: первое, второе, третье... Все одно с усами и оспинами, со слегка рыжеватыми, увь, год от года редеющими волосами. Вот твое лицо-монумент, товарищ Сталин, повторенное в десятках, может, сотнях гранитных памятников на высоких пьедесталах по всей стране — от Владивостока до западных границ, а с севера на юг — от столицы Северного флота Полярного до Закавказья. Отштамповано в тысячах гипсовых бюстов по ленинским комнатам военных частей и красным уголкам заводов и фабрик, в аляповатых же бюстах во всех парках и скверах, в миллионах портретов — от сельсоветов и колхозных правлений до кабинетов министров и маршалов. Так надо. Историческая личность не должна быть суеверной и спокойно относиться к существованию миллионов отпечатков своего лица и фигуры в длиннополой кавалерийской шинели, разнесенных по огромной стране.

Не надо путать понятия: роль личности в истории, канонизированной исторической личности, и личности, на которую история взвалила непосильную тяжесть ответственности за ход истории в масштабах не только огромной страны, но в определенном смысле и за ход мировой истории на определенном этапе ее движения. И остаться символом для будущего.

Роль конкретного человека в истории — это и есть то самое «в нужное время и в нужном месте», но сюда плюсятся еще и человеческие качества. Причем такие, которые из обычного *человека* делают *личность*. Другое дело совсем — канонизированная историческая личность. Это уже монумент. Если первое — Наполеон с момента осады Тулона и до «ста дней», то второе — тот же Наполеон по сей день, начиная со Святой Елены и после Луи-Филиппа.

А третий — это ваш покорный слуга. Лихой вояка-политик Наполеон здесь не подходит. История, вообще говоря, на него не взваливала какой-либо непосильной тяжести. Она могла и «подождать» другого, быть может, и более умного, более проныцательного в военно-политической стратегии человека. Но Бонапарт, любимец удачи до определенных пределов, например, стен московского кремля, брался за власть по-кавалерийски, хотя и был артиллеристом, вовсе не предполагая взваливать на себя эту самую непосильную тяжесть. Да и власть-то ему дуриком досталась. После заявки о себе под Тулоном и военно-познавательного путешествия к египетским пирамидам только ленивый на его месте не разогнал бы переругавшийся Конвент — некое подобие нашего Временного правительства Львова — Керенского — и вот он Вождь революционной Франции. И понеслось! Понятно, что его направляли масоны, коим время пришло начать разрушение европейских монархий. *Тайное мировое правительство впервые стало явью*. Хотя и конспиративной. А Наполеон стал предтечей Троцкого — всего через век.

А вот я добровольно взвалил на себя тяжесть непосильную. И это большая удача, что почти осилил ее, достиг вершины могущества советской страны: на верфях Николаева и Ленинграда заложены первые наши линкоры, а в ленинградских ЦКБ уже проектируют авианосцы. Атомные бомбы запущены в серию, на выходе водородная

бомба. В космосе уже побывали наши собаки*, в самом конце пятидесятых — начале шестидесятых Королев планирует и полет человека. Нашего, советского человека!

И власть мне никто добровольно не давал, а я ее особо и брать не хотел: отторопь брала от предчувствия ответственности, тяжести шапки Мономаха и проклятий мне от будущей проститутки-истории... Даже от большинства будущего советского народа. Советского ли в той дальней перспективе?

Трудно, сложно даже не я шел к власти, а власть проверяла, ощупывала меня и вытаскивала вперед, выделяя из сонма робких, опасливых, своекорыстных, бесшабашно отважных, слишком доверчивых, книжно-умных и просто дураков. Но был один враг-соперник, к тому же настроивший против меня уже глубоко больного Ильича, действительно умный, проницательный и энергичный. Настолько в нем эти качества являлись в совершенном виде, что, не задумываясь, уступил бы ему узкую, не для двоих, тропинку к высшей власти, тем более, что при хвором Ленине он ею уже практически обладал, но при условии уверенности: эти качества он всецело употребит для блага страны, ее народа и построения советского социализма.

Но вот эту-то уверенность Лейба дезавуировал своими делами: непоколебимая уверенность во всемирной революции и ее перенесении из России; несостоятельность этого к концу девятнадцатого года после поражения советской власти в Германии, Венгрии и Прибалтике, понимали уже многие. А Троцкий все митинговал. И всех настораживала его постоянная конфликтность; жить он не мыслил без фракционной борьбы и оппозиционности. Его перманентная революция и движение без обозначенной цели — главное, ввязаться в драку, а там как получится — все заставляло очень серьезно задуматься: а на чью мельницу льет Иудушка воду?

...Не хвастаюсь, не горжусь и с собой унесу, что одним из первых для себя раскрыл сущность этой мельницы. Оправдываться не привык, тем более на будущее; все одно проститутка-история все сведет к примитивной борьбе за власть между мною и Троцким. Умные-то люди всегда истину будут знать и помнить, но на одного умного, самодостаточно мыслящего, приходится с десяток, если не больше, кутят с пеленой на глазах, что ориентируются в ходьбе только на размахиваемый мамкой хвост.

Конечно, не я один дошел до истины. Все же в двухсотмиллионной стране, не говоря уже о всем мире, умных людей достаточно. Особенно среди писателей таких провидцев много встречается. Хм-м, на этот счет *мало уважаемый* нашим агитпропом Андрей Платонов** с юмором писал, что-де и среди интеллигентов иногда попадаются — этого отрицать нельзя — на редкость умные люди... А вот *уважаемый* мною Булгаков, при всех его странностях и закидонах, так прямо писал, что Троцкий — Антихрист. Хорошо, Лаврентий разрабатывает еще не напечатанное и меня просвещает.

Антихриста не Антихриста, но исполнителя некой тайной силы. Может, ее масонством правильнее именовать, сионизмом? — Вот это и есть то тайное правительство, выпущенное в плавание по миру Французской революцией. Так и получается, что с самого начала я не только ответственность за будущее страны взвалил, но и противопоставил себя мировому Антихристу, его тайному, а где надо, и очень даже явному воинству.

...Личность — история — человек с его силой и слабостями. От первого лица говорю, а значит не лукавлю.

* Первый запуск собак с их возвратом на Землю состоялся в 1951 году. Имеется в виду простой вертикальный запуск-спуск ракеты.— Прим. авт.

** Рассказ Андрея Платонова «Фро».— Прим. авт.

ИУДУШКА ТРОЦКИЙ: СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА; ВРАГ ЗАТАИЛСЯ

Будущие историки — наши, не зарубежные, те давно нас треплют,— когда агитпроп потеряет нюх, или контра временно к власти придет, будут без конца издеваться: и это народная революция? — Пролетарская и крестьянская, вызревшая в недрах руководящего чаяния масс *РСДРП*? А на самом деле ее сделали две группки профессиональных политиков, что давно забыли как выглядит русский рабочий или крестьянин, а всю войну отсиживались подальше от военных позиций. Одна группа прибыла с разрешения кайзера в пломбированном вагоне через Германию, а потом и нейтральную Швецию. Другая же припутешествовала на трансатлантике из Нью-Йорка. Одну — с Ильичем во главе — благословил, снабдив и деньгами, Вильгельм Второй, другую — с Троцким — наверное, напутствовали американские банкиры и раввины. Едко историки-шелкоперы говорить и писать будут, да еще если такие козыри на руках!

...И попадут пальцем в небо, исключая роль *РСДРП*: мы, конечно, большую работу провели и перед революцией девятьсот пятого года, и перед Октябрьской, но это мелочь по сравнению с делами эсеров. Они — истинные творцы обеих революций, а Первой — почти единственные исполнители.

Насчет же пломбированного вагона и нью-йоркского парохода... Сам-то с собой могу быть откровенным: те и другие прибыли на готовенькое, но лихо возглавили уже все подготовленное. Конечно, свою толику внесли в бочку пороха, а факелы вовремя взяли и подожгли ее.

Если с «пломбированными» все ясно: заграничное руководство русским революционным движением, вне России в девятьсот десятые годы оказалось, вообще говоря, не по своей воле. А вот тайну нью-йоркского парохода, скорее всего, навсегда унес с собой Троцкий. Такие люди, а более всего их хозяева, имеют не то, что многовековой, но и многотысячелетний опыт сугубой конспирации. То есть, мы, как говорится, «не вхожие» в тот таинственный круг, можем видеть только результаты их таинственной целенаправленной деятельности. Несомненно, приглядевшись зорко, и методы, и, так сказать, технику их деяний правильно охарактеризовать можно. Но цель этих действий, главное направление стратегии? — Увы, все это за пределами знания людей вне того таинственного круга. То есть, неведомо всему населению Земли за исключением микроскопических долей процента от него. Да-а, стратегию нам познать не дано, но основы их тактики и оперативного искусства со временем приоткрываются. Порой и не грех поучиться у них этой тактике и оперативности... Без их пакостной первоосновы, конечно.

Как называть тех, кто насыляет на мир, на нас в том числе, сонмы этих иуд вроде Троцкого? Особенно активно и агрессивно они шлют их в мир после знакового для них события — Великой Французской революции. Ими же совершенной. Но и задолго до нее эти посланцы ада наличествовали. Тот же родоначальник имени — Иуда Искарот. В средние века это розенкрейцеры, в восемнадцатом веке — масоны. В нашем же столетии их склонны называть сионистами. Но в том смысле, что они не отождествляются с собственно еврейским народом, даже не всегда сами семитского происхождения. А евреи-то как раз у них в наибольшей кабале, чем другие нации. Такой вот парадокс. Когда пресловутый «еврейский вопрос» потеряет свою остроту — не зря я им воссоздал Израиль! — где-нибудь в двадцать первом веке этих таинственных исчадий ада и слуг Антихриста другим именем будут отмечать. Например, сверхлюдьми. Но не гитлеровским *Uebermensch*, что неблагозвучно, а по-американски: супермен, что то же самое.

Вечно изменяясь — это явление остается самим собой. То, что сионистов — в широком и конспирологическом понимании этого слова — не следует, не нужно и неправильно отождествлять со всем еврейским народом, это не мое лукавство, а обоснованная, выверенная наша позиция. Мы ее и не скрываем. И Голде Меир, когда она приехала после создания Израиля к нам (мы сразу обрадовались — благодарить!), Молотов ей четко объяснил нашу позицию: мы четко отличаем понятия вашего сионизма, как символа воссоздания еврейского государства, *алии* по-вашему, и мирового сионизма — наднационального, а по сути интернационального течения, скорее, заговора со скрытой целью в среде крупнейшего финансово-спекулятивного олигархата. Это и Маркс предвидел, но по раввинскому своему происхождению поопасался как-то терминологически связать его с еврейством. Ибо все великие и выдающиеся умы ветхозаветного народа постоянно держат в голове несчастную судьбу Баруха Спинозы...

А окрестить всех без разбора евреев сионистами — не в смысле алии — это такая же глупость, как приписывать братьям-украинцам некую генетическую вредность. А они не более вредны и упрямы, чем великороссы. Хрущ как-то за доброй чаркой привезенной из своей командировки в Киев перцовой горилки дурачился. Дескать, вот в *ВАСХНИЛ*е Трофим Лысенко все бьется по вопросам генетики с внучатыми племянниками Вейсмана и Моргана, а лучше бы все они помирились, выпили вот такой горилки и занялись исследованием генетической вредности моих хохлов. А знаете, товарищи? Ведь они, вопреки сложившемуся поверью, очень не любят сало, а едят. Едят, черти! До косопузия и ожирения жирнющую грудинку лопают, лопают. А почему едят? — Так они начали его хрумкать назло басурманам — туркам и крымчакам.

А для них, как вы сами хорошо знаете, для мусульман-то, свиньи и собаки есть самые оскорбительные твари. Если у них два аула поругаются вусмерть, так по ночам лазутчики к своим врагам пробираются и собачью голову к воротам аульной мечети приколачивают. Наши же *козаки* еще до Богдана Хмельницкого, когда в основном не ляхов, а турок с крымцами лупили, как осадят бусурманскую крепостцу, усядутся на рвы, куда стрелы и пули не долетают, вынут из сум шматы сала, кусают его, от противности горилкой запивая, гогочут. Мусульмане не выдержат, выбегут из ворот — тут им и карачун!

...Вот тот же Никита — шут шутом гороховым, а ведь себе на уме? Не потому что хохол, конечно, а ведь троцкистом партийным был. И хотя вроде искренне с ними расплевался, к нам по доброй воле перешел, полезных дел побольше глупостей — и на том спасибо — сделал в серьезном масштабе... а ведь рано или поздно снова в нем троцкистское нутро проявится. Троцкизм — зараза похуже моровой язвы. Причем не только в отношении нас, большевиков, в отношении *СССР* — страны, которой он почти-что овладел, но не удержался, потерял от ощущения всевластия осторожность, и был пинками изгнан.

А вся дальнейшая деятельность Троцкого, которого буквально распирало и рвало блевотиной бесконечных статей, брошюр и речей, направленных даже не столько против *СССР*, сколько против самой идеи, самого факта реального существования социализма в его советской, коминтерновской форме? И его паскудный *IV Социнтерн*! — Он по-прежнему выполнял социальный заказ невидимых хозяев. Впрочем, уже к середине тридцатых годов некоторые из них «засветились». — Прежде всего ультрареакционные круги *САСШ*, связанные с самой верхушкой империалистической финансовой олигархии.

Много было у нас, у нашей страны врагов в короткой сравнительно истории *СССР*. Не меньше и сейчас осталось. И еще больше будет: внешних и внутренних.

Да-да, классовая борьба усиливается по мере приближения к победе социализма. Но почему именно Троцкий, троцкизм был и есть нашим главным, смертельным противником? Да потому что Иудушка — это тот же поп Гапон, но во всемирном масштабе. Если попа того эсеры запросто нашли в домике между станциями Озерки и Шувалово Финляндской железной дороги и повесили, то за Лейбой пришлось охотиться долго и изощренно: от штурма мексиканских коммунистов*, бывших интербригадовцев в Испании, до итоговой, тщательно продуманной на Лубянке операции Рамона Меркадера.

Убийство политического противника — крайний, христиански порицаемый шаг, но сколько, а главное чего нужно ждать? Иудушка не евангельский Иуда Искарот, у него своя правота, которая запрещает ему подыскать подходящий осиновый сук... Есть ситуации, которые, как у повздоривших гусар, требуют дуэли со смертельным исходом одного из них.

Опять же будущие наши историки-борзописцы, а западники уже давным давно, все сведут для обывателя к личной вражде двух претендентов на главенство в стране. Все меряют по себе! А очень умные из них в ту же дуду дудят, ибо выполняют социальный заказ своего «агитпропа». Наедине с самим собой не лукавит даже дипломат уровня Меттерниха, не говоря уже о грубом и прямолинейном, как в сердцах с подачи Иудушки и по-бабски мнительной Крупской говорил Ильич, кавказце Сталине... Конечно, пресловутая «кавказская гордость», точнее — закавказская, нашептывала: хватит обитать в кресле второстепенного наркома по нацвопросам или писарчуком-генсеком. И никакая это не кавказская гордость... всегда раздражало меня: дескать, верблюд двугорбый, индеец с перьями в ушах, а кавказец гордый!

Во-первых, голова на плечах работает и здоровья еще на десяток Куреек хватит, значит работать могу долго и плодотворно. Во-вторых, какие-никакие, но заслуги имею: почти двадцать лет на подпольном положении, тюрьмы, семь ссылок, участие в пленумах и съездах четко на стороне правоты Ильича; кропотливая, выматывающая организационная работа, самая низовая, самая сложная. И при этом нужно иметь стратегическое мышление. Ничего не хочу сказать об Ильиче, руководстве партии — у каждого свои обстоятельства, своя роль в подготовке революции. Но я не то что десятилетиями, а и неделями в безжандармной загранице не жывал. Берлинское пиво и французские вина не смаковал в беседах о будущем новой России. На средиземноморском курортном Капри с Горьким и молодым итальянским социалистом Бенито Муссолини в шахматы не играл.

Безо всякой обиды, конечно, но... Заслуги и в советской стране никто не отменял. И так ли я стремился к высшей власти? — Если и шел на встречу с ней, то только по той причине, что враги сопротивлялись, а друзья по партии расступались. Иные даже по робости, но не меня боялись, а опасались идти в верховные: не справятся, не удержатся. Многие же просто по характеру и воспитанию своему спокойнее, увереннее чувствуют себя на вторых ролях. Осознают: здесь они полезнее общему делу, нужнее стране.

Но главный импульс — это упорное сопротивление врагов — и врага из врагов Троцкого. Сопротивление дает истинному бойцу азарт. Главное же в азарте — не подменить цель мотивом.

Троцкий — вечно живая миллионноголовая гидра. Вроде бы центральную голову

* Вооруженное нападение на дом-крепость Троцкого в Койоакане 24 мая 1940 года, предпринятое мексиканскими коммунистами, подробно описано активным участником нападения, выдающимся мексиканским художником Давидом Альфаро Сикейросом в его книге (русский пер.): Меня называли лихим полковником. Воспоминания. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. — С. 217—230. — Прим. авт.

отсекли в смертельной схватке, но остались другие, в том числе и у нас затаились. Все же тайное становится явным; проявится рано или поздно и гидра троцкизма. Вот что тревожит меня. И не только меня. Известно: исторически гнездо троцкизма у нас свилось в Ленинграде, расплзшееся при Зиновьеве, — ведь и Мироныч, и Андрей Александрович* остро чувствовали запах этой гидры. Может, и острее чем я за грудой дел, за кремлевскими стенами, так сказать. Главное — бесстрашно и деятельно эту гидру изводили. Увы, за что и поплатились жизнью: Кирова «сработали» грубо и демонстративно, Жданова более хитроумно.

Они срубили у той гидры несколько сотен голов из миллионов, а троцкисты — всего две из десятка лишь моих верных и надежных... Счет явно неравный, как говорит свихнувшийся на своем футболе-хоккее Васька.

Уже тридцать с лишком лет все пытаюсь четко оформить, как с юности привык, кратко и ясно прежде всего для себя: в чем смертельная опасность троцкизма? В чем его неиссякаемая сила? Почему мы не можем сразу и решительно его уничтожить, — не физически, что проще, хотя и не комильфо, а идейно, морально — и в глазах всего народа, при его полном, искреннем одобрении? Как, например, мы отмежевались от других наших союзников по подготовке революции, по Гражданской войне: меньшевиков, эсеров, анархистов, различных радикальных группировок? Размежевались не по причине стремления к полному единовластию, а потому что стремились увести страну от раздора, от бесконечной фракционной борьбы-междусобойчиков. Мы бы и потерпели это подобие королевского польского сейма — все же соратниками были, — но сами поставлены внешними и внутренними врагами в такие условия, что малейшее замедление, малейшее отклонение от четкого курса на скорейшее построение социализма могло все едва начатое погубить. Не до либерализма.

Правда, особого греха на душу нашей партии (не обо мне речь, я тогда всего лишь рядовым руководителем значился) Ильичу брать не пришлось. Анархисты на совести наркомвоенмора. Да эти лихие головы не то что с Троцким, но и со своим идейным прародителем князем Кропоткиным горшки бы побили. Особенно махновцы после Крыма. Такая у них судьба: анархия хороша в словесных баталиях интеллигенции — что-то вроде острого соуса пикан или сыра пармезан за обедом. А на практике она нежизнеспособна. Только в России и то лишь среди матросов, очумевших от воли после корабельного мордования офицерами-остзейцами, а также в Диком поле среди его колоритного, гуляйпольского населения, народный анархизм сумел пару-тройку лет погулять и помереть с шиком презрения к суматошной русской жизни.

Вроде левые эсеры одно дело с нами свершали, но круто отвернулись сразу после Октября и стали врагами. Несдающимися. Впрочем, их понять — опять не для агитпропа — можно: революцию они подготовили и фактически сделали, а тут их оттерли от главных ветвей власти. А как бы мы себя в их шкуре повели? Это из категории тех вопросов, про которые говорят: история разберется, кто более прав. Опять же надо держать в голове, что за эсерами, начиная с «Черного передела», едва не полста лет целенаправленной, прекрасно организованной борьбы. И не столько на страницах листовок и подпольных газет, отпечатанных за границей, сколько в самой гуще народа, а если надо, то с револьвером и бомбометанием.

А если смотреть глубже, то наши пути с ними все одно должны были разойтись после революции. Причина же взаимной непримиримости сугубо идейная, политическая: мы сделали ставку на пролетарскую диктатуру, они — на крестьянскую Рос-

* Жданов Андрей Александрович (1896—1948), родился в семье инспектора народных училищ в Мариуполе Екатеринославской губернии (в советское время город назывался Ждановым). Один из наиболее верных соратников Сталина; после XVII съезда ВКП(б) — 1934 года первый секретарь Ленинградского областного и городского комитета ВКП(б). — Прим. авт.

сию. И все этим сказано. Эсеровская модель народного, крестьянского социализма не просто противоречила учению Маркса — Ленина, но и самой диалектике перехода от капиталистической формации к социализму. Тем самым, отстранив эсеров от руководства и реальной власти, мы спасли страну от реставрации капитализма, пусть даже в мелкобуржуазной форме, и расчистили путь к реальному социализму. Как люди в основном умные, уже в начале двадцатых годов многие эсеры искренне приняли нашу правоту и «разоружились».

Про меньшевиков и говорить нечего. Все эти Церетели и Аксельроды с сотоварищи имели голос в пору дореволюционной кружковщины и мало кого представляющих заграничных съездов вроде бы единой *РСДРП*. После революции на меньшевиков просто внимания не обращали, даже если они и пытались о себе напомнить в пору бурной фракционности.

Но вот троцкисты — это явление совершенно иного порядка.

СОЮЗ РЕСПУБЛИК В СССР — МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Нарисуем такую, диловатую вообще-то, картину: на одну условную сторону поставим нашу партию и ведомый ею *СССР*, всех бывших попутчиков и союзников — от анархистов до правых эсеров, наших врагов-белогвардейцев, врагов чужеземных — от белочехов в Сибири до антантовских интервентов в Одессе, Баку, Мурманске, Архангельске, Владивостоке, японцев в Приморье и китайских милитаристов в Маньчжурии... Все же представим такую невероятно живописную картину. А на другой условной стороне — Троцкого с его клеветами и последователями. И придем к совершенно уж сумасшедшей мысли, достойной, на первый взгляд, постояльцев Кащенко, но тем не менее убедительной и в основе своей верной. Даже диалектически выверенной, а именно: все действия первой условной стороны по-человечески понятны. Хотя у каждого своя правота — она же неправота для другого. Извечная история; уже не проститутка.

Но «троцкистская» сторона действует непонятно, запутанно и с неизвестными целями — для всех непонятными и пр. То есть, для нас, для наших союзников и попутчиков, а также для белого движения и впоследствии эмиграции в Берлине, Праге, Париже, Белграде и Харбине. Непонятны их действия и для Антанты. На Уолл-стрите, может, и понятны, но там деньги и секреты в нескрываемых сейфах хранят. Патентованных. Такое впечатление создается, что Троцкого и троцкизм породили внеземные силы. Истинно Антихрист! Как все же Булгаков-то писал? — Да-да в том смысле, что Троцкий еще молод, но мерзостнее тысячетлетнего дьявола. И являет он собою лик сатаны, а настоящее имя его Аполлион, что по-гречески значит губитель.

Верно, все верно сказал Михаил Афанасьевич. Потому я его в числе немногих и выделял среди пишущей братии. Главное, независимый, но без контры и тухлого либерализма, а с другой стороны — поталантливее будет многих из верноподданных льстецов.

...Все же, хотя и без истины в последней инстанции, вывод-то не такой уж ясный и простой, как бы хотелось: троцкизм — это почти правдоподобно маскирующийся под социалистическое движение козырный ход высшей иерархии транснационального финансового империализма с масонской подоплекой, стремящейся к полному господству над миром путем разрушения или предельного ослабления крупнейших держав мира, исключая *США* с ее западноевропейскими клеветами-натовцами. Это сейчас.

Да! Именно так. Не иначе. Но зачем понадобился такой, слишком уж экзотический, требующий огромных денежных, временных и прочих затрат? А затем, что не

все сделаешь войнами, даже мировыми, денежными подкупам властей и даже целых народов, политическими уступками и послаблениями. Далеко даже не все. Особенно если речь идет о СССР, опекаемых нами странах народной демократии в Европе, восточных соцстранах. Говоря же шире, речь идет о мировом социалистическом движении. Вот истинная суть троцкого коня троцкизма. И его мощные деньгами и влиянием прародители и вдохновители. И уже совсем просто, зная истину, объясняется неутолимое стремление самого Троцкого к мировой революции с перманентным ее развитием. Отсюда и странный — в свете диалектики — лозунг троцкизма: главное не цель, а движение.

...Здесь же и кроется величайшая опасность многоликого троцкизма. Прогнозируя длительную схватку с нами, Иудушка в короткие годы своей почти полной власти и влияния на увядающего Ильича успел заложить немало мин замедленного действия. Вроде тех боевых, что использовали в Империалистической ловке на хитроумные штучки немцы. Пакостные штучки в честном бою.

Вот такую долговременную мину успел заложить Лейба в форме союза республик при создании СССР.

Не только я, но и другие товарищи из руководства ВКП(б) и РСФСР были несколько удивлены новыми нотками в голосах Троцкого и его сподвижников. Именно тогда, уже начиная с двадцатого года, Ильич поставил вопрос о форме объединения советских республик в единое государство, де-факто, конечно, уже имевшее место быть. Вопрос с государственно-юридической стороны ставился следующим: единое государство должно территориально, географически и *геополитически**, используя только что появившийся в Европе термин, стать воспреемником царской России; при декларированном равенстве всех входящих народов негласно, что называется «не называя по имени», ведущей должна стать великорусская нация в самом тесном культурно-этническом союзе с Украиной и Белоруссией. Самым сложным оказался вроде бы второстепенный момент: форма учета фактора многонациональности населения страны. Тем более, что при царях как-то все само собой обходилось, не акцентировалось, сложностей не доставляло. Это показала, кстати говоря, Империалистическая война: даже не подлежащие воинской повинности мусульмане Северного Кавказа, Причерноморья и Нахичевани, нынешнего Азербайджана, действительно добровольно всю войну сражались в составе Дикой дивизии и ряда других формирований.

И в Гражданскую этих же кавказцев без особых усилий 11-я Красная армия замирила. Единственное восстание в шестнадцатом году подняли казахи, когда десять тысяч их поверстали в стройбат на прокладку мурманской железной дороги.

В решении этого-то вопроса в проекте создания СССР мне пришлось участвовать напрямую: как наркомнацу. Причем в тесном контакте с руководством Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации и Туркестана. И даже они, вроде как «по представительству», тот же Петровский, заинтересованные в сохранении де-юре титульности национальностей своих республик, с удивлением отмечали новые лейтмотивы в песнях Троцкого.

Действительно, этот певец всемирной революции, не хуже как Киплинг — певец британской империи, над которой не заходит солнце, еще не отойдя от проектов советизации Польши, Прибалтики, Турции и Персии, не говоря о Европе, продолжая твердить о скорой Мировой советской социалистической республике, где нет, говоря библейскими словами, «ни еллина, ни иудея», а есть только пролетариат и малосоз-

* Данный термин, равно как и наука геополитика, принадлежит генералу Карлу Хаусхоферу, в двадцатые годы послужившему в Японии; ему приписывают политическое учительство Гитлера и соавторство «Майн кампф». — Прим. авт.

нательное пока крестьянство, вдруг поддержал чисто теоретический лозунг о праве наций на самоопределение.

Уже и Ильич о нем несколько вяло и неуверенно вспоминал, оговариваясь, что практика — критерий истинности. Кстати говоря, вне всякого сомнения Ильич был прав — и похоже даже несколько гордился этим — с отделением Финляндии, которую он сам отпустил, и Польши: баба с возу — кобыле легче. Другое дело Прибалтика — почти закрыла нам «окно в Европу». О Финляндии уже мне в тридцатых годах пришлось сожалеть: слишком лихо Ильич подмахнул жалованную грамоту финским парламентариям, не помыв в суе первых послеоктябрьских дней о будущих стратегических интересах СССР. А надо было бы ему даже в той суе-спешке выслушать мнения военных и промышленных специалистов. Они много чего знали наперед.

...Расхлебывать же пришлось мне. Тяжелой военной кампанией отбирать от «Финляндии по-ленински» Выборг и острова на входе в Финский залив — плацдарм обороны Ленинграда и всего Северо-Запада, дождавшись договора с Рейхом. А вот Петсамо с выходом Суоми к Баренцеву морю, нынешние Печенгу, Никель и Заполярный, мы миром с Маннергеймом получили только в сорок четвертом. А в тридцатых годах пришлось в невероятных усилиях разрабатывать норильский никель — металл войны и тяжелой промышленности, химии тоже, вместо того, чтобы с десятикратно меньшими затратами ресурсов и времени, при действующей мурманской железной дороге, при мягком гольфстримовском климате (на 70-й широте!) и незамерзающем море наладить производство никеля и многих других полиметаллов в Петсамо! Маху дал Ильич. Вместо нас северофинским никелем почти всю войну питалась немецкая промышленность вооружений... Миром с Германией перед войной вернули и Прибалтику. Польша же она и есть Польша — сплошные хлопоты в любом ее политическом качестве.

Но как Иудушка вцепился в это исчерпавшее себя, уже полузабытое право наций на самоопределение? Зная прекрасно его прагматизм, лихо маскируемый революционной разухабистостью, многие наивные решили: поддерживая союзный характер будущей политической организации страны, Троцкий ищет себе союзников в лице республиканских руководителей. Отчасти так и было, но только через два-три десятилетия начали проявляться истинные причины столь резкого поворота всемирного интернационалиста к такой решительной защите права наций на самоопределение. При этом, извиваясь ужом, порой и полностью противное этому говорил, а истинные свои намерения доводил окольно, через клеветов.

Сам же Лейба в то время как бы расстроился, в трех лицах представал. Одно лицо по-деловому обещало республиканским руководителям максимальную их полноту власти в своих гетманствах, княжествах и ханствах. Здесь он обрел союзников.

Другим же ликом сатаны в необязательных ситуациях туманно вспоминал об интернациональном единстве будущей советской страны и приоритете общего советского, социалистического перед узконациональным, местечковым, центробежным.

Но наибольшее коварство исходило от третьего ликоявления Антихриста: дескать, страна наша уже есть единой, навсегда останется фактически такой, социализм советский нерушим, никому и в голову из нормальных людей не придет требовать какой-то самостоятельности и отделения. А республиканское союзное устройство — всего лишь формальность*, скорее нужная не нам, а для примера зарубежным проле-

* Не так много времени утекло от бурных словесных, но порой и танково-расстрельных событий рождения молодой российской демократии. А баталии на съездах и заседаниях Думы сутками транслировались по радио и ТВ всей страны. Вспоминается, как в таком режиме «онлайн» решался вопрос о наименовании нового государства: Россия или Российская Федерация. Поначалу проголосовали за первое. Но тут в бой ринулись «звезды» этой самой демократии, которые едва не с рыданием убеждали переголосовать за второе: дескать, все это чистая формальность, но не будут обижены представители «ста языщей». — Прим. авт.

тариям и трудовому крестьянству, изнывающему под гнетом капитала. И принятая нами политическая форма государственного устройства будет зовущим маяком для них. То есть, на самом деле, чисто формальное право на отделение на деле тотчас обернется правом на вступление в СССР других государств, становящихся социалистическими, число которых... Здесь Иудушка, извернувшись вокруг себя семикратно, сядил на своего всемирно-революционного конька, с которого его сбить уже невозможно.

...Хм-м, добровольное вступление. Дождешься. Это Прибалтика с ее лимитрофами, Западная Белоруссия и Украина, Закарпатье со Львовом и Бессарабия добровольно вступили? Хорошо без войны, воспользовались мы ловко и вовремя германско-польской войной, а Антонеску поскрипел вставными зубами, но стерпел: другой расклад в Европе наступил в тридцать девятом году. Даже ничейную Туву в сороковых годах из-за ее урановых залежей заняли при ворчании аборигенов. Хотя и числилась, как и Монголия, за нами по разряду народной республики.

Я же до последнего настаивал только на культурной автономии, но слишком малую — по сравнению с Троцким и Зиновьевым — роль я тогда исполнял. Пришлось в итоге и мне состорожничать и рукоплескать образованию СССР в троцкистском варианте. Говорят, грузины люди по натуре вспыльчивые, оттого грубые, неуживчивые с соседями, а потому не могущие вести тонкой политики. Хм-м, будь у меня тогда побольше силенок, не гляди без оглядки в рот слабеющему Ильичу лучшие мои сподвижники Фрунзе и Орджоникидзе, так и можно было бы вместо «права на самоопределение» провести мою культурную автономию. А это мною была задумана большая хитрость. На пользу стране в будущем, конечно.

Ту же Украину, подначенную националистами от Грушевского до Петлюры на «самостоятельность и независимость», с полным правом и даже поддержкой всего ее населения легко было развести, раздробить на пяток этих самых автономий: от русского Донбасса и вообще Новороссии до присоединенных в тридцать девятом Прикарпатья и Закарпатья. Пара десятков лет таких автономий — и никто, никто уже не вздумает поднять знамена с лозунгом единой и неделимой Украины.

То же самое со Средней Азией: разбить Туркестан по границам бывших ханств, эмиратов и оазисов. А вот Закавказскую Федерацию следовало бы сохранить как единое культурно-автономно-территориальное образование. Учитывая христианско-мусульманскую переживаемость ЗСФСР, историческую неуживчивость и взаимное недоверие закавказских народов и племен, различный их культурно-цивилизационный уровень, можно бы было вечно играть на этих противоречиях в рамках некой наднациональной культурной автономии, конечно, без — упаси боже — конфликтов. И твердо при этом знать: никогда они друг с другом не договорятся в таком серьезном деле как попытка отсоединения от СССР. Да такая мысль вряд ли у здравых людей в Закавказье появится, учитывая наши хорошие отношения в двадцатые годы этом вопросе. Как тот же Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели». А уж Ницше, даже со скидкой на его клиническое сумасшествие? — «В других частях света есть обезьяны, а в Европе есть французы».

Но почему-то принято именно русских именовать черносотенцами. Впрочем, это то как раз понятно: кличку эту для русских распропагандировали Троцкий, ненавистник русских, и отчасти Ильич, тоже, как сложный полукровка, не всегда объективно отзывавшийся о титульной нации: до революции и после ее.

Глупый и недалевидный сравнивает нации по их недостаткам, а умный — по достоинствам. Это я перефразировал своего первого серьезного учителя жизни, семинарского отца Ираклия. Только он поучал нас в части ненужности сравнения верований. Жора Гурджиев особенно грешил этим.

Самой историей суждено было русскому народу стать главенствующим на 1/6 части суши. Но и здесь *наш народ* оказался ни на кого в мире не похожим. Везде — главенствующий народ командует, распоряжается другими, ему подчиненными. Не говоря уж о европейских колониальных империях. И только русский народ, направляя другие нации в составе единого государства — не метрополии с колониями! — остается равным с ними, а то и добровольно проигрывая им в материальном плане. Так было при царях, а сейчас мы и вовсе активно цивилизуем все сто с лишком «языков», приближая их к себе, к Европе. Впрочем, заговорился, Европа теперь нам не указ.

А то, что агитпроп и учебники истории по троцкисту Покровскому продолжают и сейчас горячиться об эксплуатации самодержавием окраинных народов, это пока нужно. Чем дальше будем уходить во времени от царей, тем меньше будем и говорить об этом. В тридцатые годы мы уже поправили основное: убрали из пропаганды и образования злобные определения русского народа как черносотенца, самодержавного холопа, помогающего царю эксплуатировать несчастные народы и племена окраин. Более того, агитпроп ограничился просто определением угнетающего народы самодержавия. Обобщенно все народы, что подразумевает и эксплуатируемый русский народ. Так пока надо.

Детски доверчивый наш народ в революции слишком дословно принял лозунг об отречении от старого мира. Да еще Гражданская война пролитой кровью отринула далеко недавнюю историю России. Но главный вклад здесь внесли, конечно, Иудушка с сотоварищи. Отсюда и предельный максимализм. А у пролеткультовцев до полного идиотизма доведенный: сбросим Пушкина с корабля истории!

Но в учебниках-то и в горячительных митинговых речах можно и несложно от всего отречься, считать что и человек, хомо сапиенс, появился в природе в октябре семнадцатого года. По старому стилю, по юлианскому календарю. И вообще хомо сапиенс — выдумка империалистов, а после мамонтов сразу, минуя эволюцию Дарвина, на свет явился хомо советикус в матросском бушлате, перепоясанном пулеметными лентами от «максима» выделки Патронного и Оружейного заводов в Туле...

На деле же даже диалектические законы отрицания отрицания и качественного скачка действуют только при условии непрерывности движения истории. Это и есть гелелевско-марксова спираль непрерывного развития, где каждый последующий виток суть повторение предыдущего, но на более высоком уровне развития.

Потому-то мы и наломали немало дров в двадцатые годы и в национальном вопросе, отринув напрочь громадный опыт царской России — первопроходца в этом непростом деле.

Взять ту же Среднюю Азию, Туркестан. До начала тридцатых годов Ворошилов целую армию гонял за басмачами. У нас уже Днепрогэс и заводы-гиганты строят, сельское хозяйство на индустриальный путь поставлено, вся страна учится в школах и институтах, а там, в песках, дикость и кровь, Средние века. По утрам рота красноармейцев окружает кишлак, ставят в шеренгу всех дехкан, велят штаны спустить. У кого зад красный, потертый — значит басмач, всю ночь на коне скакал. Им выйти из шеренги — и под расстрельные дула трехлинейек. А к вечеру уже все мужики кишлака в басмачах.

Здесь и мы в Кремле затылки начали чесать, вспоминать «проклятое прошлое», как Александр Третий замирил Туркестан с его Геок-Тепе, Бухару и Коканд и накрепко к империи присоединил. Рецепт оказался простой. Пара образцовых сражений, взятие Геок-Тепе, и вот уже туркмены дают Белому царю клятву в верности, а рота текинцев в чалмах и полосатых халатах, с саблями наголо перевозится в Петербург и становится личной охраной императора. В Геок-Тепе, в Бухаре, Хиве и Кокан-

де вовсе без крови продолжает править свой хан или эмир с гаремами, визирями и нукерами, гнущими спины дехканами. Как и сто, двести, две тысячи лет назад.

Более того, ханы и эмиры получают от Белого царя генеральские погоны на халаты, визири — полковничьи. Хань и эмиры к своим юбилеям награждаются из Петербурга орденами Российской империи, только — с учетом политкорректности — сделанные по спецзаказу: кресты на них заменены восьмиконечными звездами, одинаково почитаемыми христианами и мусульманами. Эмир же бухарский в ответ шлет питерским министрам и военачальникам свои, бухарские звезды. Каждая размером с десертную тарелку.

Все довольны. Хань и эмиры царствуют лениво — ибо воевать друг с другом теперь Белый царь не велит, да и надоело все сражаться из-за щедрых оазисов со времен Чингисхана и Тамерлана. Доволен и император: подбрюшьи государства обросло солидным брюшком Средней Азии, куда уже не сунется алчная до чужого «англичанка». А в самой бывшей азиатской глухомани жизнь закипела: строятся шоссе и проектируется Турксиб (здесь цари не успели построить), возникают новые города с русским населением, крепости на границах с Персией и Афганистаном. Азиатские купцы — уже постоянные участники главных русских ярмарок, а наши — русские и татарские — налаживают плантации хлопка, который тысячами пудов везут в Иваново-Вознесенск. Готовый же текстиль, ситец, штапель и сатин продается во всех лавках Бухары, Хивы, Коканда...

Тысячами устремились в Азию, особенно в Бухару, из опостылевшей «черты оседлости» евреи; на новых местах они крепко берут в свои руки мелочную и магазинную торговлю, аптечное дело, живописно оживляя прежде дикие и пустынные городки. Жизнь кипит, все — азиаты разных национальностей, русские по гражданской и военной службам, приосанившиеся бывшие местечковые евреи, местные, русские, татарские оптовые купцы — довольны. И никаких никому национальных споров, разногласий и разночтений.

...Вот этот опыт удачный вспомнили мы в Кремле и порешили на малом Совнаркоме принять за образец стахановский. По-стахановски (заврался, Стаханов тогда еще не прославился) закончить басмачество в Туркестане, а главное — отсечь английскую агентуру и ихний форин-офис, без денег и посулов которого басмачество бы и не появилось.

Короче говоря, через «степной телеграф» довели до каждого главбасмача в пределах запланированных среднеазиатских республик и областей: либо вы со своими нукерами переходите на службу советской власти, оставаясь в правах руководителей на территориях влияния, или мы пошлем для отработки бомбометания Красный воздушный флот и армию, усиленную танками.

Одновременно командированные по своему ведомству муллы из Казани обрабатывали тамошних своих коллег, окормляющих басмачей. Главное — всех убедили в серьезности наших намерений и бесперспективности надежд на посулы англичан.

И случилось почти чудо. Через самый короткий период басмачество как класс исчезло. Как в тумане растаяло. Бывшие курбан-баши и алибек-ханы, в Казахстане старшие и младшие султаны, люди по-азиатски сметливые на практическую выгоду, мигом обменяли свои маузеры с дарственными надписями от короля Георга на партбилеты и должности первых секретарей обкомов и горкомов, облачились в европейскую одежду. Для контроля над ними и реальной работы вторыми секретарями и председателями облисполкомов поставили командированных партийцев и специалистов из центра. Как шолоховских двадцатипяти тысячников. Кстати, и «тысячники» — партработников, агрономов, инженеров и хозяйственников туда же достаточно направили спешным порядком выводить Азию из феодализма в социализм. Турксиб и новостройки первых пятилеток довершили дело преобразования.

Главное, все хорошо в Москве продумали. Не оставили без работы начсостав и рядовых бойцов-нукеров бывшего басмаческого войска. Коль скоро они в своих воинских упражнениях подзабыли дехканское дело, то поверстали в милицейские. Даже писарей и толмачей не забыли: создали из них народную интеллигенцию. А наиболее задумчивых и мечтательных произвели в акыны и исторические сочинители. Когда Горький организовал Союз писателей СССР, то из них же и местные, республиканские союзы собрали. Сейчас уже заматерели, галстуки повязали, бостоновые костюмы надели. Кто-то уже в классики записался, на лацкане имеют звезды Героев соцтруда. Трехтомниками к юбилеям уже брезгают, заявки на полные собрания поэм и исторических романов про эпоху халифата и борьбу с басмачеством — так сказать, из первых рук — в Гослитиздат направляют. Толстые журналы редактируют.

Кстати, зарубку в памяти: надо позвонить Фадееву, пусть по линии Союза писателей и кураторов из ЦК и Верховного Совета разберутся с азиатскими писательскими организациями: все ли там в порядке, надо кого поддержать, а кто левизну-правизну дают с намеком на национализм — тех пожурить, а то и намекнуть на несоответствие принципам интернационализма и соцреализма.

...Все же с Азией проще: и народ там в основе своей земледельческий, да и в одной орде батыевой довольно вместе пожил. Другое дело Кавказ, особенно Северный. Проще намного с Закавказьем. Христианские Грузия и Армения достаточно цивилизованы, да и мы поработали там еще до революции хорошо. И Баку — интернациональный город, почти что колыбель революции в Закавказье. Здесь тоже начали с царского опыта замирения, да еще как успешно! Истинно по-стахановски. Три царя полвека с лишком кавказскую войну вели, а наша 11-я армия за полтора года все решила с минимальными потерями. С обеих, что главное, сторон. Своих надо щадить, даже если порой тот за кинжал хватается. Нам с ними дальше вместе жить, а главное — воевать против внешнего врага. Потому и с наградами в одиннадцатой армии не щедро было: не белая же ведь, не Антанта*, а свои заблудшие, да еще подначенные агентурой той же «англичанки» зло...чей, грузинскими меньшевиками, нахичеванскими мусаватистами и даже дашнаками. Вот уж где политика выше национальных, тем более религиозных интересов! — Это о дашнаках.

И другой, уже универсальный царский опыт на Кавказе использовали: хотя там царьков еще при Втором и Третьем Александрах мягко от власти отстранили, заменив русскими генерал-губернаторами, но тоже сделали реверанс. Но втихую: местные и так знают, а сторонним это ни к чему. На Кавказ люди отдыхать приезжают, альпинисты на Эльбрус там... Их на экскурсию ведут на местный винзавод, представляют им директора Джанибекова, Героя соцтруда, депутата и так далее. Джанибеков смущается, поправляет галстук, что-то говорит о соцсоревновании. Ушли расстроженные экскурсанты из Челябинска, премированные за это самое соцсоревнование месячной курортной поездкой. А к директору винзавода с низкими поклонами вошли на планерку начальники цехов и бригад: «Дозволь войти, уважаемый Исмаил Джанибек-хан, окажи нам милость тебя лицезреть и потревожить нашими глупыми докуками?» — «Заходите и по делу говорите. А ты, парторг хренов, опять не по чину себе долю на складе готовой продукции пробовал установить?» — Опустил долу глаза парторг, трепеща перед гневом Джанибекова — из старейшего княжеского рода Кавказа.

И так далее. Свои тонкости — от царева опыта — в Закавказье, особенно в Грузии. Захапали сколько могли: Мингрелию и Абхазию, Южную Осетию

* Увы, другие времена, другие нравы. В нынешние обе Чеченские войны с наградами, в отличие от скромных успехов «федералов», как раз дело обстояло хорошо. Только один генерал отказался от звезды Героя... — Прим. авт.

через Серго Орджоникидзе и других московских земляков. И меня в неудобное положение в годы нацнаркома́тства не раз ставили. А-а, уж Грузию-то с ее аппетитами, раздрайством и малоуживчивым с чужаками характером, вне всякого сомнения на меня спишут.

Восток — дело тонкое, а Кавказ, полу-Европа, полу-Азия,— дело не только сверхтонкое, но еще и дикое. И долго таким будет. Главное, гордятся своей дикостью: Дикая дивизия, дикая красота гор... Все же Закавказье — это почти цивилизация. С местным колоритом, разумеется. Опять же кое-на-что глаза приходится закрывать. Для общего дела и блага. А вот с собственно Кавказом царского опыта уже не хватает: век другой, страна и вовсе другая.

Еще с Серго в свое время долго головы ломали и вроде правильную стратегию нашли. Условно разделить Кавказ на три зоны по преобладающему характеру населения и промышленно-сельскохозяйственной ориентации. Проще всего с Осетией: народ православный и незазоби́стый, более всего почетным считают службу в Красной Армии. О сепаратизме и не помышляют. Следует там хорошо поставить образование и сельхозобрабатывающую промышленность. Другое там проблематично развивать. Южную Осетию с основной, Северной, смысла соединять никакого: хребтом разделены, никакой естественной связи. Это уж им исторически не повезло. Дело далекого будущего.

Вторая зона — Дагестан. Тем тоже неплохо: аварцы и даргинцы по своей численности, географии и предприимчивости там полностью правят бал. И, главное, крепко помнят клятву аварца Шамиля, данную царю в плену: никогда больше с русскими не воевать! Поэтому прикаспийский Дагестан, аварский и даргинский, индустриализовать по-серьезному, вплоть до машиностроения военного... А все эти мелкие горные народцы, вроде лакцев и табасаранцев, пусть живут ремесленничеством, сельским хозяйством и фольклором.

Третья зона и главная зубная боль: Чечня, Ингушетия, кабардинцы с балкарцами, адыги и черкесы... Особенно первые; эти вайнахи и сами-то чужаки на Кавказе. Академик Мар точно доказал, что по языку они из арабов и пришли на Кавказ из Иордании, когда все долины здесь уже были заняты. Только горы остались. Отсюда и характер у них сложился такой: воинственный, жесткий, нацеленный на добычу у соседей. А как иначе, если на горах ничего не растет, даже деревья на дрова надо по ночам в долинах воровски спиливать и к себе в аул поднимать.

До войны мы много чего перепробовали в этой зоне: чем занять полезным, ликвидировать все их бесконечные раздоры и исторические обиды. Определенных успехов достигли. Но, увы, война, как химическая лакмусовая бумажка, все наши недочеты выявила. Наши недоработки и упрощенный подход как раз к этой части Кавказа. Разумеется, их и крымцев выселение в Казахстан было необходимой и оправданной мерой. Правильнее — заслуженным наказанием. Иначе бы советский народ нас не понял, память миллионов и миллионов погибших возопила бы. Таковы войны двадцатого века, тем более — войны идеологические. Здесь либо мы их, либо они нас. Они нас — под корень! Поэтому и массовое предательство должно быть наказано. Даже если и невиновные пострадают. Иначе нельзя было. Даже если мы в лице выселенных народов и нажили еще бо́льших врагов, чем они нам стали во время предательства. С другой стороны важно посмотреть. Допустим, заменили бы мы массовые выселения наказанием предателей по факту. Их бы много набралось. А не больше бы мы эти народы таким массовым, но уже уголовным наказанием ожесточили? Вот в чем, вот в чем вопрос-то. В итоге выселением мы смягчили приговор явным предателям и пособникам немцев. Точно также мы поволжских немцев в прямом смысле переселением в Сибирь и Казахстан спасли. Спасли от неизбежности возможного

выбора. Подумайте? — Гитлеровцы все же переходят на другой берег Волги под Сталинградом, занимают Энгельс, ставят своим соплеменникам выбор: принять германское подданство и влиться всем от восемнадцати до пятидесяти лет в дивизии вермахта, или под расстрельные дула? Поволжские немцы все это прекрасно поняли и зла на Кремль не держат... Но и нам ведь в дальнейшем это все расхлебывать.

Здесь царский опыт с массовыми переселениями поляков после очередных их восстаний в Сибирь не работает. Поляки, при всей их исторической вздорности характера, европейский народ и даже славяне. В итоге они ассимилировали, даже повысили общий культурный уровень сибирского населения России. А кавказцы не смешиваются с аборигенами. Но ведь пройдет время, уже другие их поколения вырастут. Что-то они по-новому поймут, обида — с их точки зрения — поутихнет. Рано или поздно будут они возвращены на Кавказ. Но все равно это тоже мина замедленного действия. Особенно у вайнахов, особенно у чеченов. Ингуши, все же, более толерантны, да и к торговле склонны. А торговые нации к войнам и бунтам не привычны. Хотя бы ради своей торговой выгоды и возможности этим заниматься и жить.

...Ведь более или менее массовые выселения были проведены и в отношении западных украинцев. Но это скорее для их же пользы, чтобы отсечь от бандеровцев. Да и выселяли их в Центральную Россию, в промышленные города, где после войны была огромная нехватка рабочих рук. Давали им подъемные, строили целые пригородные поселки. Назад они сами уже не поедут, активно ассимилируются.

Но в отношении всей Украины в целом царский опыт тот, насильственный опыт русифицирования, запрета преподавания родного языка, то есть, малороссийского говора, близкого к южно-русскому диалекту, нам не подходит. И население, как в той же Франции или Италии, и выраженное разделение по географии проживания и историческим корням... — словом, здесь вопрос может быть решен только и одновременно с преобразованием СССР в Советскую Россию.

Другие народы и нации страны тоже внимания требуют, но скорее в сторону их цивилизования и подтягивания к общему уровню страны.

**«ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»:
НАШИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ; ПРОДОЛЖИТЬ ЭКСПАНСИЮ
АЛЕКСАНДРА III НА ВОСТОК**

*Твоя любовь к народу негасима,
И крепче этих уз на свете нет:
И в гордом сердце каждого грузина
Тебе воздвигнут памятник, поэт!*

— К чему это я вспомнил свое юношеское? А-а, стихи посвящены Эристави, а этот князь-поэт, как и Редьярд Киплинг, тоже размышлял о соотношении Запада и Востока, говоря об отчизне своей, Грузии. Когда-то и моей. Но и сейчас Восток и Запад я «делю» по Эристави, хотя он и князь, то есть, по агитпропу «эксплуататор трудящихся масс». Правда, на Кавказе далеко не все массы перетрудились. Раньше и сейчас. Опять же местный колорит: большинство пуп свой на непосильной работе надирать не хотят, а потому довольствуются — и вполне искренне — малым, но достаточно необходимым. Здесь грузины марку держат выше всех. Чем-то они на русских в этой нестяжательской философии похожи. Может, по причине одного и того же византийского православия? Только русским судьба-история и достаточно необходимого никогда не давала, и пуп надирать всегда велела. Грузии проще — с

трех сторон горами закрыта от мира, а после Георгиевского трактата «дружескими штыками» русских и четвертую — от персов — закрыли. Вот и расслабились.

А Эристави и Киплинг, действительно, с разных колоколен на границу Востока и Запада смотрели. Наш агитпроп ловко слямзил у серьезных исследователей-литературоведов, своих и зарубежных, основной лейтмотив «певца английского империализма»: Запад — суть обобщенная метрополия, среди которых главная — Англия, которая кнутом и пряником приобщает дикарей всего мира к цивилизации. Восток же, следуя давним и отжившим свое традициям, неразумно порой сопротивляется. Иногда поэтому приходится и сипаев привязывать к стволам пушек и разрывать на части, и миллионы «боксеров» в Китае полным интернационалом колонизаторов, даже Россия туда по глупости Николашки сунулась, перестрелять и перетопить. И много всяких других чудес наворотить.

Но это в крайнем случае, или когда торопиться надо: чтобы конкуренты по колонизации дорогу не перешли. Но чаще срабатывает пряник, то есть, деньги и должности в колониальной администрации. Очень туземцы уважают блеск золота и чиновничьи мундиры!

Вот все это и воспел Киплинг, романтик колониализма. И талантливо, сукин сын, воспел! Нашим домотканым Демьянам Бедным и европейски лощеным Эренбургам до него тыщу верст шагать и не дошагать...

Мы же Запад и Восток не противопоставляем друг другу, но объединяем. Ибо сами есть Евразия. Здесь мы опять же, но в условиях социального государства, продолжаем — вольно ли, невольно? — традицию прежней, царской России. Ибо она не являла собой классическую колониальную империю хотя бы потому, что у нее не было заморских территорий. А в единой территории, той 1/6 части света, не было как такового деления на метрополию, колонии и доминионы. Даже ту же автономную Финляндию сложно доминионом было назвать. Хотя финны имели свой сейм, чеканили свою монету, пели свой гимн. Таковыми же не являлись среднеазиатские ханства и эмираты. Аналоги же африканских и азиатских колоний вообще трудно было отыскать.

Совсем смешно: если условно разделить Российскую империю по Уралу на Запад-Восток, то получится, что Восток, то есть, Сибирь и Приморье, исключая малочисленные реликтовые племена, являются самыми русскими этнически (!).

В СССР же даже смешно говорить о противостоянии или различии Востока и Запада. Особенно после Отечественной войны — великого перемещения промышленности и людей.

То есть говорить о западно-восточной специфике (это как «Западно-восточный диван» у Гёте...) в сегодняшней нашей стране есть заведомая глупость. Или враждебные происки извечных наших врагов-троцкистов. Про западную пропаганду и говорить, что против ветра...

Но вопрос о Востоке-Западе и у нас имеется, но в другом смысле: о наших сферах влияния, приоритетах, как любит выражаться Куусинен — подцепил где-то словечко! Эти сферы есть у нас на Западе и Востоке. Даже и на Юге, если иметь в виду Иран* и Афганистан. Даже на Севере, в Арктике — баренцбургские концессии «Арктикугля» на Шпицбергене.

Оставим в стороне Юг и Север — это чисто экономическое, деловое. Конечно, далеко не без этого и на Западе-Востоке, но в современном устройстве мира понятие сферы влияния прежде всего созвучно с политикой и идеологией. Здесь перефрази-

* Еще по договору двадцатых годов с Реза-шахом Пехлеви и негласному соглашению с Англией о разграничении сфер влияния в Иране, северные его нефтеразработки «работали» на СССР. Этот договор действовал до самой «перестройки» в СССР. — Прим. авт.

руем Киплинга: «Запад есть запад, восток есть восток, но их соединил Советский Союз». Не в рифму, конечно, не в ритм, зато справедливо и конкретно. То есть, после войны мы сделали реальностью уже не одну страну, хотя бы и самую большую в мире, но систему социализма.

Это, конечно, замечательный удар по мировому капитализму. В определенной степени мы встали на путь марксовской теории о всемирности перехода к социализму. Точнее, с учетом реальности сегодняшнего дня, мы «притянули» Маркса к практическому исполнению его умозрительных предначертаний. Тем самым убедились и других убедили: марксизм не догма, а вечно живое учение! То, что раньше являлось плакатным девизом, сейчас стало рабочим руководством к достижению цели.

Конечно, не просто нам дали сферы влияния на Востоке, но вот Запад — через большую кровь и, как бы сказал профессор Коновалов из «кремлевки», через ущемление всех наших нервов. И если кровь литься закончилась, то нервы и сейчас напряжены. Неизвестно, сколько это напряжение будет длиться, сколько нервов постоянно будет защемлено почище всяких остеохондрозов. Это не только к Коновалову относится...

Европа, Европа... Даже Восточная, Южная, почти вся в «сумме» славянская и православная; или славянская, но не православная, как Польша, Чехословакия, часть Югославии; или православная, но не славянская, как Румыния; или не та и не другая: ГДР, Венгрия, Албания. Очень ненадежные союзники. Во-первых, до осознания будущности социализма они не доросли, исключая *наших* немцев. Социализм мы им, прямо и честно говоря, навязали. А так они только-только после Первой мировой войны, после обретения своей местечковой самостоятельности в результате разрушения континентальных монархий, почувствовали вкус мелкобуржуазного частнособственничества, необременительного для самих себя полуконфортного существования в роли «санитарного кордона». Так бы они и после Второй войны жили-поживали, умело подыгрывая соседям — по карте географической — справа и слева, но мы им подкузьмили.

Во-вторых и в силу первого, все они тотчас сели нам на шею, особенно в части сырья и энергоресурсов. Да еще мы вынуждены освободить их от бремени расходов на вооружение и содержать на свой же кошт полуторамиллионную Советскую Армию на их территории.

В-третьих, что, пожалуй, наиболее серьезно и непредсказуемо: все эти восточные страны соцлагеря, неважно, славяне-неславяне, православные-неправославные, исторически и геополитически, даже этногенетически, не ориентированны на Россию. Именно даже не СССР, а Россию в ее ближней и дальней судьбе-истории. Опять же исключая Восточную Германию и югославскую Сербию.

Про Польшу и говорить нечего — вечная «еще Польша не сгинела, но дала уже душок». А душок этот — патологическая неприязнь ко всему русскому — как имперскому, так и просто национальному. Головы гонимых поляков гложет обида за все сразу: дошли до Кремля в Смутное время, но не удержались; сто с лишним лет в составе Империи с многочисленными разгромами бунтов и восстаний; советско-польская война по инициативе Троцкого, пакт Риббентропа — Молотова. Да мало ли чего еще? По-человечески их, поляков, можно понять: пепел Клааса жжет сердце и душу... Понять можно, но нам от этого не легче.

Ладно, Польша с ее гонимыми пановьями сама пятьсот лет золупалась на Россию, но вот с мадярами нехорошо получилось. И все вина недалекого умом «владельца слабого и лукавого» Александра Первого, что после блестяще проведенной Кутузовым и его славными генералами кампании 1812—14 годов позволил лисе Меттерниху завлечь себя в Священный тройственный союз. В итоге русским

армиям ни за что, ни про что пришлось не раз колошматить венгров за их попытки, вполне обоснованные, отсоединиться от опеки Габсбургов. И за это нажили себе кровных врагов, кстати, самых верных союзников Рейха в войне против нас. Достаточно вспомнить двухлетнее сражение со Второй венгерской армией за Воронеж. Правда, всю эту армию и уничтожили под корень. Опять — понять можно, но и от этого не легче.

Про румынов и говорить нечего. Как-то наловчились они любую войну начинать на одной стороне, заканчивать на противоположной. Вот даже несовершеннолетнему Михаю-королю пришлось орден Победы дать... А за пакт 39-го года они поставили Гитлеру две вполне боеспособные армии. Проще с Чехословакией; не зря Энгельс чехов называл славянскими немцами. Сложнее с Югославией, пока там Тито. Но и без него не проще будет. Хм-м, надо же: умудрились в своей истории из одного народа, из сербиян, сделать по конфессиональным признакам целых три! И все друг друга ненавидят.

Эх, что тут говорить! По-своему прав Мао Цзедун, что советовал мне больше смотреть в восточную сторону; дескать, европейские союзники предадут при первом удобном случае. Мудрый Мао прав, хотя, как истинный китаец, и здесь хитрит в свою сторону.

Восток — дело тонкое, как говорил император Александр Третий. Но там нет исторической неприязни к нам. Опять же там руководитель — обязательно Вождь. И такие там хорошо подобрались: сам Мао, Ким Ир Сен и Нгуен Ай Куок.* Многожды умен и хитер по-азиатски Мао Цзедун. И правильную стратегию избрал; во многом и нас послушался еще в тридцатых годах. Не имел того влияния, что генералиссимус Чан Кайши — а кто в Китае знал тогда о *КПК*? Зато у всех на устах и в умах был Гоминьдан, особенно после Наньчанского восстания** — Мао со своей 8-й армией всю войну 30—40-х годов с японцами отсиживался на Севере, в горах Синьцзяна, экипируясь и вооружаясь поставками из *СССР*, за что расплатился, не имея, правда, тогда никакой власти в стране, с нами в сорок третьем году Тувой. А сам избрал тактику той обезьяны, что следит с высоты дерева за смертельной схваткой двух зверей, чтобы потом добить обескровленного победителя. Что и сделал, с нашей помощью, с Чан Кайши, почти два десятилетия противостоявшем японским милитаристам-захватчикам. Загнал остатки Гоминьдана на Тайвань.

Мао слишком многим нам обязан, во многом и сейчас от нас зависит. Так что полтора-два десятка лет с Китаем хлопот не будет. Но не больше. Может и меньше. Слишком долго Поднебесная прозябала в унижении, а потом ее полумиллиардному населению понадобится новая территория... какому полумиллиардному? Уже, скорее всего, миллиардному. А такая территории есть только на севере от Великой Китайской стены. Но какое-то время у нас в запасе имеется, однако уже сейчас надо стратегически мыслить в отношении Китая.

Мао Цзедун, едва провозгласив Народную Республику, понемногу, но все увереннее начал наглеть, в частности, в отношении Порт-Артура и всего Квантунского полу-

* После того как в 1945 году он возглавил Демократическую Республику Вьетнам, стал известен во всем мире как президент *ДРВ* Хо Ши Мин — прежний партийный псевдоним, в переводе с вьетнамского — «умудренный». С 1935 по 1941 гг. работал в Коминтерне, по заданию которого в 41-м году вернулся на родину, где возглавил борьбу с японскими оккупантами. Южный Вьетнам к концу Второй мировой войны был занят войсками Гоминьдана. По договоренности *ДРВ* (то есть *СССР*) с Францией под предлогом окончательного разгрома японцев во Вьетнаме гоминьдановские войска были заменены французскими. Они и провозгласили марионеточную империю (с 1948 по 1956 гг.) во главе с императором Бао-Дай.— Прим. авт.

** Восстание 1927-го года с центром в юго-восточном Наньчане стало началом организованной борьбы Гоминьдана, отчасти *КПК*, с японцами. В современном Китае Наньчан — единственный в стране Город-Герой.— Прим. авт.

острова. Хотя в договоре о тридцатилетней аренде сорок пятого года все четко оговорили, но в пятидесятом и в прошлом годах добились-таки не мытьем, так катаньем китайцы совместного военного базирования. И на своих географических картах уже не Порт-Артур ставят, а Люйшунь, как эта деревенька до 1898-го года именовалась... Востро ухо с этими азиатами надо держать. Тем более — *своими* азиатами!

И проще, но одновременно сложнее с *нашей* Кореей. Все-таки Ким Ир Сен — капитан Советской Армии из небольшого гарнизона в Хабаровском крае и берет пока «под козырек», но слишком прямолинеен, упрямый как истинный кореец. А ему надо ведь вышибать американцев с Юга страны, а это он сейчас неаккуратно делает, все надеясь на халяву: нашу, китайскую. Потом надо учитывать и национальный характер корейцев. Это типа наших сибиряков: тоже от ссыльных из средневекового Китая на полуостров тогда полуостров родословную ведут.

...Мы вот Кима из Хабаровска в Корею привезли, а американцы Ли Сын Мана: советский капитан против мелкого американского лавочника. Вот так и делается рукотворная история в наше время.

Надежнее всех старый коминтерновец Нгуен; впрочем теперь он уже Хо Ши Мином зовется. И правильно. Это как светский человек, переходя в монахи, изменяет свое имя, так и революционеры должны делать: был Джугашвили — стал Сталин. Символика таких переименований очевидна: как монах отрекается перемены имени от грешного, мелкого, суетного в прежней жизни, так и революционер, становясь Вождем, уже не прежний человек с его слабостями и неровностями характера, но человек-символ. И массам не нужно слишком много знать о его бывшей, тем более нынешней личной жизни.

Товарищ Мао, конечно, пальцем в небо попал, говоря мне об ориентации на Восток. Сами с усами, хм-м, знаем с начала прошлого века, с русской Аляски и Калифорнии. Но окончательно своей госполитикой, геополитикой эту стратегию России обосновал и провозгласил Александр Третий. Совершенно верно он понял: будущее — и даже настоящее — России не на Западе, не в Европе, органически нас не приемлющей, но на Востоке.

Наш агитпроп об этом разумно помалкивает, чтобы быка красной тряпкой не дразнить. Вернее, быков: троцкистов, американских империалистов, опять же наших нынешних дальневосточных союзников. Начало же у императора Александра было великолепным; даже по инерции этот натиск на Восток, в Тихоокеанский бассейн продолжался и в первые годы по воцарению Николая. Какой энергией тогда все дышало? — *КВЖД* и протекторат над Манчжурией и Кореей, база Тихоокеанского флота в Порт-Артуре и Дальнем, само становление нашего флота на Дальнем Востоке. Но и Александр не на пустом месте начинал. Те же Аляска и Калифорния... Жаль не удержали. Но здесь не было резона сталкиваться лбами с *САШИ*, набирающими большую силу. Кстати, впервые тогда Россия столкнулась с главной силой капитализма — деньгами, которыми американцы купили за уступку Русской Америки императорских министров и даже великого князя Константина!*

А экспедиция русских военных кораблей и захват Сандвичевых островов во времена колонизации Аляски и Калифорнии? Правда, их оттуда быстро вышибли те же американцы. А вот Александр Третий действовал умнее: сначала Манчжурия, Порт-Артур, Корея. В это же время разведка Генерального штаба активно «прошупывает» Филиппины и голландскую Индонезию. Как это наш агитпроп в школьных учебниках трогательно сочиняет про бескорыстного путешественника-этнографа Миклухо-

* См.: Яшин А. А. Ешьте крабов. Публицистика 2007-го года. Литературоведение. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 256 с. (Очерк «Что имеем, то не ценим... К началу разбазаривания русских земель»). — Прим. авт.

Маклая? — Полковника генштаба, главы русской резидентуры в Индонезии... Еще раз повторяюсь.

Все испортил Николашка Кровавый. Не сомневаюсь, что хотя его ритуально и расстреляли с семейством в Ипатьевском доме по приказу Троцкого его клеветы — но это их манера со времен Французской революции эффектно завершать разрушение империй, — однако, может, и придет время, не при мне, конечно, когда те же последыши Лейбы будут умилительными слезами-соплями портретики Николая обливать. В истории масонства и тайного мироправления и не такие «чудеса» случались.

Испортил же своей глупостью именно в том смысле, что поддался на провокации Японии и начал неподготовленную войну на поражение, но даже не дал себе труда подумать или выслушать умных людей из политиков и военных: а кому это было нужно? Конечно, ни Японии, которая тогда тоже статистом оказалась, ни кайзеру, на которого все пробовали свалить. Не допер, последыш романовский, что это руководимая исподволь Америкой Антанта готовит из России мальчика для битвы, источник пушечного мяса для ее геополитического столкновения с германскими государствами и предписанного мировым масонством уничтожения последних трех империй континентальной Европы. В итоге лишились всех достижений России на Дальнем Востоке за прошлый век.

Нам пришлось все начинать заново. Все утраченное вернули в сорок пятом. Не удалось из-за американской бомбы Хоккайдо взять. Но может, это и к лучшему. Все одно море стало нашим внутренним. По сравнению с царем Александром Александровичем мы продвинулись намного дальше — это про сферы влияния: Китай, северные Корея и Вьетнам. К сожалению, натиск на тихоокеанские острова и архипелаги теперь невозможен: *США* там утвердились накрепко. Поэтому двигаться надо в Индокитай: Лаос, Камбоджа, Таиланд — вот направление «главного удара». Средства? — Как говорится, деньги наши, идеи — Маркса и Ленина, солдаты — китайские. Отчасти могут быть и вьетнамскими.

Даже оставляя аппендикс Сингапур-Малайзия англо-американцам, его так просто не возьмешь, все равно стратегическая цель осуществима: включить в свою сферу через Китай, Индокитай и собственно Индию, а также Иран, практически всю Азию. Это уже большая стратегия: две трети населения мира — вместе с *СССР* и Восточной Европой — и большая половина суши. Также Индийский океан и солидная полоса Тихого от Берингова пролива до пролива Моллукского, причем полоса, определяющая экономику и геополитику Тихоокеанского бассейна в Старом свете. Но сколько это нам стоит будет? Все азиаты — и узкоглазые, и индийские арийцы — все деньги всему на свете предпочитают. Особенно Индия нам будет дорого стоить. Во сколько один Бхилайский проект обойдется? — Никаким чаем и слонами для зоопарков они с нами не расплатятся. Вот на днях сюда, на дачу, приедет их посол: чего опять сверх договорного попросит?

Это наша важнейшая задача по расширению сферы влияния на Востоке на ближайшие два десятка лет. Говоря языком агитпропа: расширение мировой системы социализма. Китай в этой нашей стратегии играет двоякую, увы, полярную роль. С одной стороны, социалистическая Поднебесная — стержень нашей азиатской, обходной по океанам, стратегии. С другой — надо очень осторожно вести китайскую политику, ибо уже через не очень далекие годы Китай возьмет курс на свою, единодержавную роль в мировой политике.

Лучше пока голову не забивать. Нужные службы уже все прослеживают. Даром хлеб с маслом или икрой у нас не едят.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*

III. Дежавю

Сказание о геростратах (Продолжение)

Отец застоя**

Десять лет страну губивший
Поневоле вахту сдал.
Кукурузвельта сменивший
Восемнадцать лет проспал.

Не осмыслено былого —
Жирный минус, а не плюс:
Ведь без «подвигов» Хрущева —
Нет, не рухнул бы Союз!..

Но вникать не захотел он
Во вчерашний произвол:
Должных выводов не сделал,
Нужных мер не произвел.

Да и в будущее, впрочем,
Он избрал ущербный путь.
О соратниках хлопочем:
Чтоб не вышло что-нибудь,

В *Конституции**** клевретов
Он прикрыл с Вождем вразрез.

* Поэма имеет начало в № 4, 2012 «ПЗ»; в 2013—2016 гг. печаталась в журнале в продолжающихся отрывках.

** Период *застоя* — обозначение периода «фазвитого социализма» — периода в истории СССР, охватившего два десятилетия — с момента прихода к власти Л. И. Брежнева (1964) до XXVII съезда КПСС (февраль 1986). **Леонид Ильич Брежнев** (19.12.1906 — 10.11.1982) советский государственный и партийный деятель, занимавший высшие руководящие посты в СССР в течение 18 лет: с 1964 года и до своей смерти.

*** Конституция СССР («брежневская»), действовавшая с 1977 по 1991 год. Принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года. **Статья 6** законодательно закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС. Для сравнения: в «сталинской» Конституции 1936 года нет ни слова о роли партии.

Номинально — Власть Советов,
В жизни — власть КПСС.

Мыслил крайне неглубоко,
Хоть имел в душе добро.
Жизнь приемля однобоко,
Он дряхлел с Политбюро.

Ордена любил, что в сумме
Нагибали до земли.
Тихо жил и тихо умер...
Или... тоже — помогли?..

Без руля и без ветрил

Вышла власть геронтократов
Боком Родине моей.
Щедро сыпались награды,
Лился патокой елей.

В забытье ментальной лени
Обозначился откат:
Маркса верное ученье
Перевернуто в догмат.

Тем, чему учил их Сталин
(«*Без теории нам смерть!*»),
Утруждать себя не стали,
И добра не будет впредь.

Дом еще казался новым,
Но несущая стена
Управленьем бестолковым
На корню повреждена.

Нужен зодчий был, могущий
Для страны спасеньем стать
И заделать брешь в несущей,
Все отладить, залатать.

Не случилась бы погибель,
Да смысленых не нашлось,
И *косыгинское «прибыль»** —
Предпоследний в крышку гвоздь...

* **Алексей Николаевич Косыгин** (21.02.1904—18.12.1980) — Председатель Совета Министров СССР (1964—1980). В проводимой им реформе народно-хозяйственного планирования активно использовались хозяйственный расчет, **прибыль**, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы. Фактически, это была попытка ввести элементы рыночной экономики в плановую. Выгоды от реформы получали оборотистые руководители предприятий, а все причиненные ею убытки должно было покрывать государство (<http://politshturm.livejournal.com/28998.html>).

Что творилось повсеместно...
Утверждение молвы
Справедливо: как известно,
Рыба тухнет с головы.

Верно! Тщетны все потуги,
Коль под шляпой нет мозгов.
Ловкачи и аферюги
Разводили стариков.

Те, хозяйствуя не мудро,
На мякину поведясь,
Экономику абсурда
Сотворили. Отродясь

Свет не знал такого чуда:
Из Донбасса на Кузбасс
Поезда с углем,— оттуда...
Поезда с углем в Донбасс!

Лес в Сибирь бесстыдно гнали,
А сибирский — встречь ему.
За такое попадали
При Вожде на Колыму!

Как при бешеном Никитке,
Крытых токов дефицит.
Хлеб родится, но убытки...
Он сгнивает и горит.

Сверху план — дымят заводы,
А товару сбыта нет...
Так рулили сумасброды
Год за годом много лет.

Бестолковщина крепчала,
И в Кремле крепчал маразм
Безначального начала.
Для врагов такой соблазн...

Кто есть кто

Да... Советскую систему —
Кто по дурости крушил,
Ну, а кто-то дяде Сэму
Тайно душу заложил.

Но у властного кормила
Дурень ворогу сродни.
Ужасающая сила,
Если рядышком они!

Вот кто денежки Народа
Прахом по ветру пускал!
Но дельцов такого рода
Штат Лубянки не искал,

Не притягивал к ответу,
Дел на них не заводил,
Не защелкивал «браслеты»,
За решетку не садил.

Где уж там! Еще Никита
Комитет всерьез подмял:
Тот щитом для партэлиты,
А не для Народа стал.

До шпионов ли, однако?
Есть работка поважней:
Где тут мыслящий инако
И крамола на вождей?

Комитетскими лихими
Круг вельможных охраним.
Что шпионы? Бог бы с ними.
Что Народ? Да черт бы с ним!

А меж тем сквозь поры, щели
Резиденты ЦРУ
В КГБ самом засели,
Поприжились ко двору

И устроили потеху!
Председатель знал о том *,
Но не стал чинить помеху,
Запустил измену в дом.

Со спецслужбою такою
Безнаказанно вполне
Любо стежкой воровскою
Изменять родной стране!

Этим делом краснобаи
В высших сферах занялись,
Но, друг дружку лобызая,
Словом «ленинцы» звались.

* «К 90-м годам относится любопытное свидетельство Юрия Власова — бывшего мирового рекордсмана-штангиста. Когда он закончил работу в архивах КГБ над китайскими дневниками своего отца... Власова принял председатель КГБ Андропов. Это были еще 70-е годы, и Власов был поражен тем, что Андропов посоветовал ему быть в контактах с его подчиненными осторожнее, потому что «центральный аппарат сильно засорен агентурой ЦРУ» (С. Кремлев, *Как прождали СССР*, «Яуза-Пресс», 2011 г.). **Юрий Владимирович Андропов** (02.06.1914—09.02.1984) — Председатель КГБ СССР (1967—1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984).

На словах, однако, чей бы
Ни громить оппортунизм,
Не по Ленину — по Лейбу
Понимали коммунизм.

В жутком старческом маразме
Руководство так себе
Не во вред Отчизне разве
Помогало шантрапе?

«В духе интернационала»
Уходили деньги влет
За кордон кому попало,
Обделяя свой Народ.

Гниль

Как пустые заклинанья
Нынче лозунги ЦК,
Как предмет для осмеянья:
Ведь Народ не слеп пока!

Он без усталости трудился,
Добрый труженик Народ,
И в труде своем добился
*Небываемых** высот.

Беспримерен окрыленных
Вдохновенный мирный труд...
Что ж беднее побежденных
Победители живут?

Почему, за что опала?...
И, нашептывая гиль,
Ядом души разлагала
Диссидентской стаи гниль.

«Зря поверили в идею.
Коммунизм — химера, ложь.
Ценно то, чем я владею;
Что мое, того не трожь!

Что там «родины-отчизны»?
*Раньше думай о себе**.*
Нет богатству укоризны,
Укоризна голытьбе.

* «Небываемое бывает» — слова, которые Петр I приказал выбить на памятной медали, выпущенной по случаю «никогда бываемой виктории», одного из эпизодов Северной войны, когда 5 мая 1703 г. два шведских корабля были взяты в плен не военными судами, а русскими пехотинцами.

** В противовес этому духу индивидуализма советские песни воспитывали нас патриотами: «*Раньше думай о Родине, а потом о себе!*» («Комсомольская традиция», муз. Оскара Фельцмана, слова Игоря Шаферана)

Вон как западные немцы
Процветают! Вы же тут,
У себя, как отщепенцы:
Чем одарены за труд?

Жены ваши как одеты?
Где наряды от кутюр?
Ничего в продаже нету,
Даже с шорохом купюр.

А *фарцовщиков** гоняют —
Тех, кто благо вам несет.
Так-то вами управляет
Коммунячий корогод!

Сами жрут деликатесы,
Вам же — лаптем щи хлебать.
Нет партийным интереса
Ваше пузо ублажать!

Не раскатывайте губы
На партийный каравай!
Им плевать на ваши судьбы,
Каждый сам себя спасай.

Колбаса исчезла с мясом
И доступна меньшинству?
Выше ноздри и с приплясом
За колбаской дуй в Москву!

Вам дворяне не по нраву?
Ну, а эти лучше, что ль?
Да такие ж точно, право,
Даже хуже, вот в чем соль.

Те хоть были костью белой,
Эти в прошлом — рвань и сброд,
Бесшабашный, оголтелый.
Он и сбил с пути Народ.

Что, буржуи кровососы?
Эти тоже кровь сосут
И жируют. Вы же босы,
Но: «Дашь ударный труд!»

А качать права рисковно:
Вмиг тебя за это — хватить!..

* Лица, занимающиеся фарцовкой. **Фарцовка** — сленговое название запрещенной в СССР подпольной покупки/перепродажи (спекуляции) труднодоступных или недоступных рядовому советскому гражданину дефицитных импортных товаров.

Дайте нам свободу слова,
Чтоб *совок** критиковать!

Вольный выезд за границу,
Где красивой жизни рай,
Где свободны, словно птицы,
Индивиды,— подавай!

Дайте право жить богато,
На валюту сняв запрет!..
И... хоть капельку разврата...
Что-то как-то секса нет...»

Сразу видно, что эстеты!
Либералы! «Соль земли»!
Люди творческие где-то,—
Всех тусовок короли!

Так сказать, интеллигенты —
«Совесть общества» и «цвет»...
И... влияния агенты —
Кто осознанно, кто нет.

Многих сам Хрущев когда-то
Отпускал из лагерей.
Между ними бородатый
Правдолюб из-за морей.

«Александр Исаич! Боже!
Современный *Лев Толстой* —
На него во всем похожий!»
(Если только бородой...)

Среди них такие — что ты! —
Стихотворцы-мастаки...
Словесами патриоты,
А душою — червяки!

В светлом чувстве на коленях
Кто-то клялся до икот
«*Комиссарам в пыльных шлемах*»,
А потом: «*Стреляй в Народ!*...»**

При царе — борцы со старым,
При Советах — за царя.
Ох, гнилыми их недаром
Называл Ильич! Не зря!

* Так антисоветчики презрительно называют советский строй и советского человека.

** «Мы сами вырастили их — недочеловеков с двойными душами. Вроде Окуджавы, который в молодости клялся в любви «комиссарам в пыльных шлемах», а тридцать лет спустя истерично требовал расправы над защитниками Дома Советов в 1993-м... Бескрылые, они предали и продали все. За гранты западных фондов... За доступ к микрофону на телевидении — чтоб и дальше загаживать нам мозги». (*М. Калашиников, «Сломанный меч Империи», Крымский мост — 9Д, Форум, М., 2001*).

Лучше за сто лет не стали
И, поймавши свой талант,
Кропотливо продвигали
Подлый *даллесовский план**.

*“Herba mala cito crescit”*** —
Мигот сорная трава
На худом возрастает месте,
Как по воле волшебства.

Полуправдой, полуложью
В деле хитром, непрямом,
Преуспеть вполне возможно,
Если действовать с умом.

Складно врешь, антисоветчик,
Только *врешь*, не обессудь:
Коммунист и партбилетчик —
Не одна и та же суть!

Тот, в ком совесть и отвага,
Ведал, что такое честь!
А другой за чин и блага
Норовил ужом пролезть.

Разве родственник боярам
Славный старый фронтовик?
Партбилет носил не даром,
С ним он шел на вражий штык!

То вельможи-стариканы
Долг и честь спустили вниз,
И у нас, в Союзе, кланы
Бонз партийных завелись;

По стране распространились —
По республикам, краям;
С криминалом закружились
На потеху всем чертям.

Знали, знали все на свете,
Как резвились их сынки.
Но за шалости за эти
Деток трогать не могли!

Непорочны, как иконы,
И безгрешны, как генсек.

* Аллен Уэлш Даллес (англ. **Allen Welsh Dulles**), (7 апреля 1893, Уотертаун, Нью-Йорк — 29 января 1969, Вашингтон) — американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры. Известен так называемый «План Даллеса», излагающий общие принципы подчинения СССР через идеологическое разращение населения, весьма откровенный по формулировкам.

** *“Herba mala cito crescit”* [*хэрба мала цито кресцит*] — «Дурная трава быстро растет» (латинская пословица).

Все равны перед законом,
Но они — равнее всех.

Дескать, мы в особом роде,
Ну а вы пигмеи там...
И растет, растет в Народе
Глухо ненависть к верхам.

Диссидент словцо закинет —
Добивает, в сердце бьет.
И Народ не тот уж ныне:
Тот — а вроде и не тот.

Что-то в душах покачнулось.
От речей Народ устал.
Слово с делом разминулось —
И померкнул идеал.

Между душами глубоко
Бороздой пошла межа.
Притащилась издалека
Частной собственности ржа.

И проклятые мыслишки
Так и долбят день за днем:
«У одних во всем излишки,
Мы что ж лапу-то сосем?»

На работе, как пропеллер,
Все-то попусту верчусь.
Почему я не *Рокфеллер**,
Богатеть не научусь?

Он банкир, а я что, хуже?
К черту ваш коллективизм...»
Зверь дремавший вновь разбужен,
И — даешь капитализм!

И — давай! наверх! по трупам!
По родительским костям!
Горе слабым, горе глупым!
Всех, кто против, — по частям!..

Братство с Равенством зароем
В ров поглубже и венцом —
Демократию построим
«С человеческим лицом»!..

Вновь в цене бульдожья хватка.
Но не каждый лиходея:

* **Рокфеллеры** — американская семья промышленников, политиков и банкиров, одна из самых богатых семей в мире.

Если в доме нет достатка,
Кто ж охотник до идей?

Так замкнуло многих граждан
На мирке своих квартир.
Обезумели однажды,
Потеряв ориентир...

Люди! Душу сохраните!
Принесут немало бед
Обывательщины нити,
Как сказал *Большой Поэт**!..

Расправа

А вверху такая свалка —
В руководстве чехарда:
Катафалк за катафалком
И поминок череда.

Только справили поминки —
Тут же новая метла
Под себя шерстит былинки,
Беззаботно весела.

Налицо иные лица.
Часть из них за много лет
Воспитала заграница
(Вам от *Даллеса* привет...).

Банда серых кардиналов
Да прозападных «кротов».
И любой из них, шакалов,
Услужить врагу готов!

Словно черт им помогает
Сколотить Отчизне гроб!
До сих пор в глазах мелькает
Этих «лиц» калейдоскоп.

Вот *канадского фасона*
Теоретик в кураже
И карельского масона
Ставропольский протезе —

Богом меченный иуда...

* «Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!» (В. Маяковский «О дряни», 1920 — 1921).

...Сонм людей своекорыстных,
Перевертышей кагал,
Подлых, на руку нечистых,
Власть Советскую свергал.

Во главе генсек, плетущий
Невесть что. В своем вранье
Начертал он курс, ведущий
В никуда, в небытие.

Знал бы кто, о чем он грезит,
Где свою оставил честь...
И *жена* без мыла лезет
В то, во что не надо лезть!

Рукоплещет ей заморский,
Что в Америке, обком:
Нрав имея прокурорский,
Та вертела муженьком.

И вертелся муж неслабо.
Он — изменник, не дурак —
Карты нашего Генштаба
*Сдал врагу за просто так!**

«Все твое, о друг мой новый!
Веселися и ликуй!» —
А на лысине багровый
Люциферов поцелуй...

Враг опешил: «Что за действо...
Ты с ума не соскочил?!»
За похожее злодейство
Павлов пулю получил!

За закрытыми дверями
(Кто не пьян, включай мозги!)
Стали нашими «друзьями»
Вдруг заклятые враги!

Но лиха беда начало,
А потом иди вразнос:

* Этот вопиющий факт описывает в своей книге мемуаров «**Омут памяти**» идеолог «перестройки» и один из ее «прорабов» А. Н. Яковлев: «Переговоры носили зондажный характер до тех пор, пока на одном заседании в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил на стол **карту Генштаба** со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании... Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». «Да», — ответила несколько растерянная Тэтчер».

Не отрицает этого факта и сам Горбачев в мемуарах «**Жизнь и реформы**»... Невероятно, но Яковлев и Горбачев рассказывают о факте раскрытия сверхсекретных сведений государственной важности, как об обыденной вещи. (А. П. Шевякин, «Разгром советской державы. От «оттепели» до «перестройки», Вече, М., 2004).

Мол, идея измельчала,
Не пора ль ее под снос?

«Наш девиз — свобода слову!..
Нет, мы за социализм,
Только принять за основу
Нужно мнений *плюрализм*».

И пошла — «свобода мнений»!
Так, Хрущева превзойдя,
СМИ в садистском озверенье
Снова топчут прах Вождя.

Всюду фильмы о разврате.
Чтоб пополнить книжный шкаф,
Продается на Арбате...
Опус Гитлера «*Майн кампф*»!

Оскорблен советский воин.
Лют на Армию навал.
То злодей — из кривды скроен —
«Новым мышлением» звал!

Восхваляется безмерно
Строй буржуйский без конца.
Проникает эта скверна
В неокрепшие сердца...

«Надо начать *перестройку*, —
Гнул свое пятнистый тать: —
Прекратить в стране попойку
И *консенсус* отыскать».

Нашу Родину кошмаря,
Он — предатель, не дебил —
В антиводочном угаре
Экономику добил!

Деньги — разве что по блату.
Как живешь, рабочий люд?
Кое-где уже зарплату
Унитазами дают.

Суть недобрая в новинах.
Виноградник — под топор.
В продуктовых магазинах
Мяса нету с давних пор.

Там одни пустые полки
Или детские горшки.
И в Народе ходят толки:
Реформатор без башки.

Нет, она была на месте,
Но душа его черна.
Он с поделщиками вместе
Зло творил не с бодуна.

Люди *Меченого* бойки
В состязанье, кто ловчей.
У «прорабов перестройки»
Деловитость палачей.

До развязки недалече:
Не идут дела на лад.
Чем заносчивее речи,
Тем скромнее результат.

Впрочем, кто к чему стремился.
Как-никак еще в *застой*
Класс богатых проявился,
Расшатав рабочий строй.

Привилегий поднахапав
И недвижимости впрок,
Захотелось тихой сапой
Узаконить сей порок.

«Только как? — вздыхал отступник. —
Предпосылок вроде нет.
Ведь *буржуй у нас преступник*,
Вне закона мироед...»

Гложет душеньку досада...
А виной — социализм!
Чтоб свалить... сострять надо...
Рукотворный катаклизм!

Для «удобства» населенья
Дефицит изобрести
И до градуса кипенья
Простодушных довести.

Вот тогда сказать по ходу:
Все, товарищи, тупик, —
Лгал в семнадцатом Народу
Самый главный большевик!

И захочется тупицам
Дело Ленина проклясть.
Словно зверь, толпа взъярится:
«Не хотим Советов власть!»

И посыплется Советский,
Самый справедливый, строй.
Возвернется мироедский.
Братство с Равенством — долой!

«Разве *ровна* мне рабочий?
А мужик — какой он *брат?*» —
Вот как мыслил, между прочим,
Разжиревший партократ!

Скоро станет он банкиром
И в плантаторы попрет;
Возомнив, что правит миром,
Будет грабить свой Народ...

И в республиках неладно,
Где пошел на брата брат:
Независимость парадно
Возглашают все подряд.

Там вражда в махровом цвете
И мятеж на мятеже.
И Прибалтика, заметьте,
Не Советская уже!

Братству общему неверный,
Над Отечеством глумясь,
Секретарь рескома первый
Где-то хан, а где-то князь.

Ты прислушайся, вития!
По Союзу там и тут:
«Чемодан — вокзал — Россия!»
Русских гонят и кланут.

Кровь рекой в Таджикистане,
В Карабахе... Времена...
Вся страна, как на вулкане...
Ты искал *консенсус*?! На!!!

Разворот событий адов
Под знаменами беды.
Это все твоих «прорабов»
Геростратовы труды!

Дядя Сэм снимает пенки,
Вы же — счастливы взახлеб!
Взять бы вас да к теплой стенке,
Расписав зеленкой лоб!

Проклинаемыми всеми
Будьте все до одного!
Вы, отрепьевское семя!
Вы, иудино родство!..

Пал Союз Советский скоро.
Но не сам распался он,
А убит кремлевской сворой!
Четвертован! Расчленен!

В *черный август* черным летом
Власть Советов умерла...
Где же был Народ при этом?!
Где же Армия была?!

Ведь она — *Рука* Отчизны.
А Народ? Народ — *Душа*,
Без которой в этой жизни
Жизнь не стоит ни гроша!

Но на что рука способна,
Если нету головы...
Без нее душа подобна
Темной ноченьке, увы...

Злой зимою сброд негодный,
Воровской являя нрав,
В Беловежье Всенародный
*Референдум растоптав**,

Ту страну, что нету лучше,
Разрубил, как рубит кат.
И погиб Союз могучий,
На республики разъят,

Через гнусное коварство,
Буйный бред башки хмельной.
Так вонзило партбоярство
В сердце нож стране родной,

Убивая в изуверстве
То, что жить должно века!
И не выдержало сердце
Старика-фронтовика...**

* 8 декабря 1991 года в Вискулях под Брестом (Беларусь) президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич подписали Соглашение о распаде СССР и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

Ранее, 7 марта 1991 года, состоялся референдум о сохранении Союза Советских Социалистических Республик (СССР), на котором подавляющее большинство граждан Советского Союза высказалось за сохранение Страны Советов.

** Автор приступает к работе над заключительной главой поэмы, которая получила название «Что делать?».

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Москвы» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России, лауреат премии «Серебряный крест», лауреат Всероссийской премии имени П. Л. Проскурина, дважды лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

Аннотация киноповести «Бородатые Боги»

Чернобыльская катастрофа, которая случилась 26 апреля 1986 года, не пощадила никого: ни работавших на четвертом энергоблоке сотрудников, ни тех, кто проживал в 30-километровой зоне, ни тех, кто жил в сотнях и тысячах километров от этого места. Среди пострадавших оказались и дети.

Ни одна страна в мире не сумела обеспечить комплексное массовое лечение подвергшихся радиационному излучению. Только Республика Куба обеспечила реализацию этого грандиозного проекта.

Евгений Иванович Чазов, министр здравоохранения СССР на тот период, провел переговоры.

Всего кубинские специалисты обеспечили излечение 24 471 больного, исчисляя с 29 марта 1990 года по 1 июня 2014 года, из них 20 419 — дети.

Киноповесть рассказывает о судьбе подростка, жителя одного из райцентров Брянской области, которому было десять лет на дату аварии. Кубинские медики вы-

лечили и его, и всех остальных детей, проживавших в ряде областей РСФСР, Белоруссии, Украины и ряда районов Молдавии. Все они выжили.

Эта киноповесть — свидетельство совместного подвига кубинских медиков и советских детей, зримый символ дружбы между нашими народами.

Раннее хмурое утро. Начало марта. По Брянской области идет пассажирский поезд. Разнокалиберные вагоны: несколько вагонов начала 60-х годов, два — современных купейных, остальные — вагоны 70-х годов. Всего состав насчитывает 14 вагонов.

Сначала — панорамная съемка движущегося состава, затем камера приближается.

Съемка в вагоне.

Развязный молодой мужчина лет 30-ти с наколкой на пальцах правой руки «Толя» в светло-голубых джинсах и тельняшке подходит к купе проводника и тихонько стучит. Дверь с грохотом открывается и он видит заспанное лицо проводницы.

Проводница: Ну чё тебе надо?

Пассажир: С добрым утром, любезная! А на станции Тихая пристань поезд останавливается?

Проводница: Да, минутная остановка. Может, кто сядет.

Пассажир: Слушай, а если я выйду на этой станции?

Проводница: Да иди хоть к черту. И какая только муха тебя в задницу укусила. Вон, до нашей узловой станции райцентра еще полтора часа. Поспать не дал.

Пассажир: Может, это меня неистребимый поездной клоп укусил, а не муха? (ослабился мужчина).

Проводница (ласково хлопает его по ноге ладонью): Вон у тебя какие джинсы импортные. Модные, тугие. Ни один клоп не пролезет.

Они оба довольные друг другом хихикают. Мужчина прибалтненной походкой, сторожко ступая, идет в свое дальнее купе, а проводница, тяжело вздохнув, надевает на свои отекающие ноги короткие сапожки, берет тряпку, желтый флажок и идет в тамбур. Поезд начинает медленно притормаживать.

Проводница открывает дверь, поднимает площадку. Мужчина дышит ей в спину.

В это время поезд вдруг резко тормозит. Проводница профессионально успевает ухватиться за поручень, а мужчина бьется плечом в стену тамбура, охает и слегка приседает. Из вагона слышны недовольные вскрики пассажиров.

И вдруг раздается визгливый женский голос:

— Этот Толя у меня чемодан украл, сволочь!

Полуодетая женщина лет 27 бежит по коридору к тамбуру. От этого выкрика мужчина мгновенно привстает, подобно пружине, отталкивает проводницу и пытается выпрыгнуть на землю. Чемодан бьет проводницу по колену. Ей больно, но она успевает ухватить его за рукав пуховика. Чемодан с грохотом летит по ступенькам и падает на землю. Мужчина кубарем скатывается с лестницы и падает ягодицами на чемодан. Выскочившая в тамбур пассажирка самозабвенно кричит, протягивая вперед руки:

— Вот он, вот он, вор! Украл мой большой желтый чемодан!

Проводница свистит в свисток. Попутно нажимает на какую-то кнопку в тамбуре. Раздается звук сирены. Мужчина хватается чемодан за ручку и, прихрамывая, начинает удаляться от вагона. Но уже поздно. Из других вагонов выскакивают несколько проводников — мужчин и женщин. Раздается милицмейская трель дежурного милиционера, который сопровождает состав.

Мужчина понимает, что с чемоданом ему не убежать, с досадой отбрасывает его назад и сбивает с ног преследующего его одного из проводников. Вслед ему слышится ругань. Мужчина успевает пробежать еще шагов тридцать, как вдруг слышит сопение позади себя и один из преследователей хватает его сзади за воротник. Оба падают, но борьба не завязывается. Мужчина раскидывает руки, лежа на спине, и примирительно кричит:

— Сдаюсь, сдаюсь. Ваша, сволочи, взяла.

Несколько мужчин рывком поднимают его на ноги, а проводница бьет его по щекам и громко кричит:

— Я двадцать один год работаю проводником, я — ударник коммунистического труда! У меня четыре вымпела за хорошую работу в купе висят! У меня было пять начальников поездов и никто никогда мне и замечания не сделал! А тут такой гад попался!

Один из проводников хватается проводницу за руки и примирительно говорит:

Проводник: Ну все, Тамара, все! Мы сейчас доедем до узловой станции райцентра и сдадим его в линейное отделение милиции. А твоей вины-то никакой нет. Если такие псевдопассажиры появляются.

Процессия идет обратно к поезду. Проводница всхлипывает, камера крупно показывает ее лицо. Она смахивает ладонью слезы, потом достает из кармана салфетку и вытирает лицо. Понемногу успокаивается.

Возле вагона стоит обворованная пассажирка и радостно вопиет.

Пассажирка: Поездного вора поймали. Гаденыша ведут.

Она радостно выхватывает из рук одного из проводников свой чемодан. И тут же, прямо на земле, открывает его. Там женские вещи, несколько отрезов ткани и еще всякая мелочь.

Пассажирка: Я в Египте две недели была. Подарки везу. По простоте душевной ему рассказала, а он спер. Я так теперь волнуюсь, что весь отдых насмарку пошел.

Ей помогают поднять чемодан, заботливо поддерживают, когда она взбирается обратно в вагон. Начальник поезда связывает задержанному ноги и одновременно объясняет свои действия двум проводникам из других вагонов и проводнице.

Начальник поезда: Когда поймали кого, то первым делом надо на грудь опрокинуть и ноги связать, чтобы не убежал никуда, а уже потом руки за спину завести и тоже крепко связать.

Задержанного мужчину буквально забрасывают в вагон. Он, падая, ушибается и сквернословит. Начальник поезда и проводники довольно смеются. Начальник поезда огорченно говорит.

Начальник поезда: Теперь из-за тебя, падкого на чужое добро, я неизвестно когда домой попаду. Объяснения писать надо, в депо идти к начальству, объясняться.

Проводники сочувственно кивают головами, а задержанный мужчина хмыкает в ответ.

Один из проводников и начальник поезда остаются в тамбуре с задержанным. Проводница жалостливо вытирает задержанному разбитое в кровь лицо. Тот кивком головы благодарит.

На перроне узловой станции райцентра уже стоят два милиционера. Проводница стоит в проходе вагона и не выпускает пассажиров, потому что сначала нужно сдать задержанного. Один из милиционеров поднимается в вагон и надевает задержанному наручники. Затем развязывает киперную ленту, которой тот был связан. Задержанный разминает сведенные сзади руки. Милиционер развязывает ему путы на ногах и его принимает второй милиционер.

Один из милиционеров возвращается обратно в вагон.

Милиционер: Эй! Где там потерпевшая?! Пусть она выходит вместе с нами. И чемодан не забудьте.

Люди скрываются в своих купе. Женщина протискивается с большим желтым чемоданом по вагону к выходу.

Потерпевшая (суровым голосом): Я столько от тебя настрадалась. Я буду требовать, чтобы ты десять лет сидел!

Проводница замирает, слушая эту тираду.

Один из милиционеров поддерживает потерпевшую и помогает ей спустить чемодан.

Задержанный мужчина поворачивается и говорит ей с издевкой.

Задержанный: Ты, тетка, во-первых, не прокурор, во-вторых, приговор выносит судья, а в-третьих, заруби себе на носу — у тебя ничего не пропало и увидишь, я отделаюсь только штрафом. А твой чемодан я взял по ошибке.

Милиционер и начальник поезда злорадно смеются над его словами.

Начальник поезда: Приятно с ошибальщиком познакомиться. А как по полю с чемоданом скакал — не ошибался!!!

Проводница уходит вглубь вагона, заходит в злополучное купе и вытаскивает оттуда легкую спортивную сумку «Адидас».

Проводница: А вот его пожитки!

Один из милиционеров берет сумку и говорит:

— В отделе откроем и понятых пригласим.

Любопытствующие пассажиры выглядывают из купе. Какая-то старушка радостно произносит.

Старушка: А поездка-то была какой интересной! Приду домой, буду всем рассказывать, что у нас вор завелся в вагоне. Спасибо нашей милиции, поймали! Видно, зря по телевизору милицию ругают. Вон какие молодцы!

Находящийся в тамбуре милиционер приосанился и поправил фуражку.

Какой-то мужчина в очках, крупный, с сединой, возражает бабушке, выглядывая из другого купе:

— А при чем здесь наша доблестная милиция? Задержали-то проводники! А эти — на все готовенькое.

Милиционер (примирительно): Ну ладно, митинг развели. Хватит уже. И лишнего говорить не надо.

Все замолкают и прячутся в своих купе.

Процессия идет по перрону вдоль состава.

Проводница машет вслед желтым флажком.

Проводница: Благодарение судьбе, что все хорошо для всех закончилось. Из наших российских поездов ни один преступник не убежит!

Задержанный мужчина оборачивается и подмигивает проводнице: Мы еще с тобой встретимся! Я тебя шоколадкой «Вдохновение» угощу. На тебя зла не держу. Добросовестная ты работница.

Один из милиционеров обидчиво толкает задержанного мужчину.

Кабинет начальника линейного отдела внутренних дел. Половина восьмого утра.

Мужчина лет 35-ти в форме подполковника, бодрый и энергичный, рассматривает рапорт, который ему принес оперативный дежурный. Удовлетворенно хмыкает.

Начальник (оперативнику): Пошли в наше областное управление в Брянск теле-

фонограмму о том, что задержали поездного вора. Кстати, останься здесь. Сейчас узнаем: кто такой, откуда... А потерпевшая пусть пока посидит в коридоре.

Старший лейтенант лет 25-ти вытягивается в струнку: Слушаюсь. Исполняю поручение.

Он выходит в коридор и уверенным баском командует: Заводите задержанного! А вы, гражданочка, посидите в коридоре. Вас потом пригласят.

Затем он видит в коридоре двух женщин и мужчину и подходит к ним.

Старший лейтенант: Вы по какому поводу находитесь здесь? Задержанные? Потерпевшие? Свидетели?

Женщина что-то тихо говорит ему. Удовлетворенный ответом, старший лейтенант командует.

Старший лейтенант: Находитесь здесь. Я вас потом приглашу в качестве понятых. *Показывает пальцем на потерпевшую:* С ней не разговаривать.

Мужчина и две женщины согласно кивают.

Кабинет начальника линейного отдела внутренних дел.

Подполковник приказывает подчиненному: Снимите с задержанного наручники. Дайте ему попить воды (*те исполняют указания*).

Подполковник продолжает: Задержанного обыскивали? Как это нет? Ах, не успели?

Обращается к оперативному дежурному: Пригласите понятых, сейчас произведем обыск задержанного.

Тот вызывает мужчину и двух женщин в кабинет.

Подполковник (понятым): Ваши документы?

Смотрит документы, удовлетворенно кивает и поручает оперативному дежурному: Составьте протокол осмотра.

Милиционеры вытаскивают из внутренних карманов пиджака задержанного: отвертку, паспорт, железнодорожный билет, проездной на метро, вставленный в дерматиновую обложку, связку ключей, три платка. Из наружных карманов пуховика вытаскивают мелочь.

Снимают поясной ремень, задержанный недовольно шевелится.

Один из милиционеров (громко командует): Стоять! Не двигаться! Руки вверх!

Задержанный безропотно подчиняется. Понятые вздрагивают. Оперативный дежурный составляет протокол осмотра.

Ловким движением милиционер последовательно поднимает брючины задержанного. Из носков вытаскивает две купюры по пятьсот рублей. Начальник ЛОВД усмехается. Затем он пишет что-то на листе бумаги и протягивает его оперативному дежурному.

Начальник ЛОВД: Как всегда. Исполнять! Но сначала впиши имена понятых, пусть подпишут протокол и могут быть свободны.

Процедура осмотра завершена. Оперативный дежурный вместе с понятыми выходит из кабинета.

Начальник ЛОВД: Садитесь, задержанный! Расскажите, пожалуйста, что произошло. Потом вас отведут к дознавателю и вы уже все поясните подробно.

Задержанный криво усмехается: Вещи перепутал в темноте.

Милиционеры улыбаются. Начальник ЛОВД строго смотрит на них, и они тут же построжили.

В этот момент заходит оперативный дежурный, подает начальнику ЛОВД какой-то листок. Тот читает, удивленно раскрывает глаза и говорит.

Начальник ЛОВД: А вы, товарищ Иннокентьев, оказывается, наш клиент.

Задержанный (набычившись, смотрит в пол, затем выдавливая из себя): Что, уже по базе пробиты? И знаете, что я отсидел год в колонии?

Начальник ЛОВД делает строгое лицо, ничего не отвечает задержанному. Смотреть на него приятно: олицетворение закона.

Задержанный съеживается. Он понимает, что диалоги здесь неуместны и в этом кабинете он не собеседник и никакого дружеского расположения к нему не будет.

Начальник ЛОВД (замечает эту перемену в задержанном и строго произносит): Снова позовите понятых, а то задержанный говорит, что перепутал вещи. Где его большой желтый чемодан?

Оперативный дежурный хочет выйти из кабинета, но начальник ЛОВД жестом левой руки останавливает его.

Начальник ЛОВД (спрашивает у задержанного): Вы ничего не хотите сказать? Вы можете оформить явку с повинной.

Милиционеры опять улыбаются. Начальник опять строго смотрит на них, и они подтягиваются.

Начальник ЛОВД: Задержанный, какой у вас был с собой багаж?

Задержанный: У меня была с собой сумка «Адидас» синего цвета. Слегка потрепанная.

Начальник ЛОВД: А почему вы взяли большой желтый чемодан, принадлежащий иному лицу?

Задержанный: Видимо, со сна. Не отдавал отчета своим действиям.

Начальник ЛОВД: А почему побежали?

Задержанный: Опять же, не отдавал отчет своим действиям. Тем более, что сорвался со ступенек и еле удержался потом на ногах. А сзади кричать стали, свистки... Вот я по привычке и побежал.

Начальник ЛОВД (строго): А как и где приобрели привычку бегать с чужими вещами?

Задержанный (опускает голову на грудь и замолкает. Затем стыдливо выдавливает из себя): В прошлой жизни, гражданин начальник.

Начальник ЛОВД (участливо): Раскаиваетесь? А когда начнете новую жизнь? Когда отсидите еще один срок? Вы же теперь уже рецидивист и освободились-то всего три с половиной месяца назад.

Он внимательно смотрит на задержанного. Тот старается сделать безразличное лицо и вдруг произносит.

Задержанный: Согласно 51-й статье Конституции РФ я больше ничего говорить не буду и от любых показаний отказываюсь. А еще мне нужно посоветоваться со своим адвокатом.

Начальник ЛОВД (с огорчением вздохнул): Ваши права мы будем, безусловно, соблюдать. О произошедшем событии сообщим вашим родителям. Но если в течение трех суток к вам не приедет адвокат, то мы передадим дело в суд, а уж он определит вам меру пресечения — возможно, даже поместит в СИЗО, потому что вас задержали на месте преступления. Оперативный дежурный, пригласите в кабинет потерпевшего, понятых. Составим еще один протокол осмотра.

В кабинет заходят трое понятых, потерпевшая с чемоданом.

Потерпевшая: Товарищ начальник, вот именно он меня всю и обворовал.

Задержанный: Прямо так и всю?

Начальник ЛОВД: Я прошу вас помолчать, чтобы вы не усугубляли свою участь. Он дважды бьет ладонью левой руки по столешнице.

Все замолкают: шутки кончились.

Потерпевшая предъявляет свой паспорт, данные вписывают в протокол. Затем

открывают большой желтый чемодан. Перечисляют каждую вещь, в том числе и предметы женского туалета.

Начальник ЛОВД (спрашивает у потерпевшей): У вас что-то из чемодана похищено?

Она растерянно смотрит на разложенные на столе вещи, ощупывает дно чемодана и крышку, потом поворачивается к начальнику и озадаченно произносит.

Потерпевшая: У меня ничего не пропало. Все на месте.

В разговор вступает задержанный.

Задержанный: Прошу занести эти слова в протокол. Иначе нарушаются мои права.

Начальник ЛОВД (усмехается): все слова внесем в протокол, не переживайте.

Потерпевшая складывает все вещи обратно в чемодан, закрывает его и вдруг с волнением кричит.

Потерпевшая: Ой, посмотрите! Уголок чемодана сбит! И тут две царапины! Вот он мне ущерб нанес.

Все присутствующие, кроме потерпевшей, громко смеются. Потерпевшая краснеет и замолкает.

Начальник ЛОВД (примирительно): Ну-ну, не расстраивайтесь! Раз все хорошо закончилось для вас, то и мы тоже рады.

Затем осматривают сумку задержанного. Там несколько журналов с кроссвордами, брюки-трико, поношенные майка и трусы, зубная щетка, мыло, бритвенный прибор и одеколон в пластиковой бутылке.

Начальник ОВД командует: Жидкость на проверку. А все остальное — в спецкомнату хранения, как вещественные доказательства. Пока отведите задержанного в камеру и позаботьтесь о завтраке. Кстати, гражданин Инокентьев! Вы хотели дать телефон своей матери и адвоката?

Задержанный диктует номер телефона матери, сообщает ее имя, отчество и фамилию и добавляет, что она сама свяжется с адвокатом.

Понятые расписываются в протоколе, расписываются задержанный и потерпевшая.

Задержанного уводят два милиционера. Оперативный дежурный помогает вынести чемодан потерпевшей. Понятые выходят следом.

Начальник ЛОВД тяжело вздыхает и набирает московский номер: Это Инокентьева Надежда Викторовна? (услышав утвердительный ответ, спрашивает) Гражданин Инокентьев Сергей Александрович, проживающий по адресу: город Москва, улица Гарибальди, дом 12 — это Ваш сын?

Он включает громкую связь и слышит в ответ: Да-да! С ним что-то случилось?

Начальник ЛОВД: А где сейчас может быть Ваш сын?

Ответ пожилой женщины: А он поехал в Брянскую область, на узловую станцию райцентра, к своему товарищу. Навестить хотел. Они вместе целый год служили в армии, как говорил мне Сереженька.

Начальник ЛОВД: Однополчанин, значит!

Женщина по телефону: Да-да, вы нашли хорошее слово!

Начальник ЛОВД: Так вот ваш Сереженька задержан за попытку кражи в поезде. Ищите адвоката. И чем быстрее — тем лучше. Тогда мы сможем этапировать его по месту жительства в Москву, а уже там определят меру пресечения. Иначе будет сидеть в СИЗО здесь, в Брянской области.

Женский голос (растерянно): Так значит он до друга не доехал?

Начальник ЛОВД (сочувственно): Выходит, что так, а вам, мамаша, переживание и трата денег на адвоката. А кстати, скажите пожалуйста, мамаша, почему у него на пальцах правой руки наколка «Толя»?

Женский голос (взволнованно и растерянно): А ему четырнадцать лет было и кто-то из взрослых парней ему наколку такую сделал. Я и сама не знаю, почему.

Начальник ЛОВД: Понятно. Запишите мой телефон и адрес нашего линейного отделения внутренних дел, чтобы со мной мог связаться адвокат.

Женский голос (просительно): А можно, я сама к нему приеду, на Сереженьку посмотрю?

Начальник ЛОВД: Я думаю, что вы на него уже с момента рождения насмотрелись. Вообще-то здесь нужен только адвокат. Не жалеете на него денег. А также дайте ему доверенность. Для вас сейчас важно, чтобы сына этапировали в Москву. А там он, может, будет и под домашним арестом находиться. Если до 6 марта адвокат не придет, то сын ваш будет сидеть у нас в СИЗО до суда. Если что, то всегда звоните. Отвечу на любые вопросы и очень сочувствую Вам.

Закончив разговор, начальник ЛОВД позвонил оперативному дежурному: С завтраком задержанному определились?

Слушая ответ, нахмурился: Ну и пусть он хорохорится! А вы будьте вежливы, предупредительны. И никаких лишних разговоров пусть дежурные милиционеры не ведут. Ох уж мне эти неутомимые москвичи! От них столько хлопот. Через час пойду по кабинетам ЛОВД и посмотрю на содержащихся в камерах. Если хоть кто-то будет недоволен — спрошу с вас строго.

Закончил телефонный разговор, повесил трубку, подпер кулаком правую щеку и задумался.

Так начиналось утро 3 марта 2007 года. Начиналось с происшествия.

Москва. Восемь часов утра.

Адвокат Иван Савельевич завтракает на роскошно обставленной кухне и с довольным видом поглядывает в окно. Настроение у него хорошее, жена приготовила вкусный завтрак. Сегодня в суд идти не надо, не спеша, часам к двенадцати придет в коллегия адвокатов, поговорит с друзьями, может быть, сыграет партейку-другую в шахматы...

Его разговор «с самим собой» прерывает телефонный звонок.

Адвокат, дородный мужчина лет пятидесяти с едва пробивающейся сединой в волосах, недовольно хмурится — привычный распорядок дня нарушен. Но по адвокатской привычке трубку берет всегда.

Адвокат: Да-да, слушаю! Представьтесь, пожалуйста!

Он включает на мобильном телефоне кнопку громкой связи.

Женский голос: Иван Савельевич! Простите, что беспокою рано. Вы же помните, как вы смогли сделать всего год в колонии моему Сереженьке?

Адвокат (снисходительно): Да-да, я вас прекрасно помню, мама-хлопотушка. Сын доставил вам неприятности. Участвовал в квартирной краже. Но вместо четырех лет мы год в колонии ему сделать смогли. Суд не пошел на поводу у прокурора. Слушаю вас.

Женский голос: Иван Савельевич! Опять неприятности! Сереженька ехал к другу, с которым служил в армии, в гости. Ну и случайно не удержался, рано утром, не выспавшись, случайно взял чужой чемодан.

Адвокат: Кража в поезде? Это серьезно.

Женский голос: Звонили с узловой станции, что в Брянской области, из ЛОВД. Иван Савельевич! Такой хороший подполковник: вежливый, доброжелательный. Он посоветовал, что если в течение трех дней придет адвокат с доверенностью, то моего сыночка этапируют в Москву, а суд может вместо СИЗО дать подписку о невыезде. Вы возьметесь? Я вас умоляю!

Адвокат: Матушка-хлопотушка! Надежда Викторовна, дорогая! Конечно, здесь

нужен такой адвокат, как я. Тертый бобер. Но, знаете, как-то не привык я ездить по Брянским областям...

Женский голос (перебивает его): Я все заплачу! Все заплачу! Все будет так, как вы скажете! Мне бы только Сереженьку... чтобы была подписка о невыезде... или, на худой конец, домашний арест!

Адвокат: Ну, это уже от моего мастерства зависит. И хорошо бы, чтобы судили не в том районном суде, где его уже знают, а в другом. Тут у меня в нескольких судах знакомцы есть — поработаем. А я вас жду к двенадцати часам в коллегии адвокатов. Захватите с собой двести тысяч рублей и тысяч тридцать мне на командировочные. И все строго через кассу.

Женский голос: Спасибо огромное, что согласились, Иван Савельевич! Чтобы я без вас делала!!! Безмерно вам доверяю.

Адвокат: Жду. Не волнуйтесь. Уверен, что все будет нормально.

Адвокат (вслух, сам с собой): Никогда не бывал я в Брянской области. Говорят, что эта местность — партизанская. И народ там хоть и суровый, но отходчивый. Значит, навстречу пойдут. Возьму-ка я с собой пару-тройку бутылочек иноземного производства. Может, с кем за знакомство и разопьем. Да-а-а! А в шахматшки сегодня поиграть не удастся!

И, напевая бодрую мелодию, адвокат направился в ванную.

Кабинет коллегии адвокатов.

Несмотря на то, что еще не было двенадцати часов часов дня, его уже ждала Надежда Викторовна. Невысокая худощавая женщина с изможденным от переживаний лицом, элегантно одетая, лет 45—48, поднялась ему навстречу и радостно защебетала.

Мать задержанного: Я так рада видеть вас в добром здравии и хорошем настроении! Я даже пораньше приехала.

Адвокат (широко улыбаясь): Ваши комплименты на сумме гонорара не скажутся — меньше не будет. Но слушать Вас приятно. И за добрые пожелания спасибо. Проходите ко мне в кабинет, а потом пойдем в кассу и я приглашу секретаря, чтобы составить соглашение. Потом вместе поедем к нотариусу. Но предварительно я составлю три ходатайства и один запрос, как это и положено по УПК.

Мать задержанного согласно кивала головой и пожирала глазами адвоката. Больше ей ни на кого надеяться не было.

Купе поезда.

Адвокат, мужчина средних лет, сидит в купе и задумчиво смотрит в окно. Хмурое мартовское утро. Звучит мелодия «Железнодорожного вальса»:

Под стук вагонных колес
Приятно прихлебывать чай,
Разлет светлых девичьих кос
Меня захмелит невзначай.

Завистливый взгляд за стеклом
Проводит в дорогу: «Везет!»
Запью его быстрым глотком,
Стремясь в сухопутный полет.

Привет:

Вагонных колес перестук —
Будто судьбы молоток,
Ритмично-загадочный звук

Сквозь рельс бесконечных моток.
Этот моток размотать
Не довелось никому.
А чтоб тайный стук разгадать...

В это мгновение трансляция прерывается, поезд резко тормозит, и раздается визгливый голос проводницы:

Проводница: Однако, приехали! Железнодорожная станция «Райцентр»!

Адвокат встает, берет портфель и выходит из купе в коридор. Это для него конечная станция.

Следом идет попутчик — мужчина лет тридцати с рыхлым лицом и радостно балагурит.

Попутчик: О, старушки уже кушать приготовили! Эхма, щас возьму картошечку с укропчиком, кусочек колбаски с хлебушком, а может, у какой из них и стаканчик с самогонкой имеется.

Адвокат и попутчик спускаются со ступенек на перрон. Их обступают бабушки, одетые в телогрейки и закутанные в платки. На ногах — резиновые сапожки.

Ранним утром они все кажутся на одно лицо, хотя разные по возрасту, росту и объему фигур.

Проводница: Стоянка двадцать минут. Далеко не уходите.

Попутчик покупает несколько пластиковых судочков, рассчитывается и поднимается обратно в вагон.

Адвоката теребят несколько бабушек, чувствуя, что он платежеспособен.

В этот момент адвокат видит женщину лет 45—47, у которой красивое русское лицо обрамлено шалью-паутинкой. Возле ее ног стоит сумка, откуда идет парок.

Адвокат уверенно двигается по направлению к ней. За спиной слышит голос одной из товарок.

Бабушка (недовольно): Смотри-ка! Опять Барбудке повезло. И что это у нее все покупают?! Небось, медом намазано?

Ей вторит *другая товарка*, успокаивая первую: Ничего-ничего, быстрее продаст — быстрее уйдет! Зато все покупатели потом наши будут.

Адвокат (здоровается с женщиной, к которой подошел): Бог в помощь! Хорошей торговли! Накормите гостя райцентра?

Женщина средних лет (приветливо улыбается): Что ж не накормить! Обязательно накормим! Вы только купите, у нас недорого — каждый судочек всего пятьдесят рублей! Мужчина вы видный, может, одного и мало будет! А мы и приятного аппетита пожелаем, и в здание вокзала проводим — лишь бы вам удобство было.

Адвокат: А сколько у вас судочков-то осталось?

Женщина средних лет: Последние три.

Адвокат (с воодушевлением): Беру все. Вот вам 200 рублей.

Женщина средних лет улыбается, дает ему сдачу и предлагает пройти в здание вокзала. Они идут по длинному коридору, окрашенному темно-зеленой масляной краской, с залежалыми запахами. Адвокат уже настраивает себя на мрачные мысли, как вдруг они попадают в чистенькое помещение буфета, где стоячие и сидячие места, столики с салфетками в стаканах.

Женщина, представившаяся Валентиной Павловной, достает судочки, быстро и аккуратно сервирует стол и жестом приглашает адвоката покушать. Сама подперла щеку кулаком и с благожелательностью наблюдает за адвокатом, который быстро ест.

Валентина Павловна: Это хорошо, что с утра уже аппетит нагулял, значит, в делах споро будете действовать.

Адвокат, доедая картофелину, кивает в ответ.

Валентина Павловна (продолжает): Вкусно?

Адвокат: Очень, прямо как дома побывал. А что, вы не работаете разве, раз на вокзале продаете?

Валентина Павловна: Продаю-то я на перроне, на вокзале без лицензии продавать ничего нельзя, а вот покушать можно. А вообще, я здесь уже больше 25 лет. Так жизнь сложилась. Как произошла Чернобыльская авария, так я потом сюда и пришла в 1989-м году прошлого века.

Адвокат хочет продолжать расспросы, но Валентина Павловна вежливо, но решительно говорит.

Валентина Павловна: Не хотела бы в суете вспоминать прошлое, досталось мне выше головы (показывает жестом). Ну, а если хотите послушать повествование мое, приглашаю в гости, как освободитесь от своих дел. Наумовы мы — одни на весь район. Легко нас найдете.

Она собирает пустые судочки, складывает их в сумочку и идет обратно на перрон, перед этим показав адвокату как можно выйти из буфета на привокзальную площадь.

Адвокат выходит на площадь и видит милиционера, у которого интересуется, как пройти в линейное отделение милиции. Тот с удовольствием показывает ему и задумчиво смотрит вслед. Да, ему очень интересно, но любопытство проявлять нельзя, он на посту. А так бы расспросил. Но для себя он делает вывод, что это или работник прокуратуры, или адвокат.

Адвокат приходит в линейное отделение милиции, предъявляет дежурному свои документы. Его приглашают к начальнику. Подполковник радостно приветствует гостя.

Подполковник: Милости просим столичного гостя к нашему шалашу! Вы наверняка по поводу нашего сидельца?

Адвокат кивает в ответ.

Подполковник (продолжает): Сейчас я сержанта приглашу. Он вас проводит к вашему клиенту. Как раз у него уже завтрак закончился. Если Вы не возражаете против этапирования, то сегодня вечерним поездом два наших сотрудника могут его препроводить вместе с вами.

Адвокат: Моего подзащитного не обижают? Как он себя сам ведет?

Подполковник: Все у него хорошо, сами можете расспросить. А мы руки не распускаем. Если он нас не задает, чего мы его будем задавать! Тихий, послушный. Поймали с поличным. Все подписал. Материалы в спецпакете вам тоже передадим через одного из наших конвойных.

Адвокат благодарит подполковника и выходит в коридор, где его ждет сержант.

Сержант (с любопытством): Из самой Москвы приехали! Видать, наш подопечный непростая птица. Ведь нанять адвоката, попросить, чтобы он приехал и перевез его в Москву — это не просто. Я с ним два раза в шахматы играл через решетку — нормальный вроде мужик. Но вот почему-то работать не хочет — его все на кражи тянет.

Адвокат сочувственно кивает в такт словам сержанта.

Они подходят к камере. Сержант открывает дверь. Сидящий на кровати задержанный вскакивает и вытягивается по стойке смирно.

Задержанный: Подозреваемый в совершении кражи к любым следственным действиям готов!

Сержант (довольный, смеется): Молодец, с первого раз все запоминаешь. Только ждут тебя сейчас не следственные действия, а встреча с адвокатом, который сюда из самой Москвы-матушки пожаловал. Вот этапируют тебя туда, а у нас все опять спокойно будет.

Адвокат: Уважаемый сержант! Оставьте, пожалуйста, нас одних. Нам надо побеседовать.

Сержант: А вдруг он на вас накинется или обидит.

Адвокат (смеется): Зачем же ему на меня накидываться и меня обижать, если я приехал его защищать и улучшать его жизненную ситуацию? Да и куда с линейного отдела убежишь — здесь везде охрана.

Сержант (добродушно): Да, у нас тут полный порядок, дисциплину держим. Ну ладно, не буду вам мешать.

И он с явной неохотой выходит из камеры, прикрывая за собой дверь.

Адвокат протягивает руку и здоровается со своим клиентом.

Тот с подобострастием говорит.

Задержанный: Уж как я ждал помощи, как ждал! Как представлю себе, что придется несколько лет тут в колонии париться, в Брянской области — аж тошно становится. Вы меня в Москву, в СИЗО увезите, а там уж что-нибудь придумаем. Я вас очень прошу! Я на вас надеюсь.

Адвокат сочувственно кивает своему подзащитному.

Адвокат: Расскажите, пожалуйста, что произошло, как и почему? И вспомните, пожалуйста, максимально подробно: что вы говорили под протокол, когда его подписывали. Может, мы вас вообще от уголовной ответственности освободим. Я, по крайней мере, буду к этому стремиться.

Задержанный (торопясь и волнуясь, сбиваясь на повторы, начинает рассказывать свою одиссею). Адвокат внимательно слушает и делает некоторые записи. Затем он удовлетворенно хмыкает и делает свое заключение.

Адвокат: Как я понимаю, чемодан вы взяли по ошибке, не разобравшись со сна. Попробуем все минимизировать, передать дело в мировой суд, чтобы все окончилось штрафом. Вы сам чемодан не открывали, что в нем — не знали. И все содержимое вернули добровольно, хотя вас и задержали. Кстати, в протоколе это отмечено?

Задержанный: Да, я два раза там указал, что я взял чемодан по ошибке и сам был готов его вернуть. Когда потерпевшая это услышала, то расчувствовалась и даже попросила меня не наказывать. Это было записано на очной ставке. Я там расписался. Не понимаю, правда, почему следователь похихатывал и говорил, что здесь спектакль играть не надо.

Адвокат прощается с задержанным и говорит о том, что в восемь вечера они встречаются на вокзале у четвертого вагона, и его этапируют в Москву. Адвокат будет в соседнем купе. В Москве задержанного встретят и отвезут в СИЗО, а может быть, сразу и в суд, чтобы судья определил: или домашний арест и подписка о невыезде, или поместят в СИЗО.

Адвокат: Но я хочу сказать вам, на мой взгляд, дело не стоит выеденного яйца, тем более, что сама потерпевшая готова вас простить и просит об этом, что зафиксировано в протоколе очной ставки. Думаю, что до суда у вас будет домашний арест с подпиской о невыезде. А потом все закончится штрафом.

Задержанный (благодарно кивает адвокату, чуть не кланяясь): Ваши слова да Богу в уши. Даже не верю, что так может быть. Но надеждой уже преисполнен.

Они прощаются за руку и адвокат выходит из камеры.

Сержант (улыбчиво смотрит на адвоката и говорит): Сейчас закрою дверь камеры, провожу вас к начальнику, а потом будем оформлять документы на этапирование.

Адвокат удовлетворенно кивает в ответ.

Сержант провожает адвоката в кабинет подполковника. Тот выходит из-за стола и протягивает обе руки для рукопожатия адвокату.

Подполковник: Ой, пока вы ходили беседовать с подзащитным, я тут по интернету порыскал. Да вы, оказывается, известный заслуженный человек. Для нас большая честь вас принимать. Вам помочь с размещением или вы сами как-то определитесь?

Адвокат (усмехается): Вы не зря на своем посту! Скоро будете и полковником, я чувствую. Но у меня в вашем райцентре знакомцы имеются, пойду их навешу. Надеюсь, что вы все документы по этапированию подготовите, и мы встретимся уже на вокзале.

Довольный подполковник кивает в ответ.

Адвокат вышел из здания линейного отдела милиции. На часах уже было 11 дня. Пошел в магазин, купил разных вкусностей, чтобы отблагодарить щедную гостеприимную хозяйку за внимание.

Идет по улице. Рассвело, но все равно хмуровато. Кое-где на асфальте еще застывший ледок. Адвокат несколько раз спрашивает дорогу у прохожих: как пройти к дому Наумовых? Встречные охотно показывают маршрут, а потом с интересом смотрят вслед. Одна из бабушек прямо зашла от любопытства.

Бабушка: А чегой-то вы к Наумовым? Родственники? По делу? Или из любопытства? Чай, приезжий из Москвы просто так не пойдет!

Адвокат (улыбается): Да я, можно сказать, их старый знакомый. Только давно не был — подзабыл дорогу.

Бабушка (разочарованно): А-а-а! Вот оно что! А вы-то знаете, что хозяин умер у них? В 2001-м году. Сердце переживаний не выдержало.

Адвокат сочувственно машет головой. Эта информация его огорчила и неприятно удивила. Бабушка долго смотрит вслед и говорит сама с собой.

Бабушка: Нет, это не старый знакомый! У нас в райцентре никогда ничего не перестраивают — если раз сходил, то запомнишь навсегда. Это чего-то другое... Интересно. Неужели!

Но адвокат уже отошел далеко и не слышал бабушкиного недовольства.

Адвокат остановился возле калитки перед двухэтажным домом. Первый этаж — каменный, из светлого кирпича. Второй — деревянный. Крыша из добротной металлочерепицы.

Адвокат нажал кнопку звонка. Почти сразу же на крыльцо вышла Валентина Павловна, кутаясь в телогрейку. Она радостно охнула и пошла открывать калитку. Пригласила в дом. Затем попеняла адвокату, что он принес с собой три пакета провизии.

Валентина Павловна: Раз в гости приглашаем, значит, у нас все уже есть. А вы в траты пускаетесь. Да и нести не так легко — вон сколько набрали! Ну ладно, раз принесли — оставляйте!

Адвокат разделся в прихожей. Зашел сначала на кухню — поставить пакеты. Понравилась чистая просторная и уютная кухня.

Хозяйка пригласила в горницу. В глаза бросилась стенка из четырех секций: заставленный разнообразной посудой сервант, бельевой шкаф, книжный шкаф и шкаф для одежды.

Привлекла внимание божница в красном углу. На центральном месте была старинная икона Богородицы с младенцем. По краям соседствовали вырезанные из журнала «Огонек» цветная литография «Троицы» Андрея Рублева, а также черно-белая фотография Фиделя Кастро.

Хозяйка перехватила взгляд гостя, но пояснить ничего не успела, потому что раздался мелодичный звонок.

Валентина Павловна встрепелась: Ой, это мама-свекровь пришла. Пойду, открою.

Через минуту в горницу вошла чистенькая старушка. Протянула сухонькую ладонь, крепкую при пожатии, и представилась: Матрена Николаевна. Я Валечкина мама по ее мужу — моему сыну, к сожалению, уже усопшему. И бабушка внуку Андрюшечке. Он сейчас с молодой женой в санатории в Московской области.

Валентина Павловна: Давайте, родные и гости дорогие, трапезничать начнем. Приглашаю к столу.

Сели за стол. Разлили откупоренную водку.

Адвокат: Хочу поднять тост за счастье в этом доме и за будущие радости.

Валентина Павловна не выдержала, всплакнула. Бабушка Матрена Николаевна шикнула на нее.

Чокнулись. Выпили.

Валентина Павловна: Ой! Сколько нам горя доставил этот Чернобыль! Тридцать лет прошло, а все будто бы вчера.

ВСПЫШКА. Затем — черно-белая съемка.

26 апреля 1986 года. Еще не было и четырех часов утра, как десятилетний Андрюша проснулся сам и стал потихоньку собирать вещи в рюкзак. Валентина Павловна спала сторожко в другой комнате, она услышала осторожные шаги сына. Встала, набросила халат и вышла в коридор.

Валентина Павловна: Сынок, Андрюшечка! Не рано ли?

Андрюша: Нет, мамочка! Уже скоро четыре часа утра! А с пяти самый клев начинается. Давай, буди папу, а я сейчас Вите позвоню, Генке и Наташе. Раз собрались на утреннюю рыбалку, то надо слово держать.

Валентина Павловна погладила сына по голове, пошла на кухню собирать снесь.

Андрюша умылся, оделся и заглянул на кухню.

Андрюша: Мам! Не много ли ты наготовила?

Валентина Павловна: Нет, сын! Вы ж пока наловите рыбы, потом с устатку такой аппетит будет — все умнете!

Разбудила мужа. У него уж все было заготовлено с вечера — собрался буквально за пять минут. Андрюша сел за телефон и начал обзванивать товарищей. Говорил коротко и тоном, не терпящим отговорок.

Андрюша: Витя! Встал? Как, ты еще в кровати? Папа уже машину заводит, через пять-шесть минут будем у тебя — жди у ворот. Сейчас я Генке позвоню и Наташе.

Наташа отрапортовала, что почти готова. Андрюша дал ей послабление, заметив, что к ней они заедут в последнюю очередь. Сначала к Вите, потом к Гене. Гена не сразу взял трубку. Потом сказал, что умывался.

Вышли во двор. Валентина Павловна куталась в шаль. Несмотря на апрельское утро конца месяца было зябковато. Она случайно взглянула на небо и вздрогнула: оно было серо-багровым и цвет его постоянно менялся. Вот вдруг он стал темно-стальным, потом багровым, потом багрово-стальным... Время от времени пробегали голубые сполохи, напоминающие молнии.

Валентина Павловна: Андрюша! Что-то не нравится мне небо сегодня! Может, не поедешь? Но сын успокоил ее.

Андрей: Мам! Мы же едем на утреннюю рыбалку. Днем вернемся. А если вдруг будет дождь, то мы спрячемся в машине. А шоссе хорошо заасфальтировано. Почти к месту рыбалки подходит — там до него метров пятьдесят всего. Так что не промокнем.

Минут через пятнадцать вся компания уже ехала к месту вожаемого отдыха. Андрюша дважды в прошлом году бывал на утренних рыбалках. Вот и сейчас с нетерпением ждал возможности порыбачить. Наташа и Генка выехали первый раз, а Витя раньше бывал с Андрюшей. Два друга «не разлей вода». Они и в детский сад ходили вместе, и в школе за одной партой все четыре класса.

В одиннадцать утра рыбачить закончили, потому что рыба перестала клевать. Больше всех поймал Андрюша — семь штук. Второй была Наташа с пятью рыбами. Меньше всего повезло Гене — одна рыбка, и та — маленькая плотвичка.

Сели завтракать. Валентина Павловна оказалась права. Все бутерброды и два литра кваса смели полностью.

Когда собрались ехать обратно, то Наташа пожаловалась, что ее знобит. Затем плохо стало Гене. Андрюша не жаловался. Когда уже подъехали к дому Вити, тот пожаловался на сонливость.

Отец Андрея еще пошутил: Кто рано глаза открывает, тот днем потом досыпает.

Вместе посмеялись.

Андрюша с отцом вернулись домой. Андрюша отдал маме ведерочко с рыбой и начал рассказывать все перипетии рыбалки.

Валентина Павловна слушала, как сын в своем рассказе перескакивает с места на место, и счастливо улыбалась. Хорошие впечатления детей — это радость для родителей.

Затем сын поиграл с отцом в шахматы, потом стал тереть глаза и зевать. Когда Валентина Павловна постелила ему, то обратила внимание на покрасневшие веки сына.

Но когда он задремал, то успокоилась и пошла заниматься своими хозяйственными делами.

Андрей проспал до самого вечера. Отец хотел было его будить, но Валентина Павловна не дала. Раз чуть свет встал и до двух часов дня бодрствовал, то пусть уж спит до утра. Тем более, что 27 апреля — это воскресенье и в школу идти не надо.

В воскресенье около девяти часов утра Валентина Павловна тихонько зашла в комнату сына, чтобы посмотреть, как он себя чувствует. Мальчик чуть похрапывал, что случалось с ним крайне редко. Она пригляделась внимательно и увидела на подушке кровь.

Валентина Павловна: Сыночек, доброе утро! Открой глазки! Что это с тобой?

Андрей (тяжело ворочая языком и почти не открывая глаз) пожаловался: Мама! Что-то плохо мне, меня тошнит и слабость какая-то.

Встревоженная Валентина Павловна попыталась повернуть голову сына набок и вдруг увидела, что в крови вся наволочка с одной стороны. Она вскрикнула. Этот вскрик услышал муж и встревоженно заглянул в комнату.

Муж: Что случилось, Валя? Что с тобой?

Валентина Павловна: Андрюше плохо. Срочно вызывай участкового врача Агриппину Самойловну. Она нашего сыночка с рождения знает. Я сейчас наволочку заменю, а ты позвони маме Витюшечки — Тамаре. Где-то наш мальчик простудился или какую-то инфекцию схватил?

И тут же попеняла мужу: Зачем ты так рано такого маленького на рыбалку взял чуть свет? Надо было в мае-июне взять или вообще не брать.

Муж (приобнял обеспокоенную Валентину Павловну за плечи): Успокойся, пожалуйста! Все сделаю, как просишь. А сын — сегодня заболел, завтра выздоровеет!

Он ласково погладил Андрея по плечу. Мальчик благодарно приоткрыл глаза.

Пока отец обзванивал друзей Андрюшечки, пришла Агриппина Самойловна. Несмотря на то, что ей было уже далеко за пятьдесят, она была бодрой и энергичной. И сразу заговорила.

Агриппина Самойловна: Ой! А я уж и курям корм задала. И подвинку в корыто налила. А потом завтракать села, пока дочка с внучкой спят, а зять уехал утром куда-то по делам. Ну-ка, давай посмотрим мальчика твоего.

Женщины склонились над Андрюшей. Стоило врачу чуть-чуть приподнять голову мальчика, чтобы он лег повыше, как кровотечение вновь усилилось. Врач нахмурилась, но тут же придала лицу беззаботный вид.

Врач: А чегой-то мы так рассопливились? А где у нас сосудик лопнул?

Она достала из саквояжа лобное стекло-рефлектор. Два носорасширителя. И стала внимательно исследовать Андрюшу.

Больше она не улыбалась и не балагурила. Говорила жестко и отрывисто.

Врач: Валентина Павловна! У тебя же есть подсолнечное масло?

Та тут же выполнила поручение. Окунули в масло несколько тампонов и осторожно ввели сначала в одну ноздрю, а потом — в другую. Мальчик стал дышать ртом, затем сплюнул и на простыне проявилось кровавое пятно. Обе женщины переглянулись и поняли, что дело серьезно.

Пока Андрюша на несколько минут затих, Валентина Павловна побежала звонить свекрови. Зашел встревоженный отец. И тихонько проинформировал.

Отец: Агриппина Самойловна! У Витюши идет кровь из носа и из правого уха, у Гены тоже кровотечение из носа, а Наташу постоянно тошнит.

Врач кивнула головой и внимательно посмотрела на отца Андрея.

Врач: Вы ничего такого не ели? Воды, случайно, из реки не пили? Ничем совместно не пользовались?

Мужчина отрицательно качал головой.

Врач: Какие бутерброды ели?

Валентина Павловна: Я готовила сама. Все было свежее. Квасом тоже не могли отравиться. Его готовила Наташина мама. У Вити было пять шоколадок «Сказки Пушкина»; каждому досталось по одной, а Гена вообще ничего с собой не брал, потому что ему ничего не поручали.

Андрюша задремал, а врач глубоко задумалась. Она понимала, что это какая-то инфекция и тихонько разговаривала сама с собой.

Врач (тихо): Если это инфекция, то откуда она взялась? Все дети разные по характеру, по конституции сложения. Что же произошло?

В этот момент в доме Валентины Павловны зазвонил телефон. Муж взял трубку. Звонили из районной больницы. Просили, чтобы врач приехала туда: поступили еще шестеро детей от пяти до четырнадцати лет с обильным кровотечением.

Агриппина Самойловна, как могла, успокоила встревоженных родителей Андрюши и сказала, что зайдет еще вечером — после того, как управится в приемном покое. На всякий случай наказала.

Врач: Дорогие мои! Если кровотечение вдруг возобновится, сразу же вызывайте скорую и везите ко мне.

Она уже было собралась уйти, но вдруг остановилась.

Врач: Погодите, я осмотрю Валерия Михайловича. Хочу узнать, как он себя чувствует.

Отец Андрея безропотно выдержал все манипуляции и на самочувствие не жаловался. Это еще больше встревожило врача. В дверях она столкнулась с Матреной Николаевной. Та почти беззвучно прошептала.

Матрена Николаевна: Доктор, что с мальчиком? Может быть, анализы взять? Понять, что с ним? А то чем же и как мы его лечить будем?

Врач: Я пришлю к вам лаборанта, и у мальчика возьмут кровь из пальца и из вены, мочу и кал. Также распоряжусь, чтобы по всем остальным детям сделали эти анализы.

Трое взрослых людей сели вокруг кровати, на которой лежал заболевший мальчик, и задумались. Судьба бросила им вызов, о последствиях которого они еще не догадывались.

В ночь на 28 апреля Андрюше стало хуже. Он стонал, кровотечение из носа возобновилось. Валентина Павловна попросила мужа срочно позвонить свекрови, а сама стала хлопотать возле сына. Около 8 утра 28 апреля опять позвонили Агриппине Самойловне. Уже через десять минут врач была у них дома. Опять вызвали машину Скорой помощи.

Молодой врач скорой помощи: Госпитализация нежелательна, так как ребенок ослаб. И очень сильно. Давайте поставим капельницу.

Вены у Андрюши спали. 20-летняя медсестра, несмотря на молодость, умело попала в вену и закрепила лейкопластырем иглу. Валентина Павловна обратила внимание на то, что у Андрюши резко побелела кожа. Никто не знал, какую болезнь он подцепил.

Пришла свекровь. Она молча прошла к образу Богородицы с младенцем, бухнулась на колени и стала истово молиться. И кровотечение прекратилось.

Отец Андрюши: Может быть, вымолим излечение, мама?

Матрена Николаевна продолжила истово молиться. Мальчик затих — впал в забытие. Валентина Павловна с робкой надеждой посмотрела на врача скорой помощи.

Врач скорой помощи: Ну что, матушка, эта капельница закончится, и мы поставим следующую. Надеюсь, что это поможет. А мы уже почти час у вас сидим, надо ехать дальше.

Андрюша застонал, приоткрыл глаза и еле слышно произнес: Мама! Папа! Бабушка! Не бросайте меня, я жить хочу! И школу кончить хочу, и институт.

Матрена Николаевна подползла на коленях к кровати внука и нежно, как умеют только старушки, погладила его по правой руке (левая рука лежала безжизненно, так как она была под капельницей).

Андрюша приоткрыл глаза, осмысленно огляделся, и снова еле слышно произнес.

Андрюша: Мне уже стало легче! Спасибо, бабушка!

Валентина Павловна (еле сдерживая слезы): Андрюша! Ты обязательно вылечишься! И снова поедem на утреннюю рыбалку — всей семьей. Ты меня слышишь?

Мальчик опять открыл глаза и снова прикрыл, что означало согласие.

Кушать Андрей не мог — глотать ему было тяжело. Валентина Павловна несколько раз попыталась его накормить, но потом только грустно вздохнула.

Валентина Павловна: Боже мой! Он даже не глотает! Сыночек, надо кушать! А то совсем ослабнешь!

Агриппина Самойловна посоветовала давать по несколько капель настойки шиповника, чтобы у мальчика проснулся аппетит. Но и это не помогло. Андрюша снова впал в забытие.

Врач измерила пульс мальчика, затем потрогала лоб, проверяя, есть ли температура. А потом грустно произнесла.

Агриппина Самойловна: Упадок сил. В чем причина — не знаю. Но если он спит, кровотечение остановилось, то, возможно, организм борется с кризисом. Надеюсь, что ему полегчает.

Валентина Павловна грустно кивнула. Ее материнское сердце предчувствовало, что болезнь будет долгой и тяжелой. Ее поддерживало то, что муж и мама-свекровь были рядом. И готовы были жизнь положить ради здоровья Андрюшечки.

Мама-свекровь осталась сидеть возле ребенка. А муж ушел с Валентиной Павловной на кухню. Она бесшумно готовила поздний завтрак. Время от времени она заглядывала в комнату: все оставалось по-прежнему. Матрена Николаевна сидела на табуретке возле кровати внука и что-то беззвучно шептала, время от времени кивая головой. Мальчик постанывал во сне.

Валентина Павловна (мужу): Зачем я только пустила вас всех на эту утреннюю рыбалку! Может быть, спал бы дома — и все было бы хорошо. А теперь вот напасть какая на нас свалилась.

Муж виновато пожал плечами. Вроде и не виноват он, но человек всегда ищет, на кого бы переложить свое горе. Муж понимал это и терпеливо снес попрек.

Около пяти часов вечера зазвонил телефон. Валентина Павловна сразу, после первого же звонка, сняла трубку. Звонила мать Витюши.

Тамара: Валечка! Дорогая моя подруга! Как у тебя? У Витюши все время кровотечение. Так мы по примеру соседки выдавливаем сок из корня ревеня и медленно закапываем его в нос. Мой муж и старший сын еле его удерживают: Витюшечка вырывается и кричит. Так что если у вас будет кровотечение усиливаться, то тоже корень ревеня используйте.

Валентина Павловна посмотрела на мужа. В ее взгляде была и просьба, и непоколебимая уверенность в его помощи.

Муж: Валя! Я к соседке-травнице. Надо корень ревеня у нее попросить.

Валентина Павловна кивнула мужу — уже его спине, так как он вышел в коридор. Она подошла к свекрови и приобняла ее за плечи. Матрена Николаевна безучастно продолжала сидеть на протяжении почти шести с половиной часов возле кровати уснувшего Андрюши.

Валентина Павловна: Мамочка! Сходите, поешьте! Я там всего наготовила, а то сами еще можете приболеть.

Свекровь покивала головой, медленно встала и прошаркала на кухню.

Валентина Павловна села на ее место.

Мальчик по-прежнему спал. Спал тревожно, но лицо чуть-чуть порозовело — помогла вторая склянка физраствора. Значит, баланс крови восстановился.

Вернулся муж. Принес целую сетку ревеня.

Муж: Валюш! Соседка вон сколько дала. Сейчас промочу проточной водой, а потом возьму чашку и начну выдавливать по капельке. Если вдруг что — то у нас уже и лекарство будет.

Валентина Павловна: Спасибо, Валерочка! Дай Бог чтобы не понадобилось!

Муж ушел на кухню. И хотя прикрыл дверь в комнату, Валентина Павловна отчетливо слышала его жалостливый разговор с матерью.

Андрюшенька продолжал спать.

Валентина Павловна не будила его — оберегала сон. Она рассуждала здраво: чем больше спит, тем быстрее наступит выздоровление. Во сне сил набирается.

Из кухни вышла свекровь. Она решила пойти к себе домой, чтобы немного поспать, а потом снова придти к внуку.

Из кухни зашел муж и показал небольшую чашку, на четверть заполненную соком ревеня. Валентина Павловна посоветовала ему прикрыть чашку блюдцем.

Около восьми часов вечера опять раздался звонок. Тамара сообщила ошеломительную новость.

Тамара: Валь! А ты знаешь, от чего эта болезнь? Люди судачат, что в Киевской области возле городка Чернобыль произошла авария на атомной станции, а ветер погнал радиоактивное облако в нашу сторону. Вот детки и заболели. У нас-то, взрослых, иммунитет есть. Организм у взрослых-то покрепче, а детям много не надо. Вот радиации и нахватались. Я позвонила классному руководителю Витюшечки своего. Она мне сказала, что семнадцать ребятишек заболели. А вот Семеновы быстро собрались и уехали куда-то на Камчатку. Едут на поезде. То ли предупредил их кто...

Валентина Павловна охнула: Неужели это радиация?! Тогда это почти не вылечивается. Горе-то какое!

Она беззвучно зарыдала и медленно положила трубку.

Муж посмотрел на ее осунувшееся лицо и почувствовал неладное.

Муж: Валечка! Что с тобой?

Валентина Павловна: Валера! Это радиация! Произошла авария на атомной станции, как сообщила Тамара. Вот детки и нахлебались.

Они прижались друг к другу и замолчали. Оцепенение длилось всего несколько десятков секунд. Но вместо страха в них вселилась решимость во чтобы-то ни стало победить болезнь.

Валентина Павловна: Сегодня вечером посмотрим телевизор. Может, что-нибудь скажут в программе «Время». Но спасение нашего ребенка — это прежде всего наше дело. Давай, собирайся. Чтобы завтра утром ты поехал в Москву. Надо все узнать и понять, как лечить Андрюшечку.

Девять часов вечера. Понедельник, 28 апреля. За пять минут до начала программы «Время» включили телевизор. Внимательно, затаив дыхание, в четыре глаза и в четыре уха смотрели и слушали новости. Отделялись односложными репликами.

Валентина Павловна: Валера! Ничего нет. Может, и не было аварии?

Валерий: Пока молчат. Что же делать-то?

Валентина Павловна: Предлагают ждать? Ведь ничего не сообщают!

Валерий: Пока молчат, потом скажут. Но когда скажут, как бы уже поздно не было.

Валентина Павловна: Что ты имеешь в виду под «поздно»? Ты лишнего-то не наговаривай!

Валерий: От беды не уйдешь. Но ей надо противостоять.

Валентина Павловна горестно вздохнула, обеими руками приобняла мужа и положила голову ему на плечо.

Валерий: Раз испытание выпало — перетерпим.

Андрюша продолжал спать.

Двадцать девятое апреля 1986 года. Половина пятого утра.

Забывшегося на диване беспокойным сном Валерия будит Валентина Павловна.

Валентина Павловна: Родненький! Вставай! В пять двадцать первый проходящий через наш райцентр поезд на Москву пройдет. Я тебе уже все приготовила: и тормозок, и денег 250 рублей. Вставай, пожалуйста!

Она ласково погладила мужа по спутанным волосам.

Через пять минут он уже был готов к поездке.

Знакомая кассирша на железнодорожной станции выписала ему билет в четвертый купейный вагон.

Кассир: Это — бронь райкома партии. Так рано все равно никто из них не ездит.

Валерий: Спасибо, Катюша!

Розовощекая двадцатипятилетняя девушка с состраданием посмотрела на него.

Катя: Видно, случилось что-то у тебя, сосед? Мы завсегда чем можем — поможем. Хотя я, хоть моя сменщица Любаша. Посадим тебя на любой проходящий поезд. Не сомневайся, неужели! А хочешь, я тебя прям на перроне посажу. Проводницы-то девчата знакомые.

Валерий: Не надо, у меня же билет — сяду!

Катя: Вон, видишь тот столб, на котором красный флажок, который к Первомайской демонстрации повесили? Иди туда, там точно четвертый вагон останавливается. Поезд в Москву в начале одиннадцатого придет. Так что ты поспи немножко. Валентина тебе тормозок-то дала?

Валерий: Да, целую сумку! Так что деньги тратить на это не придется.

Катя: В следующий раз я тебя или без билета сажать буду, или по посадочному. А то на поездки денег не назаработаешь. Чувствую я, что в Москву ты часто будешь ездить.

Валерий: Еще раз спасибо, Катя! Но лучше б не надо.

Он понял, что Екатерина ничего не знает о чернобыльской катастрофе.

Вагон остановился там, где и показала Катя. Заспанная проводница проверила билет и паспорт.

Проводница: И чего вам все не спится дома-то! Сел бы днем, к вечеру бы приехал в Москву.

Валерий: Ладно, не бухти, хозяйюшка! Если надо, то рано и еду.

Проводница проводила его в пустое купе, пожелала счастливого сна, усмехнулась и пошла обратно в свое купе проводников.

Валерий прямо в одежде лег на мягкое нижнее сиденье и... заснул.

Проснулся он от шума в коридоре. Люди сдавали использованное постельное белье. Собрал свое белье и Валерий.

На Киевском вокзале выбрал милиционера лет сорока с добродушным лицом и подошел к нему.

Валерий: Товарищ старший лейтенант! Горе у меня. Похоже, мальчонка мой радиоактивную дозу получил. Вы не подскажете, где здесь есть профильная больница, чтобы все узнать?

Высокий широкоплечий мужчина сочувственно посмотрел на Валерия и предложил:

Милиционер: Пойдем в отдел милиции — тут недалеко. Там ребята быстро позвонят и подскажут куда ехать.

Вдвоем они молча зашагали по перрону, зашли в вокзал и буквально через несколько минут оказались в дежурной части.

Седоватый майор лет пятидесяти выслушал сбивчивую речь Валерия и взялся за телефон. Старший лейтенант отдал честь и пошел обратно на пост, пожелав, чтобы у Валерия в итоге все было хорошо.

Дежурный положил перед ним листочек бумаги: Вот, станция метро Красногвардейская. Там находится шестая больница Министерства среднего машиностроения. Там лечат от радиации. Если будут трудности, звони мне по этому номеру. У меня дежурство двенадцать часов — с восьми утра и до восьми вечера. Что-нибудь посоветую или помогу. Кстати. У нас там должен работать начальником охраны Кирюхин. Мужик невысокий, очень крепкий и упертый. Если что — сошлешься на Александра — это я. Он майором уволился. У него не было высшего образования, окончил только среднюю школу милиции. Вот выше по званию шагнуть и не смог. Ну, удачи тебе!

Он взглянул на потемневшее от горя лицо Валерия и попытался еще раз успокоить его.

Дежурный: Мы — мужчины. Нам плакать нельзя. А выстоять мы должны. Верю, что сможешь!

Валерий благодарно кивнул и крепко пожал руку дежурному.

За забором был виден семиэтажный корпус больницы. Валерий подошел к охраннику и непринужденно сказал.

Валерий: Здорово, служивый! Я пройду тут к своим.

Молодой высокий парень вышел из будки и пустым взглядом уставился на Валерия. Грубо сказал.

Охранник: Ты кто? И кто это свои? К кому идешь?

Валерия немного покорибила его фамильярность, но он сдержался. Ради сына он был готов на все.

Валерий: Мне Кирюхин нужен.

Охранник (сразу перешел на «вы»): А, ну конечно, конечно! Раз вы к Александру Александровичу... Он сейчас в главном корпусе. На втором этаже, в кабинете главного врача проходит совещание. Пока вы дойдете, оно уже закончится. А я еще потом позвоню и предупрежу, что вы к нему.

Охранник вернулся в будку и нажал на какую-то кнопку. Калитка стала медленно открываться. Валерий дождался, пока калитка полностью откроется и зашел внутрь территории. Сначала он хотел сказать охраннику, что звонить не нужно, но потом передумал, так как это могло вызвать у него подозрение. Он приветливо помахал охраннику левой рукой и внешне спокойно пошел к главному корпусу больницы.

Сориентировался он легко, тем более, что повсюду были указатели: «главный корпус», «первое радиологическое отделение», «второе...»...

Едва он поднялся на второй этаж, как навстречу ему по коридору пошел невысокий крепко сбитый мужчина. В это время зазвонил телефон на столике второго этажа. Кирюхин взял трубку, несколько секунд слушал, потом недобро рассмеялся и сказал.

Кирюхин: Всех друзей встретим.

Валерий подошел к нему и приветливо улыбнулся: Разрешите обратиться, Александр Александрович! Я к вам от майора Александрова.

Напряженное лицо Кирюхина расплылось в улыбке.

Кирюхин: Друг моего друга — мой друг! Что привело вас сюда? Какая-то беда?

Валерий: Может быть, присядем тут на диванчике? А то я еле стою от перенапряжения.

Кирюхин согласно кивнул. Оба мужчины сели.

Кирюхин (начал спрашивать): Сколько вам лет? Откуда вы и как вас зовут?

Валерий представился, сообщил, что он из райцентра Брянской области и что ему идет 35-й год.

Кирюхин покивал и уточнил: Что-то с радиационным облучением связано с вами?

Валерий: Нет. Или пока нет. Но у меня сынишка. Ему десять лет. Заканчивает четвертый класс. Но закончит ли...

Слезы выступили у него на глазах. Валерий сглотнул подступивший ком. Оба замолчали.

Кирюхин (осторожно и тактично): Чернобыль?

Валерий: А вы знаете? Значит, это правда?

Кирюхин: Мы уж тут места готовим. Извелись все. Несколько воинских подразделений оцепили четвертый энергоблок.

Валерий: Что же по телевизору ничего не сообщают?

Кирюхин: В газете «Московский комсомолец» прошла небольшая заметка о неполадках на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. Еще «Известия» дали небольшую заметку. Но раз нас просят подготовить до 150 копеек, значит, дело очень серьезное.

Валерий: Неужели все так трудно и страшно?

Он замолчал, ссутулился, смахнул слезу.

Кирюхин: Что, у тебя мальчик в Чернобыле был?

Валерий: Нет. Мы же живем в райцентре Брянской области. А 26 рано утром на рыбалку поехали. Я взял сына, его лучшего друга Витюшку, Гену и их подружку девочку Наташу. Все одноклассники. Я-то ничего, а вот они все лежат болеют.

Кирюхин (тяжко вздохнув): Я сейчас зайду к главврачу, потом приглашу вас. Все расскажете — поможем, чем сможем.

Кирюхин ушел обратно по коридору, Валерий остался сидеть. Он устался в пол и увидел, как по линолеуму ползет божья коровка. Она вдруг взлетела и уселась Валерию на раскрытую правую ладонь. Как ему показалось, долго ползала, а потом вдруг распустила крылышки и улетела.

Валерий (негромко сказал сам себе): Наверное, я этого жучка с собой принес. С улицы. Но вроде поползала, погадала — все закончится хорошо.

В это время из одной из дверей выглянул Кирюхин и помахал ему рукой. Валерий подхватился и пошел ему навстречу.

Кабинет главврача.

Навстречу Валерию вышел седоватый плотно сбитый невысокий мужчина лет шестидесяти и молча протянул руку. Мужчины поздоровались. Главврач присел за длинный стол и рядом с собой усадил Валерию. Кирюхин скромно примостился сзади.

Главврач: Рассказывай, парень! Попробуем диагноз поставить. Хотя лучше бы ты своего сына привез. Он бы стал у нас первым пациентом.

Валерий вздрогнул.

Главврач: Не волнуйся, успокойся, пожалуйста.

Валерий (расплакался, как пятилетний пацан): В общем, съездили утром на рыбалку. Перед обедом вернулись. Я Андрюшечку высадил возле дома, а сам развез ребят — его школьных друзей. Вернулся. Поставил машину. Принял душ. Жена меня накормила. А Андрей что-то закусать стал. Мы с Валентиной подумали, что устал: рано поехали, там рыбу ловили. Две плотвички еще были живы и плескались в ведерке. Я их в ванну пересадил. А Андрюша спать захотел. Ну, хочет — так хочет. Жена шторы закрыла, постелила ему, в щеку поцеловала. Он долго спал, а потом мы уже увидели кровь на подушке. И вот два дня шебуршимся, шебуршимся... То останавливаем кровотечение, то оно снова начинается. А сегодня я чуть свет уехал, он еще спал. Я даже боялся на него посмотреть — вдруг ему хуже стало. Но жена постоянно при нем, как клушка. Я на нее полностью полагаюсь.

Главврач подошел к своему необъятному письменному столу, снял трубку и нажал кнопку.

Главврач: Это аптечный пункт? Сейчас к вам вместе с Александром Александровичем подойдет парень. Максимально внимательно отнеситесь к нему и продайте без всяких наценок следующие лекарства. В первых трех случаях продайте двойную дозу и очень ответственно объясните, как принимать таблетки и делать инъекции.

Он повернулся к Валерию.

Главврач: Сколько у тебя денег есть?

Валерий (достал кошелек): Двести пятьдесят рублей жена дала плюс своих около тридцати. Ну еще надо обратно билет за шесть рублей купить в общий вагон.

Главврач (обращаясь к Кирюхину): Этих денег может не хватить. Если что — войди там в положение. Парень-то хороший. Удачи тебе!

Скуппо попрощались.

Когда выходили из кабинета, главврач окликнул Валерия.

Главврач: Вот, возьми. Книгу тебе дарю. Учебник по радиологии. Передашь своему педиатру. Я думаю, для нее эта книга на долгие годы настольной станет. Как говоришь, зовут твоего педиатра?

Валерий: Это наш районный доктор Агриппина Самойловна.

Главврач: Значит, заслуженный человек.

Он открыл книгу, написал несколько слов, размашисто расписался и поставил дату. Передал книгу Валерию.

Аптечный пункт.

Миловидная ухоженная женщина лет тридцати, знающая себе цену и понимающая, что она нравится мужчинам, с недоумением смотрела на Валерия: обычный молодой мужчина, ничего из себя не представляет, но раз главврач категорически потребовал быть по отношению к нему максимально внимательной, то, значит, надо поручение выполнять. Возможно, он какой-нибудь герой? Или от кого-нибудь из важных людей пришел?

Убитому горем Валерию было не до этого.

Ему выдали все необходимое, продиктовали, когда, что и как принимать.

Валерий (потянулся за деньгами): Не знаю, как вас и благодарить. Сколько с меня?

Когда услышал сумму, то растерялся.

Валерий: Ого! Пятьсот восемьдесят один рубль! У меня таких денег нет.

Заведующая аптечным пунктом (в растерянности): Я же не могу, Александр

Александрович (*обращаясь к Кирюхину*) бесплатно выдавать лекарства! Они же все строгой отчетности!

Кирюхин (угрюмо): Вы по себестоимости продаете? Никаких наценок нет?

Заведующая аптечным пунктом: Можете сами проверить-перепроверить. На самом деле под тысячу тянет.

Кирюхин вздохнул, достал 25 рублей одной бумажкой и протянул Валерию.

Кирюхин: Возьми, дарю! Мы с Александровым как-нибудь сочтемся. Все-таки друг он мой закадычный. А у тебя никого в Москве нет, чтобы занять?

Валерий: Никого у меня нет.

Машинально посмотрел на свою руку.

Валерий: О, у меня часы золотые, за 450 рублей когда-то покупал. Возьмите, пожалуйста!

Заведующая аптечным пунктом (поджала губы): У нас же не ломбард и не ювелирная мастерская.

Но Валерий уже протягивал ей часы. Она вздохнула и сказала.

Заведующая аптечным пунктом: Хорошо, свои положу. И часы почти новые. Но сдачи никакой давать не буду.

Валерий, радостный, что сумел и лекарство получить для лечения сына и так удачно рассчитаться, беспечно махнул рукой.

Валерий: Не беспокойтесь. Я эти часы почти не носил. Недавно жена на 35-летие подарила. У меня еще свои старые сохранились. С армии. Их носить буду.

Всем стало неловко. Кирюхин молча проводил Валерию до выхода из больницы.

Охранник вышел из будки и подобострастно вытянулся.

Охранник: Сан Саныч! Встретили друга?

Кирюхин (сухо): Да, встретил.

Мужчины молча обнялись. Охранник побежал в будку открывать калитку.

Кирюхин: Надеюсь, что мы еще и по радостному поводу встретимся! И не раз!

На глазах Валерия выступили слезы благодарности, он повернулся и вышел наружу.

Райцентр в Брянской области.

Поздний вечер. 29 апреля 1986 года. Единственным человеком, кто вышел из вагона поезда на перрон, был Валерий. На улице городка еще не просохли лужи от дождя. Он был весенний, яростный, но короткий.

Валерий (разговаривает сам с собой): Хорошо, что под дождь не попал, а то вымок бы весь. Может, до полуночи успею.

Он прибавляет шаг. Ему никто навстречу не попался.

Своим ключом открыл калитку, прошел по двору, поднялся на крыльцо. Дверь ему беззвучно открыли. Закутанная в платок, его встретила Валентина Павловна.

Валентина Павловна Наумова: Здравствуй, дорогой муж! Ну что там?

Валерий зашел в дом и, не разуваясь, прошел на кухню. Сел, ссутулился и открыл сумку. Она была теперь легкой, потому что в ней не было провизии.

Валентина Павловна присела на стул напротив.

Валентина Павловна: Что, правда, беда случилась в Чернобыле?

Валерий молча кивнул. Достал с десяток разных газет и начал перелистывать страницы, показывая ей, где что написано.

Валентина Павловна развернула одну из газет и тихонько охнула.

Валентина Павловна: Пожарные погибли — Правик и Кибенок. Жалко молодых офицеров. Но больше они ничего не сообщают. Разве что пишут: пожар тушат два вертолета. Но зачем тушить мешками с песком, если это только пожар?

Валерий: Дальше читай. Похоже, это незаживающая рана на теле Земли на столетия.

Валентина Павловна отложила одну газету, взяла другую и молча углубилась в чтение.

Вдруг они оба услышали какой-то шорох.

В дверном проеме кухни стоял Андрюшечка. Он начал говорить шепотом, но родителям показалось, что он кричит.

Андрюша: Мама! Папа! От чего я заболел? Это плохие люди мне болезнь сделали? Ведь у нас никогда в райцентре ничего не было.

Родители кинулись ему навстречу и подхватили ослабевшее тельце, потому что Андрюшечка стал терять сознание. С трудом протиснулись в комнату и отнесли Андрюшечку в постель. Снова началось кровотечение.

Валерий: Надо маме звонить.

Валентина Павловна: Она в другой комнате отдыхает. Решила тебя дождаться.

В комнату вошла Матрена Николаевна, на ходу запахивая халат. Подошла к внуку и ласково заголосила.

Матрена Николаевна: Ничего-ничего! Кровушка свернется, воробышек зачирикает-засмеется.

Андрюшечка приоткрыл глаза, слабо улыбнулся и снова их закрыл.

Валентина Павловна: Сейчас застонет.

Она не успела рассказать мужу о том, что в течение дня кровотечение дважды начиналось и его с трудом прекращали.

Взяла пипетку, набрала в нее сок ревеня и слегка запрокинула голову ребенка.

Валерий спеленал руки мальчика, а бабушка обхватила ноги. Едва закапали капельки, как Андрюшенька дернулся всем телом и стал кашлять. Но родственники сумели удержать его. Кровотечение прекратилось. Мальчик с минуту постонал, а потом впал в забытие.

Матрена Николаевна повернулась к образу Богородицы и истово перекрестилась.

Валентина Павловна: Так можно всю носоглотку сжечь. Надо Андрюшечке какие-то лекарства давать и уколы делать, иначе изведем его и изведемся сами.

Валерий: Я же совсем забыл! Я же лекарства купил на 581 рубль. Там все на упаковках написано: как принимать и сколько раз в день. А уколы пока не советовали.

Валентина Павловна стала рассматривать лекарства и читать аннотации. Слезы медленно ползли по ее щекам, но она их не замечала. (*Звучит тревожная музыка*). Матрена Николаевна сначала платком, а когда он намок, то рукой вытирала ей щеки. Когда оцепенение прошло, то Валерий сказал.

Валерий: Это острое радиационное поражение. Болезнь будет несколько лет длиться. Потом или мальчик совсем ослабнет, или начнется выздоровление. Но как мне сказали, главное — это остановить течение заболевания.

Валентина Павловна прижала голову мужа к своей груди и ласково прошептала.

Валентина Павловна: Как я тебе благодарна! Везде прошел, все узнал!

Муж погладил ее по руке. Она машинально посмотрела на его левую руку и с удивлением сказала.

Валентина Павловна: А где твои золотые часы?

Валерий (смуценно): Денег не хватало, вот и отдал за лекарства. Хорошие люди встретились. Помогли. Я с главврачом клинической больницы познакомился. Огромная такая больница возле метро Красногвардейская, где лечат от лучевой болезни и радиационного поражения. Я тебе хочу, Валюшечка, сказать по секрету, что там уже на трех этажах койки приготовили для приема заболевших. Значит, действительно что-то очень и очень серьезное.

В разговор вмешалась Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Мы — вон где, а Чернобыль — вон где! Неужели эта зараза без запаха и цвета невидимо вошла в нас и подтачивает. Как деток жалко! Неужели у них нет будущего!

Валентина Павловна: Да, мама-свекровь! Видимо, это так и есть.

Затем повернулась к мужу.

Валентина Павловна: Валерочка! Иди, душ прими с дороги! Я уже и ванну приготвила. У меня на столе тебе и поздний ужин оставлен.

А я рядом, на диванчике возле Андрюшечки пристроюсь.

Матрена Николаевна согласно кивнула головой.

Валерий по очереди поцеловал дорогих ему женщин и пошел в ванную.

Утром 30 апреля 1989 года все спали. Одни — с устатку, а самый главный член семьи — Андрюшечка — от поселившейся в его детском теле хвори. В одиннадцатом часу утра раздался телефонный звонок.

Валентина Павловна уже не спала, а только дремала и потому сразу же взяла трубку. На другом конце провода сочувственный женский голос спросил:

— Это Валентина Павловна? Вас беспокоит классный руководитель Анна Ивановна. У меня в классе 37 детей. На занятия приходят только пятеро. И то один мальчик сегодня пожаловался на слабость, тошноту. У него несколько раз шла кровь из носа. Я со школьной медсестрой отправила его домой. Остальные дети не приходят. Андрюшечка тоже заболел?

Валентина Павловна (едва сдерживая рыдания): Да, Анна Ивановна! Горе-то какое! Что за Божья кара на нас напустилась. Андрюша очень ослаб, у него уже восемь раз было кровотечение из носа. Капельницу ставили. Что сейчас делать — не знаем. Наш районный педиатр уже пять раз к нам приходила. Кончит ли мальчик четвертый класс...

Анна Ивановна: За учебу не переживайте, мы всех детей по текущим оценкам четвертой четверти в пятый класс переведем. Благодарение судьбе, ни у кого двоек не было. Лишь бы детки выздоровели. А я у них по выпускной класс классным руководителем буду. Держитесь, пожалуйста. Со своей стороны, всегда на помощь приду, если попросите. Всем миром с болезнью справимся. А вообще у нас в школе из 350 детей 180 не приходят. А я, пожалуй, и оставшихся четверых тоже сейчас домой провожу.

Валентина Павловна: Здоровья вам! Очень благодарю за внимание от всей нашей семьи.

На другом конце провода раздались всхлипывания. Валентина Павловна, чтобы дальше не расстраиваться, медленно опустила трубку. Вдруг она почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Медленно обернулась и увидела улыбающегося Андрюшечку. На бледном лице особо выделялись его серо-голубые глаза.

Андрюшечка: Мам! Видишь, через закрытые шторы лучи солнца пробиваются.

Валентина Павловна машинально кивнула.

Андрюшечка: Давай пару солнечных зайчиков поймает? И тогда у нас все хорошо пойдет. Помнишь, мы раньше ловили зайчиков? Когда я в первом классе учился!

Валентина Павловна не выдержала и разрыдалась. Она упала на колени перед кроватью, на которой лежал Андрюшечка, и уткнулась лицом в одеяло, чтобы он не видел ее слез.

Мальчик ласково гладил ее волосы. Постепенно поглаживания слабели, а потом прекратились.

Когда она подняла голову, то увидела, что Андрюшечка бессильно лежит на подушке, а из левой ноздри течет струйка крови.

У Валентины Павловны силы как будто удесятились. Она вспомнила, как живущий через два дома школьный физрук во время трудностей всегда говорил:

«Врешь, не возьмешь! Наша всегда возьмет!!!» Она подхватила и начала делать привычную процедуру.

Андрюшечку уже никто не держал: он сам стоически терпел боль.

Валентина Павловна (еле слышно): Он уже и к соку ревеня привык. Какой у меня сильный и терпеливый сын! Все болезни превозможет, выдюжит.

В трусах и в майке в комнату вошел муж. Мгновенно оказался возле кровати.

Валерий: Валь! Чем тебе помочь?

Валентина Павловна: Все, все! Кровотечение вроде приостановилось. Ты посиди возле Андрюшечки, а я насчет завтрака похлопочу.

Она приготовила жидкую кашу из нешлифованного риса. И медленно, чайной ложечкой, начала кормить Андрюшечку. Также по чайной ложечке давала ему слабый теплый час с лимоном без сахара.

Мальчик поел, благодарно улыбнулся родителям и снова впал в забытие.

В комнату вошла Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Ну ладно. Вас теперь двое. Я пока на подхвате не нужна. Пойду к себе. Курочек покормлю, утку с утятами выпущу со двора. Днем позвоните мне. А если, не дай Бог, расстройство какое, то сразу прибеги.

Благодарный Валерий пошел провожать мать. А Валентина Павловна внимательно смотрела на сына, и ее губы беззвучно шептали молитву. Просила она о здравии сына.

Валентина Павловна, хотя и пыталась соблюдать режим, но с больным ребенком это выходило плохо. Поэтому она спала урывками.

Утром 14 мая в одиннадцатом часу ей позвонила Тамара. Поздоровались.

Тамара: Мой старший сын услышал, что сегодня вечером перед программой «Время» будет выступать Генеральный секретарь Горбачев. Сказали, что будет очень важное правительственное сообщение. Ты посмотри. Что-то у меня есть предчувствие, будут говорить о Чернобыле. Всякое пишут, разное говорят. А конкретики нет.

Валентина Павловна: Если про Чернобыль, то больно поздно они засобирались. Наши ребятишки вон не встают — болеют.

Тамара поохала в ответ.

В семь вечера включили телевизор. Андрюшечка спал в своей комнате. На экране зажглась надпись: «Важное правительственное сообщение. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев».

Говорил он долго и путано. Из всего сказанного супруги Наумовы поняли только одно: произошла авария на четвертом энергоблоке, радиация распространилась не только в зоне Чернобыльской аварии, но и задела ряд областей Российской Федерации, Белоруссии и Молдавии. Есть погибшие, раненые, тяжелобольные. Болезнь поражает в том числе и детей, у которых еще не сформирована иммунная система.

Валентина Павловна разрыдалась на плече мужа.

Валерий: Как по-скотски все получается!

Валентина Павловна (сквозь рыдания): Мы что, рабы какие-то? Почему нам так поздно сказали? Почему медицинскую помощь не оказали? Почему на нас наплевали? Ведь мы все ради детей живем!

Валерий подошел к телевизору и медленно нажал на кнопку. Экран погас.

Валерий: Хотел телевизор разбить, но потом, Валя, передумал. Вдруг осколки и нас с тобой заденут. Да он и пригодится нам еще. Теперь могу на спор сказать, только про Чернобыль года полтора говорить и будут. Так забалтывают страшную правду. А вот нам куда с Андрюшечкой деваться?

Валентина Павловна: Я не отступлюсь. Я Андрюшечку спасу! Двадцать четыре часа ухаживать буду. Спать не буду. Но все поправлю. А отсюда куда нам уезжать? Если тут пропадем, то в другом месте совсем пропадем. Здесь хоть родня, друзья, дом свой. А так где-то мыкаться придется.

Застонал Андрюшечка, проснулся.

Валерий: Ты держись перед ребенком. Виду не показывай. Тогда и он укреплять себя будет — не раскиснет.

Валентина Павловна вытерла рукой слезы, кивнула мужу и пошла в комнату к сыну.

На протяжении последующих двух месяцев семья останавливала время от времени начинающееся кровотечение. Андрюшечка иногда садился на кровать или делал несколько шагов, потом слабость брала свое, и он снова ложился. Привезенные Валерием лекарства были полезны, но выздоровления не приносили.

Валерий позвонил Агриппине Самойловне. Попросил придти. Подарил книгу, которую ему вручил главврач. Доктор прочитала надпись, заулыбалась.

Агриппина Самойловна: Книгу выучу, как Отче наш. Андрюше пока ставлю диагноз «недостаточная свертываемость крови», но лейкоза нет.

Чтобы Андрюша чувствовал себя лучше, через день его купали. До ванной он идти не мог, да и было там тесновато. Поэтому для купания приспособили большой тазик, а Валерий купил большую капроновую лейку. Мальчика аккуратно поливали из лейки и промокали полотенцем. Вытирать было нельзя — на коже выступила сыпь: начиналась аллергическая реакция. Затем Андрюшу одевали во все чистое, и он снова ложился в постель.

В августе мальчик было засобирался в школу. Но болезнь снова вернулась.

Андрюшечка попросил: Мама! Через пять дней будет 1 сентября! Попроси, чтобы Анна Ивановна зашла к нам в гости! И нарви, пожалуйста, мне в палисаднике цветов. Я хочу поздравить ее с наступающим Днем знаний. Все-таки я теперь пятиклассник, взрослый мальчик.

Валентина Павловна послушно выполнила его поручение.

Анна Ивановна: Андрюшенька! У нас утром педсовет был. Мы тебя старостой класса выбрали. Многие ребята продолжают болеть, в школу не ходят. Ты тоже пока выздоравливай. А мама с папой пока заявление напишут о том, что переводят тебя на надомное обучение. Я буду приходить и спрашивать тебя по всем предметам. Хотя у нас теперь каждому предмету учит отдельный учитель, но мне директор школы разрешила спрашивать у тебя по всем. Ты согласен?

Польщенный вниманием мальчик покивал учительнице.

Перед новым годом Андрюшечка впал в хандру. Светало поздно, темнело рано.

Родители постарались организовать новогодний праздник. Хотели пригласить Витюшечку, Гену, Наташу, еще нескольких его друзей. Но никто не пришел. Другие дети тоже болели.

А 5 января 1987 года в дверь тихонько постучали.

Валентина Павловна (подумала про себя и негромко сказала): Кто-то из своих пришел или из хороших знакомых. Раз калитку с секретом смогли открыть. Снегу выпало много, белый, рассыпчатый. Кто же это к нам пришел?

Открыла и обомлела. Перед ней стояла исхудавшая, одетая в черное Тамара. Подруга молча упала на грудь Валентине Павловне, забилась в беззвучных рыданиях. И смогла произнести только одно слово: «Ви-тю-шеч-ка!»

Отрыдаввшись, осталась в коридоре. В дом заходить не стала.

Тамара: Валюшечка, я тут в сенцах как-нибудь пристроюсь. Ноги не держат. Ты уж Андрюшечке не говори. Мой старший сын волком воет. Меня начал упрекать, что я недостаточно за ним ухаживала, вот Господь и прибрал.

Валентина Павловна: Тома! Не казни себя! От судьбы не уйдешь. Может, мы тоже напрасно бьемся. Когда похороны-то будут?

Тамара: Договорились на 9 января. Витюшечка первым ушел. Как бы за собой других не потянул.

Женщины снова обнялись и зарыдали, стараясь потише всхлипывать, чтобы Андрюша не услышал.

Валентина Павловна: Мы с мужем вместе придем. А с Андрюшечкой свекровь останется. Говорить ему пока ничего не будем.

На похороны пришли более 200 человек.

Старший сын Тамары записывал каждого пришедшего и благодарил за внимание.

На вопрос одной из матерей болевшего одноклассника: зачем записывает? Он серьезно ответил, что когда будет молиться, то всех пришедших будет упоминать. Пусть Витюшечке на небе будет легче. Многие зарыдали в голос.

На кладбище Валентина Павловна поддерживала Тамару, лицо которой было таким же белым, как снег. Тамара не плакала, только сосредоточенно переводила взгляд с одного лица на другое из пришедших на похороны и почти безумно кивала: то ли благодарила, то ли машинально.

На поминках она напилась и ее отвели спать.

Все понимающе переглядывались: такое горе очень тяжело успокоить и пережить, а то и вообще невозможно.

Домой Валентина Павловна с Валерием шли молча. Во дворе она завела его в курятник, заставила снять траурные элементы одежды и попросила.

Валентина Павловна: Андрюшечке пока ничего не говори. Пусть пройдет хотя бы полгода.

Валерий понимающе покивал ей.

Дома Матрена Николаевна отвела Валю на кухню и сказала.

Матрена Николаевна: Доченька! Андрюшечка несколько раз просыпался и почему-то все звал Витю. Говорил: «Витюшечка! Приходи ко мне. В футбол играть будем! Хватит болеть!» Так с небольшими перерывами раза три сказал.

Валентина Павловна заплакала.

Матрена Николаевна: Валюш! А Тамара сильно убивается. Я боюсь даже, как бы она умом не тронулась.

Валентина Павловна (вытерла слезы): Жутко все. Витюшечка первым ушел. Возможно, еще будут смерти. Но его мы никогда не забудем. Тамара должна подуспокоиться. У нее старший сын остался. Да и не старая она еще сама — тридцать восемь лет всего. Судьба даст, может, еще детишек.

Звучит лирическая музыка грустного характера. Обе женщины пригорюнились — каждая задумалась о своем. Но главная их мысль была об Андрюшечке. Чтобы страшная участь не коснулась его.

На кухне в доме Наумовых сидят Валентина Павловна и ее супруг Валерий.

Валерий: Валечка! У нас осталось всего три тысячи рублей. Ты с работы ушла. Вернее, тебя «ушли». Боятся, что от тебя могут радиацией заразиться другие люди, раз ты за больным ухаживаешь. Нам надо жить, о сыне заботиться, о маме.

Валентина Павловна (отстраненно, думает о своем): Что ты предлагаешь, Валера?

Валерий: Валюшечка! Давай заведем скотинку какую-никакую — пару поросят, с десяток курочек, кроликов. Если хозяйства не будет, то совсем от тоски изойдем и без денег останемся.

Валентина Павловна: А это не помешает нам ухаживать за Андрюшечкой?

Валерий: Не должно помешать. Да у нас и огород большой — курам да кроликам хватит корму.

Валентина Павловна (рассеянно кивает): Хорошо. Но я с Андрюшечкой постоянно буду.

(Продолжение следует)

Яков Шафран
(г. Тула)

РОССИЯ
Венок сонетов

I

Великая земля моя, Россия
Святую Русь веками бережет.
Но враг силен, безжалостен, вития,
Подземной лавой устремленья жжет.

Разлады, распри, беды, смуты, войны
За валом вал катились на страну.
Но разве этого моя земля достойна?
Зачем так много на нее одну?

Россия, ты прошла огни и воды,
В один народ сплотила ты народы.
Гори, гори победная заря!

С любою справишься, страна, бедою.
Ведь Сам Христос кропит святой водою
Твои озера, реки и моря!

II

Твои озера, реки и моря,
Россия, на земле, как капли неба,
Чью благодать они хранят, даря
Защиту, превращая беды в небыль.

От их красы заходится дыханье.
К ним возвращаться хочется опять.
И гонит, гонит мысль одну сознанье,
Что многое у нас хотят отнять.

Но верую и верю, что навек
Пребудет православный человек
И защитит природное обилье,

И сохранит страну из рода в род:
Просторы и богатства, и народ,
Леса, поля — свободны от насилия.

III

Леса, поля свободны ль от насилия
Чужих хозяев, денежных мешков?
Тебе, Россия подрезают крылья.
Так есть и было испокон веков.

Но, может быть, судьба совсем иная
Нам предначертана, моя страна,
Чем жить, кому-то слепо подражая,
И спать в объятиях чужого сна?

Господня воля и святые наши,
А также в войнах миллионы павших, —
Вот лучшая на все века броня!

Молись, страна, и слушай голос Свыше,
И будь жива под самой мощной крышей,
Здоров народ, традиции храня!

IV

Здоров народ, традиции храня,
Народ, принявший столько мук и тягот,
Потоков столько злобы и вранья,
Что день ему всегда зачтется за год.

Народ великого предназначенья,
Его не осознавший сам еще,
Оставит ли Господь без попеченья,
Мол, недостатки пусть себе, не в счет?

Чтоб совершенным стать нам для призванья,
Нельзя без жертв, нельзя нам без страданья —
Тут не в пример Емелино безделье.

Лишь подвиг жизни и духовный труд
Героев как примеры создадут,
Как жемчуга в прекрасном ожерелье.

V

Как жемчуга в прекрасном ожерелье,
Кремль стоят по всей Руси большой,
Как прежде создавали доброселье,
И ныне служат городу душой.

Но как не превратить их нам в гламурье,
Которого везде кругом полно,
Как не умножить этим бескультурье
И не закрыть в грядущее окно?

Ведь мы живем, благодаря быломu.
И память ни забвению, ни слому
Подвергнуть мы не можем никогда.

Залогом процветанья и величья —
Хранители. Они в земном обличье
Стоят здесь — храмы, церкви, города.

VI

Стоят здесь — храмы, церкви, города.
Никто и никогда их взять не сможет.
Уж было: черной птицею беда
Не раз как налетит — и гложет, гложет.

Вставали добры молодцы тогда
И крепко бились до последней сечи.
Стихала с Божьей помощью вражда,
Стихали даже вражеские речи.

И учит нас издревле Сам Господь,
Что мало пальцы складывать в щепоть,
Одной молитве подобает келья,

Что надо силу-силушку копить,—
Тогда с молитвой могут лавры быть
И повод для спокойного веселья.

VII

Но повод для спокойного веселья
Так редко посещает наш народ,
Что создается стойкое поверье:
У Бога нет для нас в запасе квот.

Но неужели Божиим вниманьем
Россия будет век обделена?
И с болью, муками, страданьем
Вовеки не расстанется она?

О, нет! Тому свидетельств много,
Как проявляется любовь у Бога —
«Взыскую с тех, кого люблю всегда!»

Но жить должны мы не пассивно —
Забота наша вечно неизбытной
О детских судьбах будет лишь тогда.

VIII

О детских судьбах будет лишь тогда
Забота, видимо, и полное вниманье,
Когда коснется нас серьезная нужда,
И с ней придет простое пониманье —

Что главное — народная душа,
А не число позиций в списке Форбса,
И что нам нужно, дабы, поспеша,
Не опоздать с решением вопроса,

С неверием бороться словно с ржой,
С души снимать его за слоем слой,
Дорогу открывая созиданью.

Тогда грядет надежда и любовь,
И с Господом мы возродимся вновь,
Когда придут потомки к состраданию.

IX

Когда придут потомки к состраданию,
Христа заветы станут исполнять,
Придет пора любви и процветанья,
Придет на Землю Божья благодать.

Пока же нет такого пониманья,
Пока другие правила царят,
Нас не покинут в жизни испытанья —
Как тех, кто с головами «без царя».

Но, к Богу выйдя, как на свет из тени,
Мы встанем на надежные ступени. —
Придет конец извечному блужданию.

Навеки станут братьями народы,
Забудут беды прошлые, невзгоды
И справедливость будет к назиданию.

X

И справедливость будет к назиданию,
И правды высоко поднимут флаг,
И силы все направят к созиданию,
И каждый сын народа будет благ.

Иной же скажет: так уж вряд ли будет,
Взгляните нынче уровень какой?
Ведь скоро всякий напрочь позабудет —
Откуда? от кого? и кто такой?

Да, это так, сомнений быть не может,
И боль сознание и душу гложет.
Но, верь, Россия будет спасена.

По капле в сердце мы взрастим надежду,
По капле выдавим раба, невежду,
И патриоты встанут, как стена!

XI

И патриоты встанут, как стена,
В ответ на неприятеля атаки —
Ведь явная и тайная война
Давно на судьбах оставляют знаки.

За что Россию так не любит Запад,
За что гнобит ее из века в век,
Всегда в ней хочет видеть лишь сатрапа,
Отказывая в мудром старшинстве?

Страна моя, дай сил тебе стоять
Наш Бог-Отец, Святая Божья Мать,
Пред Господом лишь будучи смиренной.

И, не приемля зла, измены, лжи,
Сама свою создай как прежде жизнь.
Тогда как прежде будешь суверенной!

XII

Тогда как прежде будешь суверенной,
Традиции,— что в правде Бог,— крепя,
И будешь драгоценностью Вселенной,
Ее преображение торопя.

Однако помни: хочешь иль не хочешь,
Препятствий будет много на пути.
И может быть ли что-нибудь жесточе,
Как биться жертвой, пойманной в сети.

Но, чтобы не постиг такой удел,
И ты, не зная вновь судьбы предел,
Была как прежде только суверенной —

На переправе не смени коня
И будь, свои традиции храня,
Незыблемой и неприкосновенной.

XIII

Незыблемой и неприкосновенной
Всегда России быть во все века.
Не приведи Господь ей стать ареной
Для вражьего штыка иль дурака,

Чтоб снова жизнь страны пришла в упадок,
Чтоб снова все поля покрыл бурьян,
Чтоб души наши вновь забил осадок
И воцарился на земле обман.

Скажи, Россия, хочешь ли такого
Опять, на горе, бытия чужого,
Когда сама себя ты лишена?

Я верю — нет! Возьми, отбрось чужое,
Не принимай к деянию плохое —
Великой станешь вновь, моя страна!

XIV

Великой станешь вновь, моя страна,
На радость нам, на радость поколениям.
Настанет время — упадет стена
Творимого веками отчуждения.

И совесть, святость, справедливость вновь
Над выгодой, экспансией, насилием
Поднимется. И праведную новь
Навеки свяжут в будущем с Россией.

Но жизни не бывает без борьбы,
И милость не получишь от судьбы,
Поникнув головою от бессилья.

Расправив плечи, голову подняв,
Ты расцветешь, любви Господней вняв,
Великая земля моя, Россия!

XV

(Магистрал)

Великая земля моя, Россия!
Твои озера, реки и моря,

Леса, поля свободны ль от насилья?
Здоров народ, традиции храня?

Как жемчуга в прекрасном ожерелье,
Стоят здесь — храмы, церкви, города.
Но повод для спокойного веселья
О детских судьбах будет лишь тогда,

Когда придут потомки к состраданию,
И справедливость будет к назиданию,
И патриоты встанут, как стена.

Тогда как прежде будешь суверенной,
Незыблемой и неприкосновенной,
Великой станешь вновь, моя страна!

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.**

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

Предисловие

Прежде всего, необходимо объясниться по поводу заглавия повести. Как-то неудобно с этого начинать, а приходится, поскольку необычное название, в самом деле, требует расшифровки. За последние десятилетия утрачен секрет создания таких повестей, по поводу которых автору не приходилось бы оправдываться. Сейчас что ни напишешь — изволь растолковать: что имел в виду, на что намекал, каким художественным методом пользовался. Не то что повесть, заявление в домоуправление не напишешь без того, чтобы не вызвать нарекания читающего. А пишущему всегда важно мнение читающего. Пишущему хочется, чтобы его заявление... Да какое заявление! Повесть, конечно... Вот — начал излагать и спутался... Хочется, чтобы повесть была воспринята доброжелательно, и приходится все разъяснять, начиная с первой же буквы.

Заглавие... Что ж... Заглавие амбициозное и вызывающее. Явно бьет на внешний эффект, против чего всегда высказывались классики русской литературы. Скорее всего, при выборе заголовка автором овладел корыстный интерес, столь непобедимый, столь бессовестно культивируемый некоторыми беллетристами: дескать, увидит читатель на книжном развале или на полке магазина издание со знакомой фамилией и купит из любопытства такую книжечку, а автору от этого — известность и денежки. Все-таки много у нас людей, желающих погреться в лучах чужой славы, рядом с собственным, никому ничего не говорящим, именем поставить известную фамилию! В последнее время все чаще встречаешь все эти писательские уловочки, рассчитанные на ажиотажное привлечение внимания читающей публики, на скандальный успех и быстрые деньги, все эти литературные фокусы, прикрытые фиговым листком какого-нибудь постмодернизма. Вот, например, данная книга, которую вы сейчас держите в руках. Что хотел в ней сказать автор? Вы еще этого пока не знаете, поскольку только собираетесь ее прочитать, а я уже читал и скажу: непонятно в ней ничего. Сюжет какой-то запутанный, двусмысленный, тема и идея тоже не вычлениются однозначно. Про что эта повесть, какие проблемы в ней разрешаются — ни черта не поймешь. Автору-то хорошо: он написал себе, получил гонорар и поехал в дом отдыха. Будет пиво пить и с девушками флиртовать, а вы тут мучайтесь, ломайте голову над тем, что этот самый автор хотел сказать... Просто жалко становится читателей. До слез жалко. Хочется как-то предостеречь... Эх! Если уж совсем откровенно,

то я вам всю правду скажу: название повести никак не связано с ее содержанием, а это уже безусловное надувательство читателя, с чем моя совесть смириться никак не может. Поэтому и предупреждаю сразу: М. С. Горбачев не является действующим лицом повести, и даже упоминается в ней, кроме названия, кажется, всего только один или два раза.

Зачем же автору понадобилось притягивать к наименованию своего, с позволения сказать, произведения имя известного и, несомненно, уважаемого политического деятеля, прославленного во всем мире и, хотя и получающего неоднозначные оценки соотечественников в настоящее время, сделавшего столь много на своих высоких постах?

Возможное объяснение таково: автору, видите ли, захотелось действие своего сочинения отнести к последним месяцам существования Советского Союза, а М. С. Горбачев, безусловно, является ярким персонажем того драматичного и напряженного времени. Но зачем же действовать так прямолинейно? Есть масса других возможностей обозначить время действия своей повестушки, выбрать какой-нибудь иной художественный прием или что там бывает у них, у авторов.

Рассмотрим другой аспект: судя по заглавию текста, логично было бы предположить, что перед нами некое бытописание из жизни верхушки партноменклатуры. Сейчас с этим просто: валяй, выдумывай, наворачивай сюжетцы о разврате, коррупции, невежестве бывших властителей — никто не взыщет, не оспорит. Писака, рисующий у кормила власти в СССР каких-то монстров, а не живых людей, мог бы использовать имя Горбачева в своем творчестве, если позволительно употребить здесь такое слово. Но в данном случае события разворачиваются далеко от Кремля, совсем не в высших эшелонах власти, и носят совершенно частный (даже интимный!) характер. И с этой точки зрения использование имени руководителя советского государства абсолютно не обоснованно.

Рассуждая логически, можно также высказать предположение, что Горбачев сделал что-то хорошее автору, и тот в благодарность вернул его фамилию в заголовок, превратив оный таким образом даже и не в заголовок, а в своеобразное посвящение. Но и такое предположение ошибочно. Автор не знаком с Горбачевым, ни разу с ним не встречался, даже никогда не видел его вживе.

Может быть, дело не в содержании, а в форме произведения? Может быть, нам предлагают сочинение оголтелого формалиста, одурманенного своими изысками настолько, что уже не различает грани между реальностью и воспаленным воображением? Тоже вряд ли. Неясностей, как уже отмечено выше, в повести много, но в целом она в достаточной мере традиционна, хотя название оставляет расплывчатое представление о творческой манере автора. Есть в нем что-то от конструктивизма, что-то от соцреализма, и откровенный кич, и какая-то псевдоинтеллектуальность присутствуют. Неудачно, неудачно подобрано название, что и говорить.

И последнее. Кто давал автору право называть свою повесть краснознаменной, да еще дважды? Никто ему такого права не давал! Другое дело, если бы это была уже известная народу повесть, и за выдающиеся заслуги ей вручили бы орден Красного Знамени или хотя бы само красное знамя. Переходящее... Но, товарищи, повесть награждена ни орденом, ни знаменем быть не может. Повесть — не трудовой коллектив, не корабль, не армейское подразделение. С натяжкой можно считать, что упоминание знамен есть примета времени, намек на эстетику эпохи, когда алые полотнища занимали почетное место в общественных и спортивных организациях, школах, заводоуправлениях и сельских советах, а в воинских частях подлежали охране и обороне на посту № 1. Красные флаги хранились в кабинетах руководителей или в стеклянных витринах вестибюлей учреждений, трепетали на ветру во время демонстраций,

развивались в дни государственных праздников на крышах, у подъездов домов, на телеграфных столбах, издавая по-птичьи крылатые звуки. Под сенью тяжелых знамен, образывавших причудливые, таинственно-священные складки, под сенью стягов, изготовленных из дорогой плюшевой ткани насыщенного красного цвета с роскошным золотым шитьем, представлявшим собой плавно изгибающиеся буквы, а иногда даже портреты вождей, под сенью флагов с густой бахромой по краям полотнища, закрепленного на отполированном древке, увенчанном литым наконечником с изображением серпа и молота, шел прием в комсомолию, в ряды КПСС... Все это так, но какое это имеет отношение к предлагаемому читателю произведению? Ровно никакого. Очевидно, в настоящий момент, когда советский социалистический кумач ушел в прошлое, уступив место триколору, автор, самовольно присвоивший своему произведению звание дважды краснознаменного, в своих фантазиях компенсирует свою житейскую неудачливость, стремясь метафизически обладать тем, о чем, видимо, так мечтал в свое время, но чего не был удостоен по никчемности.

Суммируя вышесказанное, следует признать, что автор излишне легковесно подошел к наименованию своего произведения, не продумал тут все досконально, обнаружил творческую и человеческую незрелость. Что можно сказать о самой повести? Об этом смотрите в послесловии.

Не знаю, что еще написать... Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Автор

I

Август выдался дождливый, хлеба полегли, техника беспрестанно выходила из строя, словно трактора и комбайны поразила какая-то эпидемия. Дел в колхозе было невпроворот, поэтому Виктору Алексеевичу дали отгулы с большой неохотой. Да он и сам бы никуда не стронулся из дома в такое горячее время, если бы не срочная необходимость повидать в городе непутевую дочь.

Деревенский телетайп отстучал... Да нет, бухнул набатом жуткую новость: дочка Володиных беременна. Живет сейчас она в городе, в заводском общежитии, не замужем, а живот у ней растет. Мать, конечно, три дня проплакала, потом засобиралась в город, да Виктор Алексеевич не пустил. Толку от нее никакого. Сядут вдвоем с Машкой и будут в три ручья реветь. Нет, слезами горю не поможешь. Тут надо выяснить, кто обрюхатил Марию, а там, разобравшись, за хобот того молодчика да в ЗАГС. С этой задачей жена не справится, а на себя Виктор Алексеевич надеялся. Он дочери никогда спуска не давал, был суров и требователен. Поэтому, кстати говоря, и в город ее отпускал спокойно. Была у него уверенность, что принципы нравственности Машке растолкованы, разжеваны и вдолблены. Причем иногда добродетель вдалбливалась буквально: тумаками тяжелой отеческой руки.

Виктор Алексеевич знал, конечно, что слухи полнят Землю, а то даже и вращают ее вокруг своей оси. Иногда и вокруг Солнца. Это уж доказано и утверждено: деревенские сплетни точней календаря. Но когда дело касается своей семьи, в этот закон природы не хочется верить, и колхозный звеньевой в глубине души лелеял надежду, что, может, брешут бабы, может, и нет ничего, а поездка в город окажется лишь очередным свиданием с дочерью, завершится без скандала. Потому Володин не очень сопротивлялся, когда жена, снаряжая его в дорогу, набивала снедь сумку за сумкой.

— Ты ишо птичьего молока ей найди, курве,— ворчал Виктор Алексеевич, своим тоном, однако, допуская возможность возражения, что жена чутко улавливала.— Ей,

курве, ноги мало поведергивать, а ты ее все кормить собираешься. Ну, куда, куда ты пхаеть?

Жена молчала, двигала соплями, роняла слезу и, моча же, подсовывала в натянутую барабаном сумку из мешковины еще один шматок сала.

Собирались, словом, долго, а на прощание времени не оставалось: надо было еще километра с два идти до центральной усадьбы колхоза, чтобы успеть на рейсовый автобус, который отправлялся в областной центр по четным дням.

Виктор Алексеевич взвалил на плечи рюкзак, взял сумки и крикнул: весома была материнская любовь. Жена семенила рядом, провожая хозяина. Многое хотелось ей сказать мужу в минуту расставания, но всего сказать невозможно, а что-то заветное, важнейшее она не могла сформулировать и потому молчала. Да к тому же убедилась за годы совместной жизни с мужем, что слова ее словами останутся, а Лексеич сделает все по-своему.

— Ты уж, отец, там... — вот и все напутствие.

— Дрын хороший ей, стерве, прихватить бы! — откликнулся Виктор Алексеевич, выходя со двора и направляясь «задами» в поселок.

Его сгорбленная фигура с руками, оттянутыми сумками, удалялась и как бы сливалась с колосившимся полем. Жена долго смотрела вслед, и ей жалко становилось немолодого уже человека, сутулившегося под тяжелой поноской, и дочь было жалко, и сына, живущего в другом городе, от которого тоже давно уже не было никакой весточки, а стало быть, плохо ему там, вдалеке, на заработках, с вредной, хотя и красивой женой; и саму себя, провожавшую их всех со двора уж не один десяток лет, было жалко, да так еще жалко, жальче всех. Слезы в очередной раз навернулись на глаза, да что ж такое бабьи слезы — известно, вода. Сколько той воды утекло за годы утраченных надежд, тревожных ожиданий, разлук на неопределенный срок — не сосчитать. Вот и опять — как не всплакнуть: ушел мужик за ворота, ничего не сказал на прощание, плохо как-то ушел, в сердцах. Наверное, она сама виновата, что так все не по-людски у них выходит. Сейчас, например, когда уезжал он по такому важному и деликатному делу, могла бы, кажется, найти задушевные слова, но не нашла. «Ты уж там...» — вот и все, что сказала. Что муж будет делать «там», какое оно, это самое «там» — этого женщина не знала.

И Виктор Алексеевич не знал, чем обернется его поездка. Сперва он раздраженно передразнивал про себя жену: «Ты уж там...» Чего «там»? Балаболит баба. «Ты уж там... Ты уж там...» Возьмись сама, поехай! Нет, только языком чешет!» Тут Володин осекся, почувствовав несправедливость обвинений, и дело было не только в том, что изначально жена как раз и собиралась ехать к дочери сама, но еще и в том, что была она далеко не болтушка. Ну, в сердцах-то чего не скажешь! Раздражен же Виктор Алексеевич был даже не отъездом из деревни в самую горячую пору полевых работ, не суетой сборов, не придавливающей к земле родительской ношей, а, в первую очередь, тем, что не мог чувствовать себя в городе абсолютно уверенным, исподволь опасался встречи с каким-нибудь нахрапистым, наглым малым, ушлым ухарем, который жениться на Машке не захочет ни в какую, заартачится, опозорит его, сельского жителя. Сомневался колхозник и в дочери: как примет, чью сторону займет в предполагаемых спорах о будущем — его, отца, или своего хахалы?

По мере приближения к автобусной остановке кипение чувств разряжалось в быстрой ходьбе, в труде переноса поклажи. Постепенно мысли Виктора Алексеевича переключились на хлеба, попутно обозреваемые, а потом и в область совершенно отвлеченную: «Это сколько же земли, сколько зерна, а живем по талонам,— думал Виктор Алексеевич.— Куда ж все девается? С войны карточек-то не было, а счас — на тебе! — талоны. Вот ведь оно как...» Философское, подспудно диссидентское, из-

вечное мужицкое «вот ведь оно как...» Виктор Алексеевич повторил про себя несколько раз.

Наконец, он вышел из березовой посадки, и автобусная остановка оказалась в зоне видимости. Народу на остановке было много, и мысли Виктора Алексеевича потекли в другом русле: «Должно, будет сегодня автобус-то: глянь, сколько собралось... Это Нинка-продавщица что ль стоит? Ну, точно, будет автобус. Нинка всегда про автобус откуда-то знает... Вот опять: глянь, сколько людей. Почему не работают? Дел в колхозе пропасть, а они катаются. Ладно, я — по делу еду. А они чего? Никто работать не хочет! Вот ведь оно как!»

Поздоровавшись с собравшимися, Виктор Алексеевич опустил тяжеленные сумки на землю, присел на металлический остов сломанной скамьи, спиной, чтобы рюкзак не душил (снимать его не хотелось, дабы не замешкаться при посадке в автобус), привалился к стенке остановочного павильона. И сразу стало легче. Из толпы на Володина то и дело поглядывал беззубый конюх Хромов. Дав Виктору Алексеевичу отдышаться, Хромов решил лично засвидетельствовать почтение:

— Здоров, Лексеич!

— Здоров!

— Далеко собрался?

— У город.

— Далеко!

— Ты-то куда?

— Я? Я до станции.

— К дочке едешь, Виктор Лексеич? — встряла некстати Нинка-продавщица.

— К дочке,— сухо ответил Виктор Алексеевич, тоном давая понять, что разговор о цели поездки ему неприятен, и продолжать его он не намерен.

Нинка и сама не стала развивать щекотливую тему, справедливо полагая, что все интересное она узнает в любом случае, пусть не из первых рук, от этого угрюмого мужика, так от кого-нибудь из женщин. В высшей степени любопытные сведения о физическом и нравственном самочувствии Машки Володиной не могут пройти мимо сельмага, обязательно будут об этом судачить бабы, стоя в очереди или поджидая кого-нибудь из кумушек уже после покупки. Сельпо, ведь, это не столько торговая точка, сколько место общения, этаким деревенский Гайд-парк, где можно выразить свое отношение ко всему, что творится в колхозе и в окружающем его мире. А самая важная тема на селе — нарушение норм морали, поэтому Машку Володину бабы еще неоднократно решительно осудят, снимут этическим рубанком стружку с непутевой, шальной девахи, да такие подробности раскроют, что только слюнки глотай от удовольствия. Нинка, увидев приближающегося к автобусной остановке Лексеича, и так уже получила интереснейшую для себя информацию, которую можно будет сочно и несколько небрежно обронить в разговоре с кем-нибудь из покупательниц: «А Володин-то, слыхала, к Машке в город поехал, жратвы повез — чертову прорву...» Теперь Нинка обдумывала, как бы ей съязвить самому Лексеичу в лицо и при этом не нарваться на неприятности, но толкавшиеся чуть в стороне старухи отвлекли продавщицу, вопрошая: «Нин, точно будет автобус-то?» Нинке, чтобы поддержать свое реноме уважаемой особы, которая всегда в курсе последних новостей, надо было обстоятельно, даже в чем-то официально разъяснить гражданам принцип работы пассажирского автотранспорта на текущий момент времени. Оказалось, что Колька, водитель хлебовозки, с утра привозивший в сельпо хлеб, по дороге видел рейсовый автобус, правда, стоявшим на обочине по причине поломки. И Толька (это шофер автобуса) просил Кольку сообщить о неисправности другому Кольке, шоферу с молокозавода, который давно уже должен был Тольке именно ту запчасть, что вышла из

стройка. Колька, тот, что с хлебовозки, проезжая мимо молокозавода, передал просьбу Тольки Вальке, табельщице, каковая Валька обещала через Светлану Андреевну известить другого Кольку о необходимости ремонта автобуса. А поскольку шофера всегда друг дружку выручают, то Колька с молокозавода обязательно поможет застрявшему в пути Тольке, и даже если у него самого искомой детали не случится, он перезаймет у Вани-Миши и через Вовку, который повезет председателя на нефтебазу, передаст Тольке запчасть. Таким образом, нет никакого сомнения в том, что автобус будет отремонтирован и обязательно отправится в рейс. Хотя Толька может и не рискнуть ехать на не очень исправной машине в город, но уж до станции всех довезет.

Маловеры из потенциальных пассажиров поуспокоились, а Виктор Алексеевич решил так и не снимать с плеч рюкзак, погонял его по спине для пущего удобства ожидания, достал из кармана пиджака махорку, бумажку резаную, завертел самокрутку. Хромов подсел ближе к запасливому соседу:

— От, бить-колотить, как без курева обходиться? Хоть бы уж талоны давали. Нет, бить их, колотить! Ни талонов не дают, ни в магазин не завозят!

Виктор Алексеевич, молча, дал Хромову бумажку, протянул кисет. Хромов хищным движением зацепил приличную щепоть махорки, сыпанул на завертку:

— Иде-то кисет достал, бить тебя, колотить! С войны ить я не видал кисетов,— засопел конюх, слюнявя бумажку.— Духовитый самосад у тебя, Лексеич!

Хотелось Виктору Алексеевичу ответить: «Вот и сажал бы у себя, не хуже был бы!» Но смолчал.

— Я-то до станции еду. Надоть мне там чинариков пособирать. Посушу их, табачок какой-никакой будет... Да ить шас докуривают — аж обжигаются.— Хромов свернул самокрутку, потянулся к Лексеичу прикурить.

И затянулись мужики. Густой сизый дым пахнул из-под козырькастых картузов, завертелся в вольном воздухе. И словно все беды-горести, все заботы зависли веревочкой, скрутились в клубочек и канули в синем небушке. Хорошо было вот так попыхивать самокрутками, сидеть, поглядывая окрест, никуда не спеша. Нет для русского человека ничего притягательнее созерцания происходящей вокруг жизни, когда судьба дает такую возможность — отрешенно созерцать; нет ничего более манкого, чем, находясь как бы и при деле, побездельничать. Только редко такие минуты выпадают. Поэтому крестьяне подспудно чувствовали некую недозволенность свалившегося на них досуга, и от этого приятное времяпрепровождение обретало черты запретного плода, и становилось вовсе уж сладким.

Бабы на остановке судачили о чем-то своем, а Виктор Алексеевич с Хромовым, прищурясь, глядели в голубую даль, обрызганную кое-где ранними осенними красками. Молчали оба, обоим думалось легко и с размахом: о предстоящей поездке в город, о хозяйстве, об окружающих, о жизненных перспективах... Более того! Между ними шел безмолвный диалог: каждый, мысля о своем, рассуждал и за соседа, прикидывая, как тот ответил бы на какой-нибудь вопрос, опровергал возможные доводы, приводил свои аргументы и новые контраргументы молчащего собеседника. Слова сделались ненужными, а невербальная дискуссия за единицу времени охватывала столь широкий круг вопросов, что голова слегка сдвигалась с места и напряженно кружилась. Короче говоря, мужики медитировали.

Будь Виктор Алексеевич и Хромов шарлатанами, соблазненными высшим образованием, они могли бы написать трактат об измененных психологических состояниях. Неплохо выглядел бы титульный лист: «Володин, Хромов. Практическое применение имманентных волевых усилий и теория гносеологии». Но конюх и знатный звеньевой механизированной бригады не считали себя вправе поучать других. Они просто жили своей жизнью. Они и в самом деле знали жизнь.

Через полчаса Виктор Алексеевич спросил:

— Ну, что? Уедем мы сегодня?

— Уе-еди-им! — уверенно отозвался Хромов.

Молчание возобновилось.

Почему бы, собственно, им не уехать? Ведь оба они имеют волю уехать. И еще вон полтора десятка старух, Нинка-продащица (а у нее очень сильное волевое поле) и несколько женщин с соседнего поселка имеют волю уехать. А где-то на обочине дороги Толька, судя по всему, тоже хочет их подвезти. И оба Кольки готовы в этом содействовать. И многие еще люди. При соединении воедино множества желаний, как показывает практика, нет ничего невозможного. Время, расстояние, исторические катаклизмы и испорченные механизмы не могут быть препятствием для воплощения людской воли.

Несколько человек, собравшихся на автобусной остановке, как правило, добираются до пункта назначения. Даже если они соберутся в нечетный день, даже если рейс будет отменен. Важно только верить в достижимость своей цели. Важно только, чтобы все искренне верили. Ну и, конечно, чтобы не вмешивалась чужая недобрая воля. Вот если бы Толька хотел, скажем, не ехать своим маршрутом, а закатиться в гости к Клавке; если бы Колька за что-нибудь сердился на Тольку и не собирался ему помогать; если бы Хромову было безразлично, попадет он на станцию или нет, тогда бы, разумеется, ничего не вышло. Но в таком случае, зачем собираться на остановке? При подобном разномыслии не то что в город не добраться — вообще все рассыпалось бы, ушло, как вода сквозь пальцы, и, может быть, пресеклась бы сама жизнь. А жизнь продолжается, значит, в душе каждого коренится какое-то неустрашимое, объединяющее всех стремление.

Прошло около двух часов, и вдруг Хромов, словно чуткий цепной пес, встрепнулся, вытянул шею, прислушиваясь, различил отдаленный шум мотора. Конюх привстал, разминая затекшие от долгого сидения конечности: «Идет, бить-колотить!» Неказистый грязный автобус подкатил к посадочной площадке. Бледное от благородства (или просто пыльное?) лицо шофера выражало ожесточение воли и скрытое ликование. Внимательно следившие за приближением транспорта пассажиры в волнении переминались с ноги на ногу, стараясь угадать, кто из них окажется ближе к дверям. Машина остановилась с воем, рыком и скрежетом зубьев шестеренок. Зашипел нагнетаемый компрессором воздух, и с лязгом распахнулись шарнирные створки — как будто механический удав раскрыл пасть, собираясь пожрать устремившихся в его глотку кроликов.

Начинался новый этап эпопеи «Поездка в город» — посадка. Посадка картошки или, скажем, фруктовых деревьев очень хорошо знакомы деревенскому человеку. Да и посадка в смысле заключения под стражу известна и даже привычна. Посадка в общественный транспорт, при всей кажущейся обыденности, — дело нервное и хлопотное. Тут, перво-наперво, не забыть что-нибудь из багажа; второе — пробиться в салон в первых рядах и «захватить» сидячее место, чтобы не стоять во время движения (а то еще, бывает, надо кому-то место занять рядом с собой, чтобы потрафить знакомому и заполучить интересного собеседника для путешествия); а в-третьих, следы, чтобы в давке и суматохе не выронить деньги и документы. Вот оно как!

Поэтому, когда лязгнул металлический зев автобуса, Виктор Алексеевич внутренне напрягся, отрешился от снисхождения к ближним своим и пошел на штурм. Приступ проходил по всем законам тактики: передние и задние двери моментально блокировали пассажиры и по одному просачивались внутрь. Виктор Алексеевич в людском водовороте занял не очень выгодную позицию — наискосок от входа. Хромов был впереди, подсаживал под локти старух, плечом пропихнул под зад дородную

Нинку, сам скрылся в прямоугольном проеме. Подошла очередь Виктора Алексеевича. Он натужно рванул свои сумы, закричал, словно в тех сумах тяга земная была, и полез внутрь накаленной солнцем машины. Но только лишь он поднялся на подножку, огромный рюкзак потянул назад с непреодолимой силой. Виктор Алексеевич на миг качнулся, начиная падение (в голове успело мелькнуть: «Во как тонут-то!»), но товарищеский тычок в поясницу придал телу другой импульс, Виктора Алексеевича развернуло, и бочком он протиснулся в узкий проход. В салоне силой инерции крестьянина все еще крутило вокруг своей оси, и от того одна из сумок плотно кокнулась о ребристую дверцу. Внутри сумки что-то вздрогнуло, хрустнуло, потекло. Поднимавшаяся следом баба (да и баба-то какая-то чужая, не знакомая Виктору Алексеевичу) коленкой уперлась в проклятый этот баул, и по юбке, сравнительно новой еще добротной юбке, приберегаемой специально для поездок в город, поползло пятно. Виктор Алексеевич машинально отдернул сумку, теперь уже явственно звякнуло внутри стекло.

— У тебя что там? Не масло? — баба эта среагировала моментально, как будто заранее знала, какой неприятный инцидент ожидает ее.

— Нет, — машинально ответил Виктор Алексеевич, хотя сам толком не знал, что именно везет он в город. По теории вероятности, масло с равным допущением могло как оказаться, так и не оказаться в сумке, в зависимости от того, что взбрело в голову жене, и от того, какие продукты были в запасе на момент сборов. Но в сложившейся ситуации Лексеичу хотелось считать, что масла у него не было, иначе изматывающие душу пререкания с намочившей юбку бабой становились неизбежны.

Пузатая сумища с одного боку просела и замокрела. Прежний гладкий да ладный вид был испорчен, из порвавшегося бурдюка сочилась на пол жидкость, и когда образовалась небольшая лужица, по автобусу волной прошел запах. Сложный запах: тут тебе и укропчик, и хрен, и растворенная каменная соль, и смородиновый лист, и, конечно, они — огурчики домашние, сердцем хозяйки возлюбленные, руками ее вымытые да засоленные, символ семейного застолья, отрада гурмана. Ясно стало, что не масло было в неизменной трехлитровой банке, баба успокоилась. С удобного места у окна хитро подмигнул Хромов. Двери захлопнулись, автобус тронулся. Замешкавшийся Виктор Алексеевич оказался среди немногих пассажиров, которым не досталось сидячих мест. Оставалось свалить с плеч неподъемный рюкзак и ждать, пока освободится сиденье.

Виктор Алексеевич про себя материл жену: «Сунула все-таки!» Действительно, супруга, презрев его недовольное ворчание и даже прямой запрет, тайком поместила на дно сумки банку с солеными огурцами, сверху замаскировала другой снедью и отправила Виктора Алексеевича, свято веря, что муж так и не узнает, каких гостинцев собрала она дочери. Да так бы и вышло, если бы не случайность при посадке.

А Виктору Алексеевичу очень уж не хотелось везти эту банку. Уже не молодой он, не двужильный, чтоб переть невесть сколько — ему уже тяжело. Да и мало ли, что в дороге бывает, лучше обойтись без стеклянной посуды. И вот теперь, когда все случилось, Виктору Алексеевичу с жестокой ясностью сделалась понятна вся мера бабской глупости, эгоизма и жадности. Так нелепо, так несправедливо все вышло, что Виктор Алексеевич всерьез расстроился. Чудилось, что никто его не любит, все хотят попользоваться им втемную, и так обидно, так горько стало на душе... Да еще рассол огуречный продолжал вытекать на пол капля за каплей, травя душу.

«Эх, ма!» — Виктор Алексеевич поднял глаза к потолку автобуса. А там продолговатые сводчатые окна были вставлены. Синего цвета. Солнце лупило сквозь дымчатые изогнутые стекла, и от этого в салоне становилось как-то туманно. Зачем бы такие стеклышки в рейсовом трудяге-автобусе? Тут не туристы какие едут, чтобы

озирать сквозь синеватую дымку заоконные красоты. Нет же — вот тебе и цветное стекло, и выгоревшие, полинялые, пыльные занавески. От сознания чужеродности себя в окружающей обстановке еще более горько сделалось Виктору Алексеевичу. К тому же, то окошко, что над его головой, было с ущербом: камешек, щебень ли отлетели из-под колес впередиидущей машины на невесть каком километре в невесть каком году — кокетливое нездешнее стекло треснуло от удара, но не разбилось. Трещинки разбежались паутинным узором, и рисунок этот белел на синем фоне. Получилась нелепая, неправильной формы девятиконечная звезда. Она почему-то очень раздражала Виктора Алексеевича, и он всю поездку потом неодобрительно поглядывал на корявую отметину.

А мог бы, казалось, понять (пожилой человек!), что мелочь же это. Чего к мелочам цепляться? О большом думать надо, о главном. Ведь довезли же его в город? Довезли! А ради хорошего настроения пассажиров слегка треснувшие стекла менять — это расточительство и непозволительная роскошь.

II

Стоя у большого квадратного окна своего кабинета, Равиль Шамсутдинов наблюдал за течением жизни. На улице моросило, дождевые капли змейками сбегали по стеклу, и окружающая действительность казалась погруженной на дно морское. Очертания предметов становились размытыми, звуки — приглушенными, а движения — замедленными. Преодолевая наваливающуюся от этой картины апатию, Равиль фиксировал, как некоторые сослуживцы покидают проходную завода, хотя гудка, означающего конец рабочего дня, еще не давали.

«Вот эти вот идут — из планового отдела,— отметил про себя Шамсутдинов.— Постоянно недорабатывают. А это завстоловой потопала. И, конечно, с огромной сеткой. Как ее только пропускают? Вот выйти как-нибудь пораньше и задержать...»

Но профсоюзный вожак предприятия никогда не выходил «пораньше», напротив, он часто подолгу засиживался на рабочем месте и после гудка, поскольку относился к своей должности ответственно и даже трепетно. Вот и сейчас он не просто глазел в окно, а собирал материал для отложенных пока организационных выводов, и одновременно слушал рассказ профорга третьего цеха Семеновой, которая жаловалась на повальное пьянство наладчиков. Наладчики (даже и пьяные) — большой дефицит на производстве. Зная это, мастеровые распоясались, вели себя несусветно нагло, и что с ними делать, Равиль не представлял, поэтому лицо его было грустным и сосредоточенным.

Завод оставляли все новые и новые представители инженерной прослойки. Выходили, пряча в карманы пропуска, озабоченно смотрели на небо, поднимали воротники, прикрывались от дождя газетами, спешили к остановке. Некоторые (запасливые!) раскрывали зонты. Минут через пять плотной массой повалит домой и рабочий класс. Равиль любил смотреть на расходящихся после смены пролетариев, на лица, подсвеченные радостью предстоящего отдыха после напряженного трудового дня. Чувство причастности к чему-то существенному и даже великому возникало в душе председателя профкома всякий раз, когда он наблюдал за тем, как по-хозяйски вышагивали усталые мужики, как деловито поспешали женщины. Но этот момент нужно переживать одному, сокровенно. А профорг Семенова все тянула, тянула свою обличительную речь.

Разбредавшиеся от проходной ИТР перебегали через проезжую часть, поскакивая между лужами, лавируя среди машин. «Неужели лень двадцать метров дойти до пешеходного перехода?» — негодовал про себя Шамсутдинов. Вот какая-то девушка

(машинистка из отдела сбыта?), храня под газетным куполом прическу и не видя ничего вокруг, ринулась наперерез транспорту. Завизжали тормоза, в полуметре от машинистки резко остановился замызганный, покосившийся на бок междугородный автобус. Бледный водитель, высунувшись из кабины, от испуга и волнения чрезмерно грубо ругал разиню-машинистку. Голоса его слышно не было, но по артикуляции все читалось настолько отчетливо, что Шамсутдинову стало неловко — в кабинете находилась женщина. Пассажиры автобуса (явно прибыли откуда-то из глубинки) приникли к оконным проемам и своим строгим видом выражали осуждение городских гуляк, так грубо нарушающих правила дорожного движения. Глядя из-за стекла кабинета на лица за стеклами захоластного транспортного средства, профорг невольно выделил одного колоритного мужчину средних лет — в нахлобученном картузе, с таким скорбным взглядом, что, казалось, он собственную дочь чуть было не потерял под колесами. Из окна третьего этажа заводоуправления Шамсутдинову было видно, что одно из солнцезащитных стекол на крыше автобуса треснуло, видимо, от попадания мелкого предмета. На фиолетово-синем фоне трещинки образовывали белесую неуклюжую звездочку.

Равиль неприязненно подумал о водителе: «Грубиян, а стекло заменить не может!» Конечно, и машинистка была виновата — она создала угрозу аварийной ситуации. Шамсутдинов резко отвернулся от окна, сказал Семеновой:

— Ладно! Кто прав, кто виноват, мы разберемся. Как вообще у тебя в цеху? Какой настрой у людей?

— Нормальный, — не раздумывая, ответила Семенова, хотя до этого момента битый час объясняла начальнику, как разлагают коллектив пьянки наладчиков. Но возможно ли на вопрос «какой настрой у людей?» ответить что-либо, кроме «нормальный»? Нет, если уж задан такой вопрос, задан с сухой, официальной интонацией, значит, руководящий работник хочет самую сердцевину в тебе прощупать. Что ты есть за человек? Склонятся ли над тобой комиссары в пыльных шлемах? Помнишь ли, каким орденом награжден ВЛКСМ в 1948 году? Бесхребетный интеллигентнытик подтекста не уловит, начнет нудно анализировать настроения коллег; простоватый выдвиженец-пролетарий брякнет всю правду, режет откровенностью. Но человек с дальним аппаратным прищуром найдет единственное нужное слово: «нормально». И если слова «какой настрой у людей» — это пароль начальников, то отзыв подчиненных: «нормально». При декодировании аппаратно-бюрократического шифра это означает: «Трудности, конечно, есть. Много трудностей. Но вам, дорогой руководитель, я о трудностях не стану рассказывать, а приложу все усилия, чтобы выполнить задание, если вы меня таковым оделите. Соберемся, в узел завяжемся, но все сделаем, не считаясь с затратами сил и времени... Ну а если нет мне поручения, если просто бдительность проявляете, то и тут тревожиться нечего. Держим подчиненных в узде. Настрой у людей нормальный. Без явных отклонений. Люди наши... Видели бы вы этих людей! С кем приходится работать! Но знаю, верю, что моя кипучая деятельность не останется незамеченной, что найдется случай меня выделить, отметить, премировать».

Шамсутдинов, который сам в свое время активно прибегал к употреблению заветного слова (да и сейчас его использует, если вышестоящее руководство интересуется состоянием дел), понял и оценил без запинки вылетевший ответ Семеновой. Надо было ее поощрить, поддержать ее движение в выбранном (пока, может быть, интуитивно) направлении. Поэтому Шамсутдинов отошел от окна, присел (но не в свое кресло, а напротив Семеновой на краешек стула, подчеркивая неформальную заинтересованность в подопечной) и осведомился:

— Какие есть проблемы?

Семенова подумала, покопалась в памяти:

— Работница одна... Володина Мария... Ждет ребенка. Хорошо бы, когда родит, путевку в профилакторий. Пусть за ней врачи присмотрят, за маленьким.

— Сделаем,— Шамсутдинов поднялся, солидно косолапя, подошел к рабочему столу, что-то записал в ежедневнике.— Муж ее где работает? Тоже у нас?

— Нет. Она одна, без мужа.

— Без мужа? И ждет ребенка? Что-то ты, Семенова, упускаешь контингент.

— Что же? По ночам рейды в общежитии устраивать? — Семенова знала, что упрек сделан для проформы, не всерьез, поэтому отвечала смело.

— Володина в общежитии живет? — Равиль сделал еще пометку в календаре.— Надо с коменданта объяснения потребовать.

— Так ведь... Равиль Хуснулович... Дело необычное. У меня подруга в поликлинике работает, я с ней разговорила об этом... Так, случайно... И вы знаете что... Маша-то ведь — девушка,— Семенова чуть понизила голос, с заговорщицкой улыбкой приглашая по-свойски посекретничать.

— Девушка? Беременная? Такое бывает?

— Редкий случай. Это, вроде, внематочная беременность, но не внематочная, а...

— Ну, я этих ваших деталей не знаю, и знать не хочу! — пунцовым светофором вдруг вспыхнул Шамсутдинов, невольно сжимая кулаки и даже чуть пристукнув ими по столешнице.

— Извините,— оторопела Семенова.

— Извиняю. Но единственный раз...

Шамсутдинов и сам не ожидал от себя такого срыва, но Семенова с бесцеремонностью наивного собеседника вторглась в запретную для разговора зону. Никогда ни для кого не сформулированное, но строжайшим образом соблюдавшееся в этом кабинете табу абсолютно исключало темы, так или иначе связанные с физиологией человека. Равиль был уверен, что за годы работы сформировал такой круг общения, внутри которого все было нацелено на решение исключительно производственных задач, что этот круг крепостными стенами охватывает его частные переживания, что никто не вломится к нему с приватной болтовней. И вот, когда Семенова так внезапно перевела разговор в интимную (даже анатомическую) плоскость, Шамсутдинов вдруг настолько натурально вообразил все подробности женского организма, что невольно потерял самоконтроль. Приходя в себя после неожиданного приступа какой-то детской агрессивной застенчивости, чувствуя, что этот необъяснимый приступ скомпрометировал его в глазах подчиненной, обозначил слабинку, профсоюзник продолжил, пытаясь деловитой напористостью сгладить неловкость ситуации:

— Ей, наверное, как матери-одиночке, дополнительные талоны положены. Я узнаю.

Шамсутдинов еще что-то черкнул в ежедневнике. Записывая, он боковым зрением уловил, что профорг третьего цеха внимательно изучает его лицо. Для Семеновой коллизия с Машей Володиной была не более чем житейским делом, и она искренне не понимала неадекватной реакции начальника. Равиль с отвращением почувствовал, что еще сильнее краснеет под пристальным взглядом. Пот выступил у корней волос. Шамсутдинов хотел было промакнуть влагу платочком, но удержался, не желая лишней раз обнаруживать свое волнение. Однако бисеринки пота моментально слились в каплю, а капля предательски поползла по виску, так что не заметить этого было невозможно. Шамсутдинов раздраженно воткнул авторучку в гнездо письменного прибора, стоявшего рядом с настольным календарем, и сделал еще одну попытку закончить разговор так, чтобы посетительница сосредоточилась на действительно важных вопросах. Как бы в задумчивости почесывая лоб, он проговорил:

— Ладно, Семенова. Иди. Иди и работай. Помни: у нас с тобой работа самая трудная. С людьми. А люди — это человеческий фактор, важнейшая составляющая ускорения.

— Равиль Хуснулович! Про ускорение-то, вроде, уже никто не говорит,— в голосе Семеновой сквозило удивление и недоверие, относившееся, впрочем, отнюдь не к общественно-политической ситуации, а все к той же неоправданной эмоциональности Шамсутдинова.

— Сейчас не говорят, а придет время — скажут. Что один раз сказали, то действует, пока не отменят. Вот коммунизм к восьмидесятому году отменили — мы про него и не вспоминаем,— сказав это, Шамсутдинов досадливо поморщился: что за глупость, при чем здесь коммунизм, восьмидесятый год? Он пытался вернуть в свою речь как можно больше бессмысленных слов, привычно прибегая к ним в момент неуверенности, но чувствовал, что лишь сам запутывается, давая этим Семеновой новый повод недоумевать.— Вот... А ускорение никто не отменял.

— Да, вроде, не слышно было...

— Так-то.

— Ой, как все сложно, Равиль Хуснулович! — ехидно протянула Семенова тоненьким голоском.

— Знаю. Знаю, Семенова, что сложно. На то мы с тобой народом и избраны, чтобы сложные задачи решать. Простые и без нас решатся. Ну, иди,— Шамсутдинов чувствовал, что кровь никак не отхлынет от головы, и поспешил расстаться с профоргом.

— До свидания! — Семенова поднялась, махнула юбкой в такт шагам, прикрыла за собой дверь кабинета. По тону ее прощания стало понятно, что она уносила с собой новое понимание характера председателя профкома, знание малосенького секрета, который, возможно, поможет подобрать ключик к этому непреклонному человеку. И Шамсутдинов осознал, что даже своей походкой «от бедра» она намекала именно на это. Теперь пойдет чесать языком, сплетницам заводским все выкладывать! Досада и желчь заполняли душу. Впрочем, поостыв, предпрофкома справедливо рассудил, что выкладывать-то сплетницам особенно нечего, что цвет его лица и обильное потоотделение мало кого интересуют, что заработанный им на производстве авторитет оградит от острых языков. Вот Семенова — та будет и дальше приглядываться, искать лазейку в его внутренний мир. Надо с ней впредь быть поосторожнее.

Шамсутдинов подошел к окну. Дождь кончился, рабочие разошлись. Последняя группа покидала проходную. Было видно, что шли напряженно, с неестественно прямыми спинами. А, отойдя чуть, расслабились, выдохнули, и повело работников из стороны в сторону. Не наладчики ли из третьего цеха? Мысли вновь побежали по проторенной дорожке повседневных забот.

Горчинка пустоты всегда возникала в душе Равиля, когда он оказывался один в кабинете после окончания смены: время проходило в постоянной суете, а оглянешься назад — ничего серьезного за день не сделано. За делами не просматривалось Дела. Терзали рефлексия и сомнения.

Шамсутдинов любил свою работу. Он вообще, в принципе, любил работу, осознавал необходимость и значимость труда как такового. Поэтому, оставаясь Равилем Хуснуловичем, персоной входящей в номенклатуру и уважаемой, он с удовольствием участвовал в субботниках, ездил по выходным «на картошку», хотя мог бы и не делать этого. При всем том, осознавая, что совместная работа наиболее эффективна, Шамсутдинов был по сути своей не коллективистом, а единоличником, четко определявшим свой «функционал», выполнявшим его добросовестно, но умевшим предъ-

явить и другим справедливые требования. Поэтому радость коллективного труда для него была понятна и желанна, но вот удовольствия от совместного досуга после общего дела он не испытывал. Всякая же недобросовестность, уклонение от исполнения обязанностей вызывали у профлидера категорическое неприятие. Шамсутдинов искренне не понимал, например, стремления напиваться на рабочем месте. С пьяницами и прогульщиками он беседовал часто (по долгу службы). Стыдил, ругал, наказывал. Но подспудно стремился понять: почему? Зачем? Как можно плохо работать? Распекаемые работяги повинно опускали головы или смотрели, набычась; смущенно лепетали что-то или хамили; обещали, что в последний раз... Наверное, им до боли хотелось, чтобы поскорее отпустил их профсоюзный босс, закрылась за спиной полированная дверь профкома, и вернулось все на круги своя. Шамсутдинов не понимал их, а они не могли выразить беспросветную тоску однообразной жизни, в которую только водка вносит непредсказуемость и яркость. Не могли объяснить, какой кураж в том, чтобы выпить именно там, где нельзя, какая радость в том, чтобы под хмельком работать, как ни в чем не бывало. Наконец, какое чувство бесшабашного самоуважения возникает, когда закладываешь за воротник вопреки воле родимого государства. А ведь оно чего только не делало для борьбы с «зеленым змием»: и цены-то повышало, и талоны вводило, и в километровые очереди за спиртным народ выстраивало. Однако! (С восклицательным знаком, потому что это не просто оборот речи, это то однако, которое живет в каждой русской душе). Однако никогда не сдаются партизаны алкогольного фронта. И вот уже в их руках пузырьки с зажигательной смесью: одеколон и зубной эликсир. А стеклоочиститель не забыли? А знаете, как добыть спирт из клея «БФ»? Эх, товарищ Шамсутдинов! Если нет у вас дома самогонного аппарата, вмонтированного в прикроватную тумбочку, если не дозревает в вашей ванной брага, разлитая по трехлитровым банкам, наполняя испарениями натянутые на горлышко резиновые перчатки, которые по мере брожения бодяжки из безвольно опущенной хилой кисти вздуваются в пухлую пятерню, бодро вскинутую вверх (конструкция называется «Привет Горбачеву!»), надо менять вам работу с людьми на работу с бумажками.

Люди, в самом деле, не вполне устраивали Равиля. Не то чтобы он не любил окружающих, но слишком много от них... внезапности что ли. Нелогичного много, неразумного. Собранный в управляемую массу «человеческий фактор» профсоюзник терпел: на совещании, на «пятиминутке» без народа не обойтись. И в своем кабинете один на один с кем-нибудь предпрофкома, как правило, общался со знанием дела, умело. Но как быть с человеком неподконтрольным, неорганизованным да еще развращенным болтовней о демократизации, совершенно неизвестно. Вот, например, идет Шамсутдинов с работы, а навстречу ему — разнузданные подвыпившие молодые люди. И нет поблизости ни милиционера, ни дружинников, ни комсомольского оперативного отряда. Чего ждать от такой встречи? Не ударят ли распоясавшиеся юнцы Шамсутдинова? Не оскорбят ли? Или: Шамсутдинов заходит в магазин; там продавщица. Что у нее на уме? Не обсчитает ли? Не обвесит ли? Не нахамит ли? И дело совсем не в трусости или неуверенности в себе, нет. Шамсутдинов органически не мог примириться с нанесенной обидой. От наглого напора ему становилось настолько плохо, что возникали даже физически болезненные ощущения, а отвечать грубостью на грубость он считал бессмысленным и недостойным.

Равиль был родом из большой приволжской деревни, и, как все деревенские, хранил в душе почтительное отношение к заведенному укладу, даже если не понимал его сути. Да никто и не позаботился объяснить Равилю, в чем суть. Приходилось все постигать самому, и еще мальчишкой он уразумел: жить надо спокойно, аккуратно, размеренно. Шамсутдинова с детства приучали к тому, что следует постепенно дви-

гаться вперед: от дошкольника к октябрёнку, от первого класса к десятому, от пионерии к пенсии. Необходимо соблюдать условия игры, установленные некогда какими-то мудрецами, и тогда достигнешь того, чего тебе достигнуть полагается. Не надо бунтовать, дерзить, выбиваться из коллектива, и тогда жизнь в благодарность за усердие и смирение подарит тебе тихую радость сбора плодов, предназначенных для лиц того ранга, которого ты сумел добиться, соблюдая выработанные обществом правила. И до определенного момента схема эта срабатывала безотказно. После окончания школы Шамсутдинов служил в армии, затем записался на курсы подготовки к поступлению в политехнический институт. Набранные на вступительных экзаменах баллы позволили зачислить Рафиля на далеко не самый престижный факультет, испытывавший нехватку студентов, но это не огорчало парня, он учился добросовестно, занимался комсомольской работой и чувствовал себя вполне комфортно. Завершив институтский курс, Шамсутдинов получил диплом инженера и воспринял это как существенное жизненное достижение, поскольку в его деревне инженер считался человеком уважаемым и значительным. Молодой специалист влился в трудовой коллектив небольшой фабрики в одном из промышленных центров Поволжья. Производственная деятельность удачно сочеталась с общественной работой, от которой Рафил никогда не отказывался. Постепенно стали продвигать Шамсутдинова по профсоюзной линии, перевели в другой город. С того времени Рафил Хуснулович возглавлял «первичку» на участке, в цеху, стал профоргом всего завода. Казалось бы, жизнь удалась: уверенное продвижение в начальники сулило и дальнейшие успехи. Когда же началась перестройка, вдруг оказались востребованными не отличавшие Шамсутдинова умеренность и аккуратность, а качества спонтанного и неформального лидера, которым не только никто не учил Рафиля, но, напротив, прежде демонстрация таких качеств считалась неприличной. Постепенно аппаратная эмансипация становилась все более отчетливой и все более неприятной, особенно потому, что новоявленные активисты, эти внесистемные выскочки, относились к опытным службистам пренебрежительно. Незаслуженная снисходительность зарождала в душе горчайшую обиду, а обид Шамсутдинов, как уже сказано, не терпел. Однако приходилось признать: судьба жестоко обманывала его, грозя отобрать обещанный некогда набор благ, и, похоже, ничего уже с этим нельзя было поделать.

Возможно, стало бы несколько легче, заведи он семью, но жениться Шамсутдинов никак не решался. Чтобы жениться, необходимо сначала познакомиться, ухаживать, а этого он не умел и не хотел учиться. Странная, необъяснимая и непреодолимая скованность охватывала его в дамском обществе. Почти не имея практики общения с противоположным полом, Шамсутдинов, тем не менее, усвоил из жизненного опыта убеждение, что женщины в наивысшей степени неорганизованные существа, что они вносят в установившиеся нормы общежития такие отклонения и завихрения, нейтрализовать которые крайне трудно. Понимая в принципе необходимость создания новой ячейки общества, чувствуя, что отсутствие семьи начинает тормозить его карьерный рост, Шамсутдинов не мог преодолеть себя и пойти на сближение с кем-то из женщин. Вот если бы какая-нибудь молчаливая и очень скромная представительница слабого пола взяла инициативу в свои руки... Однако молчаливая и скромная женщина по определению не способна к подобным инициативам. Вот если бы жена как-нибудь сама собой завелась в его доме, напоминая о себе лишь в нужные моменты, а все другое время оставаясь незаметной... Но такие примеры мировой истории неизвестны. Кроме всего прочего, Рафиля удерживало от какой бы то ни было попытки изменить семейное положение понимание того, что гипотетической жене придется разрешить прикасаться к его вещам, к посуде. Да и ее вещи, вещи посторонней женщины, окажутся у него перед глазами. Это почти невыносимо! Подобно

большинству людей с тонкой душевной организацией, Шамсутдинов относился к окружающим с легкой брезгливостью.

Не было у профессионального общественника таланта любить людей. Шамсутдинов не чувствовал потребности разделить с кем-нибудь радость или беду, никогда не приглашал к себе гостей, сам посещал кого-либо лишь по необходимости. Слова «душа нараспашку» были для него напрочь лишены смыслового наполнения, поговорку «на миру и смерть красна» он не понимал и не одобрял. Чтобы отдать последнюю рубаху, чтобы за малознакомого ручаться головой — для этого нужно вдохновение, артистизм нужен, а у Шамсутдинова артистизм отсутствовал. Его осеняла крылами другая муза. Возвращаясь с работы в свою холостяцкую «однушку»...

Что такого особенного в жилище одинокого мужчины, точно сказать трудно. Да, бывает много пыли. Да, немытая посуда иногда подолгу находится в раковине. Но встречаются же иные фамильные гнездышки, которые также далеки от идеально налаженного быта. Однако даже в самом запущенном семейном доме чувствуется атмосфера пусть неказистого, но все-таки уюта, создаваемого множеством деталей, указывающих на бурное и разнообразное течение совместной жизни нескольких человек. У Шамсутдинова же в квартире отсутствовали мелочи, он держал только необходимое. Но даже не в этом дело... Слишком резок был свет лампочки без абажура, слишком прост в приготовлении ужин, слишком плотна пелена безмолвия. И вот из таких неуловимых вещей как пыль, тишина, затхлый воздух редко проветриваемого помещения материализовывалось слово одиночество и обретало диктаторскую власть, заставляя подчиняться привычкам и распорядку дня человека, не востребовавшего в частном обиходе.

Итак, приходя со службы в свою квартиру, Шамсутдинов приступал к священнодействию. После ужина он доставал из тумбы книжного шкафа толстую тетрадь в клеенчатом переплете и творил. Равиль Хуснулович писал труд философский, социологический, но отнюдь не научный, а основанный на его непосредственных наблюдениях. Это были размышления о работе руководителя и практические наставления начинающему администратору. Для чего он взялся в свое время за перо, этого Шамсутдинов не мог бы внятно объяснить. Его книгу нельзя было определенно квалифицировать ни с точки зрения жанра, ни с точки зрения стилистики, и обнародовать ее не было никакой надежды. Возникла, правда, однажды идея опубликовать записки отдельными брошюрами в серии «В помощь профсоюзному активисту», и автор даже зондировал почву по этому вопросу в Москве. Но не путь к читателю волновал Шамсутдинова — прежде всего, привлекала новая сфера деятельности. Он получал удовольствие от того, что его заветные мысли ложились на бумагу, обретали чернильную плоть. Ему нравилось выводить законы управления людьми, его формулировки поражали его самого весомостью и отточенностью. Он похваливал себя, иногда цокал языком и покачивал головой. Случались минуты, когда он становился близок к тому, чтобы захлопать в ладоши и закричать: «Ай да Шамсутдинов, ай да сукин сын!»

Действительно, получалось у него ловко, можно даже сказать — увлекательно, насколько вообще может быть увлекательна бюрократическая тематика. Шамсутдинов предлагал новые принципы систематизации учетных карточек членов профсоюза и вдруг поднимался до высот государственного планирования. Он очерчивал круг обязанностей профсоюзных функционеров с учетом их ранжирования от «первички» до ВЦСПС, а исподволь обдумывалась им заключительная глава работы, где во всем блеске предстанет фигура Начальника, где Чиновник, наконец, будет безоговорочно назван той осью, на которую опирается страна, на которой крутится колесо государства. Ведь, как ни ругай чиновдралов, как ни кричи о дебюрократизации, без управления никуда не денешься: все в стране задумывается и осуществляется именно им.

Следовательно, сатирически окрашенное восприятие в массах этой фигуры давно не соответствует ее подлинному статусу. Да, со стороны взвешенность подходов кажется косностью, а соблюдение процедур — волокитой, но находясь внутри властной системы, уясняешь, как на самом деле важно тщательно продумывать все нюансы своей работы и скрупулезно следовать существующим инструкциям.

Продвигаясь по бюрократическому поприщу, Шамсутдинов убедился, что для достижения сколько-нибудь заметного успеха требуется полное самоотречение, абсолютное изменение психики. Принадлежность к сонму чиновников делает отдельного индивида уже как бы и не совсем человеком, открывает возможность обрести частицу могущества всей бюрократической машины, оказаться причастным к «решению вопросов» независимо от положения в аппаратной иерархической лестнице. Входя в касту администраторов, человек обретает некое новое качество. Он уже не самостоятельная личность, он деталь механизма, поэтому подходить к чиновнику с применяемыми ко всем остальным гражданам мерками ошибочно. Ведь никто не требует от бабки токарного станка доброты, внимания и отзывчивости — она должна лишь выполнять свою функцию. Так и с чиновником. Если он станет с каждым посетителем по душам беседовать и чаи гонять, то «завалит дело». Не сердечность от него нужна, а выполнение поставленной задачи любой ценой. И не только нравственные качества, отсутствие которых столь часто вменяют в вину чинушам, им на самом деле не требуются — даже уровень интеллекта для государственного служащего не имеет решающего значения. Широкая общественность до этого еще не додумалась, а Равиль уже понял: будь бюрократ дуболомом из дуболомов, он может оказаться эффективнее иного умника.

Умник начнет разрабатывать новые схемы, предлагать нестандартные решения, а все это лишнее, ибо за годы работы бюрократический аппарат всей практикой своей деятельности, всеми взлетами и падениями своих представителей выработал формулу равновесия между задачами государства и собственными целями. Этот баланс общего, корпоративного и частного дался недешево — ценой бесчисленных отставок, взысканий и даже судебных приговоров, ценой инфарктов и некрологов в газетах — и теперь он настолько тонко выстроен, что любое вмешательство неизбежно приведет к его нарушению. Только попробуй, прикоснись к такому сложнейшему механизму с преобразовательскими намерениями — вмиг все пойдет прахом: либо окажутся нерешенными важные общегосударственные вопросы, что поставит под сомнение необходимость существования самого чиновного сословия; либо будут ущемлены интересы класса администраторов, без учета которых его функционирование становится проблематичным; либо предадутся забвению потребности отдельного представителя бюрократической касты, а ведь без личностно значимых стимулов он не будет работать с полной отдачей. Шамсутдинов повидал на своем веку прекрасных душных донкихотов, бросавшихся с копьем на административные мельницы: сейчас, мол, мы все тут исправим, и заработает куда лучше прежнего. И где те донкихоты? Смолоты в муку. А мельница все машет и машет крыльями. Нельзя с аппаратом наскоком! Нужно учитывать сопротивление материала, сопротивление мощнейшей структуры, которая живет по своим законам и которая тем сильнее сопротивляется изменениям, чем эти изменения масштабнее. Люди, далекие от государственной службы, воспримут этот пассаж пессимистически, но дело тут не в чьей-то злой воле или ретроградстве. Все определяется открытым Шамсутдиновым волшебным свойством чиновников регенерировать свою систему, пользуясь благоприобретенными уникальными качествами личности. Невозможно сердиться на ящерицу за то, что она наделена способностью восстанавливать утраченный хвост; не следует подвергать управленца критике за беспринципность или, напротив, отсутствие гибкости. Для

толкового бюрократа и то, и другое вполне естественно и порой даже необходимо. Обществу следует понять и принять: устоявшийся «ход дела», таинство «движения бумаги» от одной инстанции к другой, механика «решения вопросов» гораздо значимее, чем поиски оптимальных путей работы чиновника как такового. Хорошо, что сами функционеры это понимают и умело ограждают себя от нападков разумников-реформаторов, бьют их еще на дальних подступах.

А то ведь и другого пошиба бывают умники: быстро усвоив тонкости службы, разобравшись в мере своей свободы и степени ответственности перед вышестоящими товарищами, оценив все преимущества принципов «хода дела», «движения бумаги» и «решения вопросов», начинают ловко использовать свое служебное положение в личных корыстных целях. С такими явлениями надо беспощадно бороться, считал Шамсутдинов, поскольку они тоже снижают результативность работы госаппарата. Этот недостаток, эти издержки производства всем давно и хорошо известны, но где обходятся без издержек?! Главное в другом: вреда для дела от нечистых на руку чиновников меньше, чем от пришлых новаторов.

Озаренный своим вдохновением, Шамсутдинов отчетливо понимал: лучший чиновник — это робот, который не ищет новых путей для достижения цели, а действует по вложенному в его программу алгоритму. Вот как сформировать достаточное количество таких живых роботов — вопрос, ответа на который пока не было. А вопрос этот, безусловно, важнейший в отношении будущего страны и поступательного развития экономики, и для разрешения этого вопроса, по разумению Равиля, можно было пойти на любые жертвы и эксперименты. Впрочем, данный раздел записок еще не прорабатывался автором подробно, поскольку он сосредоточился на одной из злободневных тем.

Постигнув особую, надмирную сущность чиновника, преобразующую все его существо, Шамсутдинов развивал мысль о том, что номенклатура должна обрести в обществе особый же статус. Такая позиция привела Шамсутдинова к восприятию положенных чиновничьему клану льгот как чего-то само собой разумеющегося — это лишь небольшая компенсация за постриг человека в бюрократы, за ту гигантскую ответственность, которую он возлагает на себя, освобождая от нее других. Вот, например, ему, Шамсутдинову, завод на второй же год служения выделил отдельное жилье, а сотни рабочих, как и раньше, ждут ордеров на квартиру. Справедливо ли это? Ну вот так, положи руку на сердце? Да, справедливо, отвечал себе Равиль, ибо ему, ответственному работнику, для исполнения своих обязанностей необходимы иногда уединение и сосредоточенное бдение в тишине, а отошедший от станка гегемон может отдохнуть после смены и в общежитии или коммунальной квартире. И не должны, никак не должны в единой очереди толкаться директор завода и какой-нибудь безалаберный наладчик из третьего цеха — от этого сплошное расстройство и тому, и другому. Вот именно: и тому, и другому. Не только начальнику следует создать особые условия существования, но и основную массу населения надо бы оградить от смущающих картин труда и быта начальства, обозначить достаточно герметичную социальную нишу, в которой народ будет себя чувствовать увереннее, солидарнее и даже свободнее. Более того, по мнению Шамсутдинова, спецзаказы к праздникам и, скажем, поликлиники для руководящего звена далеко не в полной мере компенсируют нервные и временные затраты чиновника, претерпеваемые им при исполнении должностных обязанностей. Обществу следовало бы взять на себя попечение и о душевном состоянии представителей административного аппарата. Социуму не может быть безразлично, как живет государственный человек, чем он дышит, и даже каково его настроение, ведь, придя на работу в плохом настроении, он может какой-либо вопрос решить некачественно, что приведет к ухудшению положения в

стране в целом. А поскольку народ в этом объективно не заинтересован, то обязан окружить аппаратного работника сугубой заботой. Например, для него, для Равиля Хуснуловича, неплохо бы подобрать семью, пока сам он занят составлением проектов улучшения жизни. Ни времени, ни сил для одновременного устройства семейной жизни и разработки важнейших организационных принципов у него самого не хватает, вот и могли бы какие-нибудь добровольцы побеспокоиться о нем, пока он, в свою очередь, беспокоится о государстве — об их общем государстве. Справедливо? Справедливо. Вместо этого в стране предпринята яростная атака на слой управленцев, развернута оголтелая кампания по «борьбе с привилегиями»...

«Это все политика, политика вмешивается в ход дела!» — сердился Шамсутдинов. Он без романтического восторга относился к КПСС, коммунистические лозунги его не волновали, а слова вождя «Профсоюзы — школа коммунизма» и вовсе воспринимались почти недопустимой натяжкой. Но аппаратную школу партийного работника Равиль считал идеальной — вот где совершенствуется чиновник, вот где достигает он подлинной высоты. Партийные функционеры руководят всюду: в дипломатии, в армии, на производстве... И степень их подготовки такова, что руководителями они становятся универсальными: из колхоза их можно «бросить на культуру», оттуда перевести в область медицины — везде работают. Может быть (этого Шамсутдинов еще не додумал), может быть, им помогает идеология, которой они владеют. Но, в любом случае, налицо гигантское влияние именно административной выучки: субординация, умение приспосабливаться, ощущение своей касты — все это прекрасные качества, поставившие партноменклатуру вне конкуренции, ведь даже сотрудники КГБ предпочитают не связываться с ней, что уж говорить о заматанных советских чиновниках или хлипких профсоюзниках. Эх, если бы выучку профессиональных коммунистов да всем чиновникам (особенно в сфере торговли и бытового обслуживания трудящихся)!

Постепенно фигура госслужащего обретала в труде Шамсутдинова четкие очертания, и чем масштабнее виделась эта фигура, тем быстрее испарялись очарование идейного размаха и восторг выражения его на бумаге. Шамсутдинов не то чтобы охладел к своей тетрадке, но начинал понимать, что одной тетрадки мало, что необходимо перенести свое теоретизирование в практическую плоскость. Но как это сделать? Какие реальные шаги предпринять, воплощая замысел бюрократоцентричного общественного устройства? Нужно было каким-то ярким примером доказать всем вокруг свою правоту, требовалось какое-то из ряда вон выходящее событие, которое утвердило бы новую модель отношений населения и управляющего им класса. Но экстраординарных случаев, даже в масштабе одного завода, пока не происходило, и Шамсутдинов продолжал работать над своими записями. Важнейшая мысль была уже высказана, многократно проверена, вот только немного еще дописать, подправить оставалось. И он трудился, как черт, невзирая на усталость и борясь со сном.

Вот и сегодня Равиль отложил разгоряченное административным вдохновением перо лишь в половине четвертого. В комнату моментально ворвались тишина и темнота ночи, подчеркнутые стуком будильника и жестким безабажурным светом лампочки под потолком. И, показалось, само время шагнуло в комнату. Показалось, что в пыльном воздухе одинокого шамсутдиновского жилья витает не только кислый запах котлет-полуфабрикатов, но и нечто важное. Словно какое-то понятие (может быть, даже смысл существования человеческого рода на Земле) крутит хвостиком, скачет по мебели.

«Завтра поймаю!...» — сказал себе Шамсутдинов, выключая свет и ваясь на кровати. Глаза слипались, а вспаливший от работы мозг все еще не мог уgomониться. Вдруг вспомнилось о назначенном на завтра распределении путевок в пионерский

лагерь областного актива. «А сейф-то я закрыл?» — подумал Шамсутдинов как-то некстати. Потом так же нелепо вспомнился разговор о нелепо забеременевшей Володиной из третьего цеха. «Да не о том я... Надо что-то важное понять... Почему все же таки такой перекося? — вновь задался Равиль вечным вопросом, вспомнив о своем неустойчивом положении в общественной системе ценностей.— В чем суть жизненных явлений и ситуаций? Да, да! Все оттого, что критикую я в своих записках! Человеческий фактор проклятый. Он все пускает сикось-накось. В неживой природе, в механизме вся суть предмета есть его функция. Камень лежит — он есть лежащий камень. Шестеренка названа шестеренкой, потому что у нее шесть ренок... Каких ренок? Ерунда какая! Засыпаю! Ну и правильно, надо выспаться перед работой... Так. Шестеренка крутится, передает свое вращение другим частям станка. А у людей? Назван предмет Володиной Марией, так и веда себя соответственно. Нет, выкидывает фортели, как дама с камнями... Или что там бывает у дам? Камей что ли?... Вот есть ты работница цеха № 3, ну и работай. Выполняй свои обязанности в указанном цеху. Так нет! Все какие-то сложности создаешь другим людям. Общество должно действовать, как отлаженный механизм. А сейчас что? Такие механизмы выпускаем, что с завода — прямо на свалку. Брак в обществе — брак на производстве. Или наоборот? Брак на производстве — брак в обществе? Это я додумаю. Вообще-то, брак — это женитьба. Ну да — надо жениться. Всюду у нас брак, всюду бардак. Из-за чего? Во-первых, из-за пьянства, во-вторых, из-за таких вот Володиных... Которые, как дама... С чем это дама-то? А, да! С собачкой».

«Собачка!» — радостно удивился Шамсутдинов. Но это уже во сне было. Какая-то приبلудная дворянка тупо тыкалась носом в каменные плиты-ступени, но ничего не вынюхала, побежала по аллее прочь. Шамсутдинов проводил ее взглядом и вдруг разглядел, что не аллея уходит вдаль, а длинный проход между рядами могил. А сам Равиль нашел себя стоящим на паперти церкви. Странное было ощущение: наяву никогда Шамсутдинов и близко не подходил к культовым зданиям, а во сне все так детально представлял, что даже обратил внимание на потрескавшуюся от жары зеленую краску на дверях собора. Постепенно наваждение реальности сновидения сменилось страхом, безотчетным и непобедимым, как это часто бывает в снах. Неведомо от кого, от чего Шамсутдинов закрывался руками, пятился, горбился, пока, наконец, не рванул на себя начищенную медную ручку церковных дверей и не ступил в гулкую сумрачную прохладу. Шамсутдинов услышал голос священника, затем хор поющих голосов. «Отпевают!» — подумал Равиль. Глаза привыкли к полусвету, и он обнаружил, что храм, казавшийся ему пустым, полон народом. Оказалось, не отпевание, а венчание — белое платье невесты выделялось из темной толпы. Шамсутдинов воспринимал совершавшийся обряд как-то раздвоенно: оттуда, где он стоял, от самого порога, видны были ему фрачные, сюртучные и атласно-шелковые спины гостей, матово блестящие короны над головами молодоженов, но одновременно он видел жениха и невесту и с другой стороны, как будто находился у алтаря. Некая старомодность свадебных нарядов сперва осталась им незамеченной, а теперь все более занимала. Впрочем, еще более занятым казалось вспомнить, где он раньше видел жениха. Лицо невесты закрыто непроницаемой фатой, а жених, несомненно, знаком. Откуда? Бородка клинышком, пенсне... Да это же Чехов! Сам Антон Павлович, вместо того чтобы стоять в сторонке и по капле выдавливать из себя раба, женится! Шамсутдинов не сводил с Чехова глаз. Знаменитая бородка чуть задрана к потолку, пенсне поблескивало, отражая свет свечей и лампад, ослепительно белой казалась рубашка в сочетании с безукоризненной чернотой фрака, пышная хризантема цвела в петлице. Чем дольше Равиль смотрел на классика (и в лицо, и со спины), тем отчетливее проникал в его мысли. Чехов был расстроен: «Зачем эта свадьба? Я же просил:

не надо. Как это все неприлично! Шафер, гости, фраки. Потом поедут к столу, станут пить водку и кричать «горько». Разольют соус на скатерть. Боже! Какая пошлость. Ведь я ее просил: не надо свадьбы. Как я здесь оказался? Как меня провели?»

Шамсутдинову жалко стало писателя. Равиль с осуждением посмотрел на невесту. Она была выше Антона Павловича, под свадебным покрывалом лица ее не различить, но что-то кукольно-фарфоровое угадывалось под фатой. И что-то волчье...

Свадебная процессия сходила по ступеням паперти, невеста откуда взявшиеся дети сыпали под ноги молодым супругам розовые лепестки. Дамы смахивали слезы, мужчины с набриолиненными волосами довольно потирали руки. Только Чехов выглядел подавленным. У церкви стояла карета. Шамсутдинов бросился к экипажу, наперерез нарядной толпе. Он раскинул руки: не пущу. Благородное собрание пришло в замешательство. «Стойте! — крикнул Шамсутдинов. — Остановитесь! В человеке все должно быть прекрасно!» Эти слова действовали на гостей как заклинание. Фрачные мужчины съежились и почернели, дети исчезли, из-под фаты раздался вой. Чехов облегченно улыбнулся. Прекрасные умные и грустные глаза его с благодарностью глядели на Равиля. «Спасибо! Ты спас меня!» — телепатически внушил писатель Шамсутдинову. Чехов вдруг отделился от земной поверхности и стал подниматься в воздух. Медленно удаляясь, он благословил Шамсутдинова: «Краткость — сестра таланта! Помни об этом, Равиль! Оставайся всегда таким же сосредоточенным на своей идее и немногословным. Я буду тебе помогать. Может быть, когда-нибудь мы завершим твою книгу, и людям откроется свет новой истины. Но теперь я сердит на тебя. У тебя на заводе высокая текучка!» Шамсутдинову стало обидно: он постоянно отслеживал отток и приток работников на предприятии, и принятые меры привели к устойчивой тенденции сокращения текучести кадров, что было явной его заслугой. Но только лишь он собрался просветить на этот счет классика, Антон Павлович замахал на него правой рукой, проворно достал из нагрудного кармана фрака белый шелковый платок, собираясь утирать выступившие от смеха слезы: «Ха-ха-ха! Я тебя разыграл, пошутил: я ведь начинал как юморист. Но шутки в сторону, теперь я абсолютно серьезен. Я сердит на тебя из-за твоей самоуверенности. Ты не понимаешь правоты других. Граф Лев Николаевич Толстой как-то сказал мне на Капри: «Никто не знает настоящей правды». Задумайся над этим, Равиль. Ты должен научиться понимать то, что невыразимо словами! Заключим договор: ты спас меня от женитьбы, а я помогу тебе закончить твою книгу. Но и тебе следует идти по выбранному пути до конца. Теперь ты должен будешь жениться вместо меня». Чехов улетал все выше и выше, голос его звучал слабо; в продолжение всей речи писатель часто и ритмично похлопывал себя левой рукой по карману фрачных брюк. Это было неприятно. Кроме того, Равиль не понимал, почему именно ему снится именно Чехов. Но последовавшие слова писателя неожиданно растрогали и обнадежили Шамсутдинова: «Не унывай, Равиль, я помогу тебе разрешить загадку: как сказать нечто, ничего не сказав; как обмануть, говоря правду; как опередить всех, никуда не спеша; и, наконец, как понять смысл разговора, которого не было. Запомни отгадку...» Дальше разобрать что-либо было невозможно, какой-то набор звуков, какая-то аббревиатура; только смех вновь отчетливо звучал с высоты. А потом Чехов запел нарочито громко и противно: «Поспели вишни в саду у дяди Вани! У дяди Вани поспели вишни!..» Залихватское пение доносилось уже из-под облаков. «Словам должно быть тесно, а мыслям просторно», — прошептал в ответ Шамсутдинов, глядя в поднебесье, и глаза его наполнились слезами благоговения.

Когда он опустил взгляд и огляделся, то обнаружил себя в окружении. Кольцо фраков медленно, но неуклонно сжималось вокруг него. Выражение лиц джентльменов было зловещее. Со всех сторон сбегались все новые и новые желающие разде-

латься с освободителем жениха. Шамсутдинов увидел, как из кареты вывалился свадебный генерал, вытягивая саблю из ножен. Дамы повисли на руках генерала, а тот наливался кровью, пыхтел, косил глазом на Равиля и все пытался выхватить оружие.

«Спокойно! — выдохнул Шамсутдинов. — Спокойно. Я женюсь на ней!»

«Я женюсь на ней!» — сказал Шамсутдинов вслух и проснулся. Щеки его обволакивали теплые соленые слезы. Он взглянул на будильник и понял, что непоправимо проспал. Словно катапульта выбросила его из постели. За тридцать секунд он побрился, за две минуты оделся и выбежал из дома. Молниеносный переход от сна к яви не давал разобрать, спит ли он еще или уже бодрствует. Производя ежедневные, доведенные до автоматизма действия, Шамсутдинов не осознавал реальности и не удивился бы, если бы встретил на лестничной площадке Чехова, а у подъезда его поджидал бы кровожадный свадебный генерал. Яркость отлетевшего сновидения была настолько сильна, что Шамсутдинов невольно всех встреченных людей и окружающие предметы наделял мистической способностью к трансформации, и подсознательно был готов к такой трансформации.

Надежды успеть на работу вовремя не было никакой, но Равиль упрямо спешил. Ему повезло: на автобусной остановке притормозил нужный номер. Ему повезло дважды: водитель подождал, пока опаздывающий добежит до машины. Ему трижды повезло: пассажиров в салоне было мало, автобус почти не задерживался на остановках, и на проходную Шамсутдинов влетел всего на девять минут позже, чем во всякий другой день. Это был рекорд, это была несомненная удача. И потом весь рабочий день Шамсутдинов, голодный и невыспавшийся, радовался этой удаче. И все у него получалось, и неразрешимые прежде проблемы разрешались сами собой. Невольно вовсе не суеверный профорг воспринимал все это как знак свыше. В общении с окружающими был на удивление оживлен, сыпал цитатами из классиков, не совсем, впрочем, точными. Коллеги про себя удивлялись нервно-приподнятому настроению профсоюзного босса, отмечали его начитанность, вслух выражали радостное согласие с мыслями мудрых людей. Равиль хитро и ласково подмигивал сослуживцам, как бы говоря: «Никто не знает настоящей правды, только мы с Чеховым знаем!»

Но когда заводской гудок возвестил окончание смены, словно что-то сломалось внутри Шамсутдинова: он вдруг почувствовал чудовищное опустошение и нечеловеческую усталость. Без сил опустился он в кресло. Почему-то в голове председателя профкома всплыла фраза: «Я женюсь на ней!» «Ну да, надо жениться», — безвольно заключил Шамсутдинов. Бессонница ли, общая напряженность нервов после сумбурного ночного видения, застарелая тоска хронического одиночества или неосознаваемая до поры натужность работы тут сказались, но Равилю вдруг самое нелогичное в его жизни решение показалось нерушимо логичным и неизбежно правильным. Шамсутдинов ясно осознал, что ему действительно надо жениться. И он понял, на ком он женится — на Володиной Марии, незамужней беременной девственнице из цеха № 3.

«А что? — думал Шамсутдинов. — Да. Женюсь на ней. Она будет мне благодарна, а я займусь воспитанием мальчика. Сделаю из него настоящего руководителя, передам ему опыт».

Перспектива воплотить в жизнь свои идеи, вырастить идеального администратора так захватила Равиля, что он даже не задумался над тем, сколько времени пройдет, пока ребенок станет государственным деятелем. Да ведь, в конце концов, могла же родиться и девочка! Но неожиданное и, безусловно, сумасбродное желание уже овладело профруководителем. Шамсутдинов впервые в жизни отважился на серьезнейший шаг без предварительного обдумывания и дополнительного анализа. Он взялся за телефон и набрал номер заводского общежития.

— Алло! Это председатель профкома говорит. В какой у нас комнате проживает Володина из третьего цеха?

III

— Правильно, Равиль Хуснулович! Поговорите с ней. Давно за них взяться надо, за шалашовок! До свидания,— и тетя Дуся положила телефонную трубку.

Это была та самая тетя Дуся, которая вчера не хотела пускать Виктора Алексеевича в комнату дочери. Тогда, прибыв в город, утомленный тряской в автобусе, а еще больше волнением путешественника и тяжестью багажа, селянин не чуял под собой ног; он мечтал лишь о том, чтобы донести, наконец, свои сумы переметные до места, освободиться от вдавливающего в землю груза и тихонько подремать, хотя бы даже привалившись спиной к стене. Потому, добравшись до рабочего общежития, в котором жила Машка, Володин, не останавливаясь, попер мимо не замеченного им сначала стола, за которым воздвиглась поджавшая губы бабка, одетая, несмотря на летнее время, в пальто и подвязанная теплым платком. Но оказалось, что здесь ожидало мужика, может быть, самое серьезное испытание за весь тот длинный день. Нескладная долговзая старуха, похожая на непропорционально растолстевшую цаплю, остановила приезжего и подвергла суровому допросу.

— К кому? — нарочно громко переспрашивала тетя Дуся. — К Володиной?

В ответ, лаская слух вахтерши, в гулком вестибюле общежития возникал глуховатый отголосок и откатившейся волной возвращался к ее столу. Эхо обитало в доме на правах ничейного котенка, которого понемногу подкармливают все сердобольные жильцы. Тете Дусе чрезвычайно нравилось играть с ним или, точнее сказать, будить и дразнить его, поэтому привратница любила вступать в длительные перебранки на повышенных тонах, при этом постоянно прислушиваясь к отзвукам речи. А когда поскандальить, даже просто поговорить было не с кем, она начинала специально производить какой-нибудь шум: скрипеть стулом, кашлять, напевать что-то. Правда, голос у Дуськи был наипротивнейший, слух напрочь отсутствовал, так что редко накатывавшие вокальные припадки раздражали даже саму исполнительницу (пожалуй, единственное, что ее в себе раздражало). Зато сморкалась она часто и самозабвенно, издавая своим длинным носом трубные звуки, вслушиваясь в то, как они постепенно замирали на лестничных пролетах по всему зданию. Радовало старую также включение телефонного зуммера: переливчатые звонки летали по коридору, наподобие стаи встревоженных птиц, металась от стены к стене. Дуся пропускала пять-шесть сигналов, а затем неторопливо снимала трубку с рычажков, вещала веско: «Общежитие слушает!» И одно эхо сменялось другим. Красота!

Ну а Виктор Алексеевич во время дознания, устроенного въедливой бабкой у порога общежития, испытал целую гамму неприятных чувств — от смущения до возмущения, — вроде той, что испытывают мужчины в раздевалке общественной бани, если к ним вдруг вломится уборщица, гремя ведром, шлепая по полу разбухшей от воды и грязи тряпкой. Тогда смолкают раскаты рокотавших разговоров, еще минуту назад клубившихся, подобно пару; тогда раскрасневшиеся голыши поеживаются, как от потянувшего сквозняка, и сердито кутаются в простыни; тогда стекающие по щекам с мокрых шевелюр капельки воды кажутся слезами оскорбленной невинности, а в установившейся тишине слышатся лишь шварканье швабры да скрежет жестяной посуды по кафелю.

Стоя чуть не навывтяжку пред олицетворением пропускного режима, Лексеич, не единожды уже повторивший, к кому он направляется, в глубине души хотел сейчас одного: немедленно убраться восвояси, только бы не иметь дела с туповатой и злобной старой каргой. Если не было бы за плечами всех перенесенных тягот пути, Володин, в самом деле, сплюнул бы в сердцах и ушел, чтобы не слышать впиливающегося в мозг голоса дежурной. «Вот стерва!» — ругал про себя вредную бабу Виктор Алексеевич, тоскливым взглядом скользя по тоскливым квадратам облицовки на стенах.

— К Володиной? — в очередной раз гаркнула Дуська, с удовольствием оценивая, какой качественный отклик рождает ее голос.

Возникшее отражение звука вызвало у Виктора Алексеевича новые корбящие ассоциации, на этот раз медицинского характера: на столе в операционной — беспомощный пациент, обреченный на безжалостное препарирование. От вахтерши, вроде бы, даже пахло хлороформом, а в ее голосе так отчетливо звякали хирургические инструменты, что колхозный звеньевой всерьез забеспокоился: «Как бы чего не оттяпали, в самом деле!»

А тетя Дуся только входила во вкус, начиная свое излюбленное представление:

— К Володиной... Есть такая. А вы кем ей приходитесь?

— Отец,— процедил допрашиваемый, но в горле как назло запершило, он сорвался на кашель, так что ответ нельзя было разобрать, и он сам это понимал. Получилось все как-то до неприличия по сценарию вахтерши. Лексеич поторопился откашляться, чтобы повторить громко и четко: «Отец», рассчитывая, что произнесенное гордо, весомо слово это утратит бытовую приземленность и зазвучит возвышенным своим смыслом; вот тогда негодная старуха устыдится, ведь не мальчишка стоит перед ней, а взрослый заслуженный человек.

Но тетя Дуся опередила колхозника. Не была бы она тетей Дусей, Дусинеей Тобольской, как прозвал ее ехидный инженер-холостяк с пятого этажа, если бы дала заявившемуся к ней мужику хоть минуту продыху. Нет, ей надо было помучить посетителя, показать всю значительность своего положения и непреходящую ценность своей должности, а деревенские жители как нельзя более для таких целей подходят.

— А? Чевой-то не слышу! Чево вы говорите? — с упоением кричала Дуся. — Кем вы Володиной приходитесь?

Виктор Алексеевич (про себя): «Чертова кукла!» Вслух:

— Отец!

— Отец? Документ покажите! Мы пускаем родителей только по документу,— в этом акте ломаемой комедии тетя Дуся ничего интересного не ожидала: удостоверение личности у Володина, конечно, есть. Какой крестьянин в город без него поедет? Это с местными она забавлялась: «Нету паспорта? Беги домой!»

Виктор Алексеевич документ и впрямь предъявил. Тетя Дуся выдвинула ящик стола, достала оттуда очки и, водрузив их на нос, стала изучать бумагу.

Один за другим, а то и группками, рабочие возвращались после смены в общежитие. Дусиня отрывала взгляд от володинского паспорта, поверх очков зорко оглядывала входящих. «Пропуска предъявляйте! — Утробный голос вызывал новые раскаты эха в царстве тети Дуси.— Так. Проходи. Так». Виктор Алексеевич стоял у стола, понуро свесив голову. Вещички его лежали у ног. Заводчане с нехорошими улыбочками оглядывали остановленного гостя, косились на Дуську. Володину все вокруг стало противно до безразличия.

Дотошная тетя Дуся между тем бесцеремонно листала паспорт визитера, водя носом, как указкой. Старуха узнала точный возраст посетителя и даже зачем-то дату его рождения, выяснила адрес прописки, а также то, что у Машки Володиной есть брат. Все эти сведения, не имевшие к делу никакого отношения, почему-то вызвали живейший интерес вахтерши. Кроме того, Дусиня со злорадством отметила для себя зафиксированные фотографиями неутешительные изменения, произошедшие с лицом Виктора Алексеевича за время, протекшее между заменой карточек. Удовлетворив любопытство, Дуська нехотя подала «корочку» владельцу. Володин уже потянулся было за документом, но руки их так и не встретились — на столе взорвался электрической трелью телефон. Положив перед собой паспорт, для пущей сохранности накрыв его ладонью, дежурная быстро глянула на Лексеича: смотри, мол, как я всем

нужна! А ты тут отвлекаешь... Трубку плавно и значительно поднесла к уху, отвернув при этом край головного платка.

— Общежитие слушает,— торжественно произнесла привратница. Да, сегодня был ее день. Все получалось как по заказу.

Закончив бестолковый, нудный и многословный разговор по телефону, Дуська снова раскрыла паспорт Виктора Алексеевича и изучила его еще раз. Потом с некоторым сожалением возвратила документ хозяину. Наш колхозник (наивный!) торопливо сунул красную книжицу в карман и подхватил свою неподъемную поклажу, собираясь поскорей пройти мимо опостылевшей старухи. Но та остановила его новым вопросом:

— А... эта... что у вас в сумках?

Володин сначала оторопел от такой беспардонности, а потом стал приходить в себя, избавляться от странного гипнотического влияния тети Дуси. Откуда-то из живота поднималась и росла, заполняя всю грудную клетку, темная злоба. Что учинить в ответ на бесконечные придирки? По-деревенски смачно послать бабку ядреным трехэтажным, чтобы у нее уши в трубочки свернулись? Гаерски кривляясь, разложить тут же на полу привезенные припасы, устроить филиал колхозного рынка? Продиктовать любопытной вредине подробный реестр гостинцев, приговаривая: «Пиши, пиши, подрастерстка хренова»? Все эти варианты ответных действий одновременно крутились в голове; Виктор Алексеевич не знал, какой из них выбрать, и боялся, что не сдержится, сорвется на что-нибудь совсем безобразное. Однако совладал с собой, призвав на помощь легендарное крестьянское терпение, решил не обострять ситуацию, поскольку, как казалось, скоро ему позволят-таки пройти на столь строго охраняемый объект. Мужик вновь поставил у ног злополучный багаж, глубоко вздохнул и буркнул, словно извиняясь за всю деревню-матушку, привыкшую пичкать город плодами своего непомерно тяжелого труда:

— Продукты...

— Самогонки нету? — вахтерша, нацелившись глазом на подозрительные баулы, гудела, как рентгеновский аппарат.— В общежитие спиртные напитки проносить не разрешается.

— Да нет. Какие спиртные? Я же к дочке!

— Ну что ж — к дочке... Мало ли что... Я тебя пропущу, а ты водки пронесешь. Они напьются, будут блындать, облюют все общежитие. А мне из-за тебя неприятности.

— Да нету у меня водки. Что ты? Нету.

— Ну, ладно. Пишите заявление,— разрешила Дуся.

— Какое заявление? — В очередной раз опешил Виктор Алексеевич. Он никак не мог понять, за что такую муку претерпевает, как можно задерживать его на пути к дочери, к родному человеку. Колхозный звеньевой, отправляясь в областной центр, знал, что дорога будет трудной, что отнимет много сил и времени, но никак не рассчитывал, что самым непреодолимым окажется вот этот рубеж у распроклятой вахты, когда он уже, может быть, в дух минутах от встречи с Машкой.

— Мы родителей только по заявлению пропускаем,— гордо сверкнула буркала-ми Дусиня.

Что за заявление такое? Как его писать? Кому? Все эти вопросы ставили Володина в тупик, выхода из которого не предвиделось. С авторучкой он обращался куда менее умело, чем с плугом, заполнить чернильными значками белый лист бумаги казалось ему задачей несравненно более сложной, чем вспахать и засеять раздольное поле. А тетя Дуся, видя, какой телок деревенский попался ей, воспарила в вахтерских эмпиреях: теперь она могла долго объяснять порядок пропуска посторонних в общежитие, диктовать приезжему текст заявления, ругать его за допущенные ошибки, не-

довольно поторапливать, что неизбежно приводило к новым ошибкам и многократному переписыванию бумаги. Наконец, взмокший Лексеич поставил внизу исписанного листа свою корявую подпись, а его мучительница сквозь очки внимательно изучила шедевр канцелярского стиля. Пока все шло как по нотам, и Дуся испытывала то, что в выступлениях руководителей партии и правительства так удачно называлось чувством глубокого удовлетворения. Однако заключительный акт представления, разыгрываемого старухой, готовил для нее настоящий катарсис. Дуська дождалась, пока крестьянин взвалит на горб свои сумки, протопает по коридору шагов пять, а потом в спину ему словно выстрелила:

— До одиннадцати часов, не позже. Позже в общежитии посторонним находиться запрещается.

Лексеич так и замер:

— Как — до одиннадцати? А потом куда ж я денусь? Я же к дочке...

— Не знаю, куда. В гостиницу иди. Тут тебе не ночлежка. Комендант проверяет, чтобы посторонних не находилось.

Потом был скандал. Потом вызывали коменданта общежития, ругались, отчаянно жестикулировали, показывали друг другу документы. И, конечно, Виктора Алексеевича пропустили, разрешив остановиться на три дня в комнате дочери, а тех, кто с ней в настоящее время проживает, договорились временно переселить в другие номера к вящей досаде бдительной старухи. Причем тетя Дуся заранее знала, что в итоге победа будет не на ее стороне, но — вот ведь характер! — не могла никак отказаться от любимой потехи. Так ее и распирает от желания незнакомого человека вывести из себя, взбесить, разогреть до точки кипения. Дусиня сама порой не рада бывает, ввязываясь в очередную сшибку с кем-нибудь, а обуздать темперамент не в силах, ибо столько бодрости вливается в нее во время ожесточенных споров, столько молодого зубастого задора, что ради этих минут она готова мириться с беспокойной, неблагодарной и неприбыльной своей должностью. Когда же яростные препирательства заканчиваются, Дуся отчасти сожалеет о затеянной бузе, но недолго. Она всегда охотно и безоговорочно прощает себя, ведь всем известно, что интеллигентское самокопание угнетающе действует на психику, да к тому же вредно для пищеварения. Поэтому люди, серьезно относящиеся к своему здоровью, стремятся поскорее избавиться от ощущения неловкости и переложить ответственность на окружающих.

Само собой разумеется, тетя Дуся после произошедшего инцидента вынесла однозначное решение: виновниками случившегося конфуза являются Володины. Сего дня, еще до звонка Шамсутдинова, она уже успела показать своим недругам, что дело не кончено, далеко не кончено: когда отец или дочь проходили мимо вахты, дежурная демонстративно отворачивалась и поджимала губенки. В такие моменты (подвязанная платком, с руками, скрещенными на животе, и сложенными буквой «ха» ногами) она до смешного напоминала матрешку.

Получив вчера во время неистовых пререканий с приезжим колхозником желанный заряд живительной энергии, Дуська размышляла теперь над тем, как бы заставить этого неотесанного мужлана, проникшего все-таки через границу ее владений, до конца осознать, с кем он связался. Именно на нем, на родственнике столь ненавистной постоялицы, хотелось отыграться на всю катушку.

Машка Володина не понравилась старухе с первого же дня: какая-то слишком сосредоточенная та была, слишком самостоятельная. Раза два Дусиня пыталась спровоцировать новенькую на скандал, но ничего путного из этого не выходило. Володина не дерзила, но и не испытывала должного пиетета перед монументально значительной фигурой вахтерши, не впадала в священный трепет перед стражем раздолбанных скрипучих дверей, не пасовала перед неистовствовавшей ведьмой, которой

до судороги хотелось, чтобы разыгралась горячая кровь этой ладной девахи, чтобы часть ее юной силы перешла в одряхлевшие вены цербера общежития.

В отличие от других девок из деревни, дур простодырых, которые по-козьи растопыривали глаза на чудную городскую жизнь, Машка больше глядела как бы внутрь самой себя. «Больно гордая! Ну, ладно, подождем», — скрывая досаду, мыслила тетя Дуся, многократно убедившаяся в том, как легко ломает город и простушек, и гордячек, и смысленных, и глупых — любых. Когда же стало известно, что Володина, незамужняя, да и не имевшая, насколько понимала Дусиня, постоянного ухажера, беременна, старуха первое время упивалась торжеством свершившейся по воле небесных сил мести: «Поняла теперь, куда попала? То-то! Таких вот гордых и надо учить. Прямо мордой их, да об стол, да так приложить, чтоб на всю жизнь запомнили». Наконец-то все увидят позор и унижение самонадеянной соплячки! Пускай теперь повоюет! Пусть помучается без мужа, без семьи, пусть настрадается в безденежье и презрении окружающих. Однако скоро стало понятно, что Машка свой девичий позор таковым не считает. Она не сгорала со стыда, не проваливалась сквозь землю, хотя была грустна и проходила мимо вахты, почти всегда потупив взгляд, но не от осознания своей непоправимой вины, а опять-таки, словно бы задумавшись, размышляя над чем-то крайне важным для нее.

Тете Дусе это было не только неприятно, но и непонятно; это разрушало стройную картину мира, сложившуюся в воображении старухи, ведь, по ее разумению, жизнь должна была оперативно и жестоко наказывать тех, кто не соответствовал критериям высшей справедливости. Высшая же справедливость заключалась в следующем. Во-первых, всем надлежало оставаться бездетными. Сама Дуська во время войны, еще совсем молоденькой, была мобилизована на трудовой фронт (копать противотанковые рвы) и, работая на суровом осеннем ветру, в холоде да слякоти, застудилась, а потому не могла иметь детей. Значит, было бы правильно, если бы как можно больше других женщин постигла бы та же участь. Во-вторых, справедливость требовала, чтобы бабы в большинстве своем коротали бы свой век одинокими, а уж те, которые выходили замуж, должны были пожизненно маяться с непутевыми супругами. Эта ипостась высшей правды опять-таки отражала судьбу самой тети Дуси: все встречавшиеся ей мужики были так себе... Ни статью, ни темпераментом они не отличались (Дуська, между прочим, их по большей части и винила в том, что не оставила потомства), любили прикладываться к рюмочке, легко становились подкаблучниками. Какое-то время Дусиня терпела очередного кавалера, периодически закатывая для энергетической подпитки сцены шекспировского размаха, но быстро охладевала к избраннику, после того как он переставал оказывать хотя бы какое-то психологическое сопротивление, — даже ругаться с ним становилось неинтересно. Поэтому тетя Дуся расставалась с мужчинами без сожаления, постепенно привыкнув и полюбив жить одна, а с годами каждая замужняя, имеющая детей женщина стала казаться ей нарушительницей непреложных установлений, стало быть, подлежала всяческому гноблению. И если по отношению к соседкам или знакомым Дусиня чувствовала себя в роли общественного заседателя, то уж на рабочем месте она облачалась в мантию верховного судьи, чье решение обжалованию не подлежит.

Кого из заводских девчат, проживавших в охраняемом общежитии, казнить, кого миловать — это она определяла каждый раз по своему произволу. Если на ком-то выжигалось клеймо «Больно гордая» или «Шалашовка задрипанная», то рассчитывать на снисхождение не приходилось: мелкие придирки, скандалы, доносы и наушничество доводили преступницу до иступления. А иногда удавалось тете Дусе организовать травлю по всем правилам, обложить свою жертву с разных сторон, не только привлекая начальство, но и поднимая массы, ссоря подруг, плетя коварные интриги; тогда уж несчастной оставалось лишь бежать из общаги. Однако и у самой отпе-

той нарушительницы была возможность избежать плачевной участи! Повинись девка перед владычицей вахты, обозначь свое страдание, покажи смятение перед лицом неотвратимого возмездия за грех своеволия, и суровая мстительница оборачивалась участливой тетушкой, прощала беспутную, иногда даже возводила ее в разряд любимиц, которым изредка разрешалось без пропуска пройти, да и на возвращение под казенный кров после двадцати трех часов закрывались глаза. Дуська ведь незлая, по сути, женщина...

А Машка Володина свой шанс на помилование упустила. Поэтому сегодня, поговорив по телефону с самим Шамсутдиновым, узнав, что тот интересуется Машкой и собирается посетить общежитие для серьезного разговора, Дусиней ликовала: теперь негодяйка непременно поплатится, да еще в присутствии отца! Если уж заводской профком подключился к делу, то, значит, допрыгалась Володина. Доигралась! Хорошо бы товарищеский суд над ней устроили. Тогда рядом со столом дежурной повесили бы плакат: «Осуждаем аморальный поступок М. Володиной!» И тетя Дуся сидела бы под этой надписью, каждую минуту ощущая свой триумф... Жаль только, что давно уж захирели товарищеские суды, а активисты перестали выпускать обличительные «молнии» с карикатурами. Тете Дусе подобные стенгазеты в свое время ужас как нравились. Да ладно! После звонка из заводоуправления ничего хорошего Машке все равно ждать не приходится, и отцу ее, хаму деревенскому, предстоит испытать унижение. От предвкушения тотального торжества справедливости тете Дусе становилось тепло на сердце, а язвительная улыбка то и дело проползала по ее лицу.

Мария, проходя мимо, не могла не почувствовать, что к всегдашней затаенной агрессивности вахтерши добавились импульсы злорадного торжества, но анализировать причины изменения частоты оборотов всеобщегитейного генератора желчи сил не было — их надо было экономить для подъема по крутым лестничным пролетам. Сегодня Машка выходила в первую смену и после работы задержалась на часок в скверике недалеко от общежития, чтобы подышать свежим воздухом, что настоятельно советуют врачи будущим мамам. Взбираться после рабочего дня и прогулки на четвертый этаж было трудновато, но Машка упорно двигалась вверх, сопровождаемая нескончаемыми звуками «Ламбады», звучавшей из множества магнитофонов на каждом этаже, чуть ли не в каждой комнате. В этой назойливой песне, будто бы сделанной из папье-маше, за натужным весельем отчетливо слышались ноты всепобеждающей пошлости, и диковатая мелодия в сочетании с тарабарщиной текста воспринималась как inferнальный гимн пропавшего поколения, живущего в бесперспективное время.

Невольное прослушивание обрядшей «Ламбады» повторялось изо дня в день и со временем стало неременным музыкальным сопровождением возвращения в общагу. Но если враждебная музыка из далекой страны превратилась в угнетающую константу бытия, то самочувствие Марии после каждой длительной прогулки менялось. Иногда при подъеме по лестнице накатывало головокружение, иногда одолевала вдруг непривычная для молодой женщины одышка, но Маша никогда не останавливалась, чтобы передохнуть на площадке, поскольку боялась встретить чей-нибудь косой взгляд (злобного зыркания Дуськи более чем достаточно). Да, честно говоря, и сочувствующих глаз видеть не хотелось, потому как настала пора жизни, когда необходимо духовно укрепиться для непонятного пока ей самой подвига, а всякое сочувствие в такой момент расслабляет. Машка без остановок карабкалась на четвертый этаж, чтобы поскорее скрыться в комнатухе на шесть коек.

Нельзя сказать, чтобы там молодухе было уютно: соседки открыто не осуждали ее, однако сторонились, словно боясь подхватить беременность воздушно-капельным путем или заразиться вирусом безбрачия... А однажды разгульные девки из комнаты напротив (видно, в сильном подпитии) устроили Маше абсолютную подлость: узна-

ли, когда девчонки вышли в ночную, и Машка осталась одна, и посреди ночи втокнули через порог пьяного в лоскуты мужика, после чего, давясь дебильным смехом, убежали. На, мол, тебе, Володина, муженька! Что прикажете делать? Сдвинуть с места этого здорового борова Маша не смогла, вызывать милицию не захотела... Так и пришлось проситься ночевать к знакомым, подальше от вонючего храпуна. В общем, укрыться от неприятностей в общажном закутке невозможно.

Но, по крайней мере, в этой комнатенке у Марии есть собственный уголок, куда можно забиться, и, укрывшись с головой одеялом, очутиться в отдельном мирке. Впрочем, симуляции уединения недостаточно для психологического комфорта. Хотелось, чтобы кто-то пожалел, обнадежил, успокоил мятущуюся душу, тянуло высказать кому-то родному затаенную гордость подательницы новой жизни, смешанную с терзающими страхами.

Так было и вчера, когда, будто по волшебству, явился отец. Машка как раз лежала на кровати под покрывалом, и не сразу отреагировала на скрип распахнувшейся двери. Сначала Мария услышала стук опущенной на пол тяжести, потом сбивающееся дыхание, которое вызывало полузабытые ассоциации. Она откинула край одеяла и встретила взглядом с Виктором Алексеевичем. Маруся замедленно, как во сне, поднялась с кровати, двинулась к нему, постаревшему за тот год, что они не видались, по-деревенски милому, но уже и чужому капельку. Отец и дочь обнялись коротко, затем отступили на полшага, не размыкая рук. Ничего не произнесли они в первую минуту, лишь смотрели друг на друга, пытаясь в глубине глаз разобрать нечто значительное, невыразимое словами.

Марии нестерпимо хотелось немедленно облегчить душу, высказать всю неизбежную тоску своего пребывания на земле, но она не знала, с чего начать. На что пожаловаться в первую очередь? На то ли, что при встрече с родным человеком ее неприкаянность обозначилась вдруг четче и непоправимее? На то ли, что именно ей непонятно за какие грехи досталась неказистая доля разочарованной одиночки? Кого винить в том, что все так сложилось? Неужели родителей, которые, давая жизнь, тем самым ввергают свое дитя в безбрежную меланхолию сущего? Или само бытие, столь тяжко ступающее по судьбам, что только человеческие ошметки летят в стороны? Бессмысленны и смешны подобные упреки! Рассказать батю, что жизнь похожа на вахтершу тетю Дусю? Бестолковая старуха, сознательно не злая, осознанно не добрая, она занята исключительно собой и соприкасается с людьми лишь для того, чтобы высосать из них все соки, напиться ими и вновь с оскорбительным безразличием топтать дальше. Невозможно предугадать, как отнесется она к человеку: подчас она бывала приветлива с Марией, временами не замечала Марию, сейчас она сердита на Марию... Поймет ли папка аллегорию? Согласится ли с дочерью?

И она молчала, глядя в отцовские глаза. Молчание их росло, ветвилось, заполняя собой кубатуру комнаты, соседние улицы, весь город. Молчание превращалось в невидимые, но непролазные заросли тишины, становилось непреодолимым. Никогда уже не прорваться сквозь это молчание к откровенному, добросердечному разговору! Великая несправедливость непостижимости друг для друга самых близких людей накрывала Марию бумажной волной, сероватой, уже начинающей желтеть от времени страницей школьной хрестоматии по литературе, где изображен был кудлатенький старичок в очках. Там-то, на этой странице, под завершающимся восклицательным знаком непонятным словом, набранным латиницей, — заголовком стихотворения — и написано, что никогда не постигнуть другому прихотливый ход твоих думок. Упрямо поджав губы, составленный из черточек гравюрный старичок со скрытой угрозой смотрел на Марию из вечности, но тогда, в годы ученичества, это казалось несерьезным, потому что бог знает в каком году один из шалопаев-выпускников подрисовал ему фиолетовыми чернилами усы и бороду.

Вот ведь странно! Вся мудрость мира находится на страницах наших старых школьных хрестоматий, а нам кажется, что хрестоматия — это хлам. Нас хватает лишь на то, чтобы, как ленивый двоечник, полистать нехотя ветхий том и шаловливой рукой подписать рядом с древним текстом неприличное слово. Мы стремимся отыскать нечто интересное, значительное за новенькими глянцевыми обложками, резко пахнущими свежим клеем; а забытое здравомыслие пылится на полке книгохранилища, а незаполненные библиотечные формуляры нерадивых учеников напоминают могильные плиты: год поступления — год окончания. И пустота оборачивается бессмысленностью.

Смириться же с утратой смысла сложно. Вот и Марусе казалось, что все случившееся с ней в последние месяцы должно иметь разумное объяснение, надо только собраться с мыслями, побыть с собой наедине. Но этого как раз не получалось: в цеху ежеминутно требовалась полная включенность в работу, в общежитии постоянно раздражал не прерываемый никакой рефлексией речевой поток болтающих соседок. Теперь же отвлек от размышлений о самом важном приезд отца, которому надо будет объяснить то, что она сама пока до конца не поняла.

Осознание сути произошедшего приходило к женщине медленно и мучительно. Когда врач заводской поликлиники объявил ей о беременности, Машке показалось, что страшлось что-то чрезвычайно важное, но будто бы не имеющее к ней непосредственного отношения. С Марией ничего подобного не должно было стать! Ее жизнь рисовалась ей совсем по-другому: романтические отношения, замужество и лишь потом рождение ребенка. Так положено! Таков устоявшийся порядок вещей, от которого Мария не собиралась отступать. Нет, нет, все это приключилось с кем-то другим!..

Потребовалось время, чтобы ощутить на своей (на своей!) шее медленно придавливающую пяту тяжело переваливающейся с ухаба на ухаб жизни-жестянки. Обманывать себя было уже невозможно: именно она, Маша Володина, путалась под ногами шествующей своим неисповедимым путем судьбины. Воспринятая не только умом, но всем существом, суровая правда усилила бремя житейского гнета; безрадостные последствия нелепой случайности вырисовывались все отчетливее, поэтому так и не распустилось в душе счастье материнства. Удивление, страх, ощущение безысходности, досада последовательно сменяли друг друга. В итоге, победив все остальное, укоренилось в душе чувство ответственности, которую невозможно никому перепоручить. Не только в том смысле, что Маруся отвечает отныне за ребенка — к такой ответственности она, воспитанная строгим деревенским укладом, была готова. Ответственность в данном случае явилась синонимом наказания: теперь придется расплачиваться за все двадцать лет, что прожиты на свете абы как, без продуманного плана; за то, что сама она рождена женщиной, а стало быть, обязана продолжать род человеческий; и за то следует отвечать, что убежала некогда из родной деревни в город, и за новые знакомства, за прочитанные книги... Ей было бы легче, если бы она знала за собой какой-нибудь грех — значит, и воздается ей по заслугам. Но не существовало ни вины, ни ошибки, а только жизнь. Загадочная и мощная жизнь, которая вершила свой ход так непостижимо. Невозможно предугадать, чьи косточки затрепещат под ее стопой в следующий момент, нельзя предвидеть, кто вдруг начнет извиваться от боли при ее следующем шаге. Тут уж не помогут ни отец, ни мать, ни родственники, ни знакомые. Полная беспомощность и абсолютное одиночество достались нам в удел.

Машка представляла это себе так: будто бы ее существование протекает на донышке плотно прикрытой никелированной кастрюльки. Если долго-долго стараться, карабкаться по скользким стенкам, сползая поминутно и вновь стремясь выползти, если потужиться неимоверно, чтобы приподнять крышку, то можно будет, наконец,

высунув голову, оглядеться вокруг. Тогда-то и обнаружится, что твоя кастрюлька находится внутри другой, большей, кастрюли. А та, в свою очередь, стоит в кастрюлище, тоже безнадежно гладкой и герметично закрытой, тоже металлически равнодушной. Мария не умела вообразить, что находится вокруг той кастрюлищи, но боялась, что там обнаружится еще более объемистая, уже абсолютно непроницаемая кастрюля... А вот теперь оказалось, что и сама Мария начала превращаться в кастрюльку, ибо стала вместилищем для зарождающейся жизни. И, видимо, Марусе предстояло произвести на свет новую кастрюлечку...

Восприятие всего сущего как бесконечного ряда субстанций, поглощаемых более крупными подобиями, еще до беременности довлело над Марией. Она слыла замкнутой, не было у нее ни закадычных друзей, ни задушевных подруг, ни жениха. Расширение круга знакомств представлялось ей бессмысленным, поскольку новые взаимоотношения требуют значительных затрат времени и душевных сил, а результатом всегда является одна и та же блестящая металлическая пустота.

Обосновавшись в городе, Володина на первых порах общалась лишь с приехавшими на заработки из отдаленных местечек девчонками, которые без рассуждений, без колебаний несли свои жизни на алтарь никелированной пустоты. Но уже через месяц Маруся старалась при первой возможности сбежать от вызывавших скуку, утомление, раздражение верных служанок имманентной кастрюльности и все чаще устремлялась туда, где встретить лимитицу по определению невозможно. В областном центре таких мест оказалось немало: театры, библиотеки, музеи... По правде сказать, учреждения культуры Машка воспринимала поначалу враждебно — укрытия для белоручек и бездельников, не более того. Но свято соблюдавшиеся здесь тишина и чистота вызывали невольное уважение, заставляли думать, что, видимо, есть в этом известный горожанам, но недоступный пока для нее смысл. Мария, всегда отличавшаяся наблюдательностью, стала приглядываться к публике, собирающейся в просторных парадных залах, бархатных амфитеатрах, гулких аудиториях, и заметила, что среди залетных бестолочей, вроде нее самой, встречаются посетители совсем иного рода. Это были искушенные эстеты, опознававшие друг друга по взглядам, по интонациям, по полусловам. Оказывается, существуют определенные знаки, которыми обмениваются избранные! Крестьянской дочери занятым показалось войти в круг посвященных, поэтому она неожиданно для себя испытала удовлетворение, когда в этом странном и чуждом сообществе появились у нее знакомые — студенты местных вузов. Со временем состоялось даже несколько свиданий. Машке было интересно, что творится в головах членов тайного ордена культуртрегеров, а что студенты находили в Машке, трудно сказать. Возможно, их привлекали милая неуверенность в ее поведении и напряженное, пожалуй, даже отчасти болезненное внимание, смешанное с наивным почтением, обозначавшиеся на лице девушки, чуть только беседа касалась абстрактных тем. Возможно, притягательной для юношей оказывалась ощущаемая в Марии почти каждым человеком внутренняя цельность, надежность, обстоятельность. А возможно, молодые люди рассматривали сельскую простушку как легкую добычу, которая будет внесена очередной пометкой в чей-нибудь донжуанский список. Парни есть парни, хоть деревенские, хоть городские, и на уме у них одно и то же: начинают наваливаться в темных местах, хватать руками... Иногда Маруся, уступая жаркому зову пола, позволяла некоторым вольности на грани допустимого, но духовного родства, эмоционально окрашенной привязанности ни к кому не возникло. Неизбежное проклятое одиночество с новой силой накатывало после каждой вспышки страсти.

Порой Мария сердилась на себя за непреодолимую отрешенность от окружающих, пыталась стать такой же, как другие, но вскоре ей надоедало играть чужую

роль, и она продолжала по-прежнему дичиться, да так ни с кем и не сблизилась, всегда ощущая за живой плотью людей металлические кастрюльные стенки.

С началом беременности женщина вовсе отгородилась от остальных, замкнулась окончательно. Хотелось сосредоточиться на своем внутреннем мире, плотнее закрыть сверкающей крышкой нелюбимости, никого не пускать внутрь.

Вот почему Мария так упорно молчала во время неожиданной встречи с отцом. Она не чувствовала возможности до конца раскрыться, даже глядя в глаза близкому человеку, о разговоре с которым мечтала всего за несколько минут до его прихода. Если уж рассказывать о своей жизни, то рассказывать предельно честно, не пропуская ни одного нюанса. Но если подробно, не нарушая причинно-следственной связи, поведать о том, что произошло с ней за год самостоятельной жизни, то повествование это окажется бредом, гротескной фантазмагорией. Ну, действительно, невозможно объяснить, почему это посещение филармонии через определенное время приводит к зачатию ребенка! Законы логики тут не действуют, уступая место законам мистики.

Мария молчала в ответ на расспросы бати, мол, что да как; она молчала и тогда, когда Виктор Алексеевич, поняв без всяких ее слов, что деревенские пересуды — правда, стал стыдить и ругать дочь свою. Потом пришли со смены соседки по комнате, чтобы, собрав кое-какие вещи, перебраться в другой номер. Пока девки суетливо толкались рядом, с затаенной колкой веселостью поглядывая на Володиных, отец и дочь не проронили ни слова. Когда же девчонки ушли, Виктор Алексеевич продолжил нотацию, а Мария по-прежнему хранила молчание. Не объяснять же отцу свою кастрюльную философию!

Лексеич же старался пронять дочь, используя весь доступный ему арсенал ораторских приемов: взывал к лучшим чувствам, усовещивал, страшал, но добиться толку не мог. О девичьей чести вещал, о позоре на всю деревню; напоминал, как они с матерью были добры к Машке, как старались баловать ее по мере сил... Говорил, и сам не мог до конца понять: к чему он все это? что хочет услышать в ответ? Слова произносил правильные, но какие-то пустоцветные, вялые. Как на колхозном собрании, когда тебя заставили выступать, и ты бубнишь с трибуны то, что положено, а слушатели кивают в такт твоим словам да думают о своем. Как прорваться сквозь пелену слов к смыслу? Существует ли он, этот безусловный, не подверженный изнашиванию смысл? Ведь и девичья честь — понятие эфемерное, несколько книжное, и вседеревенский позор на словах только страшен (не она первая, не она последняя), да и отцовскую любовь жизнь давала ему возможность проявлять всегда слишком скупое, чтобы он мог теперь требовать какого-то особого к себе отношения со стороны Марии. А самое главное: стало ясно, что словами ничего не решишь и не изменишь. Чего уж теперь балаболить!

Увидев свою девочку, убедившись, что она в положении и что положение дел никак не поправишь, Виктор Алексеевич хотел, в действительности, лишь одного: живого родственного общения. Но оно никак не завязывалось, а потому наш колхозник распалялся все больше, желая во что бы то ни стало добиться искреннего проявления дочерних чувств. И вот он повторял уже говоренное, сам от этого раздражаясь, раз за разом талдыча: «Честь... Позор... Мы ж тебя как любили...» Пора уже было прекратить никчемную распрю, пора было подумать о ночлеге, посидеть в тишине за чаем, обсудить важные деревенские новости, однако отец всерьез завелся и не мог остановиться. Он ждал, чтобы Машка бросилась к нему с объятьями, просила бы прощения, раскаивалась. Чтобы хотя бы всплакнула...

Нет! Дочь, будто каменная, молчала, сопела, смотрела в угол. «Чужая, чужая совсем стала», — думал Виктор Алексеевич. Сидела напротив него вроде как незнакомая девка, лишь некоторыми чертами отдаленно напоминающая володинскую породу, не больно красивая (впрочем, и не страшная), не шибко ладная (хотя и не коря-

вая). Посторонняя, но все-таки милая сердцу! Непутевая, но, вместе с тем, правая какой-то непонятной ему правотой, хранящая свою тайну, к постижению которой мужчина не в состоянии даже приблизиться. Что теперь поделаешь? Нечего делать! Оставалось одно: всеми силами помогать ей хранить и пестовать загадочное нечто, возраставшее в глубине женского естества, то, что Мария ревниво прятала ото всех.

Чувствуя, что откуда-то с высоты со свистом прилетело и непонятно почему именно его тюкнуло в темя неприятное слово «дед», Виктор Алексеевич до боли отчетливо представил дальнейший ход событий на много лет вперед. Ему и жене предстояло отказаться от собственных чаяний, нужд, привычек. Отныне все время, все силы будут отданы дочери и ее ребенку — это столь же ясно, сколь непререкаемо. Но как же не хочется принимать внезапно вынесенный тебе судьбиной пожизненный приговор, приговор без снисхождения, без права на обжалование! Потому у Виктора Алексеевича (хотя по-настоящему он уже не серчал) никак не получалось сменить родительский гнев на милость.

Так было сутки назад, когда отец и дочь впервые увиделись после продолжительной разлуки. Сегодня же, так и не выяснив до конца отношений, Володин решил тоже отмалчиваться. Виктор Алексеевич рано утром ушел со двора, чтобы показать Машке, насколько раздражен против нее, а вернувшись под вечер, устроился у распахнутого окна, свернул самокрутку. Находившись за день по городу, крестьянин думал сейчас совсем не о семейных неурядицах. Надоело! Да и что толку мозги зазря сушить! Практичным своим умом Виктор Алексеевич понимал: переживай — не переживай, а ничего не изменишь. Надо в очередной раз приспособиться к крутому (такому уж крутому, что поневоле зло берет!) повороту судьбы, чтобы затем в очередной раз подивиться собственному долготерпению. Надо как-то ломать жизнь дальше. Нет, ну какая это все же штука — жизнь. Ты ее ломаешь, а ломает она тебя. С другой стороны... Как это так: ломает? Пока с завидным постоянством в противостоянии с судьбой держал верх Виктор Алексеевич, и было у него все нормально, не хуже, чем у других.

Другим бывало тяжелее, чем Виктору Алексеевичу: вот, например, у Кольки-соседа... Хотя, при чем тут другие? Человек всегда остается один на один со своими бедами, со своей жизнью, и никогда никого не спасали советы да примеры. Посторонние люди вряд ли помогут в твоей беде (в жизни, то есть). Конечно, приятно, коли посочувствуют, пособят чем-нибудь. Но никакая подмога не избавит от ощущения горя, не уменьшит физической боли. Разве только подаст надежду, что рано или поздно окончится твоя жизнь — пройдет твоя беда. Оно, наверное, хорошо, что жизнь-беда у каждого личная. Свой крест ни на кого не переложить, но и тебя лишним не нагрузят, за чужое с тебя не спросят. Так уж, идешь по пробитой стежке, ни шатко ни валко, идешь, учась осознавать себя человеком, за себя отвечать, собой управлять...

В конце суматошного дня усталые мысли как-то смешивались, переливались в переменчивом русле. Да и кто может однозначно сформулировать, о чем думается, когда ты стоишь в наползающих сумерках у раскрытого окна, куришь терпкий самосад, а пыльный августовский ветер колышет занавески, и так невыразимо красиво небо над темными крышами, а воздух читается, как книга, в которой умирительно просто повествуется о бытии: «Май родил Июнь, Июнь родил Июль, Июль родил Август. Во времена же императора Августа лето пришло в упадок. Дикие северные племена совершали многие набеги, захватывая несметное золото листов. И воцарилась новая династия. И если Сентябрь был мягким, просвещенным правителем, то Октябрь и Ноябрь были жестоки и коварны, многих пытали, а некоторых убили. Они упивались осенними дождями и, наконец, спились окончательно, а власть перешла к

строгую, но справедливую Декабрю, отдаленным потомком коего был доблестный Май. А потом Май родил Июнь...»

Виктор Алексеевич пересчитывал в памяти впечатления прошедшего дня. С утра, когда стало понятно, что разговора по душам от Машки не дожидаться, отец поспешил прочь из-под чуждого ему крова. Душно было крестьянину среди перемешавшихся запахов отхожего места и подгоревшей пищи, среди зловония, которое неизменно возникает там, где обитают равнодушные к собственному жилищу люди.

Выйдя на улицу, Лексеич побрел куда глаза глядят, желая развеяться, отвлечься от невеселых дум. Из всех городских развлечений выбрал он самое, на его взгляд, толковое — посещение торговых точек. Весь день он бродил по магазинам, дивясь их размерам: «Наших-то сельмагов тут десятка два влезет». Поражала Володина, привыкшего к скромным интерьерам, также отделка универмагов и универсамов. Однако всюду за фальшивым блеском кафеля и пластмассы крылась нищета подавляющего своей непреодолимостью дефицита.

Длинные полки и застекленные прилавки либо пугали абсолютной пустотой, либо были заставлены жестянками с морской капустой. Виктор Алексеевич сперва не мог разобраться, что за консервы такие, почему их никто не берет. Потом прочел ценник и удивился: «Нешто в море растет капуста?» Потом уложенные в причудливые пирамиды консервные банки стали раздражать его своей геометрической безысходностью, и он перестал на них смотреть. Продукты же, заслуживающие внимания (крупы, сахар, мука, масло), а также мыловаренная да москательная продукция, если попадались, то предназначались лишь горожанам, а потому продавались по карточкам, которых у Володина не было.

Однако, несмотря на невозможность отовариться, Виктора Алексеевича манили длинные вереницы покупателей, он хотел бы слиться с говорливой массой, постоять в гуще народа час-другой, чтобы послушать умных городских пенсионеров или даже при случае поделиться своим богатым жизненным опытом. Но врожденная деликатность мешала крестьянину пристроиться за кем-нибудь в затылок: чего понапрасну место захватывать? Вдруг тому, кому положено, товара не хватит? Ведь могут же работники торговли, как это часто бывает, сказать: «Все, больше не занимайте!» А Лексеич-то уж влез, просто так, из одного своего глупого любопытства, и тогда законный обладатель талона останется ни с чем. Нет, так себя вести нельзя, ибо место в очереди соотечественников — вещь сакральная, с этим не шутят. Очередь стала неизменной данностью советского строя. Мы выстроились друг за другом, кажется, еще в предреволюционные месяцы семнадцатого года и простояли семьдесят с лишком лет, несмотря ни на какие катаклизмы. Пожалуй, очередь — такой же государственный атрибут, как флаг или герб. Поэтому Виктор Алексеевич никак не решался без веских оснований, из одних познавательных устремлений присоединиться к сообществу, именуемому очередью. Он долгое время лишь прогуливался вдоль колонн насупленных людей, которые, впрочем, неярко излучали сокрытый в глубине души оптимизм, поскольку объединены были определенной надеждой.

И все-таки один раз колхозник пристроился в «хвост» (давали маргарин): уж больно интеллигентного вида старушка замыкала очередь. Хотелось с ней пообщаться, услышать красивую, правильную речь, узнать что-нибудь интересное, запомнить манеру высказываться. Чин по чину подошел с ней Лексеич: «Вы крайняя? Я за вами». Но, простояв не менее получаса, приезжий не узнал ничего значительного — одни только рецепты засолки огурцов, которыми обменивались културная бабка и стоявшая перед ней пузатая тетка. Вот тебе раз! Выглядят по-городскому, а треп такой же, как у наших баб! Ни глубины, ни утонченности не скрывается, оказывается, за respectable фасадом. Удивляясь тому, насколько обманчивой бывает внеш-

ность, Виктор Алексеевич под благовидным предлогом («Ща, я за сумкой схожу!») убрался из гастронома.

Неоглядные нервные очереди за спиртным даже в магазины не вмещались, все были напоказ. Володин долго примеривался к одной: ринуться в это бурлящее человеческое море или не рисковать? Не то чтобы выпить хотелось, он, скорее, желал проверить себя, испытать, сумеет ли добыть вина, когда вокруг творится такое! Крестьянскому взору открывались картины эпического масштаба. Несчетные человеческие ресурсы без всякой разумной надобности сконцентрированы были вокруг точек продажи алкоголя. Кто переминался с ноги на ногу, кто присел на корточки, кто слонялся от одной кучки людей к другой. Роевой говор, одиночные выстрелы, а то и залпы озлобленного смеха, скандалы, вспыхивающие, как протуберанцы, когда пытались осадить наглецов, лезущих не в свой черед...

Осатанелые мужики, похоже, сутками находились здесь, сбившись в попыхивающую сигарками толпу, с которой не справлялись наряды милиции, упорно выставляли часы и часы, чтобы за несколько минут до закрытия магазина вырваться из его дверей, словно из адских врат, бережно прижимая к груди кургузые, непривычного вида бутылки, в которые нынче разливают водку. Лексеич сразу понял, что в такой «хвост» становятся не только для приобретения выпивки — это была суровая молодецкая утеха, развлечение для настоящих мужчин, объединившее охоту с кулачным боем. Такая очередь каждому бросала вызов: ну, что? попробуешь? Или кишка тонка? «Не полезу. Убьют еще...» — решил для себя Виктор Алексеевич, и (Бог свидетель!) он не зря волновался за свою жизнь.

Наблюдая за происходящим со стороны, Виктор Алексеевич смутно припомнил эпизод из какого-то военного фильма: не то привал партизанского отряда, не то стоянка гусарского полка. А если уходить еще глубже в подсознание и историю, то представлялась песенно-сказовая вольница Стеньки Разина. Слово «вольница» точнее всего определило бы настроение собравшихся в этом месте людей, если бы они были действительно вольными, если бы не находились в крепостной зависимости от водки. Может быть, правильнее было бы использовать слово «банда»? Многочотенное скопление атаманов Кудеяров, в которых пока что совесть Господь не пробудил... В любом случае, Виктор Алексеевич видел перед собой не очередь, а отряд, который еще не в деле, но моментально может ринуться в жесточайшую схватку. И таких отрядов в одном лишь областном центре десятки. А сколько их по всей стране?.. Зачем же такое сотворили? Невольно думалось, что кто-то устроил все это с недобрым умыслом.

Деревенский гость двинулся по городу дальше, стремясь все-таки извлечь какую-то практическую пользу от пребывания тут: «Может, табачком хоть разживусь?» Однако ни в одном магазине Виктор Алексеевич не обнаружил очереди за табачными изделиями. Тогда остановил пробежавшего мимо паренька: мол, где бы купить курева? Тот поднял Володина на смех: «Ты что, дядя? Ты откуда вообще приехал? Уж сколько времени сигареты по спискам на работе распределяют! Ну, спросил!» При этом парень преувеличенно эмоционально покачивал головой, показывая всем вокруг крайнюю степень ироничного удивления глупым вопросом приезжего, так что Виктор Алексеевич поспешил отойти от него, бормоча про себя: «Смотри, как бы башка не открутилась, умник! Тут у вас в городе уж и спросить ничего нельзя! Ну и буду дальше по-стариковски самосад курить!»

Потом он заходил в промтоварные магазины, приглядывался к ассортименту, но ничего не мог купить: продавцы спрашивали «визитку». «Визитка» — слово небывалое, почему-то Виктору Алексеевичу казалось, что обозначает оно какой-то картуз. Понятно, что на самом деле тут крылось что-то другое. Во-первых, в городе в картузах никто не ходит, а во-вторых, среди покупателей полно баб, какой им картуз... В одном универмаге Лексеичу на глаза попалась юная девица в форменном халатике,

настолько юная, что ее нежный возраст, казалось, гарантировал отсутствие равнодушия к окружающим, а тем более хамства. Набрался деревенщина смелости, подошел и спросил девчонку, что есть эта самая «визитка». «Ну, это такая... карточка покупателя»,— девочка округлила глаза, жеманно вытянула губки, пальчиками чертила в воздухе прямоугольники. Хорошо, что не захихикала, по крайней мере.

«Опять, стало быть, карточки. Карточек нету у меня,— размышлял Лексеич.— И чего это снова на карточки перешли? Совсем, видать, кранты приходят. А может, это городские сговорились нас под край подвести? Ишь как огородились от нас! Словно в другом государстве живут. Вот и я — вроде русский, а как в заграницу приехал. Туды не ходи, того нельзя. Вроде и рублишки есть, а ниче на них не купить. Во как огородились-то! Ну ладно, ладно. Мы вот у себя в деревне свою коммунию откроем, поглядим, кто от кого огородится быстрее».

С такими мыслями направился на колхозный рынок. Здесь дивиться приходилось не столько разнообразию снеди, сколько непомерной стоимости ее. Крестьянская душа порадовалась — эвон как высоко ценят продукты сельскохозяйственного труда! Но отцовские чувства пришли в смятение: «Ничего не укупишь! Машка-то сидит, вишь, без мяса, без молока, а ей рожать!» Вспомнил тут жену, хорошим словом вспомнил хозяйку свою, хлопотунью, что собирала неподъемные сумки; да и сам он теперь, поглядев на городское житье, еще мешок картошки лично взгромоздил бы на загорбок, попер-потачил бы хоть пешим ходом. Дочь стало жалко, Виктор Алексеевич заторопился в общежитие, по дороге купив к чаю румяную поджаристую булку — настоящее лакомство.

Но в казенной комнате он нашел Машку холодной и замкнутой, как вчера при разговоре, не нуждающейся в жалости. И булка показалась ему невкусной, и чай, заваренный дочерью в общей кухне,— горьким.

Вот после этого нерадостного и несытного ужина Виктор Алексеевич растворил пошире оконные рамы, завертел табачок в газетку, чиркнул спичкой, затянулся. Поминутно он, словно флагман парусного флота в бою, окутывался клубами дыма, который постепенно улетучивался через распахнутый проем. Августовские сумерки внизу, у тротуара, уже загустели в черный гуталин, а наверху, над крышами соседних домов, еще плескались розовым киселем.

«Кури, не кури, а легче не становится,— про себя отметил Виктор Алексеевич.— Эх! Да и что же тут стоять!» Он засадил глубокую, на четверть самокрутки, затяжку, при этом часто и быстро перебирая пальцами, чтобы не обжечься, а когда газетная бумага тлела уже у самых губ, сильным коротким движением кисти выбросил чинарик на улицу, к дверям общежития, к беленым комлям посаженных у входа тополей. Красивую быструю дугу прочертил в воздухе горящий уголек. Достигнув земли, окурок (тоже красиво) подпрыгнул и рассыпался мелкими искрами.

Проследив за обреченным полетом красно-черного огонька, Виктор Алексеевич заметил (или показалось в потемках?), что бычок отскочил чуть ли не на штанину какому-то человеку, пытавшемуся заглянуть с панели в распахнутое окно. «Че такое? Че ему надо?» — обеспокоился Лексеич и перегнулся через подоконник, напряженно щуя глаза. Однако ничего уже невозможно было отчетливо разглядеть за слоями закрашивавшей городские кварталы газовой сажи. Или подозрительный тип скрылся за ближайшим деревом? «Да нет, должно быть, почудилось»,— решил Володин. И тогда он закрыл створки, задернул занавеску, а Машка включила свет.

(Продолжение следует)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Виктор Еремин
(г. Тула)

СОБЫТИЕ

Еремин Виктор Иванович родился в 1954 году. Журналист. Закончил филологический факультет Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Член Союза журналистов России. С 1998 года возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат творческих конкурсов.

...Великий Космический Закон явился на Землю совершенно неожиданно. Даже для тех, кто посвятил свою жизнь возможности этого величайшего события и его служению. Он предстал перед людьми в виде гигантской шаровой молнии, видимой с любой точки планеты. Разумеется, вооруженные силы всех цивилизованных стран были тут же приведены в полную боевую готовность. Лишь дикие племена, живущие в Южной Америке, в Австралии и в Центральной Африке, не восприняли чудо как очевидную угрозу. Но что с них взять? Дикари они и есть не приобщившиеся к прогрессу дикари. Ученые по заданию своих правительств попытались было исследовать непонятный объект современнейшими приборами, но из этого ничего не получилось. Радары и сканеры, другие всевозможные электронные и технические средства не обнаруживали никаких посторонних материальных тел. Была предпринята попытка объяснить происходящее всеобщей галлюцинацией, но она выглядела столь жалкой и беспомощной, что вызвала у представителей власти сильное раздражение и даже злость. О каких, спрашивается, миражах может идти речь, если огромный шар виден, откуда хочешь, да еще, вдобавок, он согревает тех, кому холодно и дарит прохладу тем, кто изнывает от зноя? Ученые собрались было объяснить и этот феномен, но их уже никто не захотел слушать, а наоборот, грубо велели помолчать.

Шар никак не проявлял себя трое суток, а по истечении их в голове каждого человека, включая глухих, раздался Голос. Слова его были понятны всем.

Он сказал:

— Я явился перед вами не для того, чтобы судить. Вы сами вознаграждаете и наказываете себя жизнью, которую создали для себя. Я дал вам самую главную свободу — свободу выбора. Выбора между добром и злом, хорошими поступками и пло-

хими, между смыслом и бессмысленностью своего существования. Эта свобода живет в каждом из вас и каждый из вас делает свой выбор. Сегодня я дам вам еще одну возможность воспользоваться ею. Я исполню одно желание каждого из вас. Я даю вам одну минуту, чтобы обдумать его и через шестьдесят секунд оно исполнится.

После этого огромный шар исчез, а вместо него перед глазами каждого из шести с лишним миллиардов людей возник небольшой золотистый шарик, неподвижно висевший в воздухе.

Люди растерялись. Желания были у всех, были и самые заветные. Но действительно ли оно — самое заветное, то главное и единственное, исполнение которого все изменит к лучшему? И его ли оно, это желание? Он действительно хочет этого сам или, может быть, оно придумано кем-то, а он в будничной суете не заметил подмены своего сокровенного желания на навязанное со стороны, а свое собственное забыл, отбросил как никчемное и неправильное? И тогда исполнится не его, а чужое фальшивое желание. А его не исполнится никогда.

Неожиданная волшебная возможность ослепила людей. Но в этой же вспышке каждый увидел свою душу и ее содержимое. И испугался того, что он с ней сделал. Но, увы, никто не знал, как произнести желание, исправляющее покореженную, испачканную, затравленную душу. Ведь не вылечат же ее трехэтажный особняк, тонна золота и мешок бриллиантов. Они, наверное, могут изменить жизнь, но тогда что это за жизнь, если смысл ее зависит от наличия или отсутствия ценности, придуманной кем-то?

Шестьдесят секунд истекли и все желания исполнились. Слепые прозрели, безногие обрели ноги. У каких-то матерей неизлечимо больные дети выздоровели, а у каких-то — нет. Появилось некоторое количество новых богачей и исчезло некоторое количество прежних. Но в целом, после исполнения желания каждого из людей, в мире ничего не изменилось. Все осталось по-прежнему.

Голос сказал:

— Каждый из вас получил то, что пожелал. И я слышал, что вы желаете. Вы увидели свет и испугались того, что он осветил в вас. Сегодня я исполню ваше общее желание — дам вам возможность увидеть и исправить ошибки. И я оставляю ее в каждом из вас. У вас есть свобода выбора и возможность.

Великий Космический Закон вновь превратился в гигантский шар, холодный и теплый одновременно, секунду повисел над головой каждого человека и исчез.

...Как уже говорилось, мир после произошедшего не изменился. Через какое-то время событие стало смелее и смелее обсуждаться на всевозможных ток-шоу, где постепенно главенствующей и, так сказать, одобряемой стала точка зрения, утверждающая, что причиной всего является хвост кометы, содержащий галлюциногены и смешавшийся с атмосферой планеты, а никакого огромного золотистого шара не было вовсе. Еще позже над теми, кто утверждал, что чудо все-таки было, стали иронизировать и откровенно посмеиваться. А еще позже журнал «Форбс» опубликовал новый список самых богатых людей с сенсационными изменениями и тема шара забылась полностью.

...Но все-таки, изредка, в полнолунные ночи даже самые ярые скептики, затаив дыхание, медленно поднимают головы и устремляют взгляд вверх, надеясь и страшась увидеть над собой прекрасный золотистый шар. Но видят только луну, круглую желтую луну...

Виталий Кузнецов
(г. Северомуйск, Бурятия)

РАССКАЗЫ

Учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, Россия), член Европейского конгресса литераторов. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (номинация «Для детей и юношества», Торонто, 2015).

«ПОЦЕЛУЙ» МЕДВЕДИЦЫ

В один из теплых весенних дней, когда уже растаяли снега и вскрылись воды озер и рек, меня неудержимо потянуло в тайгу. Я решил, что несколько дней у таежного костра развеют мою застоявшуюся зимнюю хандру.

Заранее договорившись с приятелем о предстоящей рыбалке, я с нетерпением ожидал этого дня. Когда же он наступил, мы, прихватив с собой пару небольших сетей для верности рыбацкого успеха, отправились на одно из безлюднейших и многочисленных озер нашей Северомуйской долины.

Первозданные красоты тайги вокруг придавали особую прелесть выбранному нами озеру. Соединяясь весенней полноводной протокой с рекой, озеро впускало в себя огромное количество разной рыбы. Нам без труда удалось изловить несколько некрупных щучек для нашей вечерней ухи. Затем, уже в ночь, поставив сети в устье протоки, мы дожидались утра.

Обычные походные разговоры о приключениях в жизни незаметно скрадывали наше время у ночного костра. Но таежная обстановка была не совсем обычной: весенняя пора, пора тревог и волнений среди лесных обитателей, придавала шумную суетность ночи. Всплески воды на поверхности озера, неизвестные всхлипы у берегов, вскрики и встревоженные посвисты болотных куликов; писк свадебно настроенной ондатры, подзывающей к себе самца; лай гурана — таежной косули, раздающийся у отдаленных от озера сопок, и еще множество всевозможных звуков вызвали некое тревожное чувство. Однако, постепенно привыкнув к окружающим нас звукам и шорохам, мы успокаивались и незаметно погружались в сон.

Расположившись на прогретом солнцем склоне пологого бугра, головой к лесу и ногами к костру, и запахнувшись в куртку из шинельного сукна, я через какое-то время уже не слышал всей этой какофонии ночной таежной жизни. Не слышал и приближения к нам подраненной, как выяснилось позже, медведицы, переправляющейся через протоку, и то, как шумно она потом отряхивалась от воды.

Скрываясь от преследования настигающих ее охотников, раненная медведица уходила в горы. Встретив на своем пути водную преграду, она, возможно, выбрала самое удобное место для переправы через полноводную протоку, не подозревая о

расположении людей, то есть нас, на том берегу: влажный и плотный воздух, поднимаясь от поверхности воды, преграждал поток запахов, идущих с нашей стороны.

Оказавшись на противоположном берегу, медведица, конечно же, не могла не учуять нас, а значит, ее дальнейший подход к нам не был вызван дружелюбным любопытством.

Под бледным светом луны, в тени деревьев и кустов, осторожно ступая по хрустким мелким веткам, черный огромный зверь неотвратимо приближался к нам. Но, уже завидев нас, лежащих у потухшего костра и не пытающихся даже сдвинуться с места, чтобы убежать или оказать какое-либо сопротивление, медведица на время замерла. Принюхиваясь к человеческому духу и не обнаруживая в нем явно угрожающих для себя запахов, она, возможно, раздумывала, решая, как поступить дальше.

В тот момент я находился ближе к ней. Ни о чем не подозревая, не чувствуя стоящего рядом зверя, я продолжал так же спокойно «посапывать», уткнувшись в мягкую от сухой травы землю.

Когда же медведица склонилась надо мной и прикоснулась своим носом к моему затылку, я почувствовал, как кто-то будто взъерошивает мне волосы. Это прикосновение неожиданно пробудило меня. Резко приподняв голову вверх, я увидел перед собой огромную округлую личину медведя. Еще не совсем понимая, что это — явь или сон, я взирал на то, что никак не воспринималось моим сознанием. В каком-то полугипнотическом состоянии, застыв от поражающего зрелища, я в упор всматривался в медведицу. И она тоже застыла в недоумении, не ожидая подобного. Ее маленькие, глубоко засевшие за узкой переносицей, округленные глаза, казалось, даже с неким любопытством взирали на меня; и уж точно, в тот момент злобы я в них не почувствовал. Широкая морда медведицы, словно со сказочной картинки, уставилась на меня, и потому, не веря в ее действительность, я довольно спокойно взирал на нее. Возможно, это были какие-то мгновения, но мне показалось тогда, что время остановилось.

И вдруг я вижу, как медведица вытянулась вперед и медленно потянулась к моему лицу. Только тут, почувствовав прикосновение к моему носу ее холодной, влажной мочки на конце морды, я осознал весь ужас происходящего. В тот же миг мое сознание, не выдержав невероятного напряжения, как бы взорвалось, истошный резкий крик вырвался из моей груди прямо в пасть медведицы.

О том, что произошло далее, можно говорить лишь предположительно, исходя из биологических особенностей «медвежьей болезни»: вероятно, медведица, забыв, зачем подходила к нам, уносила прочь без оглядки.

Очнувшись я уже под утро. Напарник мой все еще находился во власти сна. Лишь после нескольких моих громких окликов его по имени он, нехотя приоткрыв глаза, уставил на меня свой заспанный взгляд. Я спросил его, что слышал он ночью? Он ответил, что ничего, добавив, что вообще крепко спит. Тогда я довольно спокойно рассказал ему о произошедшем ночном эпизоде. Но он отмахнулся, выказывая этим свое неверие и снова погружаясь в сон. Действительно, в мой рассказ поверить было невозможно.

Спустя какое-то время, когда уже приметно рассвело, я отошел чуть в сторону того места, где видел зверя. Буквально в метре от моей ночной «лежки» заметил на земле глубокие рваные следы, оставленные медведем: клочки серого мха с корневищами брусничника, вырванные когтистой лапой из земли, лежали поодаль от широких углублений. Следы подтверждали: медведица действительно подходила к нам; но ее заставил сорваться с места мой резкий неожиданный крик.

Ближе к полудню на противоположной стороне протоки мы заметили приближение людей. Это были местные охотники во главе с охотоведом нашего района. Мой

товарищ знал их в лицо и вышел им навстречу. Переправившись через протоку на лодке, он долго беседовал с ними. Уже возвратившись, рассказал, о чем поведали ему охотники и что поведал он им. Оказалось, это они явились причиной ночного появления у нас «в гостях» раненой медведицы. Накануне они стреляли ее, как говорят охотники, когда преследуют цель — убить зверя; но убили лишь ее единственного медвежонка. Медведица же, раненая и глубоко напуганная, хотя и озлобленная, ушла по направлению к сопкам северной гряды. Идя по ее следу, охотники вышли на нас.

Узнав, что этой ночью медведица была рядом с нами, но мы остались невредимы, они сильно удивились; и все же, спустя время, ушли в сторону, указанную моим товарищем.

После встречи с охотниками, когда мы уже узнали, что медведица была еще и ранена, то наши впечатления от события стали куда более «потрясающими», ведь раненый зверь становился опаснее вдвое. К тому же медведица, потеряв свое единственное дитя, могла лишиться и рассудка. В подобном случае исход встречи был бы совершенно непредсказуем, вернее — совершенно очевиден... И не пришлось бы мне уже делиться с вами впечатлениями о своем ночном «поцелуе» с медведицей.

«ВАРВАР»

(Этот рассказ написан мною со слов одного моего знакомого — «героя» данной истории. Свой поступок он пересказывал очень подробно, что привело меня к некоторому душевному смятению, и не написать эту историю я уже не мог. Но свои эмоции я постарался оставить за «бортом», хотя название рассказа уже говорит о многом и выражает мое отношение к «герою»).

Надрывный рев мотора и грохот от пустого полуприцепа лесовоза разносились на многие версты по зимней дальневосточной тайге: где-то недалеко велась лесозаготовка. Лесная живность уже привыкла к подобным шумам и почти не обращала внимания на чуждый таежной жизни грохот. К тому же, вырубленные деляны приносили даже некоторую пользу многим обитателям леса. В первую очередь это были лоси. Их привлекало обилие корма на вырубленных «делянах», быстро зарастающих молодым лиственным подростом. Туда они и тянулись, иногда пренебрегая опасностью. Водители «лесовозов», зная об этом, всегда возили с собой ружьишко: мало ли какой неосторожный лось выбредет на просеку. Но в особо снежные зимы сохатого можно было встретить и чаще. Глубокий снег во многих случаях оказывался губительным для этих животных, и они часто пользовались проложенными людьми зимними маршрутами.

В тот день, уже по-весеннему теплый, брюхатая самка сохатого, медленно пробираясь по глубокому мартовскому снегу, брела в поисках более обильного и сочного корма, чем грубая кора деревьев. И только на вырубленных делянах лосиха могла найти ее. Туда она и пробиралась. День уже давно наступил, а она все еще брела, тяжело волоча по снегу свой упруго выпирающий живот.

Иногда, чтобы как-то приглушить подступающие позывы голода, будущая лосиха-мать делала короткие остановки. Немного сворачивая в сторону, она пыталась дотянуться до нескольких низко склоненных веточек какого-либо дерева или куста. Но это лишь больше отнимало силы, чем прибавляло чувство сытости, и потому лосиха торопилась: ей надо было до наступления сумерек найти такое место, где она могла бы вдоволь погрызть сочной осиновой коры и пожевать ольховых побегов молодых кустов.

Вдруг лосиха настороженно остановилась. Впереди лес заканчивался, и начина-

лась просека. По этой просеке грузные лесовозы прокладывали свои ежедневные маршруты. Наезженная колея означала, что где-то уже поблизости есть то место, где будет много корма для нее и для ее детеныша в утробе. Ей оставалось только перейти дорогу, и, возможно, скоро она смогла бы выйти на старую деляну. Но она все ждала, осторожно прислушиваясь к нарастающему вдалеке гулу. Она и раньше слышала подобный гул, и потому, не особо пугаясь его, но и не решаясь уже выйти на просеку, продолжала стоять, оглядываясь по сторонам. Лосиха искала взглядом место, куда могла бы отойти и переждать, пока проскочит мимо приближающийся лесовоз. Но лес вокруг, на ее стороне, почти просвечивался насквозь: он был без подроста и кустов, без чащи, где можно было бы скрыться на время. Только высокие стволы деревьев да глубокий снег окружали ее. Но возвращаться назад лосиха уже не могла, и потому она все же решилась пойти вперед, — через просеку лес ей показался гораздо гуще, и она, уже не обращая внимания на все нарастающий гул, заспешила к дороге.

Перевалив через высокий борт снега на обочине, лосиха вышла на чистое место. Как легко ей показалось идти! Она так бы и не сворачивала никуда, а шла бы и шла до самого места. Но гул позади невольно подгонял ее, и медлить ей было нельзя.

В кабине «Урала» — лесовоза — смогом стоял табачный дым. Потягивая одну за другой папиросы, водитель угрюмо давил на газ. В его жизни было мало радостей, но он уже и сам не желал большего, чем то, что приносила ему таежная зимняя трасса. Коренной дальневосточник, проживающий пятый десяток в этом глухом таежном краю, мечтал лишь об одном — как можно больше заработать денег, и как можно раньше съехать в другую местность. «Хочу пожить по-человечи», — частенько прорывалось из никогда не улыбающихся его уст. Ему и думать о другом не хотелось, да и уже, наверное, и не могло. Лишь одна забава отвлекала его от рутинной работы. Это была стрельба из ружья, по всякому поводу, и по любой движущейся мишени. Порою он даже и не старался прицелиться наверняка, лишь бы выстрелить. Потому и возил с собой ружье с большим припасом патронов.

«Ух, ты, стерва, — вышла», — завидев впереди по трассе матку лося, вдруг грубо оживился водитель лесовоза. «Ну, сейчас я тебя возьму», — пробубнил он вполголоса и придавил на газ.

Его ружье лежало на сиденье, рядом, и было всегда готово к бою.

Изо всех сил лосиха пыталась преодолеть барьер высокого снежного борта на обочине, но ей пока не удавалось сделать этого. А расстояние уже до громыхающего лесовоза неумолимо сокращалось. В былое время, хотя бы еще пару месяцев назад, она легко бы одолела это препятствие, но сейчас все оказалось намного сложнее: видимо, в ее утробе лосенок был не одинок.

И все же в последнем рывке, пробив в затвердевшей снежной обочине брешь, лосиха пошла вперед: «успею, смогу; смогу, успею», — тревожно стучало кровью ее материнское сердце. Устремляясь вперед, она еще надеялась на то, что сможет скрыться.

Гул мотора, приблизившись, притих. Человек в машине, завидев, как матка лося, уже сойдя с дороги и удаляясь от нее, показался из кабины и несколько раз выстрелил в ее сторону. Одна из пуль слегка задела хребет лосихи, другая глухо вошла в толщу снега под ней.

Быстро перезарядив свое оружие, человек вновь выстрелил, одновременно из обоих стволов, дуплетом, и обе пули попали в цель. Но ни одна из них не смогла причинить смертельного вреда животному. Лосиха по-прежнему продолжала устремляться вперед: в горячей агонии, совсем не чувствуя боли от ран, молодая лосиха медленно, но все же продвигалась к чаще уже близких спасительных высоких кустов. При этом с

каждой секундой раненая лосиха ощущала всевозрастающую тяжесть от внезапно навалившейся беспомощности и, спустя еще мгновения, с ужасом поняла, что не может, как прежде, отталкиваться задними ногами; она не чувствовала в них силы.

Выскочив из кабины машины, человек с ружьем принялся лихорадочно ощупывать патронташ у себя на поясе: он искал заряженный патрон, но находил лишь пустые гильзы. Оказалось, что еще в начале дороги он расстрелял большую часть зарядов по всякой живности, попадавшей на его пути.

Перебирая снег передними ногами, лосиха, хрипя от жара, все же протаскивалась вперед, и ей уже удалось подобраться к зарослям; еще немного времени, и она, возможно, смогла бы скрыться в них. Но этого допустить человек не мог, ведь он был уверен, что животному уже не выжить, волки в первую же ночь порвут ее. «Не пропадать же столько мяса», — думал этот человек, продолжая начатое кровавое дело.

Вновь взобравшись в кабину своего незагруженного лесовоза, он прогнал его немного вперед, а затем дал задний ход, направив полуприцеп в сторону от дороги, в то место, где в кустах уже успела скрыться лосиха. Удар пришелся прямо по хребту животного.

Придавленная в снегу железом и лишенная на время чувств, лосиха, уже не имея никаких сил к какому-либо сопротивлению, спокойно ожидала своей участи.

Человек не спеша вылез из кабины и, увидев сбитого, но еще живого лося под прицепом, понял, что без «рукоприкладства» ему не обойтись. Тут же, прихватив с собой огромный топор, он уже решительно направился в сторону плененной таким образом, израненной самки лося.

Приблизившись к умирающей лосихе, человек, испугавшись ее еще перебирающих в снегу передних ног, не смог зайти спереди, чтобы нанести свой последний и смертельный удар в голову. Но и ждать он не мог, и потому, тут же взобравшись на полуприцеп, он приблизился к ней со стороны спины. Но и там ему не удалось дотянуться до ее уязвимого места. И тогда, уже не сожалея ни о чем, без всякой жалости, желая лишь одного — любым способом умертвить лосиху, он топором нанес ей удар по спине. От резкой боли ухнув, она рванулась из последних сил, но уже через секунду вновь ощутила удар, затем еще, и еще....

Врубаясь в горячую плоть, острое холодное железо безжалостно кромсало спину животного. Через мгновения лосиха уже не проявляла какого-либо сопротивления. Кровавым туманом обволокло ее сознание и пеленой застлало свет. Но она все еще была жива и еще долго терпела разрывающие позвоночник боли, и еще долго были слышны ее предсмертные хрипы, и стоны с тяжким уханьем продолжали вырываться из ее груди. И вот, уже затихая, она в последний раз втянула в себя морозный воздух и ушла, унося в себе еще две жизни своих так и не увидевших свет лосят.

Только после того, как прекратились ее предсмертные вздохи, «человек» отвел в сторону окровавленный топор. Он сделал то, на что, казалось даже ему, был не способен. Но это его уже не волновало. В тот момент он видел перед собой лишь грудку свежего мяса и нисколько не сожалел о содеянном.

Обвязав голову своей жертвы стальным тросом и прицепив к машине, человек продолжил прерванный путь, досадуя о том, что потерял столь много времени.

Взревев мотором, «Урал» — безликий свидетель кровавой драмы — рванул как можно быстрее от этого места. Но следом за ним, оставляя на белом снегу кровавую поволоку, потянулось истерзанное тело матки-лосихи. Ударяясь о встречные пни раздутым животом, мертвое тело издавало некий выдох, и при этом казалось, что лосиха была еще жива.

Но живы оставались ее детеныши в утробе. И только тогда, когда закончился по-

следний кислород в крови их уже мертвой матери, накопленный с последним ее вздохом, остановились и их маленькие сердца.

СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ

(Аллегория)

Одинокий пес стоял у края сточной канавы и жадно лакал грязную затхлую воду. Тощим и жалким силуэтом выделялся он на фоне уходящего солнца.

День клонился к ночи. Жару сменила духота. Редкая поросль вдоль канавы была единственным источником кислорода: всю остальную растительность выжгло палящее степное солнце. Под его нещадными лучами старый пес весь день блуждал в поисках чего-нибудь съестного; найдя одну лишь мертвую мышь, он и не заметил, как проглотил ее.

Высушенный и голодом, и солнцем, с трудом удерживаясь на подгибающихся ногах, пес медленно добрал до этой сточной канавы. Склонившись над мутной и теплой жижей, пренебрегая ее зловонием, он долго насыщался влагой из этого единственного источника питья.

Немного остудив свой воспаленный мозг, пес тут же опустился в грязь, перегородив собой канаву; изможденное тело больного пса наконец-то почувствовало некую прохладу.

Вдруг внезапно пес дернулся и затих: уставшее старое сердце его остановилось.

Но так же, как и минуту назад, высоко в небе, над иссушенной степью продолжала звенеть трель жаворонка, воспевающего жизнь, и так же над заболоченной луговиной продолжали гоняться друг за другом стрекозы. Никто и не заметил, как на земле одной жизнью стало меньше.

Прошло совсем немного времени, но вот уже мутный поток вонючей жижи, перебиваясь через спину умершей собаки, заносил грязью и илом еще не остывшее тело...

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ О ПАРОВОЗИКЕ*

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого, лауреат премии им. С. И. Мосина. Награжден орденами и медалями за воинскую службу.

ОБИДА

Перед Новым годом попросили Маленького Паровозика написать сказку про любимый всеми праздник. Не его одного попросили — попросили и Маленький Самолетик, и Маленький Вертолетик, и Маленький Автомобильчик, и Маленький Пароходик. Одним словом, попросили всех, кто ходил вместе с Маленьким Паровозиком в детский сад.

Конечно, сказку всем сочинять разрешили с помощью родителей. А у Маленького Паровозика и мама, и папа надолго уехали в командировку. Поэтому Маленький Паровозик свою сказку сочинял с дедушкой.

И эта сказка Маленького Паровозика на конкурсе заняла первое место. Но по условиям конкурса сказки разрешалось сочинять только с родителями.

Ох, как было обидно Маленькому Паровозику, как обидно: лучшая сказка и — никакого подарка.

— Ты же сочинял сказку не для награды, — утешал Маленького Паровозика дедушка. — Ведь твоя сказка всем понравилась, все радовались твоему успеху, все хвалили твою сказку.

— Нет, дедушка, это — не моя сказка, это — наша с тобой сказка. — Улыбнулся Маленький Паровозик. — А награды и призы я еще получу.

ЛИТЛ ТРЕЙН

Приехал однажды в гости к Маленькому Паровозику из заморской страны такой же Маленький Паровозик — Литл Трейн. Сколько было шума, сколько рекламы! Весь разукрашенный, весь разрисованный яркими красками, с наклеенными плакатами: «Жуйте наши лучшие жвачки!», «Пейте нашу лучшую колу!» Сам заморский гость то и дело кричал: «Наши Литл Трейны — лучшие в мире! Лучшие в мире — наши Литл Трейны!»

Но Маленький Паровозик знал, что и жвачка, и кола очень и очень вредные про-

* Продолжение. Начало см.: «Приокские зори», 2014. № 4.

дукты не только для детей, но и для взрослых. А когда подошел поближе к Литл Трейну, то увидел под плакатами ржавые бока паровозика, несмазанные втулки, грязные, давно немывые и не чищенные детали. И дышал Литл Трейн тяжело, больше хрипел и сопел.

Так и в настоящей жизни бывает: сверху — хорошо и отлично, а внутри — все наоборот.

Не стал Маленький Паровозик смеяться над Литл Трейном. Вначале снял с него и сжег все рекламные плакаты. Затем взял машинное масло, взял тряпки и стал чистить и мыть своего заморского гостя.

ПОД ДОЖДЕМ

Много, много паровозиков из разных стран приехали летом отдыхать в детский лагерь. И наш Маленький Паровозик приехал. Он вместе с другими паровозиками играл в прятки, ходил по грибы и ягоды в лес, ловил красивых бабочек. Одним словом — отдыхал.

Однажды паровозики повезли девочек и мальчиков на дальнюю лесную поляну, где росла крупная душистая земляника — лучшая ягода в мире. Ребятишки так увлеклись сбором ягод, что не заметили, как темная большая туча закрыла солнышко. Затем сверкнула молния, раздался страшный гром, и упали первые тяжелые капли дождя. Девочки и мальчишки испугались и побежали спасаться в вагончики, прицепленные к паровозикам.

Но все паровозики тоже испугались грозы и спрятались в лесу.

Все? Все паровозики спрятались? Все струсили?

Вот и не угадали.

Наш Маленький Паровозик бросился навстречу ребятишкам, раскрыл двери вагончиков. Но не все девочки и мальчики смогли поместиться в вагончиках одного паровозика. Видя такое, спрятавшимся паровозикам стало стыдно, и они поспешили на помощь нашему Маленькому Паровозу. И все довольные и радостные вернулись домой.

В ГОРКУ

В другой раз паровозики решили повезти ребятишек на горку, с которой было видно далеко-далеко вокруг. Первый паровозик попытался взобраться на горку — ничего не вышло. Скатился назад, чуть было не опрокинул свои вагончики. Второй паровозик попытался, и тоже скатился с горки. Третий... Четвертый... Пятый... Никто не смог забраться на горку.

А наш Маленький Паровозик чуть-чуть опоздал. Когда пришел — увидел, что все паровозики стоят расстроенными потому, что обещали ребятишкам, а не получилось. Обещания-то все должны выполнять — не только люди, но даже и паровозики.

Маленький Паровозик подумал, подумал и придумал. Он поставил все паровозики друг за другом, затем прицепил все вагончики. Сам встал впереди всех и потянул за собой в гору большой-большой состав из паровозиков и вагончиков. Так дружно все вместе и доставили ребятишек на вершину горки.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Наверное, нет таких мальчишек и девчонок, которые не любили бы, чтобы их поздравляли с Днем рождения или какими другими праздниками.

И Маленький Паровозик тоже очень любил, чтобы его поздравляли и с Днем рождения, и с Новым годом, и с Днем паровозика.

Сам он тоже любил всех поздравлять. С Днем рождения и с Новым годом поздравлял всех. С Днем самолетика поздравлял знакомых Маленьких Самолетиков, с Днем паровозика — знакомых Маленьких Паровозиков, с Днем Автомобильчика — знакомых Маленьких Автомобильчиков. Никого не забывал — всех поздравлял. Не забывал поздравлять маму и всех знакомых девочек с женским праздником — Днем 8 марта.

Мальчики и девочки допытывались у Маленького Паровозика.

— Как тебе удастся запомнить, когда у кого какой праздник?

— Я и не забываю! — улыбнулся Маленький Паровозик. Улыбнулся и показал ребятишкам свою записную книжку, в которой имелись все нужные ему даты, телефоны, адреса и даже расписания поездов и электричек.

ПОДАРКИ

Как было сказано — все любят подарки: и взрослые, и дети, и Маленький Паровозик тоже любил получать подарки.

Однажды, перед самым Новым годом Дед Мороз и Снегурочка раздавали подарки. Подарки достались всем: мальчикам и девочкам, Маленькому Паровозу и Маленькому Паровозу, Маленькому Самолету и Маленькому Вертолету.

Раздав подарки, Дед Мороз и Снегурочка пошли поздравлять других. Только они ушли, как подъехал Маленький Автомобильчик. Видя у всех в руках подарки, стал оглядываться вокруг, чтобы найти и свой подарок. Но подарка для Маленького Автомобильчика нигде не было. Или Дед Мороз со Снегурочкой забыли про подарок Маленькому Автомобильчику, или подумали, что Маленький Автомобильчик заболел, и они поздравят его позже, дома.

Маленький Автомобильчик уже хотел расплакаться, думая, что остался совсем без новогоднего подарка.

Но Маленький Паровозик не стал ждать слез Маленького Автомобильчика. Он достал из своего подарочного пакета несколько конфет и отдал их Маленькому Автомобильчику. Тут же и Маленький Паровозик, и Маленький Самолетик, и Маленький Вертолетик — все поделились своими подарками с Маленьким Автомобильчиком.

Маленький Автомобильчик улыбнулся:

— У меня стало подарков больше всех — давайте мы все вместе их с чаем и съедим.

ПОСАДКА ДЕРЕВЬЕВ

Ехал как-то раз Маленький Паровозик мимо пустыря, и увидел девочек и мальчиков с лопатами, метлами, граблями, ведрами.

— Что вы делаете? — протрубил Маленький Паровозик. — Помощь нужна?

— Хотим посадить фруктовый сад! — прокричала ребятня.

— Сейчас позову своих друзей. — И паровозик помчался за своими друзьями.

Вскоре на пустыре закипела работа.

Маленький Бульдозер выравнивал площадку.

Маленький Экскаватор рыл ямки.

Маленький Автомобильчик привозил из плодового питомника саженцы деревьев.

Маленький Самосвалчик привез удобрения.

Маленькая Пожарная Машина не жалела воды для поливки посаженных деревьев. Маленький Паровозик довольно улыбался и пел песни, чтобы работать было легче и веселей.

Так друзья все вместе и посадили на пустыре плодовый сад.

ПОМОЩЬ ДРУГУ

Увидел однажды Маленький Паровозик, что его друг Маленький Автомобильчик сильно плачет.

— Что с тобой случилось?

— Надо мной ребяташки смеются и дразнятся.— И Маленький Автомобильчик еще сильнее заплакал.

— Почему?

— Кто-то бросил ржавый гвоздь на дорогу, колесо у меня и прокололось.

— Ну, это — не беда.— Похлопал Маленький Паровозик по кабине Маленького Автомобильчика.— Беда в том, что дети показали себя с очень плохой стороны. Нельзя смеяться над больными, тем более — еще и дразниться.

Маленький Паровозик прицепил к себе платформу и помчался на склад за запасным колесом для Маленького Автомобильчика.

Вскоре он вернулся, да не один: с ним приехали и обидевшие Маленького Автомобильчика ребяташки.

— Хватит носом хлюпать.— Обратился к ним Маленький Паровозик. — Раз вы осознали свой проступок, помогайте заменить Маленькому Автомобильчику колесо.

Все заулыбались: и Маленький Автомобильчик, и ребяташки, и, конечно же, маленький Паровозик.

Ольга Артемова
Наталья Артемова
(пос. Медвенка Курской области)

ГЕРОИ, КОТОРЫХ МЫ ЗНАЛИ

Очерки разных лет

Ольга — слева и Наталья —
справа Артемовы

Артемовы Ольга Викторовна и Наталья Викторовны — члены Союза писателей РФ. Их стихотворения публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», «Приокские зори», в других изданиях. У них выходили книги в московском издательстве «ЭКСМО» (под псевдонимом) и курском «Славянка». Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы являются победителями Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения Лермонтова (учредитель — «Учительская газета»). Наталья — лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы», победитель областного конкурса «Наша слава и наша память», посвященного 70-ой годовщине Победы в Курской битве (номинация «Поэзия»); призер областного конкурса «Таланты веков не считают». Ольга лауреат областного конкурса имени К. Д. Воробьева на лучшее журналистское произведение на военно-патриотическую тему (трижды); победитель областного конкурса «Малый бизнес глазами прессы»; призер областного конкурса «Наша слава и наша память», посвященного 70-ой годовщине Победы в Курской битве (номинация «Сценарии»).

Так получилось, что в жизни нам выпало встретиться с несколькими героями Великой войны и о некоторых из них написать. Это были разные люди и разными были обстоятельства, при которых явили они образцы мужества. Анна Тимофеевна Соломонова — партизанская связная, пережившая допросы в фашистском застенке. Видевшая, как ее брата и еще одиннадцать человек немцы увели из каземата, чтобы живыми закопать в землю. Разведчик Иван Васильевич Дьяконов, трижды отмеченный самой славной солдатской медалью — «За отвагу». Пулеметчица Валентина Семеновна Канунникова, потерявшая на войне ногу, но сумевшая пройти хорошую, большую жизненную дорогу. Пограничник, в числе первых встретивший врага и участник битвы за Берлин, фронтовая медсестра и девчонка, угнанная на работы в фашистскую Германию... Их голоса и посейчас звучат в нас, то тихие, задумчивые, то громкие, гневные, то ликующие, победные. С тех огненных рубежей звучат: «Мы уходили с границы, а старики говорили нам: «Да как же?..» Женщины не то что плакали — голосили. А что мы могли?..», «Били резиновой дубинкой, начиненной свинцом: «Кого вы знаете из партизан? Назовите комсомольцев? С кем вы работали?..», «Не хотелось жить, но тут к нам в госпиталь приехал Алексей Маресьев...», «Танк движется

на нас, и я чувствую: волосы под шапкой поднимаются. Одиннадцать снарядов «за молоком» послал, а двенадцатым я его так влупил, что он на 180 градусов повернулся и загорелся...», «Служу Советскому Союзу!», «Командир поднял руку: «Мы бьем по рейхстагу! Приказываю: снарядов не жалеть, а самим оставаться живыми»... Тихо листает память незримые страницы — и хочется громко, вслух перечитать их все!

Но сегодня мы решили рассказать три истории, вроде бы и не связанные между собой. Одна из них — о герое, получившем высшую награду Родины, медаль «Золотая Звезда», на поле брани. Вторая — о вдове в голодные, холодные годы, приютившей детей, которых война сделала сиротами. Третья — о женщине, взрастившей мечту погибшего солдата, и мечта эта через десятилетия расцвела в душе внуков песней. Подвиги бывают разными. Разными бывают герои...

УЛИЦА НИКОЛАЯ ОЛОВЯННИКОВА

Это история человека, мальчишкой мечтавшего подняться к звездам. Шли годы, и он обрел крылья, и Золотая Звезда заблестела на его груди. А еще спустя долгие десятилетия, уже в двадцать первом веке, некий молодой человек взял в руки нож и попытался эту самую высокую награду Родины у ветерана отнять.

Но по порядку. Николай Ефимович Оловянников родился 22 декабря 1922 года в деревушке Медвенского района с неприглядным названием — Скотское. И жизнь была неказистая. Тяжелая была жизнь. В 1925 году умер отец. Мать уехала на заработки в Донецкую область — в Константиновку. Коля с сестренкой Тоней остался под доглядом отцовых родителей. Незатейлив медвенский пейзаж, но небо... Ничего нет заманчивее для мальчишеского сердца, чем его раскрытые объятия. И потом, когда мать забрала детей в Константиновку, тяга к звездам не ослабла — набрала силу.

Над страной летел крылатый призыв: «Молодежь на самолеты!» В шестнадцать лет Н. Оловянников поступил курсантом в Артемовский аэроклуб. Закончил его весной 1941 года и, радостный, по-юношески переполненный мечтами и планами, был отправлен домой ждать вызова для прохождения дальнейшей учебы в школе пилотов. Будущий Герой не мог даже предположить тогда, какую летную школу пройдет. Уже шесть дней огненный вал войны катил по стране, когда Николай получил повестку. Провожал его на войну дед. Пожелал стать хорошим летчиком, а главное — остаться в живых. Оба наказа его героический внук выполнил.

Ворошиловградская военная авиационная школа пилотов пережила все трудности огненного времени. Эвакуация в Уральск, когда десятки километров курсанты, голодные и холодные, одолевали пешком. Вот и на новом месте разместились, а легче не стало. Кормили плохо. Юноши сами готовили самолеты к полетам, сами их охраняли, несли на своих неокрепших плечах многочисленные хозяйственные заботы. Но они не жаловались. Все были комсомольцами. Стремилась как можно быстрее закончить школу и попасть на фронт, чтобы самим участвовать в войне с фашистскими захватчиками.

Их мечта исполнилась горячим летом сорок третьего года. В июле Николай Оловянников вернулся на родную Курскую землю. Он пришел сюда, чтобы отнять ее у глумящегося над нею врага. Вернее — не пришел. Прилетел. Младший лейтенант Оловянников являлся пилотом лучшего штурмовика второй мировой — Ил-2. Наши бойцы называли его «летающим танком». Немцы — «черной смертью». 12 июля 1943 года на Орловско-Курской дуге Оловянников получил боевое крещение. Он поджигал в небе фашистские «мессеры», поливал огнем артиллерию, бронемашину, живую силу врага на земле, чтобы небеса эти, манившие его в детстве, чтобы земля эта, по которой бегал он босиком, очистились от фашистской нечисти. Чтоб расцвели на ней

Победа и мирная жизнь. За период Курской битвы Николай Оловянный совершил 15 боевых вылетов. Его первая награда, орден Красной Звезды,— за освобождение малой родины, Соловьинского края.

Впереди лежали небесные версты войны. Н. Е. Оловянный освобождал Ельню, Смоленск, Оршу, Витебск. К августу 1944 года совершил 100 боевых вылетов. 26 октября ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сокол, родившийся на Медвенской земле, нес свободу Польше, громил фашистов в Восточной Пруссии. Мастерство Оловянного вошло во фронтовые легенды. Он теперь сам водил звено в бой. Одним из первых в дивизии освоил полеты на предельно малых высотах, что давало возможность внезапно обрушить огневую мощь на не ожидающего нападения врага. Летал над передним краем противника на высоте каких-то 5—10 метров! А следом летела смерть. Однажды подошел к немецким позициям на высоте 6—7 метров. Ошарашенные гитлеровцы в панике забегали по окопам. Но вот враг ощерил зубы, ударил по краснозвездному самолету из автоматов, крупнокалиберного пулемета. Оловянный принялся маневрировать и зацепил пропеллером о землю. Самолет слегка затрясло. Еще дотянул до своих. Когда приземлился, увидел: все три лопасти винта согнулись. Командир полка хлопнул Николая по плечу: в рубашке родился, Герой! Если б хоть одна лопасть не уцелела, самолет от вибрации развалился бы в воздухе.

Близко-близко заглянули в холодные глаза смерти и друзья Николая Ефимовича. Их в полку трое было из Донбасса — Оловянный, Николай Штангеев и Василий Чичкан. Дружили сильно. Ну и летали неплохо. В полку даже шутка ходила, что не отлили еще фашисты пулю на Штангеева, Чичкана и Оловянного. Но в октябре 1943 года война (в который уже раз!) попыталась доказать, что она сильнее мужества и мастерства. Штангеев не вернулся с боевого задания. Что с ним случилось, никто не знал. Оловянный попросил разрешения вылететь на поиски в район, где мог находиться товарищ. Но ему отказали. А через неделю Николай вернулся сам. Оказывается, он был ранен в том бою. Чудом дотянул до нашей территории. Теряя сознание, посадил самолет в поле. Не успели друзья порадоваться воссоединению, как пропал без вести Василий. В полку его считали погибшим. Но вдруг в марте 1944 года и он воскрес из мертвых. Чичкан рассказал свою историю. Его машина была подбита. Он выпрыгнул из горящего самолета и увидел бегущих к нему гитлеровцев. Отстреливался до последнего патрона. Тяжело раненным попал в концлагерь. Бежал под новый, 1944, год. Долго пробирался к своим и наконец вышел к белорусским партизанам. Народные мстители отправили летчика самолетом на Большую землю. Оловянный, когда Василия увидел, хотел к нему подбежать, обнять. А ноги как онемели. Только и смог спросить: «Жив?..»

Воссоединившихся друзей шелкнул тогда военный фотокорреспондент Михаил Захаров. К ним, «солдатам пера», было на войне особое уважение. Они, «с одним наганом первыми входившие» в освобождаемые советские города, знали, о чем писали. Корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов, оперативно доставивший в Москву материалы о первых днях войны, чудом вырвался из окружения под Могилевом. Отдал жизнь за Родину Гайдар. Сотрудник армейской газеты «Отвага» Муса Джалиль до последних минут жизни не выпускал перо из рук. Петр Лидов, первым рассказавший со страниц «Правды» о подвиге Зои Космодемьянской, душу свою положил «за други своя» летом 1944 под Полтавой. Долматовский, работавший во фронтовой газете, раненным попал в плен. Бежал. А в 1945 году Долматовский был в Берлине. Видел, как начальник германского генерального штаба Кребс шел с белым флагом к советским грозным частям. Журналист «Правды» Горбатов в столице Третьего рейха написал свою самую главную статью — о безоговорочной капитуляции Германии.

Корреспонденты и поэты, пехотинцы и летчики были единой армией. И сменив военную форму на гражданскую одежду, они продолжали также мужественно и бескорыстно отдавать себя Родине — воскрешали к жизни израненную страну, охраняли священный огонь Памяти. Долгие годы пламя это являлось нравственным маяком для убеленных сединами и юных. Но вот что-то нарушилось в нашей стране... Недавно к бывшему командиру звена 312-го штурмового авиационного полка Герою Советского Союза Николаю Ефимовичу Оловянникову явился молодой человек, представившийся корреспондентом «Красной звезды». Удостоверившись, что девяностолетний ветеран дома один, гость достал нож и потребовал: «Золото, деньги, Звезду Героя!» — все вышеперечисленное он ставил на одну доску. Грабитель ушел, унося с собою несколько тысяч рублей, муляж Золотой Звезды (оригинал, к счастью, оказался на хранении) и орден Ленина. Подонка не нашли. Вот такой, новый и неожиданный, поворот в истории о деревенском мальчике, взлетевшем к звездам. Впрочем, такой ли уж неожиданный?

Не в одном ведь лжекорреспонденте дело. Сколько их в последнее время, молодых людей, не нюхавших пороха, с ножом в руке идет на военное наше прошлое. Могли ли предположить Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, 28 панфиловцев, что однажды явится близорукий компьютерный неандерталец и скажет, желая явить сенсацию: «Подвига не было»? Могли ли угадать идущие на смерть батальоны, что и само самоотречение их будет рассмотрено соотечественниками под кривой лупой недоброжелательства и во всем найдены просчеты, грехи, ущербность? Знать бы останавливавшим немецкие танки пехотинцам, какой грязевой поток хлынет на советского солдата из новых фильмов, статей. И из потока этого выйдет некий молодой человек с ножом в руке и позвонит в квартиру Героя Советского Союза... А если бы знали? Все равно бы отдали жизнь и за нас, чтущих великое прошлое своей страны, и за этих поджигателей и подрывателей. Потому что жизнь отдавали за Родину. Вот и Оловянников веры в молодое поколение не утратил. Часто встречается со школьниками, с призывниками. У этих встреч долгая история. С победного сорок пятого.

Демобилизовавшись, Николай Оловянников посетил родной Медвенский район, где выступил перед земляками. Потом махнул в ставшую не менее родной Константиновку. И новые встречи, новые выступления. Секретарь горкома комсомола спросил двадцатидвухлетнего Героя: «Вручили вам именной самолет, который купили на деньги, собранные молодежью Константиновки?» Земляки по трудовому рублю собрали нужную сумму, когда на груди Николая Ефимовича засияла медаль «Золотая Звезда». Послали телеграмму товарищу Сталину с просьбой купить на эти деньги Оловянникову самолет и получили ответ, что просьба их будет удовлетворена. Улыбаясь, Николай ответил, что полк переучился на новые самолеты Ил-10. И у него есть такой новый самолет. Но никогда на его фюзеляже уже не будет надписи: «ГСС Оловянникову от молодежи г. Константиновка». Потому что война закончилась. И отныне будут новые, все более совершенные самолеты. И он на них летать будет (Николай Ефимович впоследствии закончил Военно-воздушную академию). И высокое ясное небо будет. Войны не будет. Тогда жители Константиновки выступили с новой инициативой: назвать школу, в которой учился Оловянников, его именем. Но и тут не заладилось.

Накануне 70-летия победы в Курской битве мы разыскали в Москве Н. Е. Оловянникова (связь медвенцев с ним много лет назад была потеряна) и через районную газету предложили назвать одну из новых улиц поселка именем Героя. Дабы не «распадалась связь времен», не вырастали дети наши бездушными негодьями, для которых в сочетании Золотая Звезда главное — цена металла. Дабы на улицах, носящих славные имена земляков, окунались они в первые, самые главные радости, постигали

первые, самые главные уроки жизни, вращались корнями в эту землю, заглядывались в эти небеса, становились настоящими людьми.

Улица Николая Оловянного будет.

БАБА НАСТЯ

А была она уж совсем не похожа на героя. По прошествии долгих нерадостных лет видится она нам, как в легкой дымке, окутанная солнечным светом, льющимся из маленьких окошек деревенской ее избы. Маленькая аккуратненькая старушка с удивительно добрым круглым лицом. Вся какая-то уютная, мягкая, славная. И доброту источает негромкий ее голос. Слов за далью лет не разобрать. Только помнится, говорилось что-то хорошее, что-то важное, очень нужное, родное...

Баба Настя! Удивительная наша старушка! Давным-давно покоишься ты на старом, густо заросшем сиренью пойменовском кладбище, а в душе все живешь, заключенная в золоченую раму истаявшего августовского дня. Не будь тебя, доброты твоей, и нас не было бы на свете, возможно. Впрочем, почему — возможно? Точно бы не было! Не явись этот светлый ангел в нужный срок, злой ветер черной беды унес бы куда-нибудь далеко-далеко нашего отца. Но обо всем по порядку.

Баба Настя приходилась нам двоюродной бабушкой, а отцу нашему, соответственно, — теткой. Это если формально следовать семейным связям. На самом деле стала она отцу нашему матерью, строгой и доброй, такой, как могла стать — без хитрости, без книжной мудрости, без какой-либо задней думки, что где-то ей это когда-нибудь да зачтется... Совершила в тяжелую годину свой маленький подвиг — материнства. Хотя бывают ли подвиги маленькие? И так ли легко его ей было совершить?

От папиного отца, Артемова Андрея Андреевича, осталась у нас только довоенная половинка по концам, но удивительно четкая фотография. Два красноармейца в буденовках как бы закуривают на фоне тяжелого занавеса. На лице того, что справа, явно проступают знакомые черты. Черты отца нашего, те, что мы ловим, бросая мимолетный взгляд в зеркало на себя. Красноармеец так серьезен, позируя фотографу, так юн. Совсем мальчик. Наш дед, так никогда и не ставший дедом.

Он пропал без вести в 1943 году под Смоленском. Уже позднее, когда начали возвращаться с боев второй мировой израненные солдатики, когда вдовы стали стучаться к ним в окна черными кулаками: «Не видел ли мово где?..» — один из них сказал, что видел. И что видел — рассказал. Ничего не скрыл от надломленной горем женщины. Выпустил страшную ледяную правду и в детский мир.

Рядовой Артемов попал в концентрационный лагерь. Задумал с товарищем бежать. Но товарищ этот в последний момент испугался. А дед наш, уже пробравшийся за ограждение и верный слову, ждал, пока не схватил его немецкий патруль. «Били, издевались», — так ясно звучит в памяти голос рассказывающего нам о давней трагедии отца. И сам он перед глазами — пятидесятилетний, зябко сжавшийся, какой-то маленький, незащитный — сирота! «Били, издевались...»

Мальчика в буденовке замучили в фашистском концентрационном лагере. Так невыносимо думать, что был он один на один со всем этим библейским ужасом. А на нестареющей фотографии он полон надежд и жизни, юн и старательно серьезен, хотя любил веселый розыгрыш и шутку, и жизнь, конечно, тоже любил...

Мудрый, но не очень счастливый народ наш заметил: горе в одиночку не ходит. Вскоре снесли на погост и молодую вдову Катерину. Тяжелая склизкая глина, которой так много в наших местах под пластами чернозема, засыпала натруженные руки и добрые глаза, ласку и тепло — мамку нашего папы засыпала! Остался он с младшей сестренкой Раей. Некоторое время дети хозяйничали самостоятельно. А хозяй-

ствование — смех и слезы. Папа был так мал, что чтобы вытащить горшок из остывшей печи, забирался в нее. В общем, сиротское житье!

И вот тогда пришла тетя Настя — сестра сгинувшего в фашистской неволе Андрея. Быстрым внимательным взглядом обвела ветшающий дом, погладила мимоходом сирот по опущенным головам — и забрала. Да. В голод, в продутые всеми стылыми ветрами годы взяла вдова за руки двух ребят и привела в свой домишко. И стало в нем — семеро по лавкам! Нет. Не ради красного словца написано это. Ведь еще пять своих детей было у Авдеевой Анастасии Андреевны. Впрочем, и приемыши стали своими. Когда через несколько дней приехали за сиротами из детдома, те дружно заголосили: «Не поедem!» При этом Рая судорожно, мертво вцепилась в тетю Настю, а Витя — в ее сына, своего ровесника, Акимку...

Давно это было. Очень давно. Уже беспощадная трава надежно скрыла последний приют бабы Насти. Уже восемь лет нет папы. Но помнится, как на глупый детский наш вопрос: «А своих баба Настя больше любила?» — мотнул он упрямо густым чубом: «Одинаково относилась», — и в ярко-синих глазах его дрогнула обида на нас, дуручек несмышленных.

«Относилась как к своим», — подтвердила тетя Рая нам же, но уже тронутым сединой, умудренным жизнью, желающим как можно больше узнать о далеком своем прошлом, нити которого держат другие люди. Что свои, что приемные садились рядом за стол и наслаждались вкусом картошки в мундире и молока с черным хлебом. Что свои, что усыновленные трудились на огороде, пасли гусей, заготавливали сено... Наш отец нашел ту заводскую проходную, которая и вывела в люди деревенского паренька (совсем как в любимой его песне!). Этой дорогой в большую жизнь стала проходная тогда славного полного созидательного шума Свободинского электромеханического завода. Здесь 40 лет проработал наш отец токарем. Неоднократно был победителем социалистического соревнования. Фотография его висела на Доске почета. Он входил в профком, в совет директоров. Кровью обливалось его сердце, когда в годы перестройки все меньше людей шло через любимую проходную и с натугой, с переборами работало вчера еще мощное сердце завода. Был наш отец горяч, скор на подъем. Очень уважал живое общение. Был удивительным мастером и любителем пошутить, разыграть. И хоть из-за изломанной судьбы своей получил весьма скромное образование, читал запоем. До последних минут жизни держал в руках книгу.

Тетя Рая нашла свою судьбу в Москве. Стала передовой ткачихой. Доросла до мастера. Была парторгом цеха. За ударный труд награждали бывшую босоногую пойменовскую девчонку в самом Колонном зале.

Каждое лето приезжала она с дочерью и мужем-кинооператором киностудии имени Горького из горделивой столицы в задремавшее у пруда с голосистыми лягушками Пойменово — к бабе Насте. Каждый август, как только поспевали вкуснейшие, пропитанные соком и солнцем груши дюшес, мы, нагруженные медоносными плодами, отправлялись к бабе Насте в Пойменово. И лился в маленькие окошки щедрый свет. И тихая старушка ласково улыбалась нам, добавляя еще света, стремилась угостить: «А съешьте моего яблочка...»

Баба Настя... Баба Настя... Скромная героиня! До того, как усыновила она детей погибшего Андрея, уже раз совершила тот же самый подвиг материнства. В годы раскулачивания сослала в неизвестную гибель брата ее мужа. Жена несчастного от горя покончила с собой. Двух их дочек и вырастила мама Настя — хрупкая женщина, инвалид, с трудом ходившая из-за покореженной ноги. И такой интересный факт. Мать нашей героини, Мария Васильевна Артемова, имея своих трех детей, тоже усыновила ребенка.

Давно это было. Очень давно. Так давно, что жизнь успела изуродоваться, из-

мельчать, вывернуться наизнанку. В наш сытый век, через 70 лет после самой разрушительной, самой беспощадной в истории человечества войны, не видевшие жестокости ее матери бросают ребятишек в роддомах, засыпают трепещущие тельца мусором в вонючих контейнерах, забивают младенцев до смерти...

А те женщины военных лет, исхудалые до прозрачности, с ног падающие от неженской усталости, выхаживали не только своих кровиночек, но и осиротевших ребятишек родственников, и совсем незнакомых людей. Чтоб зарубцевались кровоточащие раны в детских душах, чтобы в ту большую ждущую их жизнь вышли они людьми, знающими что такое дом и родное место, ни одна из них не съела лишнего куска, не купила себе не то что алых дешевых бус — новой рубахи, не подладила стареющую хату... Зачастую это были простые малограмотные бабы, хорошо знавшие только одну, но главную науку — человечность. Жаль, не нашли мы статистики, сколько же было таких Матерей в Советском Союзе в годы войны и сразу после нее. Жаль, что не давали этим героиням медали, не ставили памятники. Впрочем, как мы уже говорили, баба Настя никогда не считала, что совершила что-то необыкновенное. Ведь она просто любила брата, любила его детей. Любила нас...

НАСЛЕДСТВО

Последней погибла елка. Она держалась дольше других. И когда не стало уже медоносных лип, когда отзвенел серебристой листвою тополь, отсыял закатным золотом русский клен, отлепетала мелкими листочками осина, ушли куда-то в вечное небо ясеня, елка вскидывала еще мощно темно-зеленые лапищи. Жила. Зачищенный снизу ствол смело уносил в невообразимую вышину треугольную макушку. Елка возвышалась над немаленьким нашим селом, одинолично царила в лазоревом небе. Подъезжая к дому, мы видели ее еще с моста, за два километра. Тяжелые ветви чуть опускались вниз, точно старая рука в приветствии: «Вернулись, блудные дочери. Надолго? Вернулись...» Мы всегда возвращались. Оторванные тяготами перестройки от родного гнезда, вынужденные искать работу в другом районе, мы рвались домой каждый свободный выходной, так весной неразумные травы и цветы рвутся сквозь тяжкую корку земли к свету. Так птицы верно возвращаются домой из далеких краев. Впрочем, в нашем случае края эти были не такими уж и далекими. Нам и самим удивительно, как какие-то жалкие семьдесят километров могут лечь черным полем тоски между большим, настоящим — и почти нереальным, вечно временным и, в общем-то, не нужным. Может, потому, что на месте работы 20 лет у нас только и было — душно-маленький номер в гостинице, скудно-бетонный вид из окна второго этажа и ни шага собственной земли. А дома нас ждал родительский дом, убегающие к горизонту просторы, на красоту которых никто никогда не предъявлял права и потому с младых лет мы привыкли считать их своими. А еще был сад. Покой его, как исполинский страж, охраняла красавица елка. Это не был просто кусок возделанной земли со старыми деревьями. Он был самой красотой, верой и мужеством, силой и правдой, добром — тем, что столь же мощно сконцентрировано, пожалуй, только в сказках, храмах и песнях. Да он и был для нас ими! Сад-песня. Сад-храм. Сад-сказка. Сад-жизнь...

В 30-е годы двадцатого века здесь некрасиво горбатились глиняные рвы. И вот наш дед, Григорий Иванович Арепьев, получив неприглядность эту под усадьбу, начал возить благодатный чернозем. Потом ровными рядами насадил яблони и груши. Общим числом 33 штуки. А как только саженцы укоренились, занялся прививкой. У него оказались легкие руки прирожденного садовода. Дички принимали благородные соки старых сортов. А рядом, не мешая друг другу, нашли себе место кусты смородины, малинник, вишенник, сливы разных сортов, розы, малюсенькая елочка... Он

много чего успевал, одаренный этот человек. Дед маслом писал картины, сам, своими руками, собрал радиоприемник и слушал Москву, ходил на охоту, много фотографировал, в том числе бывший мужской монастырь Коренную пустынь. Он бы успел еще больше! Но началась война.

Земляк, шедший с ним на призывной пункт, предложил вернуться в родные хаты, отсидеться под надежным кровом, выждать. Дед сказал: «Нет. Победа будет за нами». И каждый пошел своим путем. Один — домой, потом конюхом в какие-то штрафные части, потом — опять домой. А дед наш — на фронт, к неизвестной гибели в страшном 41-м году. Было ему тогда 35 лет.

А дома ждали солдата мать, дочка и сынок, сад-малютка и любимая жена Пелагея Ивановна со всем этим хозяйством на руках. Вода находилась далеко — туда и обратно километра полтора. Нести ее нужно было на горку. И вот бабушка, хранившая в памяти маленькое дворянское поместье предков, гордившаяся, что бабушку ее крестил князь Мещерский, с тяжеленными ведрами спускалась к ключам и два раза в день поливала и яблони, и груши, и вишни, и ясеня, и липы, и елочку... Маленький огород не мог прокормить семью. По вечерам после работы бабушка шла в лес и ломала на растопку валежник. Но пустить под грядки или на обогрев крепчающий сад — Боже упаси! За все голодные, холодные годы бабушка срубила на растопку только одну грушку и то потом долго жалела по ней. Она так истово, так молитвенно сохраняла сад прежде всего, конечно, для него — для хозяина. Но сохранила в конечном итоге только для нас. Все возможные беды опалили жизнь бабушки: полицаи водили в немецкую комендатуру дознаваться, где ружья мужа; в 17 лет трагически погиб ее сын — умница, отличник, спортсмен. В день, когда отлучилась в соседнее село на встречу с вернувшимся с войны родственником и наплакалась там опять по своему, единственному, не вернувшемуся, сгорел дом.

Все это видел сад. Развивающийся из коротеньких веточек-прививок, он долго не плодоносил, но, когда вошел в силу, стал маленькой местной достопримечательностью. Один наш родственник-москвич по пути домой с юга заехал к нам за яблоками. Так коллега на работе спорил с ним, что не помещавшиеся на ладони титовки не могли вырасти в средней полосе России, плоды, мол, южные, и он друзей разыгрывает. Повзрослев, сад начал понемногу зарабатывать денежки. Правда, были они небольшие, чисто символические. За свои груши и яблоки рыночные деньги как-то брать стеснялись. Точно и вправду росли светонесные плоды сами по себе, не требуя ухода. А ведь осенью каждая яблонька окапывалась, весной раскорачивалась, а опилка, а вырубка, а осторожный, чтоб не повредить сучков, сбор плодов, а переработка падалицы... Но это не от обиды — просто к слову пришлось. Из вишен на ножках бабушка сплетала красивые кукурузины и продавала на ярмарке. Самый большой спрос был на сладкие, пахучие, не уступающие южным груши дюшес. Из мелкой золотистой янтарки получалось красивое старорусское варенье. Груши и яблоки запаривали, сушили, пекли, пускали на компоты... Каждый новый год на столе у нас красовались рубиновые яблоки весна. Мы хрумкали ими даже в марте. Сад трудился с нами и удовлетворенно дарил от щедрот своих.

Мама учила нас любить и уважать его как родного человека.

Весной сад дышал ароматом и тронутый розовым белизной, как спустившееся с небес облако. Осенью он устилал землю яблочным ковром. И такой в нем стоял одуряющий дух, будто находился ты внутри пирога с повидлом. И весь он светился медово. Зимой сад принаряжался в одежды, сотканые из лучей и самоцветов. Вечером, ожидая родителей с работы, мы свет не включали: так было уютнее ждать. Тихонько работало радио: шли интересные передачи для школьников. Кухня освещалась отблесками из весело потрескивающей печки и прощальными лучами солнца. Скользя

сквозь ветки яблонь, оно опускалось в крепкий снег и омывало его малиновым. И сердце омывалось этой красотой. В метели сад шумел и плакал и завораживал музыкой ветра. Круглый год сад заботливо приманивал для нас птиц: чечеток и снегирей, дятлов и соловьев, соек и ласточек и множество иных неизвестных пичужек. Все наше детство освещено садом, как добрым мудрым солнцем. Он, цветущий среди скучных прозаичных соседских огородов, дарил нам ощущение избранности, причастности к чему-то высокому, непреходящему. Может, потому и проросли в душе стихи, что цвел сад...

Он жил нашей жизнью. В ту весну, когда умер папочка, любимая его яблонька путимовка одна из всего сада не покрылась белой шалью, словно вместе с нами решила носить траур. В неустойчивом предательском мире сад казался незыблемой точкой опоры. Он напоминал нам об огромном, узнанном только по рассказам мамы саде наших предков-помещиков, выхотившем сразу в лес. И пробуждал в нас чувство родства с нереально далекими, но такими близкими людьми, чьи сердца тоже сладко-больно бились от ускользающей красоты родной земли.

А потом сад начал умирать. Упрямо он цеплялся еще за высокое недостижимое небо хрупкими своими ветками и цвел вопреки наступающей сухости, и покрывался мельчающими плодами. Восковку, неохватную развесистую грушу, мы спилили в сентябре. Первой с ней простилась Наталья. Как взошло солнце, подошла и поцеловала нежно шершавый ствол. Когда-то взбирались по нему высоко-высоко. И груша раскрывалась, как друидический дворец с переходами, площадками, с навесными коридорами. И всюду, как лампочки, горели плоды. Кончились груши. Прощай, милая восковка. Не стало янтарки, чьи цветы в мае сплетались в такое тесное кружево, что ни листочка не проглядывало. Исчезли лешинские яблоки, тяжело бившие в июле о землю, о крышу сладко-кислыми крупными плодами, разламывающимися сразу от удара на две пахучие половинки. Уже не попробуем мы наливавшиеся соком до солнечной прозрачности свечковые яблоки. Перестал благоухать малинник. Не ловят в себя июньский воздух полосатые бочонки крыжовника. И вот погибла елка. Ее свела со свету аномальная жара. А мы, неразумные, поливая цветник и молодые деревца, забыли о великанше, слепо веря в ее силу.

Мы стараемся удержать ускользающую красоту. Но нам, пытающимся восстановить сад в прежней красе, продавцы фыркают в лицо: «Вы старые сорта спрашиваете. Таких сейчас нет. Кому они нужны?» Нужны. Нам. Эти старые пахучие нежные сорта, вырвавшиеся из сгинувших помещичьих усадеб, намного вкуснее дубильных вымученных селекционными опытами новых. Во всяком случае — для нас. Приходится брату прививать дички почками от старых деревьев. Новый сад будет долго не плодоносить.

Сегодня сад, конечно, не тот. Но в сердце четко проложены его аллеи. В нем сад такой, какой явился нам на рассвете нашей жизни и в свой расцвет. И если там, за последней чертой, есть все-таки некая Богом данная земля, и если нам позволят, мы попадем в знакомый до боли сад. Где нетронутыми будут возноситься в вечность восковка, липы, елка... Мы пойдем по прямым его аллеям к закату солнца, и в конце нас будут ждать папочка, бабушка. И дедушка — Арепьев Григорий Иванович.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К очерку «Улица Николая Оловянникова»

Н. Оловянников в годы войны...

и в мирное время

К очерку «Баба Настя»

Баба Настя с сыном Иваном и невесткой

*Наш дедушка Артемов Андрей Андреевич
(справа)*

К очерку «Наследство»

Довоенные фотографии, сделанные нашим дедушкой Арепьевым Григорием Ивановичем:

Молодой сад

Храм на пути в Коренную пустынь — во имя святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны; в народе церковь называют — Акиманна

Санаторий на месте бывшего мужского монастыря Коренная пустынь; на снимке не видна еще одна скульптура — женщина подает ружье сыну; во время оккупации фашисты ее взорвали

Хозяйка сада наша бабушка Арепьева Пелагея Ивановна

Арепьев Григорий Иванович

Олеся Янгол
Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

ГОЛУБАЯ ЛАВОЧКА С ВИДОМ НА ЗАКАТ

(Третья книга саги «Побережье наших грез»)*

4

И пришел новый день. Горланит соседский петух, припекает щеку солнце, пробившееся сквозь занавеску. Шмель влетел в комнату, поносился по ней, стукнулся о стену и снова вылетел в окно.

Одеваясь, подумал, а не махнуть ли сегодня на рыбалку? Теперь я свободен. Сам себе хозяин. Да, сегодня повелеваю себе идти на рыбалку.

Решил было на завтрак приготовить салат, но увидел, что закончилось оливковое масло. Как это я вчера забыл его купить? Надо будет еще раз заскочить в магазин, и заодно купить овсянку для прикормки. И сразу же на рыбалку.

Но планам моим не суждено было осуществиться.

Подходя к магазину, я увидел ту девушку, с вокзала. Она присела на корточки у двери магазина и что-то искала в своей большой сумке. Подходя к ней сзади, я увидел, как майка на ее спине приподнялась, джинсы приспустились, открыв взору черные кружевные трусики. С них я перевел взгляд на ее очень светлую тонкую кожу с едва заметными, словно разводы на белом мраморе, голубоватыми прожилками.

В магазине она оказалась в очереди сразу за мной. Никогда еще мы не стояли так близко. Я даже почувствовал ее пахнущее леденцом дыхание.

Из магазина она вышла сразу же за мной. Я хотел уже переходить дорогу, как вдруг услышал за спиной голос:

— Можно тебя на минутку?

Я оглянулся. Она стояла на ступеньках магазина с бутылкой молока в руках.

Глаза ее теперь были скрыты за большими солнцезащитными очками с красными и золотыми сердечками на темных стеклах. Мне показалось, что губы ее пытаются подавить улыбку, которая все равно проступала в напряженно подрагивающих уголках губ и округлившись щеках.

— Ты часто покупаешь молоко в этом магазине? — спросила она.

— Да, часто.

— А ты, — она встряхнула двумя руками бутылку молока перед лицом, словно разглядывая ее на просвет, — ты не замечал, что иногда оно бывает несвежее?

— Нет. Не замечал. Да и на крышке ведь всегда написан срок годности.

— А ты бываешь в Каугури?

— Бываю.

* Продолжение. Начало в № 4, 2016 «Приокских зорь».

— А ты знаешь там рыжеволосую девушку-парикмахера?

— Я там вообще никого не знаю,— ответил я, приглядываясь к ней и пытаюсь понять, что это у нас за разговор получается.

— А если я покажу фотографию? Ты сможешь сказать, знаешь ты ее или нет?

Я разглядывал ее напряженные губы, пытающиеся подавить улыбку и цветные сердечки на очках. Отражение облаков и верхушек сосен на темных стеклах не давали мне возможности разглядеть ее глаза.

— Нет. В Каугури я никого не знаю,— сказал я.

— Совсем никого? — произнесла она с какой-то грустью в голосе.

Озабоченно-грустная складочка появилась между ее бровей.

— Никого.

— Ну что же,— сказала она после небольшой паузы, подняла с земли тяжеленную сумку и закинула лямку на плечо.— Очень жаль!

Последнее слово она произнесла с такой интонацией, что я вдруг почувствовал — оттого, что я сейчас сделаю, жизнь моя может как-то измениться. Я вдруг увидел себя словно на распутье, в центре радиально расходящихся от меня дорог. И по одной из этих дорог уходила она с тяжелой сумкой на плече. По какой же дороге идти мне?

— Подожди! — окликнул я ее, догоняя.

Она обернулась.

— Хочешь, помогу донести сумку? — предложил я.— Она же тяжелая. У меня время есть. Никуда не спешу.

— Спасибо, что предложил,— радостно ответила она.— У меня второй день рука болит. Проснулась и чувствую, что болит. А ведь никто во сне меня не бил. Странно, с чего бы ей болеть?

Я подхватил ее сумку, и мы пошли по краю шоссе. Мимо нас изредка проносились машины. Стрекотали в разогретой траве кузнечики. Пахло свежескошенной травой и какими-то цветами. Она шла чуть впереди меня. Голова опущена, золотая цепочка поблескивает на шее.

— Тяжелые сумки ты таскаешь с больной рукой,— заметил я.

— На целый месяц накупила. Про запас. Мало ли, вдруг заболела. Кто мне тогда поможет? Я ведь сейчас одна живу. Это со вчерашнего дня нас двое, а до этого была одна.

— Это хорошо, когда ты не один,— согласился я, не совсем ее понимая.

— Это я про свою левую руку говорю. Вчера решила сварить суп, вижу, правой рукой ничего не могу делать. Вот, я левой руке и говорю — давай-ка подруга, принимайся за работу. Лучок порежь, морковку потри. Она — ни в какую. Мол, не умею, отродясь такого не делала. Но я ее заставила. И что ты думаешь! У нее все получилось. Все она умеет. Так что, ты знай, с левой рукой надо поосторожнее. А то норовит ни фига не делать.

— Ты далеко живешь? — спросил я и почувствовал, что мне приятно говорить ей «ты», словно мы давно знакомы.

— Возле моря. Сейчас через лес пойдем. Так быстрее получится.

Она оглянулась, посмотрела на меня и вдруг заметила что-то за моей спиной.

— Смотри-ка, кто едет! — произнесла она, внимательно вглядываясь в даль.

Я оглянулся и увидел мотоциклиста. С треском и грохотом он приближался к нам по шоссе. Дорога вокруг него подрагивала от солнечного жара, и мотоциклист отражался в голубых, миражных лужах на шоссе.

— Скорее помаши ему рукой,— сказала она мне.

— Зачем? — удивился я.

— Да помаша же, а то сейчас проедет, и ты не успеешь.

Мотоциклист приблизился к нам, и я помахал ему рукой. Проезжая мимо, он улыбнулся и тоже помахал мне рукой.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю. В первый раз его вижу, — сказала она, сворачивая на лесную тропинку. — Вот по этой дорожке выйдем к моему дому.

— А... зачем же ему надо было махать? — удивился я.

Она оглянулась на меня и сняла очки. Теперь я увидел, что глаза у нее были темно-карие, и какие-то... жаркие.

— Ты разве не заметил, как ему это было приятно, — ответила она. — Представь, едешь ты по дороге, а незнакомый человек вдруг машет тебе рукой. Чувствуешь? Это же так здорово!

Идя следом за ней по лесной тропинке, я раздумывал над ее словами. Тропинка становилась все уже, и идти пришлось теперь друг за другом. Она шла впереди, а я за ней.

— Знаешь, что я тебе скажу, — сказала она, — вся эта литература, кино, поэзия — все это чушь.

— Неужели! — удивился я, огорошенный таким приговором всему, что так люблю. — А что же не чушь?

— Жизнь, — ответили она, и полуобернулась ко мне. — Только одна жизнь не чушь. Вот ты помахал сейчас человеку рукой, и сделал в жизни что-то настоящее.

Пригибаясь под низкими ветвями, мы все дальше шли по тропе. Пятна света скользили по ее голым плечам. Пахло сосновой смолой и грибами. Она шла, чуть склонив лицо вниз, и смотрела себе под ноги. И тут только мне пришло в голову, что я ведь до сих пор не знаю, как ее зовут. Но только подумал об этом, как она, не оборачиваясь, сказала:

— Мы сейчас идем с тобой по дорожке, как Винни Пух с Пятачком. Я Винни Пух, потому что иду впереди. А если мы вдруг повернем назад, то ты станешь Вини Пухом, а я Пятачком. Но Вини Пухом быть лучше.

— Почему?

— Потому что, если ты Винни Пух, то можно помечтать о горшочке с медом.

Она отвела рукой ветвь карины, густо усеянную темными ягодами, и показала рукой на большой светлый дом, стены которого были увиты виноградом. Вокруг него высились сосны, за которыми сгустились прохладные лесные тени, в которых то тут, то там ярко горели ветви папоротников, озаренные косыми лучами солнца. Море шумело за соснами, оно было совсем рядом. Ветер доносил сюда его солоноватый аромат.

— Здесь я живу, — сказала она. — Вход в дом с другой стороны, там, где дорога. А тут дверь сразу на кухню. Забор с этой стороны мы с папой делать не стали. Нам нравится, когда выходишь из дома и перед тобой лес.

— Здесь хорошо! — сказал я, и по тому, как она посмотрела на меня, было видно, что ей приятно это слышать. — Красивый у вас дом!

— Я очень его люблю.

— Так ты с папой живешь?

— Да. Он уехал к другу, тоже писателю, в Норвегию. Скоро уже вернется. Для него я и хочу холодильник набить. Приедет и уже что-то есть.

— Твой папа писатель?

— Да.

— А я живу один. И тоже люблю свой дом... А как тебя зовут? Меня...

— Постой, — оборвала она, — давай не будем говорить друг другу наши имена.

Здорово — не знать никаких имен. Ты скоро повернешься и уйдешь. И я скоро уеду. Зачем нам имена?

— Я могу так сразу и не уходить.

— Все равно,— сказала она, направляясь к дому.— В жизни все люди, в конце концов, уходят друг от друга. Разве ты это не заметил?..

— Еще бы мне не заметить!.. Давай я занесу сумку в дом.

Она отомкнула дверь, и я последовал за ней на кухню. Хотя и была она озарена солнцем, здесь было прохладно. Вдоль стен тянулись деревянные, добротные полки деревенского типа, уставленные горшочками, старинными бутылками и банками с приправами. Пахло свежемолотым кофе. Заметил на полках и старые книги, в том числе и томики Пушкина.

Я поставил сумку на стул и осмотрелся. За окном, почти вплотную к стене дома, росло вишневое дерево, лучи солнца пробивались сквозь листву, и рваные пятна света лежали на полу, на стенах, на голубой скатерти.

— Тут хорошо, прохладно. Хочешь чаю? — спросила она.— Смотри, какой у меня чайник!

Она достала из шкафчика медный чайник, погладила его, налила воду из крана и поставила на электрическую плиту.

— Красивый! — согласился я.— Словно золотой.

— Особенно, когда свет на него падает. Я вообще люблю теплые тона. Единственное исключение, голубые лавочки у нас на берегу. Я замираю от их цвета. Это цвет неба,— она открыла холодильник и задумалась, поглаживая подбородок.— Чем же тебя угостить? О! Отлично! Есть вкусный сыр. Помидоры... Мы живем! Салат сейчас сделаем.

— Здесь у тебя так хорошо после этой жары. Чаю бы я попил. Давай помогу тебе.

— А чего тут помогать?

— Салат могу помешать.

— Нет, ты мне не мешай. Ты пока походи. Посмотри, что у меня тут есть. Жизни порадуйся, как говорится.

Чайник быстро вскипел. Мы сели за стол и сквозь пар, поднимающийся из чашек, взглянули друг на друга. Наконец, я смог как следует разглядеть ее. Она тоже с веселым огоньком в глазах, с интересом, поглядывала на меня.

— Кушай, не стесняйся,— сказала она, придвигая ко мне сыр и хлеб.— Давай будем весело звенеть ложками в стаканах. Так чай вкуснее. Полчаса назад я тебя совсем не знала. И вот, пьем вместе чай.

— А я видел тебя и раньше.

— На станции?

— Не только. Однажды видел тебя в супермаркете в Каугури. И второй раз, тоже там же, на автобусной остановке.

— Значит, привлекла твое внимание,— усмехнулась она.

— Да.

— Я часто чувствую, что люди обращают на меня внимание. Наверное, во мне есть что-то странное.

— Нет, не это.

— Неужели потрясла тебя своей красотой? Никогда не поверю. Или, нет... Наверное, ты почувствовал мою тонкую душевную организацию.

— Как только увидел тебя, сразу же подумал, что здорово было бы познакомиться.

— Чего же не познакомился?

— Не умею так сходу.

— Я тоже не умею, но вот, видишь, сегодня всю работу за тебя сделала. Наверное, все твои планы порушила.

— Нет у меня никаких планов,— сказал я.— Я в отпуске. Думал на рыбалку пойти, но жарко сегодня. В такие дни не клюет.

— На рыбалку! — воскликнула она восторженно, намазывая масло на хлеб.— Я никогда не была на рыбалке,— произнесла, хитро прищурившись.— Возьми меня с собой. Я мешать не буду. Посмотрю, как ты ловишь.

— У меня есть вторая удочка. Можем вместе ловить.

— О, я буду ловить рыбу! А потом за домом мы сварим уху прямо на костре! — обрадованно воскликнула она.

— Если наловим. Бывает так, что за целый день ничего и не поймаешь,— заметил я.

Она вздохнула и посмотрела в окно.

— Жаль, но ничего не получится,— сказала она.— Завтра я уезжаю.

— Жаль, может, когда-нибудь в другой раз... Только знаешь, все-таки странно, не зная, как тебя зовут. Все же у человека должно быть имя.

Она отпила чай и поставила кружку на стол, и тут только я заметил у нее на пальце тонкое серебряное колечко с голубым камнем.

— Меня зовут Лиана.

— Лиана?! — удивился я.— Никогда не слышал такого имени.

— Лиана — она, знаешь, обвивается вокруг тебя, опутывает. Разве не чувствуешь, как я опутываю тебя?.. Шучу. Меня зовут Диана.

— Диана,— произнес я, прислушиваясь к звуку ее имени.— Дианка!.. Здорово!

— Да, именно так меня друзья всегда и звали.

— Звали?

— Все разъехались кто куда. И подруга уехала. Я, кстати, ушла с работы — со станции. Завтра уезжаю к ней в Англию. Хочется поскорее начать новую жизнь. Она живет с мужем в небольшом городке. Он у нее переводчик, а она у него — гений. Пишет, что для меня там работа найдется. Договорилась уже обо мне. Язык я знаю и моя цель устроиться в гостинице. Хочу там поработать консьержкой. А жить будем вместе.

— Это, конечно, лучше того, что у тебя на станции было.

— Дело не в этом. Я на станцию дворником устроилась, потому что книгу пишу. Главная героиня в этой книге работает дворником.

— Вот оно что!

— Да, писать надо только о том, что хорошо знаешь.

— О чем же твоя книга?

— В смысле сюжет? Я еще пишу. Книга называется «Кто-то влюбился в Клер». Название я придумала, когда мне десять лет было.

— Значит, о любви.

— Не только. Я решила устроить эксперимент. Эдакий хепенинг. Создаю в своей жизни новую ситуацию, даю жизни идти своим ходом, наблюдаю за тем, что происходит и пишу книгу о том, что мне открывается. Главная героиня книги — восемнадцатилетняя девушка. Она только что закончила школу, отец у нее писатель, уехал по делам. Ну, она и решила куролесить по полной программе. Устроилась дворником на станцию и пишет книгу о том, что с ней будет происходить.

— Ничего себе! Матрешка в матрешке. Значит, мы сидим сейчас, разговариваем и... это и есть твоя книга?

— Не совсем. Отбор материала все же остается. Все лишнее я отбрасываю. Кто знает, может, и наша встреча не имеет особого значения. Только будущее это покажет. Но метод интересный. Даже если ты сейчас встанешь и уйдешь, то и в этом может ока-

заться свой смысл, своя глубина и жизненная правда. Я не знаю, что произойдет дальше в моей жизни. И поэтому мне интересно жить. Я не знаю, что произойдет дальше в моей книге. И поэтому мне интересно писать ее. И то, и другое — приключение.

— Это похоже на игру. Но играешь ты с людьми. Не думала об этом?

— В том-то и дело, что я не играю. Я все делаю искренне. Я говорю сейчас с тобой только потому, что ты мне интересен. Все всерьез. Это моя реальная жизнь, а книга — зеркало того, что происходит в моей жизни и душе. Не я пишу книгу. Жизнь ее пишет. А я только иду следом и записываю. Я не хочу ничего придумывать. Жизнь интереснее выдумки.

— И о чем же твоя книга?

— Как-нибудь расскажу. Гламура не будет. Да в жизни так и не бывает. Хеппи-энда не будет тоже. Так мне кажется. Жизнь учит нас, и учеба ее заключается в том, что она дает тебе пинка.

— Но ведь бывает и счастье.

— Именно пинками жизнь направляет человека к счастью. Каждый со временем понимает, что все, что с ним происходит, к лучшему.

— Это точно.

Я оглядел кухонные полки, покрытые темным лаком, и снова увидел среди аккуратных банок с вареньем, мукой и крупами, томики Пушкина.

— Пушкин? Прямо тут на кухне? А говоришь, что поэзию не любишь.

— Пушкин... Он писал именно о жизни. И успел сказать абсолютно обо всем. Мы вот про имена с тобой говорили, но и об этом никто лучше него не сказал. Помнишь?

Что в имени тебе моем?

Оно умрет, как шум печальный

Волны, плеснувшей в берег дальний,

Как звук ночной в лесу глухом...

— Здорово! — сказал я.

— Еще бы! Он жизнь знал... Ну, и как тебя зовут? — спросила она.

— Николай. Можно просто Ник.

— Николай, — она призадумалась, накручивая на палец прядь волос, — Ник — круче.

— Я не против.

Диана обвела взглядом кухню и спросила:

— Ну, как, нравится тебе у меня, Ник? Как тебе мои полочки?

— Уютные.

— Купила все эти баночки и на первой же написала — «Мармелад». У меня его тогда не было, но я считаю, что в доме обязательно должна быть баночка с надписью «Мармелад».

— Как у Винни Пуха.

— Нет, у него был горшочек с медом. У меня он тоже есть. А еще смотри, какая у меня книжка есть. С советских времен еще осталась. Называется «Книга о вкусной и здоровой пище». Люблю ее полистать, особенно, когда голодная. Нalistaeшь, эдак, и прямо-таки чувствуешь — наелась до отвала. Читать ее можно с любого места.

Диана достала с полки книгу и раскрыла посередине.

— Ты пей чай, сыр бери, не стесняйся... А я почитаю тебе. Так... что тут у нас? О, заливная осетрина! Смотри, что пишут — «Кусок осетрины (или севрюги, белуги) сварить с добавлением корней и охладить. Из бульона, полученного при варке рыбы, приготовить три-четыре стакана прозрачного желе. Готовое и процеженное желе охладить... М-м-м-м, у меня уже текут слюнки.

Диана сглотнула, вздохнула с грустинкой, и понеслась скороговоркой.

— «Сваренную рыбу нарезать тонкими кусками, уложить на противень так, чтобы вокруг каждого куса оставалось свободное место для желе. Куски рыбы украсить листиками зелени петрушки, ломтиками моркови, кружочками свежего огурца, кусочками крабов или раков, каперсами...»

— Да... Это можно читать как литературу,— сказал я.

— Только слюнями надо не захлебнуться.

— А жанр этот называется — научно-фантастическая кулинария.

— Ага. Купи завтра кусочек осетринки. Я приготовлю ее.

— А сыр вкусный. Я сегодня и не позавтракал толком.

— Бери-бери. Я еще порежу.

— Диана, а что ты вечером делаешь?

— Планы у меня очень простые — не иметь никаких планов. Но можно покататься на велосипедах.

— Давай покатаемся.

Подул ветер, закачались ветви деревца за окном, и солнечные пятна скользнули по кухонному столу.

— У магазина, небось, подумал, что я сумасшедшая,— лукаво прищурилась она.

— Нет, не подумал.

Она допила чай, поставила кружку на стол. Снова я увидел сжатые губы, в уголках которых угадывалась улыбка.

— Тебе будет со мной еще лучше, если ты будешь говорить правду,— сказала Диана.— Как же можно было не подумать такое обо мне! Тем более что я и вправду сумасшедшая.

— Хорошо,— улыбнулся я.— Всегда буду говорить тебе правду.

— Всегда? — усмехнулась она.— Так долго у меня никто еще не останавливался.

— А велосипед у тебя есть?

— Есть.

— Я приеду вечером.

— Приезжай. А я тем временем вещички соберу. На кухне повожусь. А кстати, что ты любишь?

— В смысле?

— Ну, из еды.

— Ты знаешь, я сам себе готовлю. Все такое быстрое, несложное. А люблю... Много чего. Вон, голубцы давно не ел,— листая книгу, сказал я.

— А овсяную кашку любишь?

— Н-е-е-е-ет.

— Это потому, что ты мою овсяную кашку не пробовал. Сделаю тебе как-нибудь. Она очень полезная. Вон, Шерлок Холмс ел овсяную кашку и, видишь, какой умненький стал!

— Хорошо,— сказал я, вставая.— Так я вечером приеду.

— Кстати, а где ты работаешь?

— Я художник... в рекламной фирме. Ну и... картины пишу, пастели делаю.

— А, понятно,— покачала она головой,— художников я всегда любила...

Выходя из кухни, я оглянулся и увидел, что она сидит и смотрит в окно. Какая-то чуть грустная. Хотя, может, мне это только показалось.

(Продолжение следует)

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ
Цикл стихов

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. В. Пикуля (все — Россия) и др. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Среди зловещей тишины,—
Ни Марс, ни Геба,—
Жена и небо мне нужны,
Жена и небо.

Года спешат по выражу
Под вспышкой дальней...
Жене и небу расскажу
Свой сказ печальный.

Забыв Бодлера и Басё,
Шепну натужно:
«Жена и небо — это все,
Что в жизни нужно...»

Ну а в небесную страну
Сведет потреба —
Хочу лишь, Господи, жену
Увидеть с неба.

Чтоб убедиться, как — боса,—
Бредет по краю.
И с болью смотрит в небеса...
Зачем?.. Не знаю...

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь,—
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда —
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил — откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив,—
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной д́али
Растворяются тени теней,
Чую — токи идти перестали,
А вокруг все — мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохляя гать,
И все Бога пытаю: « Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

* * *

Нынче небо журавлит и плачет,
А назавтра снова журавлит.
В сентябре мне слышится иначе
Папин голос из-под серых плит.

Он звучит немного глуховато:
«Что, сыночек?.. Истины не те?..»
И печаль подсвечником прижата
К надмогильной папиной плите...

Глеет мусор в выкопанной яме...
И в промозглый, меркнувший зенит
Все летит душа за журавлями,
В белом оперении летит...

* * *

Звук обронил и не поднял
Дальний, невидный певец.
Кто это вышел в исподнем?..
Мне показалось — отец...

Пальцем в забытое тычет,
Палец и худ, и остёр.
Полночь... Кого он там кличет?..
Мне показалось — сестер...

Скрылся... И с мертвыми косит.
Больше не явит мне плоть.
Кто это хлебушка просит?..
Мне показалось — Господь...

* * *

— Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объемист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

* * *

По хлипкой тропинке брести осторожно...
Былое размылось... Выдумывать — лень...
Неправда, что на сердце так же тревожно,
А правда лишь то, что зачала сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
О вечной судьбе, что одна на двоих.
Неправда, что помнят озябшие руки
Тревожащий трепет ладоней твоих...

Есть Черная речка, Нева и Непрядва...
И дождь, что за шиворот нехотя льет.
Есть Слово... И все остальное — неправда,
А правда, что птицам сегодня в отлет.

Неправда, что ждать остается немного —
Закрутит, сломает, ударит под дых...
А правда лишь то, что раскисла дорога,
Да ветер свистит в колокольнях пустых.

* * *

Уже и не начало века,
Уже давно в разгаре век...
Похож на призрак человека,
Бредет по свету человек.

И мы с ним обликом похожи —
И он не волен от причуд,
И я — обыкновенный прохожий...
Он только худ, а я — не худ...

Мы с ним столкнемся возле ГУМа,
На склоне сумрачного дня.
И враз подумаем угрюмо:
«Чего он смотрит на меня?..»

Но что-то есть в его походке,
В движеньях выпуклых бровей
Такое, что стихает кротко
Нещадный ветер-суховея.

И чувствуешь — ты есть на свете,
Живешь, бессилие гоня,
Когда взревет рогатый ветер
И рог сломает об меня...

* * *

Закричала одна... Занедужил другой...
И какая-то странная сила

Закачала фонарь под шершавой дугой
И печальница заголосила.

А потом и березонька стала черна,
И последний журавль занедужил...
Лишь не гасла лампада в ночи дотемна,
Озаряя бесхитростный ужин.

Где-то поздние лучики плавил насть,
И печалило гаснувший разум,
Что журавль улетит, что Иуда предаст,
И все радости кончатся разом.

И все мучился, глядя в окно, человек,
И гадал в своей думе нескорой,
Для чего эта ночь?.. Для чего этот век?..
Для чего эта темень за шторой?..

Для чего этот крыльев тяжелый разлет,
Для чего эта сизость сквозная?..
А того и не слышал, что колокол бьет,
Все биеньем своим объясняя.

Рокотала в просторе старинная медь,
Проникая в заблудшую душу,
Хоть все думал несчастный, что не о чем петь,
Да и, в общем-то, некого слушать...

* * *

Никто-никто из нас — ни отпрыски Нерона,
Ни тот, кто ровен был, когда неровен час,
Ни тот, кто не стоял коленопреклоненно
Пред черным алтарем... Никто-никто из нас

Не понял, что за свет сошел на эти стены,
Откуда этот звук в безмолвии ночном,
Кто этот человек, вещающий со сцены,
Что надобно идти в безвестье, напролом...

И чьи это зрачки, сверкающие шало,
Что бешенством и злом до крайности полны,
Проявятся во мгле... И сразу мгла пропала...
Коснутся тишины... И нету тишины...

О, этот рокот дня средь непроглядной ночи,
О, эта пляска тьмы средь ветреного дня...
Ни сердце не поймет, ни ум понять не хочет,
Что пепел — это прах прозревшего огня...

Давно молчат басы, охрипли баритоны,
А в чаше для вина — прокисшая вода.

Остался светлый гул — загадочный, стозвонный...
Остался тусклый свет, зовущий в никуда.

* * *

Болит плечо... И мало кислорода.
Опять к утру в гортани горячо.

Сентябрь нудно каплет с небосвода...
Болит плечо.

Чадит луна — неверное светило,
И ширь неверным отсветом полна.
— А правда, что и ты меня любила?..
Чадит луна.

Сижу один... Все выключено. Тихо.
Едва дрожит свеча... Остыл камин.
Судьба пророчит хворости и лихо...
Сижу один.

Во тьме ночей все истинное — ложно.
Люби меня, я, в общем-то, ничей.
Опять душе молитвенно-тревожно
Во тьме ночей...

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Истоптали, вскопытили путь бытия —
Ни следа там оставить, ни вежи.
Все в тумане... Туманна Отчизна моя
Сквозь туманом омытые веки.

Но подвздошьем, подбрюшием помнится шлях,
Лай собачий, пинки да кандалы,
Одинокий стожок в потемневших полях
Да молчальницы взор одичалый.

Там неровная стежка уводит левей,
Чем «прогресса» дорожка кривая.
Там «Калинку-малинку» поет соловей,
Певчих ласково перепевая.

Ну а если в отлет соберутся грачи,
В свой отлет, ножевой и незрячий,
Понесутся во след им в тревожной ночи
Вековые осенние плачи.

Пролетят по-над стрехами наискосок,
Над простором, лелеющим жалость,
Там, где сыплотся шишки на мокрый песок,
Где Отчизна промокла и сжалась.

И пока ты следишь этот стылый полет,
Сжав подмышкою зонтик дырявый,
Ветер кепку внезапным порывом сорвет
И забросит в листву у канавы.

* * *

Что-то вздрогнет в душе...
Подхвачусь... Побегу под навес,
Чтоб в блокнот занести
 отражение редких прозрений.
И откликнется мне
 в своем вечном безмолвии лес,
И откроются мне
 к серым стенам приросшие тени.

Что беседовать с тенью?
Я тоже сегодня, как тень.
Мои близкие люди
 давно уже стали тенями.
Не поддайся печали
 и женщину взглядом раздень
Так, чтоб странная искра
 взахлеб заметалась меж нами...

И от искорки этой
 в ночи запылает костер...
В стороне от костра
 закричит говорливая птаха.
Сам собой возгордишься —
 мол, все же не тать и не вор,
Может, и не лихой,
 но испытанный парень-рубаха.

Пусть картавая темень
 разводится белым вином,
Пусть три жалких аккорда
 опять дребезжат о разлуке,
Пусть свеча догорела
 и все в этом доме вверх дном —
Я могу целовать эти тонкие белые руки.

И останутся нежность и женщина
 в сумраке дней...
Извиваются руки,
 как в небе неслышная стая.
Все забудется, знаю...
 Лишь тени забытых теней
Шевельнутся порой,
 что-то в стылой душе пробуждая...

* * *

Привык рубить сплеча
Да без помарок.
Я думал — ты свеча,
А ты — огарок.

Все вышло, как всегда,
Как повторенье.
Я думал — ты звезда,
А ты — затмение.

Бреду по мостовой
В день суховейный.
Я думал, что я твой,
А я — ничейный.

Во сне иль наяву,
Средь лжи и шума,
Я думал, что живу...
Напрасно думал.

* * *

Я иду по земле...
Нынче солнце озябло...
Перепутались косы на чахлой ветле.
За спиною —
котомка подобранных яблок,
И я счастлив, что просто иду по земле.
Что могу надышаться —
без удержу, вволю,
Что иду, отражаясь в болотце кривом,
Мимо русского леса,
по русскому полю,
Где мне русский журавлик
помашет крылом...

* * *

Снова колокол бьет
над нелепым, мрачнющим миром,
Снова странен и страшен его вразумляющий зык.
Кто придет и воздаст
за напрасные муки кумирам,
Кто двуликому Янусу бросит: «Да ты же двулик?..»
Я не верю молве —
всех великих молва оболгала,
Я не верю толпе, что затопчет, а после — бежать...
Первый снег на дворе
раскатает свое покрывало
И по вспученным венам опять побежит благодать.

Как же сладостно — снег!
Как пронзительно — колокол слышен!
Как скворцы осторожно
 простор отдают снегилям!
Как же терпки слова
 с горьким привкусом мерзнущих вишен,
Как прозрачен твой образ, что я никому не отдам!..

И пускай отгорит,
 что еще отгореть не успело,
Пусть звучат голоса
 из-под серых кладбищенских плит...
Нынче колокол бьет... Благодать... И какое мне дело,
И какое мне дело, что завтра еще отгорит?..

Нынче колокол бьет...
 Что-то теплое гонит по венам.
Кто-то мимо прошел, на снегу не оставив следа...
И так жаждешь сказать
 о мучительном и сокровенном...
Но ведь колокол бьет...
 И не скажешь уже никогда...

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берез...
Снова осень пришла... Все опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает ее же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе —
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью пахнущих спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

* * *

Расстегнутый ворот... Спешу — не спешу,
Уже ничему удивляться не надо,
И тихая боль одинокой души
Не тише, чем шепот уснувшего сада.

И каждая буква, как полустон,
Что в горле твоим же рыданьем задушен.
И в мире уже ни концов, ни сторон,
А только одни заплутавшие души.

Им больно вставать со скрипучих колен
И больно нести пустоту и усталость...
И гул не идет от натруженных вен,
Где в тусклой крови и мечты не осталось.

Лишь утлая лужа звездами полна
Да клекот сменил соловьиное пенье.
А были ведь песни на все времена...
Но то времена... А теперь безвременье...

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолго.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высококом...

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик, и ни шатко ни валко,
Отложит косу и поднимет булаву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет... Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха...
Лишь сокол дряхлеющий дернет крылами
Да ветер шепнет: «Не Москва ли за нами?..»

О, смутное время! Прогнали гадалку...
И в Храме нет места ее полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет
О чем-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни — только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют березы
Сквозь русское зарево русские слезы...

* * *

Детство... Палочки, буквы, счёты,
Хитрый соседский кот.
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

С папой рядом — никто не страшен,
С мамой — светлее свет.
Есть морковка... И быт налажен.
Жалко, картошки нет.

«Сам читаешь? Заплакал? Что ты? —
Девушка оживет...»
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

Две липучки... А на карнизе
Ткет свою сеть паук.
«Вдруг к Октябрьским цены снизят,
«выбросят» масло вдруг?...»

Детство, где ты? В сто тысяч сотый
Раз про себя шепчу:
«Папа, папа, вернись с работы...
Мама, блинов хочу...»

* * *

Смотрит обозленно,
Не дает покоя...
Что глядишь, ворона?
Это что такое?

Села на березу,
Что напротив окон,
И глядит с угрозой
Беспросветным оком.

Ветви между нами,
Форточка без щели...
Не взмахнет крылами,
Только клювом целит.

И сейчас, похоже,
Каркнет хриловато:
«Улетай, бескожий,
Улетай, проклятый!...»

Игорь Лукьянов

(г. Борисоглебск Воронежской области)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Известный современный русский поэт, автор четырнадцати стихотворных книг, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

Ветер завихрит
весеннюю пыль.
Завертит
обрывки газет.
И вздрогнет
в душе моей
вечная быль,
которой названия нет.
Ни в прозе она.
И ни в стихах.
Сюжет?
Его тоже нет...
Как грустен
весенний
радостный свет
на обожженных снегах...

* * *

Куда, родимая страна,
Отринув истину о братстве,
Без цели ты устремлена
При узаконенном богатстве
Одних и нищете других.
Какую долю выбираешь,
Когда иудам позволяешь
Стоять у алтарей твоих.

* * *

Отцвели в низинах вербы.
Гонит волны луг.

Облака летят на север.
Журавли — на юг.
Снова лес вдали — зеленый.
И река — полна.
Вновь я сердцем преклоненный
Пред тобой, весна.

ФУТБОЛ — 2016 г.

Из «Динамо» и «Спартака»
Три ударных ушли игрока.
А ушли они
 прямо в «Зенит»,
Где погромче
 монета звенит.
Как не строй
 объяснения тут.
Нетто с Яшиным
 их не поймут...

* * *

Безумных лет...

А. С. Пушкин

Сад мартовский.
Туман.
И перехватит горло,
Когда из глубины
Провалов и побед
Прорвется
 той
 трубы
Серебряное соло,
Какая пела мне
Во дни
 безумных
 лет...

* * *

Скрипит фонарь. Осенний вечер.
Блестит асфальт — дожди, дожди.
Семнадцать мне. Влюблен, как Вертер.
И слава Блока впереди.
Ненастьем улицу качает,
Но стоек мой максимализм.
Страна еще стихи читает.
В стране еще — социализм...

СЕВЕРНЫЙ МОТИВ — 2008 ГОД

Гремят составы на Архангельск.
Вывозят лес — не дребедень.
Поморским золотом сверкая,
Летят вдоль черных деревень.
И смотрит ледяное небо,
А с ним — помор под рельсов дрожь,
Уныло и окаменело
На этот северный грабеж.

ГОРОД ДЕТСТВА

Кирсанов. Зной. Степная сторона.
Над крышами небес голубизна.
И грохотали «МиГи» в небе том.
По одному гремели и звеном.
Кирсанов. Зной. Степная сторона.
И восемь лет, как кончилась война.
Зеленый двор. На клумбе кот Маркиз.
Сверкали крылья, гром швыряя вниз.
Я знал — летят: отец, его друзья.
И эта сила — родина моя.

ПРИМЕТА

Гремел пророк.
Небесные идеи
О правде,
О добре —
В земных словах...
Тончайшие улыбки
Фарисеи
Змеили на потомственных губах...

ИЗ ЮНОСТИ

В. Пушкиву

Привокзальная шпана.
Срок тянули. Выходили...
На перроне пиво пили.
Поезда гнала страна —
Уголь шел. Летела нефть.
Грузы родины великой.
Было весело глядеть
С полудетскою улыбкой
На размах страны родной.
Хоть и были — тюрьмы, зоны...
Сотрясалась твердь перрона
Государственной стопой...

ПЕСНЯ

Был тот голос живой
Иль была то — «фанера»,
Я не думал о том.
Жег мне душу тогда
Этот лживый надрыв:
«Господа — офицеры!»
Офицеры — то верно,
Но причем — «господа»?
У них нету усадеб,
У них нету поместий.
Родом все из рабочих.
Родом все из крестьян.
Но потомственной
Праведной
Воинской чести
В них не меньше
Чем в тех,
Кто из знатных дворян.
Нет.
Россию
На бело- и красногвардейцев
Не хочу я делить:
Примирили года.
Но зачем же
В Чапая гоняющих в детстве
Глупой моде в угоду
Низводить в «господа»...

МЕГАПОЛИС

Юрию Кузнецову

— Дело швах, — он думал. — Дело швах.
Оттого в глазах весь день нули.
За окном, как тыщи черепак,
Лимузины черные текли.
В каждом лимузине — черный икс.
На руле — вальяжная рука.
И поток машин ревет, как Стикс, —
Безнадеги та еще река.

* * *

На черных крышах деревень поморских,
Где в полный рост —
Тупик и нищета,
То здесь, то там
Грибами из навоза —
Телетарелок белых лепота.
Такие у реальности гримасы...

И в «ящиках» всю на фоне их
Народные шуты и...
Тусуются на шабашах своих.

* * *

Одному бы
Сдаться на потребу
Всех земных пороков и страстей...
А другому —
Посмотреть бы в небо
С гулким криком
Русских журавлей...

ПРОРОК

Пророк с мощной
Ущербен, как порок.
И как бы
Не старался быть пророком,
Какие бы прозренья не изрек —
Все это,
Как гроза по водостокам.
Там, где телец,
Там выгода
И страх
Лишиться напрочь
Зрелищ и хлеба.
Пророк издревле тот,
Кто бос и наг,
И у кого одно богатство —
Небо...

* * *

И кто мы такие «в натуре»,
Земляк — и не враг, не друбан.
Сегодня трясемся о шкуре,
А завтра — идем на таран.
И как бы судьба не ломала —
Мы песен чужих не поем.
Пусть морщится темная сила —
Гори она синим огнем...

ЛЕТО

В огородах
дух укропа.
А над грядкой —
в огурцах
задрала
соседка...

И... восстал
у молодца...

* * *

Ромео нет
И нет Джульетт.
Нет эвридик
И нет Орфеев.
Есть
Из путан, блядей и геев
Телеэкранный
Сексбукет.

* * *

Когда из трубки телефонной
В упор ударила беда.
В нем часть души, как фото пленку,
Вмиг засветило навсегда.
Он что-то говорил потерянно.
Потом потерянно молчал.
Нехорошо скрипело дерево
За форточкою по ночам...

Виктор Злобин
(г. Москва)

МЫСЛИ СЕГО ДНЯ

Злобин Виктор Андреевич — поэт, публицист, член Академии российской литературы. Многие годы работал спецкорреспондентом «Комсомольской правды», других центральных изданий. Десятилетие отдано службе в Администрации Президента РФ — ее юридическом издательстве. Но настоящей «музыкой души» была поэзия. Автор книг «Песня сего дня», «Я с миром общаюсь по-русски», «Ключи моего сердца», «Краски», ряда коллективных сборников. Публикуется на страницах Международного журнала «Форум», литературного альманаха «Московский Парнас», других изданий.

НАШ ВЕК

Столетье сплавилось в журнале
По всем статьям в единый стаж.
И строчки — из цветов и стали
Сплелись в бессмертный репортаж.
Быть может, кто-то и уловит
В словах несовременный тон;
Пусть не смеется, не злословит,
То — музыка его времен.
Той музыке он без остатка
Все силы отдавать был рад.
Его дворцом была палатка,
Его иконой — Сталинград.
Та музыка подобна коду
Величья родины его,
Где Космос гимны пел народу
Устами Бога самого...

И если небо нынче спросит:
В разведку с кем пойти готов?
Пойдет не с теми, кто поносит
Предательски своих Отцов.
Не с тем плутом и ренегатом,
Кто смел историю чернить,
И за серебреник Пилату

И Ироду горазд служить...
Разносит ветер пересуды,
Народ на краски скор и лих.
Блуждают по миру иуды —
Веревки с мылом нет на них...
Но сгинет тьма! Тому порукой —
Планету разбудивший век
И, закаленный крестной мукой,
От сна восставший Человек.

ДЕРЕВНЯ

В содомии с бездушными масками
Не заметил, как время прошло.
Утомленный вконец телесказками,
Из столицы махнул я в село.
Колыбель ты моя неоглядная,
Разметались глаза вдаль и вширь.
Где гуляла гармонь однорядная,
Там в крестах, как в колючках, пустырь.
Величался колхоз «Красным пахарем».
Колосились под солнцем овсы.
Городским ловеласам и хахалям
Мы не раз утирали носы.
Выпекались тут хлебы душистые
И парное текло молоко.
Хороводы девчат голосистые
Опьяняли — светло и легко.
Где красавицы наши колхозные?
Ни доярок теперь, ни коров.
Повилика ест кучи навозные.
Воронье — на костях тракторов.
Кои лета уж травы некошены,
И в руинах дворцы для скота,
И дороги, и пашни заброшены,
И кругом — нищета, нищета!..
В содомии с бездушными масками
Не заметил, как солнце зашло.
Утомленный вконец телесказками,
На коленях молюсь за село.

ИЗМЕНА

Итак, все скомкано, все смято.
Они явились тут и там.
Что было дорого и свято,
Отброшено ко всем чертям.
Смотрю на компас, он как прежде
Упрямо кажет: север — юг.
И мне, советскому невежде,

Не верится в измену — вдруг.
Сжимаю пистолет — заряжен.
В кого пальнуть: в него, в себя?
Вопрос фемидой не отлажен,
И я всплакнул, врага любя...
Утихнет боль. Уйдет смятенье.
Моя Россия, я — с тобой.
Я верю, чудо возрожденья
Тебе означено судьбой!

РАЗРУШЕНИЕ **(по версии ветерана)**

Союзу трудно было. Как Христос
Он людям веру в будущее нес,
Страдал, боролся, звал вперед, покуда...
(Где сад шумел, теперь обломков гряда).
Роптали изумленные народы,
Россию бил озноб у алтаря,
На десять лет она вместо свободы
Попала в плен бедового царя.
И если, внук, услышишь ты когда-то:
«Им не удался социальный рай...»
Да, это так. Но почему, ты знай:
Чем выше Храм — коварней геростраты.

СЕРДЦЕБИЕНИЕ

Что за дивное диво — поэзия...
Для кого-то — любовь и печаль.
Для кого-то — хождение по лезвию,
Когда жизни постылой не жаль.
Те ликуют: Икары могучие
Разметали простор голубой.
Те взволнованы: слезы горячие
Льются тайно над чьей-то бедой.
Ну а этот, со взором пылающим,
Суждено ему в бездну упасть.
И откроется всем умирающим:
Выше смерти — безумная страсть.
Время съест пирамиды и мумии,
Все сокроет туманом и мглой.
Но высокие звезды безумия
Будут вечно светить над землей.
Пусть в миру — кутерьма и распутица.
Погоди, не спеши ты к реке,
Все увидит, поймет и заступится
Муза мудрая с кружкой в руке;
И обнимет как облако нежное,
Унесет в синеокую даль,

И прольется, как радость безбрежная,
Смоет с сердца тоску и печаль...
Разве есть у кого-то сомнение,
Что поэзия — ритмы, стихи —
Человечества сердцебиение,
Где божественны даже грехи?..

ТАЙНЫ СОНЕТА

Улыбкой легкой светится название.
Классическая форма, что хрусталь.
Но главное, конечно, содержание:
Приподними, красавица, вуаль.
Тут все слилось в единое дыханье.
Что ни строка — восторг или печаль.
И радость встреч, и горечь расставанья,
И взгляд, зовущий в розовую даль.
Сюда стихи приходят не от скуки.
Смотрите, как пульсирует в них кровь:
Им автор поверяет свои муки...
Прекрасны тут коварство и любовь,
И поцелуй — как высшая награда.
Скажите, а чего еще вам надо?..

Валерий Виноградов
(г. Алексин Тульской области)

Родился в Казахстане в 1948 г. Жил и учился в Туле, где в 1971 году окончил горный факультет Тульского политехнического института. Вся трудовая деятельность прошла на шахтах Подмосквовного угольного бассейна. На них отработал 31 год, начиная с горного мастера и до главного инженера и директора шахты «Никулинская» вплоть до ее закрытия в 2003 г. Труд в угольной промышленности отмечен знаками «Шахтерская Слава» трех степеней, а также званием «Почетный работник угольной промышленности», «Почетный работник топливно-энергетического комплекса России» и другими. Издано три поэтических сборника: «Надо жить» (2006 г.), «Река времени» (2008 г.), «Берега» (2013 г.). Печатается в областных и московских альманахах: «На крыльях Пегаса» (Тула), «Ковчег» (Тула), «День тульской поэзии» (Тула), «Созвучие» (Москва), «Московский Парнас» (Москва). Является членом литературных объединений «АЛЛО» (Алексин), «Пегас» (Тула), Московского Совета ЛитО (Москва).

ВЕЧЕР

Вечер, хмурый господин,
Заглянул в окно.
За столом сижу один,
На столе вино.
Скатерть белая в цветах
И огонь в печи,
А душа-то вся в шипах:
Давит боль в ночи.

Выйду молча на крыльцо —
В небесах звезда.
Ветер дует мне в лицо,
Будто в те года.
Сто исхоженных дорог,
Тяготы в пути,
Положу я на порог —
Мимо не пройти.

А проснувшись поутру,
Слыша детский смех,

Душу всю перетряхну,
Отмолю свой грех.
И уйдет тоска-печаль
В тридевять земель,
Открывая снова даль,
Где звенит капель.

Вечер полог опустил
И закрыл мой дом,
Все, что было, не забыл,
Не покрылось мхом.
Буду журавлем лететь
К будущей весне,
Буду песни снова петь
О любви к тебе!

МОЯ ДУША

Летит моя душа
Без страха и унынья,
Над пропастью кружа,
К тебе, расправив крылья.

И будто бы с небес
Ко мне слетают звуки,
И легче тяжкий крест,
И сердце терпит муки.

О, сколько в жизни раз
На части душу рвали,
А слезы милых глаз
Дотла испепеляли.

Но не иссяк запал
И раны рубцевались,
И голос мой звучал,
Надежды возрождались!

Пока горит огонь
И солнце ярко светит,
Моя к тебе любовь
Сильней всего на свете.

Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,
И вдвое легче путь,
Когда идем мы вместе!

* * *

Серое утро,
скрытая даль,

Ветер попутный
гонит печаль.

Все растворится
с пришедшим дождем,
Боль испарится
пасмурным днем.

Вспыхнут внезапно
искорки глаз,
Сердцу отрадно
в сумрачный час.

Сквозь непогоду
и холода
Сброшу невзгоды
раз, навсегда.

Радость от взгляда
сил придает,
Что еще надо?
Сердце поет!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Белый снег безгрешный
Падает с небес,
Он накрыл неспешно
И поля, и лес.

Серебром искрятся
Склоны древних круч,
И лучи струятся
Из-за серых туч.

Вниз летят снежинки,
Всюду кутерьма,
Замела тропинки
Матушка-зима.

Восхищая взоры,
Взгляды веселит,
На окне узоры
До весны хранит.

Красит щеки холод,
Шум и звонкий смех,
Чувствуешь, что молод
И шутить не грех...

Владимир Сорочкин
(г. Брянск)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сорочкин Владимир Евгеньевич родился в 21 января 1961 года в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах. Стихи переводились на белорусский, украинский и болгарский языки. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое «да» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат многих премий и дипломант многих конкурсов. Награжден медалями «За вклад в развитие города Брянска» (2013), «За особый вклад в книжное дело» (2015). Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства. Делегат XIII и XIV съездов Союза писателей России (2008, 2013) и Первого съезда Союза писателей Союзного Государства (Минск, 2009). Член Союза писателей России и Союза писателей Союзного Государства. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск», выходящего на Брянщине.

КАКОЙ ПОРТНОЙ...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

ПОТАЕННОЕ НЕБО...

Потаенное небо вишневого цвета
Разольет осторожно — волна за волной —
Теплый чай утонувшего в зелени лета —
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: тай — не тай...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слезы твои.

Улыбнись! — и не будь так строга и предвзята.—
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мятую,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

ЗНОЙ

Дорога шла туда, где начинался зной,
И собственную тень притаптывали ноги.
Лес крался по бокам, и воздух слюдяной
Тлел над песком прямой, как долгий взгляд, дороги.

Вдоль просеки, едва покачиваясь, плыл
Свод сосен и берез, оттягиваясь мимо,
И радужница, сев в накатанную пыль,
Была, как все вокруг,— чиста и недвижима.

Все замерло на миг, протяжный, как юла
В движении своем на месте без запинок,
И бронзовый испод застывшего крыла
Сравнился с чешуей обветренных песчинок.

Казалось, что вот-вот, и лес, и высота
Смешаются, совпав в частицах и ионах,
Найдя единый тон, пролившись, как вода,
Вобравшая цвета от синих до зеленых.

Казалось, жар сейчас сомкнется, завладев
И всем и вся окрест — потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги земную твердь, и небо...

СИРЕНЬ

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьет остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Мое нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чем не виноват,
Но — посмотри, как — изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыхание губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали.—
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали.—

Так неразрывны и просты
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

НА ОБЛАЧКЕ

Костер уже замрет вот-вот,
Погаснув без затей.
Гнездо из дыма птица вьет
Среди густых ветвей.

В такой глуши, в такую тишь
Исповедим покой...
Но никого не удивишь
Идиллией такой.

Цветенье яблонь. Полузной.
Огня дрожащий взгляд.
И откровенен — белизной —
Пропахший дымом сад.

А мы с тобой знакомы пять
Минут, а, может, лет,
Но всем словам моим не спрясть
Тебя и этот свет.

А день растет, как снежный ком,
И я в своей глуши
Тебя рисую угольком
На облачке души.

ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЕТ

Как ночь черна! Черемуха цветет,
И кажется — за неименьем веры,—
Что в этом городке — наперечет
Знакомы мне все улочки и двери.

Я здесь — впервые. В мареве весны
Пусты глухие окна, как стаканы.
Спит городок. И сны ему тесны,
Но так наивны и благоуханны.

Лишь нависает влажною стеной
Черемуха, обрушиваясь в плаче.
Ты — далеко. Ты даже не со мной.
Ты — там, где все иначе. Все иначе.

Как ночь черна в углах зеленых ниш!
Как жжется запах, ластясь пеленою...
Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь,
И эту ночь рассеешь надо мною.

ПУСТЬ ХОЛОДНАЯ ТЕНЬ...

Пусть холодная тень пробежит по судьбе,
Но лишь станут прочней нас связавшие нити.
Как легко каждый миг вспоминать о тебе —
Невесомой, как летнее солнце в зените.

Эти дни, словно сны пролетают, и в них
Остается надежда сияющим следом.
Как легко о тебе вспоминать каждый миг
Бесконечного дня, осиянного светом.

Не хочу ничего забывать и менять.
Не прервется горчащая память живая.
Как легко каждый миг о тебе вспоминать,
Нити солнца в волшебный клубочек свивая.

Сергей Редков
(г. Тула)

**ДО ГОРИЗОНТА ПОЛЕ
МОРЕМ БЕЛЫМ...**

* * *

До горизонта поле морем белым,
Увидеть это чудо поспеши:
Седой ковыль свои готовит стрелы,
По ветру оперенье распушив.

Упругий стебель гнется тетивою.
Впиваясь, в землю входят семена.
Кто научил тебя рождаться с боем?
Жестокие степные племена?

Копытами топтали, выжигали,
В крови топили росные луга.
Но травы, как и люди, выживали.
Назло завистникам, предателям, врагам.

С тех пор закат в кровавый цвет окрашен.
Но раны те затянутся к утру...
Седой ковыль, как память предков наших,
Колышется, трепещет на ветру.

* * *

Солнце светом лето славит,
В небе — клинья журавлей.
Ноги тонут в разнотравье,
В жаркой пряности полей.

Цветом синим, желтым, алым
До краев простор залит...
Под цветочным одеялом
Павший воин крепко спит.

Нет, ему сейчас не снится
Тот последний страшный бой,

Ни кровавые зарницы,
Ни снарядов жуткий вой,

Ни бойцы в порядке стройном,
Что в той битве полегли —
Сны, как в детстве, дарит воину
Мягкая постель земли.

Снится: мать качает сына,
Сквозь пургу — родная речь,
Снится все, за что не стыдно
В жаркой схватке в землю лечь.

* * *

Божье дело — сеять семя.
Золотится в ниве злак...
Но свои оставим семьи,
Если в поле — силы зла!

Каждый вылезет из кожи
Чтоб спасти детей и мать.
Если это не поможет,
Мы рубах не будем рвать —

Мы тогда себя посеем:
Принимай, родна земля!
Павший воин — тоже семя.
Прорастем травой в полях!

Чтоб завязли в стеблях ноги,
Чтобы горечь — да в уста,
Чтоб забыл сюда дорогу
Всяк заморский супостат!

А потом — под мирным небом
Пусть растет над нами рожь.
Нашим детям хватит хлеба...
Ворог, Родину не трожь!

* * *

Ковыль и ветер...
К горизонту
Бегут в полях седые волны.
Над ними разыграли рондо
Литавры грома, эха горны
И цветомузыка грозы...
Не пряча в курточки носы,
Под ливнем разрезвились дети
(Их жизнь сейчас — ковыль и ветер,

Их жизнь — хрусталики росы).
Беспечные, в траве по пояс,
Бегут, промокшие, оравой.
Родители, беспокоясь,
Велят укрыться им в дубраве.
А в небе — гибких молний плети,
А в небе — рваной тучи след...
Моя страна — ковыль и ветер,
Ненастье в ночь
и вновь
рассвет...

Владимир Попович
(г. Самара)

Попович Владимир Александрович. Родился в 1988г. на Украине (Днепропетровская область). С 2002 г.— в России. Работает инженером проектной компании.

НОЧНОЙ РОМАНС

Ветер дрожит, ветер беснуется,
А душа спит под сетью огней.
Вот промелькнула последняя улица
Города прошлых загадочных дней.

Вешняя тьма, верное бдение.
Так всегда: что ни гавань, то брег.
Я покидаю бывшие владения
Доли моей, не простившись навек.

Только одно сердце, как водится,
Все болит и смеясь, и скорбя...
Ты не оставишь меня, Богородица,
Если я отрекусь от Тебя.

* * *

Как же мне вас примирить...
Все чаще на дальних встречаю холмах
Прообраз дракона о трех головах.
Одна в страшном гуле зовет, будто ввысь:
«Постой, отпусти меня или вернись!»

Другая, бесстрашно играя огнями,
Заклятую дружбу таит между нами,
Смеется и плачет с охотой живою
И кажется вовсе моей головою.

А третья, к чужим любопытствам сурова,
При встрече со мной не проронит ни слова.
Быть может, столь предан огням и дымам,
Я вспомню ее, приближаясь к холмам.

* * *

Если я доживу до весны,
Если сны перед явью честны,
Если, встречен последней звездой,
Поздним слухом во мгле различу:
«Не твори, не гори, не пророчь»,—
Уподобясь, дивясь палачу,
Что проникся безликой бедой,
Разрывается гулкая ночь.
Отвернется, смущаясь, смутив,
Бледной тучей прикроет луну.
Я забуду вчерашний мотив,
Я затверженный сон прокляну,
Безответно уже не усну.
Только пусть эта ночь доживет,
Уходя, предрешит оборот.
Успокоятся тени в лесу.
Межпространственный скроется код.
Я прощанье с собой унесу.

* * *

Свободен буду, как шар земной:
Душе орбита его по силам.
Одною — солнечной стороной,
Другой — открытой иным светилам.
Раскован буду, как зелень трав,
Шумерской эры не чтя завета.
Правдивым буду, как вечно прав
Раскосый дождь на исходе лета.
Всевластен буду, как царь горы,
Расставшись с мантией и короной.
Незримым буду, но до поры,
В скольжение рыбой околдонной.
Безмолвен буду, как лик небес,
И отдален, как под ними слизи,
Почти поверив: других чудес
Не существует помимо жизни.

Безмерен буду, пространства блеф
Разоблачая в тиши предместья.
Так вневременная пыль, осев
В случайных безднах, творит созвездья.

Бахытжан Канатбаев
(г. Алма-Ата, Казахстан)

НЕГАТИВ ДОЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг, вышедших во многих странах. Лауреат ряда литературных премий. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану.

* * *

«Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копья тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка».

Может, так назначали встречу влюбленные
в племени саков в былом.

* * *

И день вновь прожит, и ночь покой свой в тебя вселяет,
И звезды дышат, мерцают звезды далеким светом.
И зов их вечен в ночном пространстве.
И горы, горы в сиянье лунном суровы, дики и величавы.
И в мире дети, забыв про игры, спят безмятежно.
Их встретит утро — росой и солнцем.
И все уснули в огромном мире.
Ну почему же тебе не спится?
Ты не тревожься. Ты нужен завтра.
Ведь в мире этом не все как надо.
И ты причастен к тому, что завтра должно свершиться
И что свершилось в огромном мире...

ЗВЕЗДА

Валерию Антонову

Представьте — в городе вечер.
Шел человек с работы.
Вдруг он звезду увидел,

Что вспыхнула первой в небе
В зимний субботний вечер.

Тихо звезда светила
Над городской суетой.

На точку далекую света
Смотрел человек. Улыбался.
Даже остановился
У шумного перекрестка.

Вот подошел зевака,
Зевака из любопытных:
— Что там такое, в небе?
Звезда,— человек
с улыбкой
Ему на вопрос ответил.—
Звезда, она нынче первой
Вспыхнула и не гаснет.

И люди вокруг столпились,
И все, на звезду глаза,
Не заметили даже,
Что в небе давно сияют
Такие же яркие звезды.

НЕГАТИВ ДОЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Засняли — мелькнули шторки.
Фотограф седой — учтив.
Быть белой душою в пленке,
Когда она — негатив.

В скрытой камере виден каждый,
Все вобрал в себя объектив.
Но белой душою в стоп-кадре
Обозначится негатив.

Знать, раньше иного срока
Перед всевидящим оком
Грехи небесами отпущены.
Душа моя белая сушится,
Пленкою
свесея
раскрученной.

Где белой души мгновения
Преломлялись сквозь призмы,
Период пройдет проявлений
В лабораториях жизни.

И вот вам — цветной портрет.
А белого света — нет!

ВСТРЕЧА С ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ

Тебя не зная наяву, твое я чувствовал дыханье.
Дышала почва сквозь траву, небесный облегая камень.
И к месту встречи подойдя, на листьях пробудившейся березы
Вижу я не капельки дождя — пришельца человеческие слезы.

ТУРПОЕЗДКА

Сверял гекзаметром Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.
В углу кофейни тихо сел я
Оплакивать свой древний путь...
Найти бы время,
«Одиссею»
Перечитать когда-нибудь.

ПЕСОК ВРЕМЕН

Там, у подножья Акрополя, видел я деву Эллады,
Она улыбалась, как будто слыша мелодию улиц.
Время ветром крошило камни холмов античного века
И песком золотым осыпало плечи смуглые девы.
Дева плыла по тропе, словно в галере, к амфитеатру,
Где музыка древних руин сливалась с дыханием моря.
Извещала афиша, что гастроль скрипача-виртуоза
Состоится в осенние дни — месяц и год нашей эры.

* * *

Не завидуй ближнему,
Не завидуй дальнему,
Что тебе отмерено,
Быть тому сполна.
Будут дни веселые,
Будут дни печальные,
Будет жизнь долгая...
Холмик. Тишина.

* * *

То день, то ночь
Моей клавиатуры.
Но — ты вошла
В мой небольшой сюжет.
Твои глаза,
Что звезды партитуры —

В сонате
Под названьем
Белый свет.

До смутного
Дотронешься лица —
И не найти
У повести конца.

То — день, то — ночь.
Тома литературы.
И — некто
Переходит в персонаж.
На шахматной доске
Рассыпаны фигуры,
И — разрушает
комнату
Трельяж.
Вновь не найдешь
У повести конца —
До смутного
Дотронешься лица...

В УЩЕЛЬЕ

По руслу река струится,
Катит небес дары —
Нисходит волною чистой
Синий воздух горы.

Луч солнца мелькнет в ущелье,
Плачет сквозь слой коры
Смола,
Что спешит к апрелю,
И стынет над спящей елью
Синий воздух горы.

Андрей Сутоцкий

(г. Мончегорск Мурманская обл.)

Андрей Михайлович Сутоцкий живет на Кольском Севере в городе Мончегорске, где в 1964 году и родился. Стихи пишет с детских лет. В юности уделял много времени театру, музыке (классической гитаре), миропознанию и, как следствие — когнитивистике. В зрелые годы подход к жизни стал более избирательным.

Литературный багаж составляют несколько стихотворных книг, а также публикаций в сетевых и печатных изданиях (альманахах): «45-я параллель», «Мурманский берег», «Литературный Мончегорск», «Золотое руно», «Москва», «Великоросс», «Зарубежные задворки», «Острова», «Скифия» (АЖЛ) и так далее. С недавних пор пишет фантастические рассказы, новеллы и миниатюры. Автор-исполнитель своих песен.

МИР ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Мир затонувших кораблей,
Твое молчанье мне по духу!
Здесь не умеют сожалеть
О том, что зарево потухнет,
Здесь память тиною обросла,
С глубин всплывая пузырьками,
Неся с собою адреса —
Неуловимые мельканья...
Зелено-серые штрихи,
Ошметки сгнившей парусины
Вплетаю я в свои стихи,
Что по-морскому пастой сини.
За акварелью акварель
В округлой рамке черной маски...
Но страх все ярче и острей,
Хоть не остры по цвету краски.
И мысль догадкой пронеслась:
«...а все же здесь не так уж тихо...»
Но тишина есть та же власть:
Топить в глуби любую прихоть.
А мне все грезится она —
Игра дублонов золотая,
Что смотрит россыпью со дна

На тень ныряльщика, пытаюсь
Прельстить, внимание поглотив
И утопить в соблазне этом.
Эй, равнодушные киты...
...киты, всплывающие к свету...

...и отвоевываю высь
Работой ласт, как плавниками,
Я говорю себе: «...вернись!», —
Тремя воздушными глотками.

МИСТЕРИОЗО

1

В ночной тиши, когда орган ветров
Листы дерев не гладит сочным звуком,
Выходит в сад беспомощно аукать
Несмелый гость сомнительных миров.
Я чувствую его по мотылькам,
Что слепо бьются в окна мезонина,
По шепотку уставшего камина
И не закрытым стареньким замкам
Холодных комнат, влажных и немых,
Где правит дух садовых ароматов,
А на столах разрезанным гранатом
Все стынет память... посредине тьмы...
В ночной тиши, когда протяжный бой
Часов напольных так потусторонен,
Едва справляясь с отведенной ролью,
Я ощущаю в сердце — перебой...
Пусть лучше — ветер, ливень затяжной,
Чем тишина пустых пугливых звуков...
Уж не меня ли в темных закоулках
Ночного сада стережет чужой?

2

Под зеленым фонарным плафоном,
В желтом круге уютного света,
Зачинает короткое лето
Пикало комариных симфоний.
Серо-мокрой бетонкой перрона
Прочертилось мое ожиданье,
Не тревожимое шутами —
Академиками ироний.
Сеет дождь непроглядное «завтра»,
С циферблата смывая цифры.
Фармазон, Жоффруа и Анцифер
Мне поют философию Сартра.

До вагона иду неспешно.
Две минуты несусь в запасе.
Романтизмом болеть опасно
В этой алгебре тьмы кромешной.
Экзистенция чистого духа
Мне дает основание думать,
Что оценит сие Фортуна,
«Доброй ночи...» шепнув на ухо.

3

Волна скольженьем легкого глиссандо
Шумит в камнях, разбрызгивая блеск.
Скажи, приятель, Пушкин Александр,
Как влиться в русский культурогенез?
Здесь, на холме, я вслушиваюсь в ветер.
Здесь, над водой, я всматриваюсь в даль.
Брат эфиопа, русскому ответь мне,
Пронзая время, Пушкин Александр...
И слышу я дыхание поэта
В дыханье волн, с холма взирая вниз,
Где мнут ракушки звучных междометий
Босые стопы будущих актрис.
А может быть, виной тому стихия,
Что, возбуждая русское в душе,
Дает героям мужество Ахилла —
Не изменять веков на рубеже
Стезе людей, что путь ведут от Рода,
Даруя Солнце смуглым племенам.
Бушуй волна! С тобой одной Природы
Мой русский дух до капли и до дна!

ПРОГУЛКИ ПО ГИПЕРБОРЕЕ

Там, в бескрайних просторах морошковых тундр,
Где пасутся веками гранитные сейды
На коротеньких ножках, я скоро найду
Верный путь к океану по Солнцу, на север...
Там пологие горы синей синевы,
Там безумные нойды застыли в камлание
И ложатся на камни небесные львы,
Что еще именуются облаками.
Выйду я к океану и шумный прибой
Принесет мне друзей — удивительных крабов,
Что начнут мне рассказывать наперебой
О подводных мирах, с человеком на равных...
И проявится сон из глубоких времен...
И поднимется Меру над черной водою,
Открывая врата светловласых племен,
Простирающих вдаль лучевые ладони.

И гляжу я на них, целиком поглощен,
И... теряюсь в словах, проходя пирамиды,
Будто это не я был вчера «просвящен»
Ритуалом мурманского псевдосемита.
В этих снах я постигну не азбучный мир;
Будут собраны знания мною, подобно
Сбору клюквы на бусы. И греческий миф
По Хибинам свои отпечатает стопы.
Буду слушать я музыку гор ледяных,
Снежных рун по апрелю разгадывать знаки...
И саамский колдун с невысокой стены
Отзовется на свет: «Дуг лу галь Аннунаки*».
В путь! на юг! по камням, по болотам-ручьям,
Проходя сквозь туман в неизвестное время,
Чтоб над тихим костром растворить в себе чай,
Погрузившись на час в травы цвета сирени,
Где олени стада, с легким стуком рогов,
Ковыляют по сопкам, съедая по строкам
Белоснежные коврики белых стихов,
Превращая стихи в угловатый петроглиф.
Я бы жил здесь веками, в холодной траве
Оставляя следы в виде тени и пепла...
Освяти же мне, Индра, чело меж бровей
Золотою Звездой заполярного неба!

* Дуг лу галь Аннунаки — говорит большой человек из рода богов Аннунаки (с шумерского)

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

НАРЗАН

Стал давно визиткой края,
От Создателя нам дан,
Как шампанское, играет
Исцеляющий нарзан.

Нет отбоя от клиентов!
Чтобы каждый получил,
Всю Систему элементов
В эту воду Бог включил.

И не жалко славословья,
Чтобы мне воспеть нарзан:
Это — сила и здоровье
Для возжаждавших всех стран!

* * *

Действительностью мы не дорожим!
И душу мысль с назойливостью студит:
Зачем-то от хорошего бежим,
Не думая, что лучшего не будет.

Я в поиске ответа на вопрос:
«А в чем же и мое предназначенье?»
Сейчас иду один в Долине роз...
И не ценю прекрасное мгновенье.

ЛЕРМОНТОВ И Я

Я говорю без лести и пророчества
Тут, как поэт, от первого лица:
У нас — и одинаковые отчества,
И русские в нас души, и сердца.

Жизнь и моя без жертвенности лоску,
И я, как он, поручиком служил...

Мне хочется походить быть на тезку
И тоже кое-что в стихах сложил.

И все бывшее ныне остается:
Мы и теперь ведомые судьбой,
И мне порой, бывает, не поется,
Когда я недоволен сам собой.

Опять вредят завистливые лики,
И я в борьбе за правды торжество...
Поэты мы: безвестный и Великий!
Прости меня за это хвастовство.

КИСЛОВОДСКИЙ ДОЖДЬ

Чаша неба легла в обрамление круч,
Одарив солнцем и бирюзою.
Пусть еще синева оставалась без туч,
Ни с того, ни с сего — дождь с грозой.

И зигзаги, вспоров голубой небосвод,
Оглушили раскатами грома,
Грязь смывало с асфальта потоками вод,
И они, как по телу истома.

Ну, а мне хорошо, я под крышей сижу
И природа сама тоже рада...
В общем — ливень кавказский, понятно ежу,
А дуга в небе — взгляду награда.

КУРОРТНИКИ

Курортный люд на терренкурах,
«Вперед и вверх!» — у них девиз.
Тут не бывает перекуров:
Дошел, отметил и вниз.

Им покоряются высоты,
А восхождение — их труд.
Презрев ландшафтные красоты,
Сосредоточенно идут!

НА ВЕРШИНЕ

Я — наверху! Со мною горы — вровень,
Не зря мечтал об этом с давних пор...
Небесный свод уже не хмурит брови,
Тоскою не туманится мой взор.

Немея, наслаждаюсь окруженьем,
Не видел я подобной красоты,
Забыв на время про стихосложение.
Пейзажи — величавы и просты.

Хоть сердце так с восторженностью бьется
И облака обходят стороной,
Но у меня язык не повернется
Сказать, что весь Кавказ тут подо мной.

ЖЕНЩИНЫ В КИСЛОВОДСКЕ

Они украсили все тропы,
В них — нашей радости исток:
Не только женщины Европы,
На терренкурах и — Восток.

Не посмотреть без придыханья,
Нельзя душой не возгореть...
Как от цветов, благоуханье
От нежелающих стареть.

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

Там над вершиной — шапкою туман,
Здесь — белизна у снега без пометки...
И яркость солнца сводит всех с ума,
Слепит глаза сильнее электросварки.

Из лыжников — цветастый карнавал,
Склон — подтверждение
вечности движенья.
И я смотрю на каменный навал,
Не забывая про стихосложение.

Хватает впечатлений мне с лихвой.
А рядом он, что тут на всех — управа:
Как будто с поседевшей головой,
Царь гор Эльбрус вознесся величаво!

ГОРНАЯ ДОРОГА

Зря ли горною зовется:
И вблизи, и вдалеке
Вьется, вьется, вьется, вьется,
Словно пряжа на клубке.

Повороты, повороты,
Нет спрямленного пути...
Сразу тут узнают кто ты,
А за знание — плати.

Вот и кружит, вот и кружит,
Как судьба собой ведет...
Слабый духом занедужит,
Слабакам на ней — не мед.

Кто с характером, пробьется,
Над собой он — господин!
А дорога дальше вьется,
Как на елке серпантин.

В КОНЦЕ МАРТА

На южном склоне, где сошли снега,
Кусочки неба — синенькие проблески,
Тут, будто ударения в слогах,
Пробились из-под павших
листьев пролески.

К теплу и свету словно тянут руки,
Растут они, а рядом холода...
Так повелось: цветы у нас всегда
При встрече хороши и при разлуки.

Николай Почтовалов
(г. Петрозаводск)

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Николай Петрович Почтовалов родился в г. Лахденпохья (Карелия) 5 марта 1950 года. Сейчас проживает в г. Петрозаводске. Член Союза писателей России. Автор восьми сборников стихотворений.

УХОДИТ ДЕНЬ

Уходит день. В ночи одни вопросы.
Не тает снег. И корочка хрустит.
Глаза в ночи немножечко раскосы.
Любовь нечаянно, но все-таки грустит.
Висит луна — не лампочка, а лампа.
Немой подъезд. Чуть эха. Шепоток.
И тень моя — растрепанным эстампом
на стенке грязной — знай сверчок шесток.
Сугробен двор. Поземка. Я причастен
к вершенью судеб в комнате пустой.
И даже жить — могу решать отчасти.
Жизнь приняла, но, вроде, на постой.
Уходит день. Бессонница на страже.
Туманны мысли. Рвется сути нить.
Спокойной ночи мне никто не скажет.
Забиться и... за все весь мир простить.

НАДО ОДНОМУ...

Как незапятнанно суров я...
к себе... умеренно раним,
хотя и знаю, что — не ровня
тому, кто в памяти храним...
Я жду... отчаянно, тревожно —
еще безумства на лету,
но... чую — даже и подкожно —
причастность к желтому листу,
который, медленно, наивно
раскачиваясь на ветру
под взглядом, может быть, противным,

вписавшись в некую игру,
в пустопорожнее пространство
пытаясь отсигналить SOS,
раскачивает время странствий...
в которое меня унес
мой старый друг — противник спора
о том, что ж гложет изнутри...
Знать, время вовсе не опора
для тех, кто любит взаперти
сидеть и ждать... Умру от скуки
в пространстве верности уму...
Друзья протягивают руки,
но тут уж надо... одному...

АХ, ВЕТЕР...

Ах, ветер... просквози июнь...
В углу беда — с названием «паутина»...
И день молчит — так неизбежно длинный
у нас на Севере — не сдунь...
Брани меня — всегда готов.
Кручусь-верчусь: не онемели ноги,
хотя и... сбиты напрочь о пороги...
Был дом, а нынче просто — кров...
В глазу соринка: верно,— сглаз...
Но не прощу себе минутки страха,
ведь память не восстанет прахом,
похожим на простой заказ...
Не ветер глух — дыра, дыра...
сквозит, и годы пролетают мимо...
Как жаль, что за безумие простим мы
себе... Как солидарен страх...

НАСТРОЕНЧЕСКОЕ

Ветерок бесстыж и липок.
Солнце плещется в волне.
На песке десятки пипл,
подзасушенных вполне.
Неизбежно в капле моря
застывает янтарек.
И никто ни с кем не спорит
ни в строках, ни между строк.
За простором два простора,
а за далью снова даль,
будто в ящике Пандоры
не надежда, а печаль...
Я в заботливой ладошке
таю. Баюшки-баю...
Мама кормит снова с ложки.
Я судьбу не ем, а... пью...

ВЫЖИЛ

Словно не было меня,
а ведь был же.
Вот и в дверь опять звонят —
значит, выжил.
Значит, будет, не пройдет
даже мимо
жизнь. Не нечет это, — чет, —
объяснимо.
Да, и солнышко в окне
не растает,
хоть в несолнечной стране
в жизнь врастаю
и кручусь на кураже —
без завода,
только кучка сторожей
из народа.
Не мешают, но всегда
за спиною.
Вот, такая, вот, среда —
паранойя.
Но ведь не было ж меня...
А ведь был же.
Да, и в дверь опять звонят —
значит, выжил.

Геннадий Гоманчук
(г. Тула)

НЕТ ВКУСНЕЙ ВОДЫ

Инженер-электромеханик. Работал в оборонной промышленности. Публиковался в альманахах «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «Ковчег», коллективных сборниках «Иван-озеро», «Ежи на площади Победы», в газетах. Автор книги «Деловой понедельник», сборников стихов «Гроздь рябины», «Ромашковый луг», «Яблоневый сад».

* * *

Деревне Ефимово

Нет вкусней воды, чем в бочке,
Вкопанной в родник.
Нет милей оживших почек,
Птенчиков возни.

Нету ярче грез сирени,
Тайных для меня.
Нет блаженной ивы тени
В звонком зное дня.

Глубже нет небесной сини,
Манящей стрижей,
Благодатней — грядок линий,
Ягод в неглиже.

Здесь цветов нет мальвы краше,
У родных мне стен.
Ничего нет в жизни слаще,
Чем их вечный плен.

* * *

Наверно, есть Вселенной дали,
Где среди черных дыр и звезд
Планеты чудные витают.
Планеты наших странных грез.

Там все летают непременно:
Акулы, чайки и цветы.
Поют медузы там отменно.
Но есть ли там для встреч мосты?

В родстве там бабочки и змеи.
Там прорастает в травах честь.
Блаженные ветра там веют.
А осень давняя там есть?

Там клена нет, что был так светел,
Твоих слезинок средь дождя...
Мне не нужны планеты эти.
На них и в прошлом нет тебя!

АВГУСТОВСКИЙ ДОЖДЬ

Лета спад. Срываю сливы.
В синеве роясь,
Туча зреет. Стонут ивы.
Хмурюсь с тучей я.

Дождь шумит. Стекая с крыши,
Капли вниз спешат.
Мерный шум, капель заслышав,
Пьет покой душа.

Солнце вновь. И пар над крышей.
Благостью омыт,
Сад теплом последним дышит.
Где-то гром гремит.

БЕРЕСКЛЕТ И МАЛИНОВКА

На тонкой ветке бересклета,
Встречая день, который год,
С весны до окончания лета,
Во славу дня, тепла и света
Малиновка вздохнул поет.

Внимая гимнам гости чудной,
Тот бересклет рос ввысь, мужал,
Шумел листвою, не очень скудной,
И в ливень с ветром, ночью смутной
Он гнулся лишь, а не дрожал.

Ушло тепло. Сентябрь и стыло.
Малиновка спешит на юг.
Наш куст слеза дождя омыла,
Лист розовый повис уныло.
Разлука. Где ж ты, милый друг?
И пусть метель и снега залежь,
Но бересклет певунью ждет.
Хоть ты от стуж изнемогаешь,
Как сладко ждать, когда ты знаешь,
Что вновь весна к тебе придет!

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

ДВОРЦОВЫЙ ВЕК

Родилась и живет в городе Тула. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Сфера деятельности — автоматизация технологических процессов производства. Имеет многочисленные научные публикации, патенты на изобретения и на полезные модели. Стихотворения пишет с детства. Написано более трехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Автор трех сборников стихотворений и сборы. Сегодня подготовлены и находятся в издании еще два сборника стихотворений. Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. Награждена несколькими литературными медалями. Член Московской городской организации Союза писателей России.

I

Дворцовый век и воздух — роковой...

Не приведи,

Господь, мне снов провидца,

В которых пыль булыжной мостовой

На образа — забытые — садится.

Не дай мне, Бог, почувствовать раскол

На ближних и

на дальние неровни,

На тех, кем проклят царственный престол,

И тех, кто слов — смертельных — не проронит,—

На тех, кто сбросит

святость

с колоннад

И превратит соборы в бастионы,

На тех, кто душу вложит в Летний сад,

А не в подвал, где сгорбятся иконы,

Где в полный рост поднимутся руины.

Слова с делами — врозь.
И не едины.

II

Слова с делами — врозь,
И не едины
Никто ни с кем,
Когда во славе ложь.
...Влетает снег во двор один старинный,
Который так на чью-то жизнь похож,—

Сначала зал с балконной балюстрадой,
Потом острог и громкий револьвер.
И ни один прохожий за оградой
Печальных черт
 двора
Не рассмотрел.

...Граничит бедность с арками.
И вьюга
Резьбой на небо — строго,
 без прикрас —
Наносит точный профиль Петербурга
И тупит звездный
 розовый алмаз.

И видит с крыши крепости конвой
Волшебный свет над умершей Невой...

III

Волшебный свет над умершей Невой,
И обжитая ангелами площадь,
И шепот стен с трагической судьбой,
И под рукой трепещущие мощи —

Все свято,
И — от замыслов Петра
До отголосков —
 революционных —
Все живо — и
 скрип слышится седла,
И кровь густая бьется на коронах.

Не просто Санкт —
Носящий ореол
Степенный город, в голосе с молитвой,
Где много лет двуглавый пил орел
С руки, слезой — бесстрашия — омытой, —

Здесь в нерушимый символ обратимы
И в саркофаг спаявшиеся льдины.

IV

И в саркофаг спаявшиеся льдины
Умеют ждать пришествия весны...
Пути Господни —
 неисповедимы,
Но по теченью лет устремлены.

Они помогут
 встретить синагоги,
Мечети,
 храмы —
 лики и кресты,
Но только здесь Господние дороги
Всегда и всех ведут через мосты,—

Их крылья птичьи —
 мощны и огромны.
Мосты взлетят,
 и рай начнется там,
Где херувимы северные горны
К своим прижали каменным устам.

Здесь и тогда,
 когда весна придет,
Не заглянуть под мрамор и под лед.

V

Не заглянуть под мрамор и под лед,
Под слой былого руки не подсунуть...
А время в прах — незримый — перетрет
И чей-то суд,
и чью-то неподсудность

И превратит в законченный покой
И богачей страдания,
и нищих.

И только вечно —
 истина,
 какой
И у истоков самых —
 не отыщешь.

И потому волнуется народ,
И потому серебряные створы
Двадцатитонных запертых ворот
Молчать еще столетия готовы.

Не понимает странствующих братство —
До тайн,
 едва раскрытых,
Не добраться.

VI

До тайн, едва раскрытых, не добратся,
Хотя здесь каждой встречей затаен
И впитан дух тогдашнего всесвятства,
Как впитан дух и нынешних времен...

...Канал замерз.
И детская дворовость,
С глазами верных
брошенных собак,
Опять на штык гвардейский напоролась
И обжила разрушенный барак.

Кому-то чин,
усадыба и карета.
Кому-то — нож и тесный каземат.
И золотую лунную монету
Не одолжит богатая зима...

...И был свершен в тот день переворот...
И только ветер прошлого поет.

VII

И только ветер
прошлого поет,
И только вихрь —
крошащийся и колкий
Шлифует вновь гранитный переплет
Заиндепевшей набережной Мойки.

Не только Спас построен на крови,
Кровавы все церковные кануны...
А говорят за Спаса — звонари,
У них на сердце — колокол чугунный.

Тот угол, где
алеет родонит,
Тот угол, где
застыла болью яшма,
Живых и мертвых запросто роднит,
Внушая, как
в течение жизни важно

Не перепутать с бредом самозванца
Псалмы от бед врачующего старца.

VIII

Псалмы от бед врачующего старца
И колдовство расплавленной свечи —

Когда бессильны
 ласковые руки,
Когда лицо — бледнее простыни.
И ни одно учение науки
Того, что тамстряслось, не прояснит.

233

И стало все ошибочно,
сурово,
А может быть, и правильно —
не так,
Как говорил когда-то Иегова,
А как желают выстрел и кулак.

И если вдалёк туманную всмотреться,
Увидеть можно сквозь вчерашний дождь
И вдовий дом,
 и шпиль адмиралтейства,
Ружейной гарью застланные — сплошь.

...И впрямь казалось — город искажен, —
(А вера — всё) —
И пусть с Невы дождем.

XI

А вера — все...
И пусть с Невы дождем
Размыты
 залп — раскатистый и четкий
И мысли вслух: «Кого мы сбережем,
Когда кругом тюремные решетки?»...

Все это — звук,
 который донесен
До нас и чудом глиняного слепка,
И красотой ростральности колонн,
Тех, что хранит Васильевская стрелка.

А крейсер спит на фоне юных дней...
Но не желает вечного прикола
Ни одному из множества людей
В том октябре застрявшая «Аврора».

Воспоминанье
 строчками из песни
Плиту надгробья смое —
И воскреснет.

XII

Плиту надгробья смоем,
И воскреснет
Заря, которой можно оживить
Пролеты грубо высеченных лестниц,
Соединивших зданий этажи.

Мелькнут в подъездах чьи-то силуэты,
И удивит немного странный слог,

И все виденья — питерские — эти —
Как преломленье нескольких эпох.

Как будто город видится в разрезе —
Еще живут, ушедшие давно,
И не отбит еще снарядом вензель
У «Мариинки» — гордой — над окном.

Заворожит,
 привидевшись, не раз
Пусть то, что в лету кануло до нас.

XIII

Пусть то, что в лету кануло до нас
Увидят те, которым на планете
Еще придется

 жить,
Но не сейчас,
А через сто по сто десятилетий.

И если есть сплоченная семья,
Где нет чужих
 неродственных династий,
То счастье быть любимым не сменять
Ни на одно из многих прочих счастлих.

...Когда проснулась вечная Страна,
Ей заплели растрепанные косы
Голубоглазой Ладоги волна
И Прионежья месяц остроносый.

Здесь подчеркнет еще раз мой рассказ
Не город,
 а естественный контраст.

XIV

Не город, а естественный контраст,—
Здесь мы, а там —
 все те,
которых встретить
Нам слепота природная не даст
На этом белом — самом белом — свете.

И ясно все не будет никогда,
Но их и нас
 объединяет то, что
Они хранят ушедшие года,
И мы должны заботиться о прошлом.

Стремись всегда создать,
 а не убить,

ПУБЛИЦИСТИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГРАЖДАНСКИЕ СТРУНЫ ИГОРЯ ЛУКЬЯНОВА

С сожалением наблюдаю, как в современной отечественной поэзии — от одной стихотворной публикации к другой, от сборника к сборнику — падает градус гражданственности, накал принадлежности автора к тем или иным мировоззренческим взглядам, внимания к общественной жизни, к проблемам своей страны.

Старые поэты, утверждавшие в творчестве глубину своих устремлений и идеалов, уходят, молодые же граждане, как правило, чураются и нередко смотрят на неё как бы свысока. Некрасовское «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» для многих из них — не более чем одно из нравоучений, надоедливых нотаций, которые опостытели ещё со школьной скамьи.

В этом смысле новая книга Игоря Лукьянова «Вечная быль» очень радует. Сын военного летчика времен Великой Отечественной, автор хорошо помнит, кто он и чей:

*Я впишусь в любые повороты,
Скорость рассчитав
один в один.
Ведь во мне с рожденья
кровь пилота,
В сорок пятом
бравшего Берлин.*

Оглядываясь в прошлое, поэт с благодарностью вспоминает и тех, кто, возвратившись с войны, давал уроки чести и совести только-только вступающим в жизнь:

*Благодарю судьбу
за юность,
Где, далеко не старики,
Гражданские будили струны
Учителя-фронтовики.*

Совесть для Игоря Лукьянова не только важное нравственное понятие, но и «божий дар», который кого-то может спасти, а кому-то просто неведом. Таков же для него и дар добра, который тоже «от Бога, а не мудрости законов».

Поэт понимает, что «ни Данте, ни Шекспир, ни Пушкин, ни Есенин не изменили мир», что зло продолжает творить свои черные дела. Но он снова и снова обличает

«воров и скоморохов», у которых «честность — не в чести», «обладателей вилл и дворцов», ничего не стоящих «пред бездомьем до смерти есенинским, пред хибарой, где кончил Рубцов», и тех, «кто предает из-за «теляца» Россию».

Хорошо известно, что рядом с совестью всегда идет чувство вины — даже если человек ни в чем не виноват. Об этом когда-то хорошо сказал Твардовский: «...и все же, все же, все же...» Особенно отчетливо видится это чувство вот в этих строчках рецензируемой книги:

*Поэты —
Сыновья
Отцов Победы.
И славы,
И таланта
Разный груз.
Но всем нам
общим памятником будет
предательством
разрушенный Союз.*

При этом автор книги не делит Россию на белых и красных: «примирили года». Для него она, Россия, делится по другой черте: кто-то по эту, а кто-то «по ту сторону русской души, по ту сторону русского сердца».

Не люблю смешения жанров в одной книге, но вынужден признать, что небольшой прозаический раздел «Вечной были» хорошо вписывается в общую тональность издания. В центре мыслей Игоря Лукьянова о религиозно-православном сборнике «Алтари Победы», его заметок о поэтах фронтового поколения, воспоминаний о литературных учителях Владимире Гордейчеве и Геннадии Луткове — патриотизм, государственность, гражданственность. По мнению Лукьянова, «без этих качеств — нет настоящей поэзии».

*Евгений Новичихин,
поэт, член Союза писателей России,
г. Воронеж*

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск Мурманской области)

«ПО СВОЕМУ ДЫШАТЬ...»

(о новых именах в поэзии Русского Севера)

С тем, что «каждый пишет, как он дышит...» едва ли кто-то возьмется спорить. Другое дело — обретение и даже осознание этого самого «дыхания», даже если изначально оно даровано свыше. И дальнейшее умение не сбиться с избранного ритма, не утратить глубину вдоха и откровенность, искренность выдоха, в угоду мимолетным, но столь порой заманчивым, корыстям и модным веяниям, той же скороспелой популярности. А ведь подобное не столь уж редко происходит, иногда почти спонтанно, исподволь, уж больно притягательны и безусловно приятны успех у публики, аплодисменты, медийная известность, премии и звания, и, как следствие, желание автора соответствовать достигнутому «уровню», попросту нравиться всем и каждому раз за разом... Но вот когда «от радости в зобу дыханье сперло», обычно все и заканчивается, и нет уже, глядишь, самобытного автора, одна сплошная «...мать-эстрада в книжной лавке Смирдина», не имеющая с истинным творчеством ничего общего. К чему это я веду, спрашивается? А к тому, господа мои, что относительная трудность сразу заявить о себе во всеуслышание частенько и помогает провинциальным авторам получить некоторую, если угодно, «прививку от популярности», выпестовав в себе свое собственное дыхание, свой особенный голос, свой неповторимый почерк и стиль, и главное — ответственность за созданные произведения, основанную на глубоком понимании того, а зачем он, поэт или прозаик, все это пишет?

Литература и в частности поэзия Русского Севера всегда отличалась самобытностью, глубиной и не показушной, а истинной силой, идущей от самой земли, от корней, от многих и многих поколений предков, эту землю освоивших и живших на ней в трудах и борениях. И вместе с тем — разнообразием, ибо даже географически Русский Север — понятие весьма обширное: Кольское Заполярье, Карелия, Вологодчина, Архангельская земля... Я вовсе не собираюсь грешить какими бы то ни было классификациями, прежде всего территориальными, напротив, хочу подчеркнуть, что жизни человеческой и творческой огромные расстояния не помеха, и общность интересов и нравственных установок стирают возможные границы, помогают одолевать любые препоны. Примеров тому сколько угодно: рожденный в архангельском селе Николай Рубцов, призвавшись на военную службу, проходит ее на Северном флоте, далее учится в нашем Кировском горно-химическом техникуме, а затем уже вплоть до трагической своей кончины живет и творит в Вологодских краях. Также архангельская девушка Ольга Фокина по окончании литинститута приезжает жить и работать в Вологду, где и ныне здравствует, став замечательной, ярчайшей русской поэтессой. И опять-таки мезенский помор из старинной деревни Семжа Виталий Маслов связывает свою жизнь с Мурманском, где создает неповторимые романы и становится зачинателем государственно-церковного праздника — Дней славянской письменности и культуры. А сколько литераторов, уроженцев иных российских кра-

ев и областей, связало, пусть даже на время, свою жизнь и судьбу с высокими широтами, создав здесь свои первые значительные произведения! (Да тот же совершенно изумительный и неповторимый Юрий Казаков! Или несгибаемый никакими испытаниями, неугасимый в своем даровании Николай Тряпкин!). Повторяю, подобным примерам несть числа, потенциал северных литераторов не иссякает, прирастая молодыми дарованиями и новыми именами. Понятно, что рассказывать сразу обо всех невозможно, поэтому...

На фоне признанных мастеров поэтического слова Архангельской земли, таких, как Александр Логинов, Елена Кузьмина, Ольга Корзова, Галина Рудакова, Елена Галимова, Александр Росков (к глубокому прискорбию уже покинувший этот мир) совершенно не затерялась, но выросла, окрепла и уже очень весомо заявила о себе Ирина Кемакова из села Кречетово, что расположено на юге Архангельской области, в Каргопольском районе, на границе с Вологодскими землями. (Кстати по соседству, менее чем в ста километрах, в старинном, чудесном, Каргополе бытуют уже упоминавшийся Александр Логинов, родившийся, к слову, у нас в Мончегорске, и прекрасный прозаик Александр Киров. Впору бы вычислить количество литераторов на единицу площади!). Это самая, что ни на есть, русская северная глубинка, корневой и стержневой край для многих поколений русских людей, и разошедшихся по белу свету, и оставшихся, подобно Ирине, верными малой своей родине. Она родилась в северной деревушке Медведево на том же Каргополье. В три года дедушка научил ее читать. С той поры книга постоянный спутник в жизни Ирины, она даже мечтала одно время стать библиотекарем. Но закончила педагогическое училище, затем Поморский государственный университет... и возвратилась к истокам, в милые сердцу края.

*Тишина во дворе и палящий полуденный зной.
Разогретые доски крыльца. В палисаднике вишни.
Поле в мареве зыбком и светлый березник стеной —
Дорогие для сердца картины из жизни давнишней.*

*Улетала из дома — призывно журавль поманил
И растаял бесследно в огне лучезарной денницы.
На чужой стороне потекли неприметные дни.
Чтоб не так тосковалось, давно прикормила синицу.*

*Днем не вспомнишь о доме, а в ночь — как с войны инвалид:
Поработал бы всласть, только где там! Обидно — нет мочи.
...Наконец соберешься — и старенький «ПАЗик» пылит
По грунтовке, а сердце от радости выпрыгнуть хочет.*

*Промелькнет в голове, что вернулась в положенный срок,
Что душа не подвержена пошлой усушке-утруске.
Погостишь — и назад. Мать харчей соберет в узелок
И в слезах на прощание вслед перекрестит по-русски.*

Стихотворения Ирины Кемаковой, по своей основной профессии — учителя русского языка и литературы, очень органичны, и уже одной только лексикой способны привлекать и завораживать. Автор порой использует слова северного диалекта, впрочем не злоупотребляя ими, но придавая стихотворным строкам искреннюю теплоту и неповторимый, истинно народный колорит:

*Все — от мала и до велика —
Называли Настасью тетой*.
Хоть казалась старуха тихой,
Но кипела в руках работа.*

*Ей любое дело посильно —
А мала, худа, вся в морщинах.
Говорила: «Да я двужильна,
Покрепчай любого мужчины.*

*Не смотрите, что я старуха!»
А с замужеством не сложилось,
Прожила всю жизнь вековухой
И с чужими детьми водилась.*

*Поначалу нянчила брата,
А потом — его деток и внуков.
«Я на внуков порат** богата», —
Говорила другим старухам...*

Такие стихи не могут быть искусственно (пусть даже искусно) «сколоченными», вымученными, насильственно притяннутыми к теме. Только бесконечная любовь и неиссякаемое душевное тепло могут быть движущей силой поэта, создающего подобное. Казалось бы на первый взгляд ничего особенного, но почему-то слезы на глаза наворачиваются от истории жизни простой русской женщины, труженицы, отдавшей без остатка душу свою и сердце родным и близким людям. В этом и состоит особенная ценность поэзии Ирины Кемаковой, она пишет о том, с чем связана кровными узами, она очень хорошо знает, что и как сказать, оттого и стихи ее не надуманы, они от родной земли и от людей, на этой земле живущих. В 2015 году в Архангельске в издательстве «Люция» вышла книга стихов Ирины Кемаковой «Вот так и жить», были публикации в районной и областной прессе, в журналах «Двина», «Иван да Марья», «Лава», альманахе «Брусника», коллективном сборнике «Поклонимся великим тем годам». Осенью прошлого года поэтесса стала кандидатом в члены Союза писателей России. По словам Ирины: «Первые стихи о ромашках и шмелях написала в детстве. Потом, как многие, писала в юности, но надолго забросила сочинительство. Вернулась к литературному творчеству уже в зрелом возрасте...». И это ничуть ей не повредило, напротив, по-моему, очень даже помогло, ибо сформировалось поэтическое направление, да и сама поэтесса вызрела, обрела убедительность и ту необходимую однозначность, что исключает пустые постмодернистские «красивости» и абсолютна лишена авторского самолюбования. Да, можно сказать, что творчество Ирины Кемаковой тяготеет к традиционной «тихой лирике», но в том-то и есть его главная ценность! Писать таким образом весьма непросто и только истинным поэтам это под силу — после потрясающих стихотворений Рубцова, Фокиной, Соколова, Передреева, суметь отыскать свое слово и сказать так, как никто до тебя не говорил.

*Катится луна головкой сыра
На горбушку черного зарода.*

* Тета (диал., север.) — тетя.

** Порат (-о) (диал., север.) — очень

*Ночь тиха, но холодно и сыро,
Густо тянет прелью с огорода.*

*Звезды до утра сверкают остро
Над колючей щеткой чернотала,
Над ручьем, от палых листьев пестрым.
Спит земля, раскинувшись устало.*

*Распростерлась, темная, немая,
В родинках стогов, в еловых гребнях
И морщинах тропок,— ей до мая
Отдохнуть теперь настало время:*

*Труд окончен, сделано немало.
Зимы здесь, на Севере, суровы —
Бережно парчовым покрывалом
Землю уберет Господь к Покрову.*

Ирина Кемакова — негромкий, но очень чистый и убедительный голос родного края, соединила в своей жизни две благородные стези: сельской учительницы и русского поэта. Нелегкая доля, но зато не довлеет над ней ироничный и горький приговор Анатолия Передреева «...и города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Я уверен, что выбор Ирины вполне сознателен и оправдан, и в дальнейшем все у нее получится и сложится должным образом. Она ведь сама сказала: — Вот так и жить... Правильно жить, не беспамятно, но благодарно, ощущая за собой поддержку ушедших поколений своих пращуров, чьим радением и досталась тебе эта земля. Вопросы с лирическим героем или, правильнее говоря, героиней, для Ирины очевидно не возникало вовсе... Она возникла спонтанно, однако не из ниоткуда, она — настоящих крестьянских кровей, несущая в себе лучшие черты русского трудового сельского жителя, любящего свою землю без внешнего надрыва, но так мощно и глубоко, что никому не дано исковеркать и уничтожить сие светлое чувство. Оттого-то и речь ее настолько поэтична, легка и невымученна.

*По крестьянской привычке до света встаю,
Обряжаюсь в охотку. Без ищучих велений
В печке с треском веселым займутся поленья,
Старый кот запоем у шестка на краю.*

*Как говаривал дед, у хозяйки худой
До обеда дымок из трубы не струится.
Над сервантом на фото любимые лица:
В темной кофте бабуся, мой деда седой.*

*В этот час предрассветный особую связь
Ощущаю с крестьянской своей родословной
У огня русской печки и без суесловий —
Со времен стародавних, без устали длясь,*

*Эта связь не прервется, хоть годы пройдут.
То, как дратва, груба, то ажурна, как прошива, —*

*Это связь поколений грядущих и прошлых
С настоящим — и счастье, что я в том ряду.*

*Это счастье, что в доме есть русская печь.
Даже солнцу сквозь стекла в морозных узорах
У тепла ее греться совсем незазорно.
Дров подкину. Суббота. Блины время печь.*

Наверное не стоит рассуждать о правомочности деления поэтических стилей или даже школ на, скажем, «почвенную» и «городскую» и какие-либо еще. Важно то, что при всей относительности и условности любых делений, упомянутые все-таки есть, что, впрочем, вполне естественно, ведь разнятся приемы и способы раскрытия тех или иных тем, да и сами творческие направления имеют свои приоритеты и провозглашенные цели. Однако же индивидуальность любого творца всегда подчеркивает условность любых делений и классификаций, и внутри одного направления двух одинаковых художников едва ли найдешь. Ярким примером этому является творчество моего коллеги по Мурманской областной организации СПР, мурманского поэта и прозаика, Ильи Виноградова. Горожанин по рождению, ежедневному месту пребывания и по роду занятий (Илья — журналист, корреспондент информационного агентства ИТАР-ТАСС, окончивший физмат Мурманского педагогического университета и экономический факультет Академии управления и экономики в Санкт-Петербурге), Виноградов очень часто выступает как поэт — аналитик, точно формулирующий волнующие его вопросы и честно, непредвзято, пытающийся найти на них ответы, стремящийся докопаться до самой бытийной человеческой сути.

*Неба покрывало,
Простыня земли,
Город спит усталый,
Приобняв залив.*

*Сопки, как подушки,
Брошены кругом —
Пышные подружки,
На одной — мой дом.
.....
.....
.....*

*Восхожу степенно —
Бок у сопки крут! —
Клавиши ступеней
Под ногой поют.
.....*

*Мне привычна с детства
Лестничная круть —
Никуда не деться.
Некуда свернуть:*

*Все низины топкие,
Выстужен залив...
Жизнь — сплошные сопки,
Дальше — край земли.*

Примечательно, что Илья Виноградов в начале своего творческого пути был отмечен как прозаик, и первая его книга, увидевшая свет в 2011 г. — сборник рассказов «Невидимые диктаторы». Интересная, кстати, получилась книга, неоднозначная, с неожиданными фантазмагорическими сюжетными поворотами,— сказывалось пристрастие автора к поэзии. Он и тогда вовсю писал стихи, но так уж вышло, что поэзия накатывала «вторым темпом», впрочем, вполне оформившейся и зрелой.

*Осень. Полночь. Нервы на пределе.
Далеко еще до первой зорьки.
Из какой темницы прилетели
Стаи мыслей, сумрачных и горьких?*

*Крик без слов, вопросы без ответа,
Чуть задремлешь — растрясут, разбудят:
Вдруг не встречу больше я рассвета?
Вдруг рассвета над землей не будет?*

*То ли ветер воет, то ли выпил.
Дам полцарства за рассвета каплю!
Но покуда ночь до дна не выпил,
Тонешь, к тьме прикован, точно к камню.*

*Мыслей яд опасней яда кобры,
Сердце замерло курком на взводе...
Говорят, лишь искренним и добрым
Черных мыслей ночью не приходит.*

Поэтическое творчество Ильи Виноградова не раз отмечено на престижных литературных форумах, таких, как Всероссийский межвузовский — «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева, Международный Каверинский конкурс, областная литературная премия им. К. Баева — А. Подстаницкого. Суховатый и даже несколько педантичный стиль поэтической аналитики для Виноградова не единственный, он может быть и тонким лириком, сохраняя и в лирических стихотворениях некую философскую ноту.

*В заботах пролетают будни,
Расписанные по минутам:
Любовь так радостно и трудно
Беречь и ограждать уютом.*

*Но память — неземная сила —
Нашепчет, что еще недавно
Любовь защиты не просила,
А ограждений и подавно.*

.....

*Ты сегодня смеялась во сне.
Я в ответ улыбался полночи:
Так светло в темноте было мне,
Словно смех этот счастье пророчил.*

*Пусть полгода снега за окном,
До весны не хватает лишь малости:
Чтоб не только во сне, но и днем
Беззаботно, как в детстве, смеялась ты.*

Журналистская хватка Ильи не может не сказываться на его творчестве, и поэтому во вторую его книгу «Сокровища бедных» вошли не только стихи и рассказы, но и путевые заметки о поездке в Индию. А в 2016 году в Петербурге был издан новый стихотворный сборник Виноградова «Русский ген печали». Он по хорошему тематически эклектичный, причем разнонаправленность, как ни странно, создает ощущение гармоничности и закономерности поэтических пристрастий автора, человека вдумчивого, не склонного к пустой крикливости, стремящегося соотнести присутствие сиюминутного и вечного в повседневной жизни, уже во многом определившегося с поэтической стилистикой и эстетикой. Такой вот он «горожанин», Илья Виноградов, не суетливый и основательный, и в поэзии, и в жизни.

*Отплакала капель.
Прошла пора лихая,
Когда и сквозь асфальт
Цветы спешат на свет.
Алеет лета плод,
Под солнцем набухая,
И клонит к сентябрю
Тугую года ветвь.*

*Мне по душе шагать,
Изгибаю речки вторя,
Далек ли будет путь —
Я не грущу о том,
Пока хватает сил
С судьбой до хрипа спорить
И разума, чтоб ей
Довериться потом.*

*Пока приметен Бог
В парящей птичьей стае,
В цепи случайных встреч,
В тиши предгрозовой —
Я прошлого листы
С тоскою не листаю:
Мол, лучшее прошло,
И больше стороной.*

*Сгорит в багряном день,
Утонет в черном вечер,
И вызреет рассвет
В ночи на самом дне.
Как верный шанс того,
Что даже смерть не вечна,
Что наша жизнь — лишь день
Из вереницы дней.*

Наряду с любыми направленческими «подразделениями», вполне естественно и логично, если художник, проводящий большую часть своего времени в городском ландшафте, творчески ориентирован и на пейзажную лирику, и на сюжеты деревенской жизни. (Можно долго и с пристрастием разбираться, чем же сие обусловлено, но такой анализ лежит за рамками данной статьи.) И в поэзии мурманской поэтессы, также моей коллеги по Союзу писателей России, Екатерины Яковлевой присутствуют яркие тому подтверждения. Для Екатерины вполне естественно такое обращение к родной земле, к своим корням, истокам. Оттого и стихи ее столь свободны и открытвенны.

*Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надев на босы ноги,
Ходит по деревне с батоном,
Словно странник по большой дороге.*

*То поет, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют,
Из бутылки, если что осталось...*

*Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?*

*Муча сухарем беззубый рот,
Он пойдет походкой воробьиной...
Вновь детей безжалостный народ
Забросает окна его глиной.*

*Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечесанные в сене...
Он вздохнет и сядет на крыльцо,
И гармонь поставит на колени.*

.....

*Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, божий сын,
И тебе есть музыка на свете.*

Творческую уверенность Екатерина обрела уже довольно давно, ее путь в поэзии складывается вполне удачно, она автор двух стихотворных сборников — «Неба неземное притяжение» и «Дай мне целое», вышедших в Мурманске соответственно в 2003 и 2015 г.г.; причем обе книги отмечены премиями, первая — областной им. К. Баева и А. Подстаницкого, вторая — всероссийской им. А. Дельвига. Стихотворения Яковлевой публиковались и в «Литературной газете», в журналах «Наш современник», «Север», «Иностранная литература и искусство» (Китай) и другой литературной периодике. Она также лауреат Всероссийского форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гу-

милева и конкурса «Неопалимая купина» им. Е. Курдакова, участница первого двустороннего форума молодых писателей Китая и России, проходившего в 2015 г., и Шанхайской писательской программы 2016 г. Как видите, достижений хватает, но ведь не ради титулов и званий написаны, например, вот такие строки:

*Пролистали последние главы
Года старого, заперли дверь.
Ради нашей с тобою забавы
Лишена жизни юная ель.
Поутру разбредаются гости,
Свечи слепнут, допито вино.
Только ветер зашелся от злости,
Горсти снега швыряя в окно.
Мы же чуда не ждали, не так ли?
Не признаюсь, и ты промолчи...
Мы с тобой в этом глупом спектакле
Так бездарно сыграли в ночи!
Осыпается темная хвоя,
Отгорел фейерверков пожар...
От глухого предчувствия горя
Бьется вдребезги елочный шар...*

Лирика Екатерины Яковлевой, конечно, не замыкается лишь на пейзажных или сельских сюжетах, напротив, она разнообразна, своеобразна и насыщена мощной энергетикой, зачастую скрытой или даже не намеренно сдерживаемой самой творческой манерой, поэтическим почерком автора. И то сказать, совершенно не обязательно стремиться писать всегда «на разрыв аорты», а сердечный подтекст ведь никто не отменял.

*За тцету прошлой жизни отныне дано
За сплетьем чернеющих веток — окно...
В нем живой, ровный свет, различимый едва,
Так пронзительно прост, как молитвы слова.
Мнится мне: все, что будет и было давно-
Сон и морок, а подлинно — только окно,
Где проросший сквозь тьму, свет явил благодать...
Не оспорить его никому, не отнять.*

При всей сдержанности и поэтическом такте Екатерина — человек тонкий, остро чувствующий, отсюда и глубина душевных переживаний, определяемая волнующими ее жизненными коллизиями, и отношение к слову, внимательное и бережное, вследствие чего и глубоко личные мотивы в стихотворениях близки и понятны читателю.

*От меня дорогою — мир измерь,
И в самой дороге ищи отраду.
Я тебя прошу: ты отныне верь,
Безоглядно верь и дождю, и саду.
Верь деревьям. Каждому верь листу!
Голос ветра радостен и негромок.*

*Верь большой реке, и над ней — мосту.
И тому, что шепчет во сне ребенок.
Но не верь, что стрелки моих часов,
Обездвиженных, погруженных в кому,
Вдруг разбудит гул не твоих шагов,
Разносящийся по пустому дому.
И не верь, что песню твою другой
Пропоет, коверкая и фальшивя,
И тому, что я унесу с собой
На губах остывших чужое имя.*

И все-таки Яковлева — коренная Кольская северянка, родившаяся в г. Заполярный, окончившая в 2009 г. Мурманский гуманитарный институт, психолог по специальности, прекрасно поэтически раскрывается прежде всего, как мне кажется, в таких вот стихах:

*Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пяльцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.
Вспоминает: в сорок пятом,
За извилистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.
Слаще он всего на свете!
Огоньком горит в руках!
И свистит-гуляет ветер
В детских, впалых животах...
Развалился — эх, предатель! —
Тусок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...
Тот трилистник незабвенный —
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.*

Творчество Екатерины Яковлевой — яркий пример симбиоза поэтических школ и направлений, от такой универсальности стихи ее только выигрывают, завоевывая широкую читательскую аудиторию. И мне остается лишь искренне пожелать ей удачи на этом пути, дабы суметь все-таки определить для себя некую главную «директрису поэтической стрельбы», что, впрочем, неизбежно произойдет при условии настойчивой работы талантливой поэтессы над собой и своими произведениями.

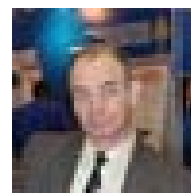
Мои молодые коллеги занимают достойное место в ряду поэтов Кольского края, и главное — свое собственное место, являясь достойными продолжателями поэтических традиций, заложенных в свое время Владимиром Смирновым, Виктором Тимофеевым, Владимиром Семеновым, Борисом Романовым, Александром Милановым, и далее — Николаем Колычевым, Дмитрием Коржовым, Александром Рыжовым и другими яркими мастерами поэтического русского слова. Замечу лишь, что Илье и Екатерине еще предстоит окончательно определиться с лирическими своими героями, придав их образам и внутреннему содержанию окончательную четкость и наполненность.

В одной статье обо всем, происходящем в поэзии Русского Севера, не расскажешь, и о всех достойных ее представителях не поведаешь. Надеюсь, что открыв данную тему на страницах журнала, мы и в дальнейшем продолжим знакомить читателей с творчеством северян. В моем повествовании я старался максимально подчеркнуть достоинства представляемых поэтов, их лучшие творческие качества, и во все не стремился «цепляться» к недостаткам. Да, таковые можно обнаружить при желании, все ведь люди, все человеки, но и критике все же есть свое время и свое место. А сейчас рассуждать, например, о хромающих иногда метрике и ритмике стиха, о не всегда оправданных инверсиях, не вполне точных метафорах, а порой и довольно спорных образах и сравнениях, или еще о чем-либо подобном, право не стоит. Технические недочеты и даже художественные ошибки вполне поправимы, и непременно устранятся в процессе дальнейшего творческого роста героев данного повествования. А в том, что лучшие стихи у Ирины Кемаковой, Ильи Виноградова и Екатерины Яковлевой еще впереди, сомневаться, по крайней мере на сегодня, не приходится.

Борис Рябухин
(г. Москва)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНИТАРИЗМА

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Материал на странице АРЛ в Фэйсбуке разместил Евгений Скоблов

Уважаемые друзья!
Вашему вниманию предлагается рецензия члена СП России, члена Академии российской литературы Бориса Рябухина на книгу члена Академии российской литературы АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ» (М., Московский Парнас, 2015)..
Алексей Афанасьевич ЯШИН — известный советский, российский писатель-прозаик, член Правления АРЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула).

Это произведение цикла, названного автором «рассказами Николая Андреевича» (например, как «Повести Белкина» Александра Пушкина?), повествующего на этот раз о жизни нашей страны в 70—80-е годы, «в обширном тогда ареале инженерной среды», написано в аннотации новой книги Алексея Яшина. Профессиональный роман об инженерах самой «золотой» советской поры? Опять на авансцену выходят трудяги — инженеры и потомственные работяги — мастеровые (вот оно, вечное будущее), объясняет автор предисловия. Ничего не устарело — опять спохватились, что рабочих рук-то у страны не хватает, специалистов выпускать перестали. А кто работать будет, тем более в будущем. Вот и актуальность книги вырисовывается.

Но я хочу сказать о другом.

Считаю, что мне посчастливилось встретить за свою жизнь уже второго ученого из международной Академии Тринитаризма. Первый — мой сокурсник, Александр Валентинович Дринков, пришел ко мне в 1990 году в «Литературную газету» за помощью, в попытке возмутить спокойствие физиков пространственной моделью усовершенствованной им таблицы Менделеева. У него на сайте этой академии уникалов четыре работы. Одна называется «Числа фибоначчи и взаимосвязь атомной и ядерной классификации». Рецензию на его работы я опубликовал в хиреющем журнале «Знак вопроса?» общества «Знания» под названием «Путь физики в никуда». И не дали ему выступить в РАН о своем открытии. Похоронили, закопали. Вот о чем по-ловица: «Не закопай свой талант в землю».

Второй академик Тринитаризма свой талант в землю не закопал. Это писатель Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор журнала «Приокские зори». Он прислал недавно мне для рецензии свою книгу «Зато мы делаем ракеты: воспоминание о будущем». У него на сайте Академии Тринитаризма пять статей, одна из них называется: «Феноменология Ноосферы. Память или воспоминание о будущем». Для чего я выбрал это совпадение в названии произведений? Да потому, что это — главная часть портрета автора — раз, и считаю, что все, что человек может создать на земле, — содержится в его генетической памяти.

Интересно, как разнится язык писателя и язык ученого в тексте об одной и той же теме. В аннотации книги скромно написано: «своеобразный, самобытный язык автора». Но автор с высокоразвитым чувством иронии мог придумать свой язык пациентов из палаты № 306, наподобие чеховской «Палаты номер шесть», или как, например, Свифт для великого сумасшедшего рыцаря Дон Кихота, или как Михаил Зощенко для совдеповского мещанства, или как Платонов, покоровший меня уже одним названием рассказа — «Мусорный ветер», дремучий, непробиваемый сознание язык первобытных партийцев «Чевенгура». Неправильно это явление называют Эзоповским языком.

Приведу для сравнения по явлению из Платонова и Яшина.

Из романа Яшина: «Девушки и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами, снимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полустегнутыми халатами».

Из романа «Чевенгур» Платонова: «Пиюся заиграл марш, где чувствовалось полковое движение: песен одиночества и вальсы он не уважал и совестился их играть. Дванову досталось первым целовать всех женщин: при поцелуях он открывал рот и зажимал губы каждой женщины меж своими губами с жадностью нежности, а левой рукой он слегка обнимал очередную женщину, чтобы она стояла устойчиво и не отклонилась от него, пока Дванов не перестанет касаться ее».

Вроде, по-Твардовскому, «Все понятно, все на русском языке». Но какие русские говорят и о какой своей жизни «шизиков»?

Доложу, такой язык всего романа «Чевенгур» не каждый читатель, наверное, мог осилить до конца. А у Яшина этот роман — седьмой по счету с «рассказами Николая Андреевича». Свет меркнет. Яшин, конечно, монументалист. У него Википедия в интернете трещит от количества научных и художественных произведений. У Платонова «Чевенгур» только один. Даже у Зощенко — небольшой объем рассказов языком быдла.

Порой автору романа приходится неестественно часто вставлять слово инженер. Не буду ловить блох — приводить примеры. Кроме одного — роман широко иллюстрирован фотографиями быта инженерной среды. Это не ради ретро, это скрепы содержания. Но и здесь приходилось исхитряться, в подрисовочных подписях. На-

пример, такой текст: «Инженеры 70—... Любительское фото. Вчера они получили дипломы лауреатов премии Комсомола за «изделие», а сегодня посланы на бетоно-мешалку». Чувствуете, вчера — премию, а сегодня... XXI век.

Но вспомнился анекдот того времени. Два жулика ночью схватили прохожего:

— Снимай пальто!

— Отпустите! Мне больше не купить пальто,— взмолился мужчина.— Я получаю всего сто рублей.

— А кем ты работаешь? — спросил один жулик.— Инженером,— плачет мужчина.

— Ванька, дай этому инженеру сто рублей и отпусти,— засмеялся жулик. Вот этим романом Алексей Яшин и открывает, что представлял из себя инженер страны того времени. Я тоже получал, по первому образованию, 100 рублей.

Инженеры могли ответить в защиту от унижения ходячей фразой: «Зато мы делали ракеты».

Конечно, в памяти, помимо ракет, были и ГУЛАГи. Как о них не написать. Но как о них писать с иронией, когда тогда можно было за неосторожные слова получить срок. Вот как пишет Алексей Яшин.

Он использует небольшие послабления, которые были у самих работников КГБ, и то с осуждением: «Овцовский воскликнул: «Что бы там не сочинял Солженицын, которого закордонные «голоса» изо дня в день читают, но культурно-воспитательная работа в лагерях велась серьезно, что видно даже из инвентарного номера: только на букву «Н» авторов за тысячу томов». Даже в этом тексте удастся сказать о тысячах политзаключенных (если включить другие буквы). В Тулуповск наш герой «из Ленинграда же привозил отксеренную (был ксерокс?) или отфотографированную литературу, не поощряемую Главлитом; сочинения Солженицына, крикливых московских диссидентов с «именами», «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Михаила Афанасьевича Булакова. Пытается автор объяснить, что такого в открытую не говорили. Якобы девушки смеются, что наш герой всю жизнь носил пистолет в кобуре на боку, от этого немного кривоват.

Еще одна характерная черта автора, о которой я не могу не сказать. Алексей Яшин педантичен во всем. В литературе это подтверждается отметкой прямоугольником каждого абзаца. Раньше отмечали цифрами. А если бы не держал все в строгом порядке, не написал бы столько произведений.

(Текст книги размещен на сайте <http://www.pz.tula.ru/>)

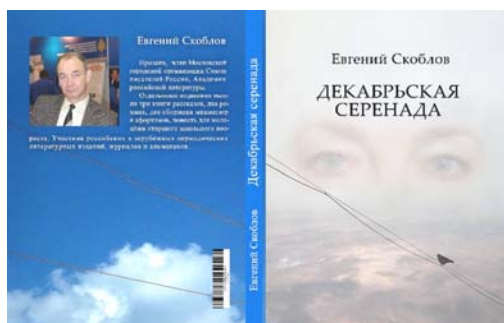

Валентина Гончарова
(г. Геленджик, Краснодарский край)

ЕВГЕНИЙ И ЕВГЕНИЯ*

На первый взгляд может показаться, что в недавно вышедшей книге Евгения Скоблова «Декабрьская серенада» читателю предлагается, по сути, разговор автора со «своим отражением в зеркале», попытка уловить беззвучное эхо «в мире пустоты», порой — пустыне, в плане искренних ответных чувств. Тем не менее, выстраивая концепцию повествования в виде отельных, сюжетно организованных глав-

посвящений, автор отыскивает некие «оазисы», где его монологи незаметно трансформируются в своеобразные диалоги о Любви. При этом путь его поиска-посвящения пролегает через глубокие размышления, исследования и воспоминания о женщинах, даривших в разные отрезки жизни любовь, или надежду на нее. Вязь отдельных историй составляет сюжет основного произведения книги, собственно, повести «Декабрьская серенада» (в книге есть еще несколько рассказов разных лет, посвященных теме взаимоотношений «мужчина — женщина»).

В поисках долгожданного счастья чуткая душа героя «Декабрьской серенады» (повествование идет от первого лица) всякий раз принимает очередную встречу за «ту самую»! Ну как же ей, душе-страннице, без поиска на Земле небесной гармонии, смутно помнящей чарующие чувства Любви и Света, Радости и Покоя, в которые она была погружена среди звезд?

Отвлекаясь от бесконечности многообразия мироздания (но имея его в уме), автор сфокусировал свой взгляд на *женщине*, «существе особом, удивительном, даже волшебном, сверхестественном» (по Чарльзу Буковски). Согласимся: только состоявшийся мужчина может увидеть, а главное, оценить в женщине перечисленные качества. Эпиграф к повести-посвящению «Декабрьская серенада» объясняет всю суть повествования. Слова Альберта Эйнштейна: «Я нуждаюсь в том, чтобы любить кого-нибудь, иначе жизнь чересчур печальна. И этот кто-то — Вы» своеобразно продолжены во вступительной главе «Увертюра» словами героя, обращенными к Главной Героине произведения, «недостигаемой» Евгении Николаевне: *«Очень жаль, что среди этой плеяды Великих Женщин моей жизни... нет Вас, дорогая моя. Очень надеюсь, что ПОКА нет».*

По сути, Любовь — это единственный вариант спасения не только каждой души,

* Рецензия-отзыв на книгу Евгения Скоблова «ДЕКАБРЬСКАЯ СЕРЕНАДА» (романтические записки юного пенсионера). Повесть, рассказы: М. «Содружество СОВЛИТ», 2016.

но и человечества в целом. Эта мысль незримо прослеживается по ходу всего повествования. Автор, обладая природной глубиной ума, награжденный талантом, по наитию, по таинству творческой искры, вышел на этот путь. Достоинством его можно отметить то, что пишет он о сложном ясно, с легкой иронией, местами — светлой печалью, с чувством меры. В самом многозначном названии «Серенада» подразумевается не только смысловые, литературные, но и музыкальные «мотивы». Евгений Скоблов, получивший в свое время музыкальное образование, любящий музыку и знающий ее, проявляет себя и как психолог, и как мыслитель-экзистенциалист, понимающий нюансы сердца человеческого, в частности, загадочного женского...

«Своих» женщин «...отношения с которыми выходили за рамки, скажем, дружеских, служебных и прочих-других», он представил нам «Великой Плеядой», указав на их особое место в благодарной душе... Доверительность, лаконизм, открытость и тонкий юмор стиля располагают к чтению с удовольствием. Мы ценим честность сквозь смущение, меру и такт автора, верим ему так же, как он доверяет своей загадочной и строгой Евгении Николаевне, и в общем, *«читательницам — любительницам земляничных полей высоко в небе»*... Непринужденность тона, без распушенности и фамильярности, скрытая шутка, строгость и подтянутость оптимального текста придают стилю автора доверительный тон: мы ценим его наблюдательность и проницательность, верим и радуемся страницам, где женщина любима «в самом высоком смысле».

Герой повести, он же «автор посвящения» (в виде *«романтических записок юного пенсионера»*) благодарен своей жене (она на страницах повести появляется лишь однажды), «невмешательству» которой он обязан своему творческому вдохновению, именно ее одухотворяющему все произведение влиянию, делающему повесть живой, дышащей лирикой, а не «сборником пустых мыслей». *«Без жены его (посвящения) не будет вообще»* — утверждает наш романтик, на миг показав читателю скрытую жемчужину из моря всепоглощающей фантазии, основанной на реалиях и воображении, подобно зеркальному отражению, притягивающему тайной непостижимого. Ведь это, скорее всего, благодаря ей автор выбрал тему женщины и любви, а не сюжеты, где звучала бы совсем иная музыка... Благодаря своему незатухающему чувству, автор умело подает нам психологические нюансы все новых и новых женских образов. Мужчина выбирает тему женщин, а не политики, денег и прочих «мужских радостей», опять-таки потому, что ищет продолжения своих чувств, их непрерывности, наделяя встречаемых женщин чертами единственной... Кто-то отвечает, чувствуя внимание, кто-то грубит, а кто-то вообще не может чувствовать... Эти все новые и новые встречи и формируют ткань новых историй, продиктованных жаждой продолжения любви, верой в негасимость ее огня.

В главе «Первая любовь» наш герой в вагоне метро встречает девушку, поразительно похожую на его первую возлюбленную, в глубине времен, а точнее, в начале 1980-х годов. Семь минут реального времени в 201... году (за две остановки метро) пронесли его по дорогам юношеской симпатии к прекрасной девушке Елене тех дней... Эта она, живая — не фантом, ехала с ним сейчас в метро, ничуть не изменившаяся за тридцать с лишним лет... хотя такого просто не может быть! Вспомнилось, как терял голову от каждой встречи, а *«рубашка пахла ее духами и телом, и я ложился спать с ее именем на устах»*. И была любовь, и было предложение выйти замуж, что, как оказалось, не входило в ее планы... И расстались, «как ничего и не было»... Трепетно относящийся к женщине, «прекрасной и загадочной», герой вдруг задается вопросом-открытием: *«Или это была не Любовь?»*. Верим, как нелегко ему было это признать в море внезапно нахлынувших чувств от очень далеких и дорогих воспоминаний.

Глава «Музыкальная гостиная». Уже совсем иная девушка, Эльвира, музицирует на рояле. Сюита Баха, огонек свечи в подсвечнике на крышке инструмента, и ножка исполнительницы на педали. Красива и талантлива... Но слишком серьезна, чтобы стать привлекательной для «разборчивого жениха», опасаящегося, что минуты светлого минора в юности могут разлиться в море печали в зрелые годы. Стараясь никого не обидеть, «потенциальный жених» (а именно в таком виде предстает перед нами Александр — главное действующее лицо истории), прощаясь, целует ручки Эльвире и ее маме, прихватывает с собой домашнее печенье, чтобы не «вызывать подозрений». Желанный жених уходит надолго... Но не от красоты и музыки, нет, он вежливо удаляется от преждевременного плена. А может быть и... «трусливо сматывается», как иногда говорят в народе. О, когда это было! Сладостные воспоминания, милые люди и нравы...

Три десятка лет разделяют ясный день жизни от сегодняшнего, из ряда вон выходящего, случая в столичном метро... (глава «Схватка»). Тоже женщина, тоже могла бы быть запечатлена совсем по-другому, но — увы! Это было редким потрясением и открытием слабого пола с уже совсем иной стороны. Бытописание знакомо литературе и не ново. Не скучно нам с этим автором потому, что он мыслит и анализирует, касается тайны в своих произведениях. Исподволь он готовит читателя к встрече с необычным через свои предчувствия.

...Поезд метро, то слишком медленно едет, то слишком долго стоит на станциях, потом *«тревожное предчувствие, что совсем скоро его маленький уют и маленькое личное пространство будут кем-то нарушены...»*. И... точно! Странная особа средних лет усаживается рядом, и сразу, видимо, чтобы не тратить времени даром, начинает скандалить. Для начала обзывает *«старым козлом»*, затем *«интеллигентом, что устроил избу-читальню в вагоне»* и т.д., и т.п. Клиника налицо! До неприличия низкий образ взбалмошной женщины опять-таки представляется нашим философом шутливо-иронично: *«Некоторые женщины преобразаются, когда начинают скандалить. Они становятся такими хорошенькими, привлекательными... просто обаяшками... просто наливными яблочками!»*

«Схватка» в метро завершилась, и мы переносимся в другую реальность. И вот здесь нисходит озарение, проливающее свет на очередной урок, связанный с духовным причинно-следственным законом. Автор называет свершившееся в метро *«возмездием»*! Выясняется, это была «расплата» за случившееся когда-то, далеко от Москвы, с ним. Тогда тридцать лет назад, «в глубинах древней Костромы» он в ювелирном магазине обидел даму «забалзаковского» возраста, назвав ее «старой»... На что та, виновато улыбаясь, ответила: «Вы тоже будете старым, молодой человек!» И исчезла... И вот через годы бумеранг вернулся в лице этой «метровско-московской» особы. *«Мысль эта вдруг принесла облегчение: «Может быть, Кострома простила меня, как я сейчас пытаюсь простить Москве? Может быть...»* А вечером, по дороге домой, он остановился у Храма и поблагодарил Бога за все! И за искупительную встречу в метро...

Отстрадал, покаялся, поблагодарил Бога и получил светлый подарок — повышенное внимание очень интересной сотрудницы — Гаянэ Владимировны, умницы и красавицы (глава «Дорогая Гаянэ Владимировна»). На мой взгляд, самый светлый и искренний реальный образ в повести (кроме жены, конечно). Дружба, поддержка и понимание, легкий прощальный поцелуй-подарок — случайностей не бывает... Симпатии-антипатии... в женском окружении, ну как без этого? Главка на полторы странички мастерски отражает бездну знаний женской психологии. Находится место и тонкой лирике в этой, казалось бы, выхоленной, чиновничьей среде.

На рабочем совещании двое «заговорщиков» (он и она) затеяли «игру в пригляд-

ки» (глава «Важное заседание или игра в приглядочки»). Наш «юный пенсионер» оказывается напротив предмета своего обожания — Евгении Николаевны — за большим офисным столом. Начинаются, скрытые от понимания других участников заседания, остроумные послы «приглядочек», эдакий молчаливый диалог через воображаемую телепатическую связь... Лирически изящная, глубоко человеческая и даже немного печальная картинка.

Хотелось бы отметить, что в целом «Декабрьская серенада» — это не только романтические записки о любви и посвящение Женщине. Это во многом жизнеописание, попытка осмысления современной действительности. Впрочем, автору эта попытка удастся легко, с тонким юмором, иронией, часто самоиронией. Тема «дураков» (в главах «Литературное собрание», «Дымов на тропе войны», «Старые дачные дела», «Вечер в сбербанке») соприкасается с любовной лирикой романтическим рамочным обрамлением. Это тонкопсихологические истории, изложенные на приеме контраста, делающего повествование увлекательным и объемным. Тем не менее, и здесь автор стремится передать свою мысль читателю сквозь призму общей канвы «романтических записок».

«Тем более, какой-то мерзавец резко распахнул дверь конференц-зала за Вашей спиной, и едва не зацепил Вас. Наверное, следовало бы дать ему в морду, но я вовремя разобрался, что это наш сотрудник и хороший знакомый Крючков, и он не знал, что мы с Вами молчим по эту сторону двери. Поэтому я просто... осмелился погладить Вас по спине оберегающим жестом. Мне, знаете ли, вдруг захотелось прикоснуться к Вам... И если я что-нибудь сделал, подумал, или хотел сделать не так, то прошу прощения. На коленях, конечно же!»

В главе «Запасной игрок», в итоге философско-житейских размышлений о сути взаимоотношений между мужчиной и женщиной, читатель ловит признание: *«Теперь я навсегда в основном составе. Примерный муж, любимый папа и все такое...»* (выделенное мной) — штрих, свойственный манере автора, избегающего пафоса, укрывающего за легкостью разговорного языка, по сути, философские глубины, ощущения тайны в жизни, которые автор изящно доносит до нас. Да, он часто оказывался, образно говоря, «запасным игроком» в различные периоды жизни и в разных ситуациях, но всегда был способен *«выйти на замену в трудную минуту на поле жизни и забить решающий гол»*.

О странных сущностях женского рода, живущих для того, *«чтобы портить вещи, образ мышления, в конце концов, жизнь другим людям, оставаясь при этом безнаказанными»* — рассказывается в очень короткой истории-главе «Тертые пластинки». Да, конечно, все может начаться с невинной детской болтовни в подъезде. Особенно, когда помыслы не очень чисты. Впрочем, не только женщины, но порой и мужчины способны на мелкие «пакости», хотя тут уже хотя бы проявлена мотивация: собственный интерес. В главе «Молодость» надо отметить четкую нравственную позицию автора, который утверждает, что в большинстве ошибок молодости, пусть и исходящих из чистоты, неопытности и максимализма, человек все-таки виноват сам. Один студент хотел познакомиться с понравившейся девушкой («с параллельного потока»), но... «поделится с другом» и узнал от него, что *«она же дура!»*. Причем это мнение не самого «друга», а еще одного их общего знакомого, который так некрасиво отозвался о человеке за его спиной. В итоге с девушкой не познакомился, поссорился с другом и «вычеркнул из друзей», как сейчас принято говорить, того самого общего знакомого...

Совсем иное дело глава «Любовь нас выбирает». «Воспоминания» о похождениях, любовных приключениях молодости преподнесены с легкостью и даже удовольствием. Автор представляет их историями любви молодого мужчины, находящегося

в поисках гармонии бытия... «Благородный рыцарь», но, что называется, хулиганистый и с юморком — не иначе! Идеальный любовник, который даже не ревнует, когда жизнь показывает ему соперников. Нет, конечно, (мысленно обращается он к милой, но «строгой» Евгении Николаевне), это была совсем не Любовь, а *просто любовь*, так необходимая растущему мужскому инстинкту, который здоров от природы... Да и «его женщинам» с ним хорошо. Они не ищут его и не плачут после его ухода. Любовь без страданий и привязанностей — мечта среднего человека, живущего одним днем. Но не станем продолжать эту тему, тем более на современном фоне... Главное, само отношение мужчины, идеализирующего женщин (в целом) и поднимающего их на высоту своего светлого чувства благодарности и преклонения. Милосердному да воздастся сторицей! А еще — умеющему любить, вопреки...

Глава «Насыщенный день» тому подтверждение. Категория времени здесь обыгрывается с редкостным свойством у мужчин — участием и сопереживанием. Конечно, у нашего героя нет «личного биографа»... Но если бы он был, то этот день был бы вписан красными чернилами в дневник жизни. Встречи с множеством женщин в пределах «одного рабочего дня», бывших в разное время его «гражданскими» женами, и оказание маленькой, но необходимой помощи каждой... Фантазия, конечно, но браво, автор!

В главе «Старые дачные дела» мы узнаем о «маленьких дачных радостях и недо-разумениях», где разные люди, с разными подходами к пониманию мира и его содержания, вынуждены сталкиваться и раздражать друг друга до того момента, когда любые встречи становятся невозможными!

После женских портретов, от юных до самых почтенных, с гаммой их характеров на полную октаву, в диапазон автора вступают мужчины (глава «Дымов на тропе войны»). Чинцов, Дымов и Балбес — забавный мужской лабиринт, и путь в нем показан остроумно, наблюдательно, психологично... Мастер, одним словом, наш автор! Окончание главы звучит как вердикт:

«Ну, и где же здесь романтика?» — спросите Вы.

«Здесь ее нет. Нет женщин, нет романтики», — отвечаю я.

«Мужская» тема продолжена в главах «Ориентир — башня» и «Вас вызывает Пиф», где также психологически-нравственная канва делает повествование глубоким и осмысленным. При этом автор часто прибегает к афористичной манере изложения: *«Радость стоит печали, и наоборот», «Ждем одно, получаем другое. Надеемся на хорошее, происходит нечто невразумительно-среднее между «плохо» и «очень плохо». Ожидаем Любовь, а приходит, в лучшем случае, лишь видимость...»*

Но... Любовь — есть! Поверили мы тому или нет, дело каждого. Все точки над «і» ставит последняя глава. *«Так что, только Вы, глубокоуважаемая Евгения Николаевна!»*

В искусстве и литературе сюжеты о любви — одни из самых актуальных и востребованных. В заключительной главе писатель Евгений Скоблов вспоминает о том, как *«один из его читателей поинтересовался, а почему, собственно, я не пишу о любви? И в самом деле, почему, подумал я»*. И продолжил в своей загадочно-ироничной манере: *«А может быть я действительно еще толком не написал ничего стоящего на эту, безусловно волнующую большинство женщин и мужчин, тему? Или почти большинство из тех, кто вообще что-то читает»*.

Ирония автора по поводу нравов современного общества вполне уместна и многое определяет в тематическом выборе приоритетов. «Перец и соль», то бишь, юмор и сатира, составляют основной фон многих его произведений. Он честен в этом выборе перед собой и читателем. Он естественен и правдив, описывая странствия доброго посланника, затерявшегося в двух последних веках, в лабиринтах серых дней одной из столиц планеты Земля. Без лишнего пафоса и назиданий он обнажает хро-

нические недуги обывателя, длящиеся с незапамятных времен в человеческом роде, в дне сегодняшнем. Справляется с этим писатель мягко, ненавязчиво. Будучи добрым по натуре человеком, благородным и немногословным, он умело обходит острые углы социальных проблем, без надрыва, с мягким юмором, часто междустрочным, потому и особо ценным. Кроме того, ценность повествования и в размышлениях автора, актуальных и мудрых, преподнесенных с юмором и теплотой — интеллигентно, хорошим русским языком, исчезающим сегодня катастрофически...

«Декабрьская серенада» — «концептуальная» повесть-посвящение, необычна по композиции и замыслу. На мой взгляд, автор сознательно прячет «самое заветное» и потому «настоящий роман о любви», о котором идет речь в последней главе, может быть им написан только в Далеком Будущем. А пока, это лишь «романтические записки юного пенсионера»...

В заключение хотелось бы сказать, что книги Евгения Скоблова ждут своего глубокого исследования, читать их легко и интересно, они наполнены глубокими подтекстами, несмотря на кажущуюся легкость сюжета и стиля...

ЕСЛИ ТЫ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ, ТО ЗАЧЕМ ТЫ?

Интервью с Эдуардом Георгиевским

Окончил Московский медицинский институт. С 1966 по 1970 год работал врачом на острове Сахалин, а затем тридцать пять лет в Тульской областной больнице. Заслуженный врач РФ. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников.

Публиковался в альманахах «Тула», «День тульской поэзии», в сборнике «Иван-озеро», в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Основатель, составитель и главный редактор литературного альманаха «На крыльях Пегаса». Награжден медалью «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». Член Союза писателей России и Международного сообщества писательских союзов

— Эдуард Павлович, во-первых, разрешите поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов. За Вашими плечами большая жизнь. Что более всего в ней запомнилось?

— Спасибо за поздравление, за память обо мне, ведь прошло немало времени с того первого интервью. Моя память хранит, как мне кажется, много интересного, всего и не скажешь в коротком интервью. Но более всего мне помнится начало моей деятельности как врача в городе Углегорске Сахалинской области, куда я был направлен после окончания 1-го Московского мединститута в 1966 году. Правильно было бы сказать не «направлен», а прибыл по собственному желанию, т.к. природа острова Сахалин давно меня как туриста привлекала. Я добился направления. Помню свое первое дежурство в больнице, своего первого больного, которого удалось спасти. Кстати говоря, этот «сахалинский» период описан в моей автобиографической повести «Своя стезя», которая вышла с дополнительным тиражом в 200 экз. в 2012 году. В памяти остались события, которые нельзя забыть,— это присвоение звания «Заслуженный врач РФ» и вручение билета члена Союза писателей России. Ну и, конечно, моя первая книга стихов «Мне по душе невиданный простор».

— Вы всю жизнь служили медицине и литературе. А вставал ли когда вопрос: Быть или не быть? То есть, служить или не служить? И довольны ли Вы тем, что сделали как в медицине, так и в литературе?

— Просто работать за деньги легко человека научить — в институтах можно подготовить достаточно грамотных специалистов, будь то учитель, инженер или врач. Для того и существуют в обществе, государстве высшие учебные заведения. Но мне думается, что становятся лучшими те, кто нашел себя в каком — либо деле, т.е. пошел учиться по велению души и сердца, одним словом, по призванию. Правда, известно немало случаев, когда человек окончил один институт или даже два, становится в жизни совсем другим специалистом в прямом смысле этого слова. Я это объ-

ясняю тем, что природа человека берет свое, и это я называю счастьем, когда человек с гордостью говорит, что это дело — «мое». А на вторую часть вопроса я ответил выше.

— *В прошлом нашем с Вами интервью Вы говорили, цитирую: — Мое глубокое убеждение, что недалеко то время, когда люди будут страдать от накопленного богатства. Быть богатым станет не модным. И тогда на первое место опять выйдет духовное развитие личности. Сейчас духовность оттеснена. Думаю, временно. Она опять восторжествует. Вот тогда и появятся новые отечественные гиганты мысли и слова. Прошло пять лет, изменилось ли Ваше мнение по этому вопросу?*

— Наоборот, еще более укрепились. Вы посмотрите, в какое время мы живем. И в каком обществе. В обществе потребления. Это означает, что на первом месте еда и одежда, а духовное развитие — не обязательно. Откуда берутся бездушные люди, становится понятным. Еще когда Максим Горький говорил: «Если ты не за себя, то кто за тебя?...» Этим самым он подчеркивал, что личность должна быть самостоятельной. Но далее он продолжал: «Но если ты только за себя, то зачем ты?». А этим он подчеркивал социальную значимость личности, которая, понятно, не должна быть эгоистом, а должна вмещать в себя сопереживание, сострадание, сочувствие и т.д., т.е. личность — это когда человек одухотворенный. Отсюда слова — оценки: душевный человек, добрый человек, душа-человек.

— *Вы не один год являетесь заместителем руководителя литературного объединения «Пегас». В 2016 году, кстати, в Год литературы, тульские писатели лишились своего здания — Дома творчества на Каминского, в котором Вы не один год проводили занятия с пегасовцами. Как сегодня обстоят дела, занятия проводятся?*

— Более 3 мес. назад из писательской организации было направлено письмо министру культуры Тульской области с просьбой предложить помещение для дальнейшего существования областного литературного объединения «Пегас» при писательской организации. До сих пор никакого ответа не получено. Я думаю, что не случайно министерство культуры и образования было переименовано в министерство культуры и туризма. Дело в том, что все усилия это министерство тратит на развитие туризма. Дело нужное, но зачем же культуру забывать. Кстати говоря, слово «культура» первоначально означало «воспитание», но потом трансформировалось в «образование». Так зачем же о нем забывать. Разве работа министерства заключается только в том, чтобы разъезжать по районам области и вручать почетные грамоты и благодарственные письма? Постепенное вымывание духовности и культуры — это прямой путь к вырождению нации и государства. Тот факт, что писательская организация и областное литературное объединение «Пегас» при ней лишились Дома творчества да еще в Год литературы, говорит о том, что министерству на все наплевать. Иначе сказать нельзя.

— *Недавно вышел очередной номер альманаха «Пегас». Вы его бессменный руководитель и составитель. Но ведь эта работа отнимает много времени, за которое Вы, может быть, написали бы новую повесть или прекрасные стихи. Вам времени не жалко?*

— Жалко, конечно. Я все никак не начну вторую книгу повести «Своя стезя». Первая книга была, проще говоря, про медицину, а вторая — по моему замыслу — про литературу. Судьба распорядилась так, что я существовал в одной ипостаси (врач), а сейчас существую в другой — как писатель. Однако наш альманах «На крыльях «Пегаса» и «Пегасик» как приложение к нему — тоже интересная работа для меня как главного редактора. Ведь через меня проходят рукописи 35—40 авторов

каждого номера. Я читаю их тексты, иногда правлю их с согласия автора. Эта работа мне многое дает. Подход дифференцированный — кому-то надо помочь, кого-то по-критиковать. Как правило, мы находим консенсус. Ведь главная задача этих изданий — популяризация творчества членов областного литературного объединения «Пегас» при тульской писательской организации.

— *В наше сегодняшнее коммерческое время каждый желающий может за свой счет издать книги, а затем требовать приема в Союз писателей. Не кажется ли Вам, что сегодня в литературе торжество тех, кто хочет быть писателем, а не тех, кто может?*

— В наше время можно напечатать за свой счет сколько угодно и чего угодно. Все-таки я глубоко верю, что правда всегда побеждает ложь. Правда, на это уходит иногда много времени, но как иначе. Правдой, верой жив человек. Как говорит русская пословица, «Шила в мешке не утаишь». Рано или поздно (вот, что значит фактор времени!) становится известно, кто есть кто. Так называемые «успешные» писатели, чьи книги выходят тиражом 40—50 тысяч экземпляров, все это — пена, которую унесет ветер или она сама канет в Лету. Все-таки классика есть классика, а все эти «фэн-тези» не что иное, как забавное чтиво, но не литература. Задача истинной литературы — воспитывать (а в последующем и подпитывать) в человеке чувства добра и справедливости, наполнять душу светлыми мыслями, оптимизмом, верой в светлое будущее. В Союз писателей приходят люди добровольно, по зову души и сердца, кто считает это делом всей своей жизни, люди безусловно творческие, в ком зажглась искра Божия. Вот они и являются движущей силой, а «временщики» или становятся графоманами, или «исписываются».

— *Сейчас в литературных СМИ часто поднимается вопрос о смене руководителя Союза писателей России. Многие тульские писатели говорят, что сегодня и в Туле назрела такая же необходимость. Кто сегодня, на Ваш взгляд, должен возглавить писательское сообщество — гений слова, человек с писательским именем, или человек, скажем так, в литературе малоталантливый, но закулисный вдохновитель и организатор литературного процесса?*

— Безусловно, ротация кадров — это естественный процесс. Не надо только ломать через колено. Что касается нашей писательской организации, то откровенно скажу, что если бы не Пахомов Виктор Федорович, писатель широко известный в России, то наша организация давно бы самораспустилась в период с лихих девяностых до наших дней. Несмотря на трудности, Пахомов В. Ф. сумел не только сохранить писательскую организацию, но и преумножить ее работоспособность. За 20 с лишним лет было написано много новых книг поэтами и прозаиками, проводились встречи писателей со студентами, военнослужащими, были выезды в районы области для встреч с читателями и т.д., т.п. И все это в критическое для страны время и на общественных началах. Я хорошо помню, что для того, чтобы поощрить меня за активную работу в писательской организации мне приходилось самому покупать бланк Почетной грамоты, из собственных средств оплачивался телефон — таково было безденежье организации. А нужного внимания со стороны администрации области как не было, так и нет до сего времени. В этой связи хочется повториться, что даже в Год литературы писатели лишились своего Дома творчества. Спрашивается: «За что?». На мой взгляд, в нашей стране идет ползучий процесс вымывания духовности, расплывается деятельность так называемой «мягкой силы». Наше гражданское общество еще не созрело. Если к этому добавить то время, в котором мы живем, то получается, что нынче в «моде» преуспевающие. Есть действительно преуспевающие, но они любят свою родину, и ими гордится она. А есть люди, которым хочется «поругать». Как правило, все они администраторы с билетом члена Союза писателей в

кармане. Во времена Толстого, Тургенева и других не было никаких союзов писателей. Но были гении от матушки — природы. И они стали классикой, примером для подражания. А сейчас все хотят руководить, стать чиновниками. Именно чинуши не дают свободно дышать в России. Руководителем организации писателей должен быть человек с литературным именем и большим опытом общения с писателями. Его задача — передать накопленный опыт молодым писателям, подготовить достойную замену себе. Он должен определить кандидата на руководителя и предложить его писательской организации, но ни в коем случае не навязывание сверху. Все решает собрание — высший руководящий орган. Это и есть настоящая ротация, так сохраняется преемственность, так сохраняется писательская организация.

— *В одном из интервью Вы говорили: — Какое время, такие и песни. Сегодня одни ругают наше время, а другие восхваляют. Вы с кем — с первыми или вторыми?*

— Мне думается, что наше время это своеобразный переходный период. Фифти-фифти: много позитива и не меньше негатива. Идет атака на классический добротный консерватизм по всем фронтам литературы и искусства. Хочется чего-то новенького, а чего — никто определенно не знает. Пробуются какие-то варианты, которые, оказывается, не годятся, тогда выдвигаются новые и т.д. Это какой-то период экспериментов, который отодвигает здоровый консерватизм все дальше и дальше от человека. К чему приведет этот переходный период, никто не может сказать. На мой взгляд, мы опять вернемся к классике, жаль только потерянного времени. Во главе угла деятельности писателя всегда был человек с его сильными сторонами и слабостями. Сильных людей восхваляют, слабых поддерживают. Это так всегда было на Руси. Но если человека еще обижает и власть, особенно на местах, то писатель становится на сторону обиженного, но это нельзя назвать противостоянием. В демократическом обществе справедливая, здоровая критика должна приветствоваться, поддерживаться, а иначе как быть в гуще народа, для чего тогда Народный фронт.

— *Над чем сейчас работаете?*

— В моих планах в этом году издать альбом песен с нотами на мои стихи под названием «От сердца к сердцу - 2», выпустить очередной диск песен на мои стихи и, наконец, написать несколько глав второй книги повести «Своя стезя».

— *Чтобы Вы, Эдуард Павлович, пожелали молодому поколению?*

— Молодым везде у нас дорога. Только надо правильно выбрать дорогу, свою стезю. Пусть каждый идет своей дорогой, не забывая при этом слова А. М. Горького, повторюсь: «Если ты не за себя, то кто за тебя? Но если ты только за себя, то зачем ты?»

*Геннадий Маркин,
член Союза писателей России,
г. Щекино*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

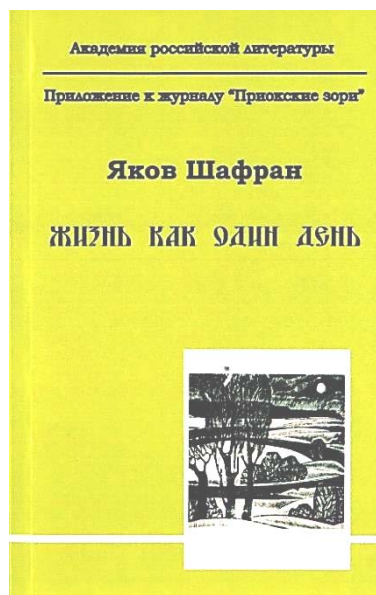
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2017.— № 1—3.
2. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2017.— № 1—3.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2017.— №№ 1—5.
4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2017.— №№ 1, 2.
5. *Сапожников В. Г. Сенин С. В.* Настроение: Музыкально-поэтический альбом.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 80 с., ил.
6. *Шафран Я. Н., Сенин С. В.* Души моей солнце: Музыкально-поэтический альбом.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 48 с.
7. *Зимушка*: Музыкально-поэтический альбом. Стихи Тульских поэтов. Композитор Сергей Сенин.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 40 с.
8. *Глоток весны*: Музыкально-поэтический альбом. Стихи Тульских поэтов. Композитор Сергей Сенин.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 40 с.
9. *Сенин С. В.* Скатерть в незабудках: Романсы о любви для голоса в сопровождении фортепиано (на стихи тульских поэтов) / Библиотека современного романса.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 68 с.
10. *Моя Тула*. Песни о городе-герое Туле: сборник мелодий и песен. Тула: Изд-во Тул-ГУ, 2016.— 140 с.
11. *Тульская осень*: Музыкально-поэтический альбом. Стихи тульских поэтов. Музыка Сергея Сенина. Фото Алексея Сенина.— Тула: «Полиграфинвест», 2016.— 40 с., илл.
12. *Кузнецова Л. П., Кузнецова В. А.* Дорога к храму. Путеводитель по православным храмам Тулы.— Тула, 2016.— 141 с., илл.
13. *Александр Комиссар*. Комиссары: Стихотворные афоризмы.— М.: Изд-во «ОБРАЗ», 2017.— 160 с. (Серия «Вдохновение»).
14. *Савостьянов В. Н.* Гравирующий души добром. О поэте Валерии Ходулине.— Тула: «Аквариус», 2017.— 80 с.
15. *Николай Макаров*. Артиллеристы земли тульской.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 364 с.
16. *Николай Макаров*. Летчики земли тульской.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 341 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки пряничного города*: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмыр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Шафран Я. Н.* Человек человеку: Сб. рассказов / Предисл. А. Яшина и И. Карлова.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышла следующая книга:

Николай Макаров. Суворовцы земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 286 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2016-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2017-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДНЫХ ЗНАКОВ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ЛЕОНИДУ ИВАНОВУ

Диплом и медаль лауреата премии им. Лескова «Левша» на общем собрании писательской организации и общества русской культуры в Русском доме Тюмени вручила Леониду Иванову председатель Тюменского областного общества русской культуры, доктор филологических наук, профессор Тамара Трунилова.

ИНФОРМАЦИЯ в журнале «Бийский Вестник»

Решением редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и правления Академии российской литературы, а также по итогам открытого интернетовского опроса читателей, названы имена лауреатов Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в «Приокских зорях» за 2016-й год:

- в жанре прозы, включая драматургию:
Владимир Федоров (Москва) и Леонид Иванов (Тюмень);
- в жанре поэзии: Валерий Савостьянов (Тула) и Анатолий Аврутин (Минск. Белоруссия);
- в жанре литературной публицистики:
Тимур Зульфикаров (Москва).

В жанре литературоведения премия за этот год не присуждается.
Вручение премий состоялось в декабре 2016 года

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД ЧЛЕНУ РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Выписка

из распоряжения председателя Тульской областной Думы 6-го созыва
От 23.01.2017 № 7-р «О награждении Благодарственным письмом
Тульской областной Думы»

Наградить Благодарственным письмом Тульской областной Думы:

4) за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и большой вклад в увековечение памяти погибших защитников Отечества члена Тульской региональной организации Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана»: Макарова Николая Алексеевича.

Председатель Тульской
областной Думы

С. А. Харитонов

20 марта 2017 года председатель Тульского областного комитета ветеранов «Российский Союз ветеранов» гвардии подполковник В. Г. Выродов вручил ПОЧЕТНЫЙ ЗНАК «Ветеран Тульской области» гвардии майору медицинской службы, члену Союза писателей России, Российскому Союзу ветеранов Афганистана, Союзу десантников России.

Макарову Николаю Алексеевичу.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА

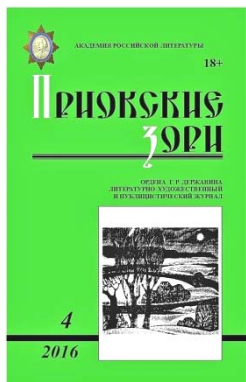
14 марта 2017 года члену Союза писателей России, Союзу десантников России, Российского Союза ветеранов Афганистана МАКАРОВУ Николаю Алексеевичу за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи и за книги «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Десантники земли тульской», «Мои коллеги — военные медики» и др. вручен орден Союза десантников России «Генерал армии В. Ф. Маргелов».

Орден (№ 1381) и удостоверение вручил гвардии полковник запаса, председатель Регионального отделения ДОСААФ России Тульской области, председатель Регионального отделения общественной организации «Союз десантников России» Ю. Г. Левченко.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»!

В апреле этого года в FACEBOOK создана страница нашего журнала. Предлагаем вашему вниманию информацию о странице

<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

Дата создания — 5 апреля 2017 г.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

— Информация о выходе в свет № 1, 2017 «Приокских зорь».

— Оглавление номера.

— Колонка главного редактора «Апология христианской этики как отсрочение явления молоха глобализма»;

— «К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

— Алексей Яшин. «Задушевный разговор с авторами и читателями».

— Интервью Алексея Афанасьевича Яшина — главного редактора журнала «Приокские зори», данное во Всемирный День писателя журналисту В. В. Щеглову на тульском радио. О литературе, о журнале и о себе (ссылка на аудиофайл).

— У нас в гостях Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Современная русская проза Белоруссии. Образы и тропы русской поэзии Белоруссии.

— Материалы из рубрики «Мал золотник да дорог (произведения писателей из России и других стран).

— Видеозапись концерта-презентации музыкально-поэтического сборника Я. Шафрана и С. Сенина «Души моей солнце».

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ:

40 человек отметили страницу как понравившуюся.

44 человека подписались на публикации страницы.

79 отметок о понравившихся отдельных публикациях страницы. Наиболее активными оказались: Лев Воросцов, Олеся Янгол, Тамара Соловьева, Ирина Мадрига, Андрей Сутоцкий, Василий Тищенко, Валерий Богушев, Сергей Одинокоев, Андрей Коровенков, Лариса Мерзлякова, Игорь Топоров, Валерий Савостьянов, Ибн Ильяс.

В АДРЕС ЖУРНАЛА ПРИШЛИ СООБЩЕНИЯ:

Николай Боярчук: «Прекрасный журнал. С поэтическим названием. И скорее всего, с такими же добрыми, романтическими и творчески одаренными сотрудниками! Мой Вам поклон. От безымянного автора, однако получившего дар вкушать всю прелесть и сладость, и могущество нашего родного русского языка. Листая Ваши страницы».

Андрей Сутоцкий: «Мои самые добрые пожелания журналу "Приокские зори"!»

Василий Попов: «Давно пора выходить на международный уровень...»

Олеся Янгол: «Добро пожаловать!»

Лариса Ивановна Яшина: «Алексей Афанасьевич! Рада появлению журнала здесь. Боюсь только, что журнал завалят не только достойными произведениями, а и такими, с которыми отделы поэзии, прозы устанут разбираться. Но есть в фейсе и очень достойные авторы, если они предложат свое, будет интересно. Ваш автор — Л. Яшина».

Валерий Акимов: «"Приокские Зори", как приокские зори, вдохновляют на творчество!»

Людмила Козлова: «Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Спасибо за ссылку! Разместила ее на моей странице в Фейсбук».

Сергей Прохоров: «Рад за "ПЗ". А в "ЖМ" мы рядом. Жму краба!»

Андрей Сутоцкий: «ОГРОМНОЕ СПАСИБО, АЛЕКСЕЙ! ПРОЦВЕТАНИЯ ВАШЕМУ ЖУРНАЛУ И ВСЕМ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ!»

Людмила Козлова: «Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Спасибо за ссылку на интервью! Разместила ее на моей странице в Фейсбук и Майл.ру».

О НАС ПИШУТ

Евгений Скоблов и Ольга Карагодина сделали публикации в группе «Академия российской литературы».

Евгений Скоблов

15 апреля в 23:21

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию интервью Алексея Афанасьевича ЯШИНА — главного редактора журнала «Приокские зори», данное во Всемирный День писателя журналисту В. В. Щеглову на тульском радио.

«О литературе, о журнале и о себе».

Материал интервью размещается по ссылке:

<https://disk.yandex.ru/client/disk>

Название файла

«Радио ТУЛА. Интервью Яшина».

Орготдел академии РЛ

В ФЕВРАЛЬСКОМ «БУМАЖНОМ» НОМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» на стр. 2 в разделе «Хроника писательской жизни» размещен обзор № 4, 2016 «Приокских зорь».

«Приокские зори» № 4 — 2016, Тула

Колонка главного редактора «Россия не Европа...» в этом номере посвящена темам будущей возможной эволюции стран мира и мироустройства и особенностям России. Статья написана в свойственном Алексею Яшину стиле занимательного повествования. В разделе «Крупный жанр...» привлекает уже само название повести Олеси Янгол и Виталия Ковалева — «Голубая лавочка с видом на закат». Но вчитавшись, находишь действительно замечательные места: «Хотелось бы снова этому научиться. Просто видеть небо, слышать, как шумит море, как ползет божья коровка по пальцу»... «Самое главное в технике остановки времени — это остановиться самому и заметить мир вокруг себя». Известный писатель Игорь Нехамес представлен в журнале произведениями к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой: «Сила ненависти», «И собаки защищали столицу». Многогранный писательский талант Виктора Еремина на сей раз повернулся к читателю своей драматургической стороной. Одноактная трагикомедия в 4-х картинах «Конфликт» — история о казенных и посадских тульских оружейниках. Остросюжетная повесть известного литератора Николая Тимохина «Любовь — до гроба» основана на реальных событиях из материалов уголовного дела и рассчитана на читателей, равнодушных к проблемам современного общества. «Современный русский рассказ» представлен целой гирляндой прозаиков. Произведение Бахытжана Канапьянова «Вишенка» — замечательное лирическое стихотворение в прозе. Его «Летний кинотеатр» повествует о подвиге человека, который на своем рабочем месте, даже под угрозой смерти, противостоит хулиганам. Легко и с интересом читается юмористический рассказ Леонида Иванова «Гостевали». Что может быть ценнее повествования о реальных людях и событиях? Таков материал «Наши женщины в Афганистане» Николая Макарова. Как всегда художественно сочно и увлекательно произведение Алексея Яшина «Война в Арктике: из рассказов Николая Андреяновича» об одном интересном реальном эпизоде, произошедшем в конце войны на Северном флоте. «Нетолерашен» Владимира Сапожникова — хороший, «не вбровь, а в глаз», рассказ о последствиях беспредельной толерантности коренных жителей Европы. Валерий Румянцев в своем «Пуховом платке» говорит, что на дороге жизни можно встретиться и со своей прошлой любовью, но вот, что ни делай, а время не вернуть, и от памяти не откупиться... Хороши рассказы Анатолия Карасева, Сергея Криворотова и Ефима Гаммера. В разделе «Образы и тропы поэзии» чудесная подборка стихов Анатолия Аврутина «Осенние плачи» о глубокой любви к России: «Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно! / Здесь густая живица в момент заживляет ладонь. / Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана — / Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!». С ними перекликаются стихи Ивана Тимченко: «Судьба моя, душа моя — Россия! / Живу лишь потому, что ты велишь, / И верую — отступится стихия, / Утихнет смута, Светлый Мир возрастишь!». Гимном любви человека, находящегося в очень долгой разлуке с любимой, звучат стихи Олега Сенина из поэтического цикла «Пленение». Ему вторят замечательные стихи Олега Пантюхина: «На много лет, на множество столетий / С тобою мы в любовь погружены. / Через века увидят наши дети, / Как мы с тобою были влюблены». Праведным вопросом задается Александр Чаев: «Ведь воля есть на все Господня: / Кому — разбой, кому — ларек... / Кого бы Лермонтов сегодня... / Героем Времени нарек?...». С удовольствием читаем стихи Валерия Акимова, Александра Норенкова, Алены Алещенковой и Татьяны Сушенцовой. «Публицистика, литературоведение, литературная критика» увлекает статьей Игоря Карлова «...И на земле учиться жить, как человек...». Он пишет о сборнике 16-летней Анны Самошиной «Между небом и землей». Этот сборник, говорит Карлов, «подтверждает наличие высоких духовных качеств у лучших представителей нашей молодежи <...> и

если в жизни одного человека становится больше творчества, добра и правды, то не станет ли лучше вся Вселенная?». Алексей Гусаков в статье «Война миров» поднимает очень важные темы для литературы и, в частности, поэзии, без оглядки на какие бы то ни было авторитеты, ибо перед истиной все равны. Считаем, эту работу должны прочитать все, кто причисляет себя к литераторам, и не только. В разделе опубликована работа Евгения Трещева «Душа жива, душа воскреснет» – отзыв на творчество Якова Шафрана. В частности он пишет: «Бывает, что с годами талант убывает. Бывает — наоборот. У Якова Наумовича Шафрана как раз второй случай. С каждым пройденным годом он становится мудрей, уверенней и взвешенней в словах и чувствах». С удовольствием читаем о жизненно важном романе А. А. Яшина «Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем» статью Вадимира Трусова «Время, не поменявшее цвет», напечатанную также на странице Академии российской литературы в интернете, и замечательный обзор Андрея Можая «Поэты Лугового края». В номере опубликованы материалы всероссийской дискуссии «Россия не Европа?» от Юрия Клеванца, Ивана Тимченко, Вадимира Трусова и Сергея Лебедева. В «Хронике литературной жизни» — поздравление с 80-летием Президента Академии российской литературы, известного прозаика, поэта, публициста, критика и переводчика Леонида Ханбекова и с 95-летием дважды лауреата журналистской премии им. Г. Успенского, лауреата литпремии им. Л. Толстого, составителя и автора трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области, основателя и председателя Тулоблотделения общества «Мемориал» — Сергея Щеглова (Норильского). Читаем о вручении премии им. С. И. Мосина тульским писателям: Николаю Макарову за серию книг по военно-патриотическому воспитанию молодежи и Валерию Ходулину за создание ярких поэтических произведений, воспевающих героический труд тульских оружейников и их подвиг в Великой Отечественной войне. В этом же разделе отражено создание в Туле отделения Общества русской словесности во главе с митрополитом Тульским и Ефремовским Алексием, заместителем которого стал преподаватель Тульской духовной семинарии Олег Сенин, статью которого «У нашей литературы — особая миссия» также читаем в этом журнале. Интересен отзыв о концерт-презентации музыкально-поэтического альбома «Не теряйте любимых» — плоде совместного творчества поэта Олега Пантюхина и известного композитора, аранжировщика и концертмейстера Сергея Сенина.

Комментарий к статье Евгения Трещева «Душа жива, душа воскреснет».
<http://www.velykoross.ru/>

НАМ ПИШУТ

**С МЕЖДУНАРОДНЫМ ДНЕМ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ 1 МАЯ
И 72-Й ГОДОВЩИНОЙ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ!**

В адрес журнала, его главного редактора и редакции поступили поздравления от Владимира Сапожникова, Бориса Кобринского, Рудольфа Артамонова, Валерия Богушева, Людмилы Козловой, Александра Чаева, Сергея Лебедева, Ольги Борисовой, Федора Ошевнева, Леонида Иванова, Владимира Федорова, Анатолия Аврутина, Валерия Акимова, от Ольги и Натальи Артемовых, Валентины Пинаевской, Валерия Савостьянова, Вячеслава Михайлова, от редакции «Северо-Муйских огней» и многих других.

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич!

Поздравляем Вас, старого североморца, и весь коллектив «ПЗ» с Днем Защитника Отечества (с Днем Советской Армии и Военно-морского флота). Желаем бодрости, крепкого здоровья, творческого вдохновения. Меня долго не было в Москве, а 21 февраля, на следующий же день после возвращения, состоялась презентация моей книги «Четки Памяти» (из пакистанских дневников), которая прошла в Межнациональном клубе «Московский Ковчег» в новом проекте «Культур связующая нить» с участием посольства и землячества Пакистана, ученых востоковедов из институтов РАН РФ, членов Академии поэзии, СПР, представителей издательств и журналов. Показали ролики о стране, несколько музыкальных номеров в исполнении пакистанских артистов, и я почти два часа читала стихи из книги, в которой десять разделов. Прошло неожиданно сверхторжественно, большой актовый и конференц-зал был переполнен, утопала в цветах и похвалах, так как о Пакистане в стихах никто столько не писал и даже предложили из книги (в ней более 200 стихотворений, несколько поэм и т.д.) делать поэтический путеводитель по городам и достопримечательностям для туристов. А мои книги по КНДР, посвященные Ким Чен Иру «Не гаснет памяти звезда», изданные в Пхеньяне стали лучшими за 2014—16 гг. в конкурсе СП.

Немного информации. Постановлением Президиума Верховного Народного Собрания КНДР № 1602 от 3 марта 106 года Чучхе (2017 г.) я награждена ОРДЕНОМ ДРУЖБЫ КНДР второй степени «за большой вклад в развитие культурных и дружественных отношений между КНДР и РФ». Утверждал сам Ким Чен Ын. Носится на ленте, но к нему есть планка и знак. Их четыре степени, но первая только послам и дипломатам. Написала за пять лет 8 книг о КНДР, сейчас еще две издадут (приехала делегация из Пхеньяна). Орден был мне вручен очень торжественно в дни празднования Дня Солнца и 85-ой годовщины создания Народно-демократической Армии КНДР, прошли презентации и приемы, на которых я выступала с докладами и стихами. А моя книга «Не гаснет Памяти звезда» награждена дипломом СП РФ «Лучшая книга года» за 2014—2017 гг.

Кроме того, участвовала в Международном Форуме «Россия и мир», выступление напечатано в материалах Форума, награждена Сертификатом Форума, а статья на основе выступления опубликована в «Вестнике Института мировых цивилизаций». Кстати, Алексей Афанасьевич, говоря о прогнозах развития межкультурного и межрелигиозного сотрудничества и дальнейшего прогнозирования сотрудничества, соперничества и противостояния Востока и Запада и роли России, я останавливалась на ряде произведений современных российских авторов и в том числе говорила о Вашем романе «В час волка».

На 27 апреля получила приглашение от Международного Союза курдских общественных объединений принять участие в Международной конференции «Роль женщин в борьбе с исламским радикализмом». Участвуют женщины-политики, общественники, деятели культуры Турции, Сирии, Ирака, Ирака. Делегации уже с 23 апреля собираются. А затем пройдет презентация книг, где и мои книги по Пакистану «Четки Памяти», новые корейские, переводы непальских поэтов.

С уважением к Вам и добрыми пожеланиями редколлегии.

Людмила Евгеньевна Авдеева, член редколлегии «ПЗ», Москва

13 апреля в 23:55

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

В настоящее время в Академии проводятся организационные мероприятия, направленные на активизацию деятельности организации, совершенствование ее структуры в целях наиболее полной реализации творческого потенциала авторов, развития издательской базы Академии.

В этой связи Правлением принят ряд организационных решений. На общем собрании членов Академии РЛ 30 марта предложены и утверждены кандидатуры Александра ШЕПЕЛЯ (в состав Правления Академии РЛ) и Ирины ЛЕСНОЙ (Ивановой) (заместитель руководителя коллегии поэзии).

На заседании Правления Академии (5 апреля 2017 г.) принято решение о приостановлении деятельности клуба «Московский Парнас», в целях сосредоточения основных усилий на функционировании Академии российской литературы. Правлением Академии может быть рассмотрен вопрос о принятии членов клуба «Московский Парнас» в Академию РЛ.

Орготдел

Академии российской литературы

ПРЕМЬЕРА

Я только что вернулся из Тамбова, там у меня большая премьера драмы «Мейлах в октябре». Высылаю фотографии спектакля.

Рагим Мусаев,

член Академии российской литературы,

член литературного Союза «Полоцкая ветвь», Тула

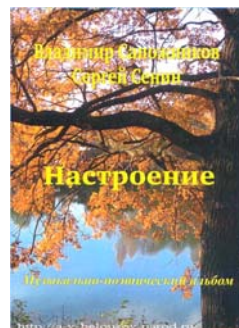

МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ В. САПОЖНИКОВА И С. СЕНИНА «НАСТРОЕНИЕ»

http://a-v-belousov.narod.ru/tula_composer_16.htm

Самое начало 2017 года ознаменовалось выходом в свет музыкально-поэтического альбома «Настроение», авторами которого являются поэт, член Союза писателей России Владимир Сапожников — автор 27 поэтических и прозаических книг; лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого и имени Н. С. Лескова, дипломант всероссийской литературной премии имени А. К. Толстого, член редколлегии и постоянный автор журнала «Приокские зори», и композитор, преподаватель лицея искусств, один из учредителей Региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов», автор 16 сборников вокальных и инструментальных произведений, автор более 200 романсов и песен, произведений для различных музыкальных инструментов, лауреат конкурсов композиторов в Туле и Орле, лауреат всероссийских фестивалей самодеятельного художественного творчества Сергей Сенин. В альбом включены стихи, романсы и песни о родном крае, о его природе, о любви...

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЕ ТУЛЬСКИХ КОМПОЗИТОРОВ»

17 февраля 2017 года в Концертном зале Центра образования № 22 — Лицея искусств города Тулы состоялся отчетный концерт и подведение итогов деятельности Объединения тульских композиторов за 2016 год.

http://a-v-belousov.narod.ru/tula_composer_14.htm

Владимир Пашутин исполняет свои песни из нотного сборника музыкального проекта «Моя Тула»: «Тула — город-герой», слова В. Пашутина, и «Песня негромкая и соловей», слова Я. Шафрана.

О МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ АЛЬБОМЕ С. СЕНИНА «ЗИМУШКА»

http://a-v-belousov.narod.ru/tula_composer_2_4.htm

Поздравляем члена Объединения тульских композиторов Сергея Сенина и его соавторов: поэтов Людмилу Сенину, Владимира Сапожникова, Олега Пантюхина,

Якова Шафрана, Анатолия Кезина с публикацией нового музыкально-поэтического альбома «Зимушка»:

Зимушка: Музыкально-поэтический альбом. Стихи тульских поэтов. Композитор Сергей Сенин.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 40 с.

Для С. Сенина это второй альбом цикла «Тульские сезоны». Первый — «Тульская осень» — появился на свет в прошлом году. В него вошли произведения тульских авторов об осенней Туле.

Желаем всем авторам альбома дальнейших творческих успехов.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

22 февраля в Доме-музее В. В. Вересаева прошел творческий вечер поэта, прозаика, члена Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков МГО СПР Якова Шафрана. Мероприятие продолжило цикл вечерних мероприятий «Литературные Среды в Доме-музее В. В. Вересаева» (совместно с Министерством культуры Тульской области).

Поддержать автора пришли писатели Тульских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей, участники, члены литературных клубов города, читатели.

На мероприятии Я. Шафран рассказал о своей литературной деятельности — работе в редакции «Приокских зорь» и издании «Ковчега», рассказал о всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, о выпуске серийных книг «Приложение к журналу». Большой интерес у слушателей вызвали взгляды писателя на литературу и ее задачи в современном обществе, как то: несение читателям доброй красоты, умной доброты и истины, сострадания и милосердия; утверждение самоценности даже маленькой человеческой личности; показ необходимости и возможности преодоления сложных жизненных обстоятельств; гуманность критики; важность осознания прошлого для правильного формирования настоящего и будущего. Я. Шафран познакомил со своим прозаическим и поэтическим творчеством. Он прочитал рассказ «Волшебная флейта» и ряд стихотворений. Тульские музыканты исполнили песни на его стихи. Особенно понравились слушателям песни «Снежинка за снежинкой» и «Ностальгия» в исполнении молодой талантливой певицы Марии Сениной (автор музыки — композитор, аранжировщик, педагог и концертмейстер, ответственный секретарь РОО «Объединение тульских композиторов» Сергей Владимирович Сенин).

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2017
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редколлегии,— это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С признательностью — редколлегия журнала.

**К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: СССР — СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО**
(советский плакат 30—40-х годов прошлого века)

**К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: СССР — СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО**
(советский плакат 30—40-х годов прошлого века)

